

ЕЛЕНА РАЙДОС

БЕЗЫМЯННЫЙ

СОЗИДАЮЩИЙ БАШНЮ: КНИГА III

Елена Райдос
Безымянный. Созидающий
башню: книга III
Серия «Созидающий башню», книга 3

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70164571
SelfPub; 2023*

Аннотация

Есть ли на свете такая вещь, которая может убить настоящую любовь? Может быть, на это способно время? Как долго будет выживать любовь в твоём сердце, если её не питать ответными чувствами? Год, два, десять? А что если смерть любимого человека не оставила ни единого шанса на этот ответ? Как заглушить боль невозполнимой потери? Снова влюбиться или отгородиться от любви с помощью колдовских чар? В третьей книге серии «Созидающий башню» трём нашим героям предстоит на собственном опыте испытать свои чувства на живучесть и ответить на сакраментальный вопрос: есть ли способ убить любовь.

Содержание

Пролог	9
Глава 1	18
Глава 2	35
Реплика искателя	49
Глава 3	52
Глава 4	66
Глава 5	78
Реплика искателя	93
Глава 6	96
Глава 7	110
Глава 8	122
Реплика искателя	138
Глава 9	142
Глава 10	157
Глава 11	170
Реплика искателя	185
Глава 12	188
Глава 13	205
Глава 14	229
Реплика искателя	248
Глава 15	252
Глава 16	261
Глава 17	276

Реплика искателя	289
Глава 18	294
Глава 19	306
Глава 20	321
Реплика искателя	333
Глава 21	337
Глава 22	351
Глава 23	367
Реплика искателя	382
Глава 24	387
Глава 25	399
Глава 26	415
Реплика искателя	433
Глава 27	438
Глава 28	453
Глава 29	466
Реплика искателя	482
Эпилог	488

Елена Райдос

Безымянный. Созидающий башню: книга III

Повиснув на скале, отпусти – и согласишься принять опыт.

Юань У

Всё имеет свою цену. Принимая какое-либо решение, мы вроде бы представляем себе её величину и даже готовы платить. Но это лишь в рамках той реальности, в которой мы делаем свой выбор. Засада состоит в том, что каждый сделанный нами выбор меняет не только наше будущее, но и реальность в целом. Когда мы принимаем решение, мы ещё находимся как бы в «старой» реальности, а после того, как решение принято, мы словно перемещаемся в «новую», пока неизвестную нам реальность. Это чем-то напоминает шахматы, когда каждый ход меняет весь рисунок партии. Именно поэтому будущее не предопределено.

Разве не забавно, что проявляя свою волю, мы каждый раз осуществляем перемещение между альтернативными реальностями. Только не подумайте, что это какая-то метафора, именно так и работает наше сознание. Так что если вы когда-то мечтали стать путешественником между мирами, то ваша мечта уже осуществилась. Дело в том, что картинка реальности не является чем-то целым, на са-

мом деле она мозаичная. Подобно тому, как мозаика складывается из отдельных кусочков цветного стекла или камня, наша реальность состоит из отдельных ментальных концептов. Замените в мозаике парочку элементов, и вся картинка уже не будет прежней. С нашей реальностью всё обстоит точно так же.

Любое наше решение меняет набор концептов, из которых наш ум лепит нашу иллюзорную реальность. По идее, логика в купе с математикой должны позволить нам предсказать эффект от нашего решения, но только лишь в рамках почившей в бозе реальности, а вот сделать соответствующий прогноз для новорожденной реальности уже не в наших силах, просто потому, что мы не знаем, какой она будет. В каких-то случаях произведённые нашими решениями изменения могут быть почти незаметными, но некоторые из них способны изменить картину мира настолько кардинально, что от прежней останутся лишь ошмётки. Именно к таким сакраментальным решениям относится наше добровольное согласие напялить на себя скафандры физических тел.

Интересно, на что мы рассчитывали, когда сделали сей фатальный выбор? Может быть, мы думали, что всё останется как прежде, только у нас появятся новые возможности? По идее, мы не должны были ничего потерять, ведь наши тела просто расширили диапазон своего восприятия в область низкочастотных вибраций и всё. Никто же

не требовал от нас за это отдать какие-то имевшиеся в наличии способности. Напротив, речь шла исключительно о приобретении новых, причём даром. Вам подобный ход мыслей ничего не напоминает? Лично у меня перед глазами появляется чёткая картинка голодной мышки, с вожделением изучающей кусочек сыра в мышеловке.

В глазах наивной зверушки сырный ломтик вовсе не является приманкой, он – просто угощение, ниспосланное высшими силами её страждущему желудку. Только не подумайте, что это я так я ёрничаю по поводу тупых и жадных мышек, ведь именно в статусе угощения и пребывает наш кусочек сыра в «старой» реальности. К несчастью для нашей лакомки, сей умиротворяющей картинке суждено отдать концы ровно в тот момент, когда мышка примет ошибочное решение полакомиться. После этого дармовой пикник превратится в ловушку, а мышка вынужденно отправится в «лучший» мир. Её реальность изменится настолько кардинально, что останется только удивляться тому, как же какой-то жалкий кусочек сыра смог совершить сей катастрофический переворот.

И не нужно снисходительно усмехаться, мол, глупая мышка сама виновата, нечего было вестись на дармовую приманку. На самом деле в действиях мышки не было ничего глупого, ведь она принимала своё решение в логике «старой» реальности, где сыр был просто угощением. Откуда ей было знать, что в «новой» реальности, родившейся в резуль-

тате её выбора, не будет не только сыра, но и самой мышки? Просто ей не повезло. Увы, люди оказались ничуть не более везучими, чем наша бедная мышка. Со своим решением обзавестись мясными скафандрами мы тоже вытянули несчастливый билет в этой божественной лотерее.

Пролог

Вода в белой фарфоровой чаше покрылась рябью и потемнела, словно в неё капнули чернил. Молодая черноволосая женщина склонилась над чашей, с нетерпением вглядываясь в глубину. Вскоре поверхность воды успокоилась, и тогда стало видно, что на дне матово светится небольшой серебряный амулет в виде летящей птицы. Лучи света, идущие от амулета постепенно растопили тьму, и тогда лицо женщины отразилось в водной глади.

Она была красива, но не той слащавой прилизанной красотой, что так ценится у некоторых примитивных представителей условно сильного пола, это была красота хищной птицы. Правильные, но довольно резкие черты лица выдавали её принадлежность к горцам, испокон веков населявшим долины Бескайской гряды. Однако, в отличие от местных крестьянок, в лице женщины присутствовала та утончённость, что часто встречается у дам благородных сословий. Впрочем, она не принадлежала ни к тем ни к другим, эта женщина была потомственной ведьмой.

Отражение её лица заколыхалось в воде и обрело самостоятельность, теперь из глубины на ведьму смотрела её копия, только чуть более молодая. Глаза водяной девы наполнились печалью, и во всём её облике наблюдалась какая-то трагическая отрешённость. Наверное, так узник мог бы смотреть

на яркое весеннее солнце сквозь решётку тюрьмы. Ведьма неприязненно скривила губы и насмешливо хмыкнула. Похоже, кислый вид её магического двойника давно уже набил ей оскомину и воспринимался не иначе, как уловка капризного ребёнка, имеющая целью разжалобить взрослого и выцганить у него очередную игрушку.

– Ты, как водится, не в настроении, Тень, – ведьма лениво потянулась и откинулась на спинку стула. – Можем отложить разговор, мне не к спеху.

– Ты напрасно зовёшь меня Тенью, Нарьяна, – водяная дева обиженно надула губки, – я – твоя светлая сторона.

– Не начинай, – огрызнулась ведьма, – ты меня не разжалобишь своими стенаниями.

– Я давно уже оставила попытки тебя вразумить, – Тень горестно вздохнула и попыталась изобразить смущённую улыбку, но получилось у неё насквозь фальшиво, – просто должна тебя ещё раз предупредить, что ты совершила ошибку, проведя ритуал разделения.

– Заткнись! – Нарьяна в сердцах хлопнула ладонью по столу, на котором стояла чаша. – Тебе отлично известно, что без ритуала разделения я не смогла бы принять древнее знание. Мне уже осточертели твои предупреждения.

– Но ведь это моё предназначение, заботиться о твоей безопасности, Нарьяна, – поспешила оправдаться Тень. – Я не должна и не могу скрывать от тебя возможные угрозы твоему существованию.

– Если ты имеешь ввиду, что без твоей занудной персоны я сдохну от комплекса неполноценности, то расслабься, – ведьма глумливо расхохоталась, – я отлично себя чувствую отдельно от своей Тени.

– Нет, расстройство психики тебе не грозит, – изображение двойника на секунду заколебалось, но тут же снова стабилизировалось, – хотя в конечном счёте именно к этому ты и придёшь, но сейчас я говорю о другом.

– О чём же? – ведьма скептически поджала губы. – Ты видишь угрозу моей жизни, Тень? Тогда показывай.

Вода в чаше снова потемнела и сделалась мутной, как будто её не налили из родника, а зачерпнули из болотистой речки. Когда муть рассеялась, в чаше, как в экране монитора, появилась картинка. На фоне высоких дубов и каких-то замшелых постаментов проступила женская фигура. Вопреки предупреждению Тени, в облике незнакомки не наблюдалось ничего зловещего, впрочем, и безобидной милашкой эту даму назвать тоже было бы неправильно. Сразу было видно, что она способна за себя постоять, в ней чувствовалась внутренняя сила, и это при том, что внешне женщина выглядела довольно хрупкой.

И всё-таки дамочка, застывшая как живая статуя на фоне статуй из камня, была самая что ни на есть заурядная, ну не было в ней ничего особенного, как ни приглядывайся. Хотя нет, первое впечатление всё-таки оказалось обманчивым, и Нарьяна сразу это поняла, стоило ей заглянуть в

глаза незнакомке. Эти глаза с радужкой цвета отполированной стали притягивали взгляд и словно бы светились в сгущающихся сумерках. Из-за этого удивительного феномена взгляд женщины как будто проникал прямо в черепную коробку наблюдателя и завораживал не хуже иного заклятия. Правда, эффект несколько смазывало выражение какого-то прямо-таки беспросветного отчаяния, которое можно было без труда прочесть на её лице. Женщина в чаше явно была до крайней степени расстроена и даже не пыталась скрывать свои чувства.

Нарьяне эта нервная дамочка откровенно не понравилась, она вообще не доверяла женщинам, в лицах которых отражалось наличие интеллекта. По её мнению, только ведьмам полагалось быть умными, а прочие представительницы слабого пола могли претендовать исключительно на роль домашних клуш либо деревенских простушек. Показанная Тенью женщина явно не принадлежала ни к одному из вышеупомянутых женских архетипов, и потому её вид невольно вызвал у подозрительной ведьмы чувство тревоги. Недаром Тень почувала угрозу, от таких вроде бы обычных дамочек можно было ожидать всего, чего угодно.

– Она ведьма, – сделала поспешный вывод Нарьяна.

Изображение незнакомки исчезло, и на его месте снова появился магический двойник ведьмы.

– С чего ты это взяла? – Тень была откровенно озадачена заявлением своей хозяйки. – Я не чувствую в этой женщине

колдовской силы.

– А кто ещё, кроме ведьмы, способен мне навредить? – резонно заметила Нарьяна.

– Ты слишком самоуверенна и недалёковидна, – Тень ехидно хмыкнула. – Я даже готова поверить, что в ведовском искусстве у тебя нет конкурентов, по крайней мере, в доступном тебе окружении, но ведь ты к тому же ещё и женщина.

– Что ты хочешь этим сказать? – Нарьяна подозрительно сощурилась и приблизила лицо к водной глади, вглядываясь в лицо своего двойника.

– Твоя жизнь не ограничивается колдовскими делами, – подсказала Тень, – в жизни каждой женщины рано или поздно должен появиться мужчина. Ты не исключение, Нарьяна.

– Тоже мне проблема, – ведьма пренебрежительно фыркнула, – можно подумать, что я девственная весталка и ничего не смыслю в мужиках. Очнись, чучело, я перепробовала уже не один десяток. Кстати, большой разницы как-то не заметила.

– Я говорю не о сексе, а о настоящих чувствах, – Тень осуждающе покачала головой. – Сколько бы ты ни фыркала, но тебе не убежать от женской судьбы. Когда в твоей жизни появится тот единственный мужчина, которого ты сможешь полюбить...

– Так, я что-то не догоняю, – прервала свою магическую защитницу ведьма, – а причём тут эта тётка, которую ты мне показала? Она, что ли, уведёт моего мужика? Да на здоро-

вье, в наших горах полно красавцев, готовых ради меня буквально на всё.

– Да, эта женщина отнимет у тебя любимого мужчину, – подтвердила догадку своей хозяйки Тень, – и это станет для тебя настоящей трагедией, из-за этого ты захочешь себя убить.

– Ну это уже полная чушь, – Нарьяна глумливо расхохоталась, – эта баба старше меня на десять лет, ей со мной не тягаться. Похоже, ты опять взялась за своё, Тень. Думаешь, что я куплюсь на твои страшилки и соглашусь принять тебя обратно?

– Я смогла бы защитить тебя от боли, защитить нас обеих, – в голосе двойника прорезались панические нотки, похоже, её гораздо больше волновала собственная судьба, нежели благополучие ведьмы.

– Вот дурёха, нашла из-за чего переживать, – смягчилась Нарьяна. – Расслабься, я могу приворожить любого парня, который мне понравится. Зачем накладывать на себя руки?

– Любовь не зальёшь снадобьями и не загасишь заговорами, – Тень печально вздохнула, – с этим тебе не справиться.

– Во-первых, зальёшь и загасишь, – самоуверенно заявила Нарьяна, – не тебе учить меня моему ремеслу, глупая Тень. Во-вторых, если уж мне так приспичит охмурить какого-то парня, то никакая соперница мне не помешает. А коли станет путаться под ногами, то долго не проживёт.

– Мне так жалко тебя, Нарьяна, – вздохнула Тень. – Ко-

гда-нибудь ты поймёшь, что колдовством не одолеть любовь, но будет поздно. Я, конечно, постараюсь тебя защитить, это же моё предназначение, но что я смогу поделать, если ты отказываешься от моей помощи.

– Вот и не суй нос в мои дела, сосредоточься на своём предназначении,– огрызнулась ведьма, правда, без прежней страсти. – Так что это за парень, которого та тётка собирает у меня отбить?

– Вы пока с ним не встретились,– голос Тени прозвучал непривычно неуверенно, словно она сомневалась в своих словах. – Странно, я не могу его рассмотреть целиком, только отдельные детали, словно он отражается в мелких зеркальных осколках.

– Ну если я его не знаю, так и горевать не о чем,– отрезала Нарьяна. – Хотя, может быть, имеет смысл навестить эту твою дамочку, так сказать, в профилактических целях,– она задумчиво подняла глаза к потолку. – Что думаешь, защитница?

– Ты не сможешь причинить ей вред,– тут же всполошилась Тень,– по крайней мере, не сейчас. Она находится под такой защитой, что лучше тебе туда не соваться.

– Ого, да у нас сложилась патовая ситуация,– ведьма прищёлкнула языком,– история становится интересней с каждой минутой. Магическая защита, говоришь?

– Нет, всё гораздо хуже,– Тень перешла на заговорщицкий шёпот,– её охраняет бог.

Некоторое время Нарьяна недоумённо пялилась на своё отражение в чаше, а потом громко рассмеялась. Она хохотала как подорванная, а смущённая такой неадекватной реакцией Тень обиженно кусала губы, не понимая, как остановить этот приступ истерического смеха. Впрочем, вскоре ведьме надоело потешаться над непутёвой защитницей и она затихла, утирая выступившие слёзы.

– Всё-таки хорошо, что я от тебя избавилась, – заявила Нарьяна. – Даже не представляю, как бы я смогла заниматься своим ремеслом, если бы в моей голове болтался весь этот мусор. Ну и как мне относиться к твоим предупреждениям, Тень, когда ты пребываешь в таком неадеквате?

– А что я такого сказала? – изображение в чаше опять покрылось рябью, так что стало трудно определить, какие эмоции отразились на лице Тени, но голос её прозвучал неуверенно.

– Богов не существует, тупая ты курица, – неприязненно бросила ведьма.

– Ты ещё будешь просить прощения за курицу, – Тень злобно сверкнула глазами. – Если ты чего-то не знаешь, это ещё не значит, что этого не существует.

– Я знаю всё, – самоуверенно заявила Нарьяна, – и тебе придётся померить свою фантазию, если не хочешь, чтобы я тебя развоплотила за ненужностью.

На этом сеанс связи с потусторонними силами закончился. Ведьма выудила из чаши серебряный амулет и нацепила

его на цепочку, болтавшуюся у неё на шее. Судя по скепсису, что легко читался в её взгляде, Нарьяну не особо беспокоило предупреждение Тени, она была слишком уверена в своих силах, чтобы всерьёз думать об угрозе со стороны какой-то обыкновенной женщины.

Глава 1

Ладонь юноши судорожно сжала серебряный кругляшок, покрытый странными рунами. Мартин прикрыл глаза и на несколько секунд задержал дыхание, настраиваясь на эфирный след хозяина медальона. Вообще-то, задержка дыхания не входила в список обязательных ритуалов трансгрессии, на что своему ученику не раз указывал Атан-кей, но Мартин никак не мог отделаться от этой дурной привычки. В его сознании намертво засел паттерн действий, которые он проделывал, когда в самый первый раз спонтанно осуществил мгновенное перемещение. Мартину тогда было около трёх лет, и о том первом опыте он, естественно, не помнил, но до сих пор продолжал его воспроизводить как заезженная пластинка. В ученики к Атан-кею он попал уже в сознательном возрасте, к тому времени ошибка успела прорасти корнями в его мозгу, и учитель не стал тратить время на исправление этого, в сущности, незначительного недочёта. Так всё и осталось.

Впервые Мартин увидел этот серебряный медальон с рунами всего год назад, когда он неожиданно для себя самого выбил десятку в стрельбе по тарелочкам и так спешил поделиться своим успехом с мамой, что ворвался в её комнату, забыв постучаться. Помнится, его сразу озадачило, как мама смотрела на своё тайное сокровище, словно чего-то ждала от этих загадочных рун. А ещё Мартин заметил в глазах

мамы боль, но не острую, а застарелую, привычную, на которую уже перестаёшь обращать внимание, принимая её как данность.

При появлении сына Кира сразу спрятала медальон в шкатулку, которую хранила на тумбочке рядом с кроватью, и посмотрела на невежу со смесью осуждения и смущения. В тот момент Мартин не осмелился приставать к матери с расспросами, поскольку был слишком перевозбуждён своими неожиданными успехами в стрельбе, однако спустя пару недель его любопытство достигло такого накала, что заинтригованный подросток не выдержал.

– Мамуль, а что это за медальон у тебя в шкатулке? – Мартин состроил умильную физиономию, которая, казалось, могла растрогать даже мраморную статую. Однако Кира, которая всегда вела себя с сыном подчёркнуто спокойно и доброжелательно, на этот раз проявила неожиданную и оттого обидную агрессивность.

– Это не твоё дело, – грубо отшила она сына, – не нужно считать, что если ты учишься у Творца, то тебе разрешено совать свой любопытный нос в дела взрослых.

– А можно я его поношу? – отповедь нисколько не охладила исследовательский пыл юноши. – Это украшение слишком простенькое для женщины, а мне будет в самый раз.

– Это не украшение, – отрезала Кира, – такой медальон нужно сначала заслужить.

– А как? – любопытство Мартина уже достигло той ста-

дии, когда тормоза перестали работать.

– Спроси у своего наставника,– Кира уже успокоилась, и её голос сделался привычно отстранённым,– Джарет про такие медальоны всё знает.

В ту ночь Мартин долго не мог заснуть, размышляя о тайне, которую скрывала от него мама. Медальон явно ей не принадлежал, по крайней мере, сын никогда не видел, чтобы она его надевала. Этот простенький серебряный диск бесспорно имел для матери большое значение, и она точно знала его прежнего владельца, но отчего-то не хотела про него рассказывать. То, что владельцем медальона был мужчина, тоже не вызывало у Мартина сомнений, зато вызвало целую кучу вопросов. Мама всегда была одинока, и ни о каких мужчинах в её прошлой жизни сын ничего не слышал.

Правда, у Мартина имелся отчим, но идею о том, что этот медальон мог быть связан с ним, юный детектив отмёл практически сходу. Дело в том, что Кира откровенно ненавидела приёмного отца своего сына и всячески старалась избежать общения с этим мужчиной, что, впрочем, было несложно, поскольку Мартина в раннем детстве усыновил ни кто иной, как сам Магистр. Об усыновлении в Ордене знала каждая собака, и от мальчика эту информацию тоже не скрывали, но отчего-то естественное любопытство Мартина относительно собственного происхождения всегда наталкивалось на стену молчания взрослых. Тут явно имелась какая-то тайна, от которой Кира всеми силами старалась оградить своего сына.

– Может быть, она так рассердилась, потому что медальон является ключом к тайне моего происхождения? – пришла в голову измученного бессонницей юноши многообещающая идея. – А вдруг этот медальон когда-то принадлежал моему родному отцу?

Версия была перспективная и вдобавок открывающая такой простор для фантазии, что у Мартина буквально голова пошла кругом. Он тут же принялся строить гипотезы, которые вскоре стали представляться ему неоспоримой истиной. Ближе к утру у юного детектива уже не оставалось сомнений в том, что мама скрывает от него страшную тайну о его родном отце. Судя по той страсти, что прорвалась сквозь привычную маску спокойствия и рассудительности, буквально приросшую к маминому лицу, этот мужчина точно был ей не безразличен. Вот только вряд ли её связывали с ним приятные воспоминания, об этом ясно говорила боль, застывшая в её глазах. Что же между ними произошло, коли мама не желала даже упоминать имени биологического отца своего ребёнка?

Все эти тайны настолько возбудили воображение любопытного подростка, что заснуть ему удалось только с рассветом. Увы, в свете дня ситуация яснее не стала, и единственное, чего Мартин добился своим ночным бдением, была полученная на следующее утро выволочка за невнимательность и отсутствие прилежания от его учителя Атан-кея. Впрочем, юноша и не думал унывать, ведь у него оставался

в запасе ещё один источник информации, а именно его наставник по боевым искусствам Джарет, который преподавал своему ученику навыки рукопашного боя и умения владеть оружием.

Не то чтобы эти навыки так уж сильно требовалось будущему Творцу реальности, каковым не без оснований считал себя Мартин, однако Магистр был твёрдо уверен, что лишних знаний не бывает, а потому занятия боевыми искусствами были включены в обязательную программу обучения его приёмного сына. Наверное, Мартину следовало гордиться тем, что ему в наставники отчим отрядил собственного телохранителя, но он воспринимал занятия с Джаретом как наказание, поскольку этот бугай с вечно недовольной и даже мрачной физиономией явно не испытывал никакого восторга от поручения своего босса. Зато к маме Мартина телохранитель питал самые тёплые чувства и был частым гостем в покоях Киры, причём далеко не всегда исключительно по служебной надобности.

Хотя статус слуги ненавистного Магистра вроде бы автоматически должен был сделать Джарета в глазах Киры врагом, та никогда не выказывала раздражения в связи с его визитами, напротив, она их вроде бы даже ждала. Мартину так и не удалось разобраться в природе отношений мамы и своего наставника. С одной стороны, эти двое проводили вместе почти всё своё свободное время, но при этом любопытному юноше ни разу не удалось застукать их на горячем. Общение

этой странной парочки не выходило за рамки дружеских бесед, и об интимах даже речи не шло.

Поначалу появление в своём окружении взрослого мужчины Мартин воспринял с восторгом. Мальчишкам ведь требуется эдакий эталон мужественности, чтобы было с кого брать пример. Магистр Ордена никак не мог служить подобным примером, но не потому, что не был достоин уважения, просто доступ к нему был настолько сильно ограничен, что каждый визит в его кабинет Мартин воспринимал как знаковое событие, типа испытания или экзамена. Джарет вроде бы был лишён этого недостатка, он всегда был рядом, но от этого почему-то не становился ближе. Телохраниль жёстко сохранял дистанцию между собой и приёмным сыном своего босса и, разумеется, даже не пытался занять пустующее место его отца. Как Мартин ни старался сблизиться со своим наставником, но так и остался для него просто заданием, причём заданием довольно обременительным.

Откровенный разговор с рекомендованным источником информации произошёл в тот же вечер после урока фехтования. К счастью, Мартину удалось урвать пару часов сна после выволочки, полученной от Атан-кея, и на занятия к Джарету он явился уже свеженьким, как зелёный огурчик. Впрочем, своего наставника ему так и не удалось впечатлить, успехи недоученного Творца в боевых искусствах были менее, чем скромные.

– Завтра урока не будет, – объявил Джарет, забирая ору-

жие у своего ученика,— у меня запланированы другие дела.

— Какие дела? — Мартин тут же наострил ушки. — Отец опять посылает тебя в другую реальность? Можно я с тобой?

То, что обучение малолетки было для Джарета всего лишь дополнительной нагрузкой к его основным обязанностям, Мартину было хорошо известно. Собственно, его наставник никогда и не скрывал, что относится к этому заданию с прохладцей, ему было откровенно скучно возиться с неумехой. Помимо наставничества, отцовский телохранитель постоянно выполнял какие-то таинственные и, видимо, опасные поручения своего начальника, большинство из которых имели отношение к какой-то соседней реальности. Мартину до зуда в пятой точке хотелось посмотреть на настоящую работу Джарета, но тот наотрез отказывался взять его с собой. Вот и сейчас парня ждал вполне предсказуемый отлуп.

— Рано тебе пока по другим реальностям шастать,— отбрил его наставник, но тут же улыбнулся и потрепал ученика по щеке, видя, как тот расстроился из-за его резкости. — Да ты не обижайся, малец, там не будет ничего интересного,— небрежно добавил он,— просто подстрахую загонщиков. Сам знаешь, справиться с бессмертным, даже бывшим — это та ещё задачка.

Мартин, разумеется, слышал про бессмертных, хотя ни одного из этих супер бойцов ему живую встретить не довелось. Отчего-то все они куда-то сгинули, когда он был ещё сопливым малышом. Но о бессмертных обычно говорили с

уважением, даже с восхищением, а потому было совершенно неясно, кому могло прийти в голову избавляться от одного из них.

– Не заморачивай себе голову взрослыми делами, Марти, – наткнувшись на ошарашенный взгляд своего подопечного, Джарет всё же счёл необходимым объясниться, – бессмертные в той реальности совсем другие, не такие, как у нас. Орден там распался, и эти парни слетели с катушек. Вот мы и зачищаем территорию от предателей.

– Странно, – Мартин задумчиво нахмурился, пытаясь переварить откровения своего наставника, – а мне отец рассказывал, что бессмертные не могут предать чисто физически, у них какие-то установки в мозгу прописаны.

В общем-то, он не сказал ничего секретного или обидного, об этой особенности элитных орденских боевиков было известно буквально всем братьям Ордена, но Джарет отчего-то прореагировал довольно эмоционально.

– Нет у тамошних бессмертных никаких установок, – процедил он сквозь зубы, – кто-то их заблокировал. Но ты прав, они не предатели, – Джарет горько усмехнулся. – Кого там предавать, если Ордена уже нет? Будь моя воля, я бы вообще оставил этих парней в покое, и так они полжизни провели с удавкой на шее. В конце концов, бессмертные тоже люди.

– Не с удавкой, а в наморднике, – запальчиво возразил Мартин. – Волкодав не должен свободно гулять среди овец. Разумеется, это были вовсе не его мысли, сию напыщен-

ную фразу юноша подслушал у Магистра, но выдал её как собственное умозаключение. Как ни странно, его нахальное выступление на этот раз не вызвало у Джарета естественного возмущения, пару секунд тот с любопытством рассматривал зававшего пацана, а потом весело расхохотался.

– Что ж ты на себя не наденешь намордник? – ехидно поинтересовался он.

– Какое отношения я имею к бессмертным? – опешил Мартин.

– Разве ты не видел у своей мамы медальон бессмертного? – Джарет построил невинную физиономию. – Ой, бабюшки, неужели тебе никогда не приходило в голову, почему мать может прятать от сына такую знаковую вещьцу?

– Потому что мой отец бессмертный, – прошептал ошарашенный Мартин.

– Был бессмертным, – бесстрастно поправил его Джарет. – Твоего отца уже нет в живых, иначе он бы ни за что не растался со своим медальоном.

Мартин охнул и отвернулся, чтобы скрыть своё замешательство, а заодно и слёзы, так некстати подкатившие к глазам. Тайна его происхождения, будоражившая воображение мальчика буквально с той минуты, когда он впервые осознал неполноценность своей семьи, внезапно растаяла как утренний туман, обнажив суровую правду. Его отцом был бессмертный, погибший, когда его сын был слишком мал, чтобы запомнить папу. Теперь стало понятно, почему мама

с такой болью смотрела на медальон своего погибшего мужа, наверное, она до сих пор по нему тоскует. Скорей всего, тот бессмертный погиб, совершая настоящий подвиг, иначе невозможно было объяснить усыновление его сына аж самим Магистром. Но тогда почему все это скрывают, как будто в этом есть что-то постыдное?

– Ты знал моего отца? – голос Мартина невольно дрогнул, выдавая его волнение.

– Не уверен, – Джарет безразлично пожал плечами, – раньше бессмертных было много, это сейчас остались единицы.

Несмотря на показное равнодушие, Мартин сразу учуял, что его наставник что-то скрывает. Похоже, он всё-таки знал его отца или слышал о нём что-то такое, чем не желал делиться. Возможно, они даже были врагами или соперниками.

– Что ж, тогда понятно, почему Джарет не испытывает радости от своего наставничества, – сделал поспешное умозаключение Мартин. – Обучать сына своего врага – это всё равно, как натаскивать потенциального мстителя.

Впрочем, столь далеко идущие выводы очень сильно напоминали детские страшилки. С гораздо большей вероятностью раздражение отцовского телохранителя объяснялось тем, что роль няньки при малолетнем наследнике представлялась ему унижительной. Будучи здравомыслящим юношей, Мартин решил пока воздержаться от сочинения необоснованных домыслов, однако всё же не смог не посетовать на свою тяжкую долю. Насколько ему было бы проще, если бы

Магистр отправил своего приёмного сына обучаться боевым искусствам вместе с остальными детьми погибших бессмертных. Тогда у него хотя бы была компания, да и вечно недовольная физиономия наставника не маячила бы каждый день перед глазами.

– Джарет, а где учат детей погибших бессмертных? – закинул удочку любопытный пацан.

Вопрос явно поставил его наставника в тупик, тот даже не сразу нашёлся, что ответить. Пауза длилась так долго, что Мартин уже решил, что Джарет его отошьёт, как обычно поступала в таких случаях мама, но тот, похоже, сжалился над своим учеником, которого все эти тайны буквально сводили с ума.

– Давай присядем, – предложил он мягко, словно разговаривал с тяжело больным. – Видишь ли, Марти, нет никаких других детей бессмертных, – в голосе Джарета были отчётливо слышны сочувственные нотки, от которых у мальчика мурашки побежали по позвоночнику. – То есть, дети, конечно, есть, только их отцам о них ничего не известно. Кодекс бессмертных запрещает им вступать в длительные связи с женщинами, жениться и заводить семью. В этом есть определённая логика. Ты же понимаешь, было бы нечестно обременять жизнь женщины и ребёнка связью со смертником.

– Значит, мой отец нарушил кодекс? – у Мартина от обиды задрожали губы. Только что он считал своего отца героем, а тот оказался просто отступником. Теперь стало понят-

но, почему мама не желала рассказывать ему об отце. – Его казнили? – едва слышно пролепетал он.

– Ты себя не накручивай, – Джарет ласково погладил расстроенного сироту по спине, – это не твоя вина. И отца своего не осуждай, наверное, он очень любил твою маму. Лучше поблагодари Магистра за то, что он пощадил её и тебя. По закону казнить должны были всю семью отступника, а Ксантипа, вместо этого, усыновил его сына и приютил жену. Вы с Кирой сейчас живы только потому, что он не позволяет братству привести в исполнение давно вынесенный приговор.

Вот это уже был настоящий шок, и у Мартина от ужаса потемнело в глазах. Знать, что твоя жизнь висит на волоске и зависит не то от благородства, не то от прихоти одного единственного человека, пусть даже сильного и мудрого, было очень неудобно. Однако, когда первая растерянность прошла, настроение приговорённого резко изменилось, в его душе вспыхнуло чувство протеста против такой несправедливости, а ещё острое желание защитить себя и маму. Даже обида на отца куда-то улетучилась, уступив место злости.

– Почему Магистр нас пощадил? – процедил Мартин сквозь зубы. – Он же не любит мою маму, да и ко мне равнодушен. Ты должен это знать, Джарет. Скажи.

– Не ищи секретов там, где их нет, – телохранитель уже явно пожалел о своей откровенности, да было поздно, парень закусил удила, и нужно было срочно исправлять положение, – ты очень дорог Магистру, малец, он о тебе заботит-

ся, как о родном сыне.

– Это ты обо мне заботишься,– возразил Мартин,– а его я вижу едва ли раз в месяц. Ему от меня что-то нужно?

Что ж, парнишке никак нельзя было отказать в проницательности, недаром он учился у Творца реальности, эмпатия и интуиция у него работали отлично. Джарет сразу понял, что врать и юлить бесполезно, только ещё больше раздразишь любопытство этого борца за правду, лучше сразу вправить ему мозги.

– Даже не думай тут бунтовать,– пригрозил телохранитель,– если Магистр только почувет в тебе опасность, то свернёт шею, как глупому курёнку, и не посмотрит на весь твой магический потенциал, а потом расправится и с твоей матерью. Ты меня понял, Марти?

– А что же мне делать? – будущий Творец как-то сразу сник, его голос сделался жалобным, просительным.

– Учись держать свои эмоции под контролем,– отрезал Джарет и оставил своего непутёвого ученика обтекать после эдакой воспитательной отповеди.

Увы, в вопросах воспитания юных магов телохранитель разбирался явно не лучше, чем свинья в апельсинах. Угроза жизни подействовала на Мартина вовсе не отрезвляюще, а скорее, как шпоры на резвую лошадку. Да, теперь он понял, почему взрослые скрывали от него правду об отце. С мамой всё понятно, она просто пыталась защитить своего ребёнка от расправы, а мотивы Магистра пока оставались неясными.

Впрочем, странно было бы ожидать от убийцы, что он станет хвастаться своими подвигами перед сыном погибшего от его рук человека.

Долго жевать сопли и стенать о прошлом было не в характере Мартина, тем более, когда от его хладнокровия и изобретательности зависела жизнь мамы, нужно было отбросить эмоции и искать способ защиты от Ордена и его Магистра. Занятия с Атан-кеем научили Мартина, что рассчитывать нужно только на себя, поэтому юному магу даже в голову не пришло, что можно просто подчиниться и сделаться преданным слугой братства в надежде, что, пока он будет полезен, Магистр не позволит своим подчинённым разделаться с приёмным сыном и его матерью. Напротив, Мартин начал ощущать себя эдаким рейнджером во вражеском лагере, выполняющим миссию по освобождению из плена заложников.

Как ни странно, первым пунктом в его плане освобождения оказался не подкоп под крепостной стеной и даже не запас оружия, а визит на могилу отца. Наверное, поначалу Мартин задался этой целью исключительно из чувства противоречия и назло всем тем, кто скрывал от него правду, но позже пришло понимание, что ему действительно хочется понять, каким был этот человек. Как же он должен был любить свою жену, чтобы ради неё нарушить присягу? Конечно, могила не могла много рассказать о казнённом бессмертном, но что-то всё же можно было узнать, ведь эфирное тело трупа растворяется довольно долго, если, конечно, его не

кремировали.

Мартин довольно неплохо умел работать с эфирными телами, правда, пока только неживых объектов, но надеялся, что на могиле отца сможет почувствовать его ауру. Техника трансгрессии по эфирному следу тоже была им освоена и не представляла ничего сложного, да и медальон бессмертного был прямо-таки идеальным объектом для отслеживания эфирного следа, поскольку имел со своим бывшим владельцем очень прочную энергетическую связь. В общем, никаких непреодолимых препятствий для посещения могилы отца Мартин не обнаружил, а потому сразу же взялся за осуществление своего плана.

Выудить медальон из маминой шкатулки оказалось даже проще, чем он ожидал. Улучив момент, когда мама отвлеклась беседой с Джаретом, хитрый воришка проник в её спальню и уволок свою добычу. Той же ночью Мартин запер дверь своей спальни и задёрнул шторы на окнах, чтобы его не смог заметить случайный наблюдатель. На этом приготовления к задуманному путешествию можно было считать завершёнными, но тут выяснилось, что наработанное годами практики самообладание путешественника дало сбой. Медальон, зажатый в его потном кулаке, сделался отчего-то горячим, словно серебро накалили на огне. Хотя в комнате было совершенно темно, Мартину начало мерещиться, что медальон светится сквозь его кисть.

Это, конечно, было просто иллюзией, но горе-экспери-

ментатор разглядел в мертвенном свечении медальона зловещее предзнаменование. Нет, за свою безопасность он не опасался, будущий Творец уже довольно хорошо владел техникой выхода из физического тела и собирался совершить своё стрёмное путешествие в теле эфирном, а потому смерть ему не грозила, страшило его кое-что иное. Мартин ведь понятия не имел, как хоронили в Ордене казнённых преступников, но вполне резонно было бы предположить, что с их телами особо не церемонились.

А что если вместо аккуратного холмика, медальон приведёт его к полуразложившимся останкам, а то и вообще в какую-нибудь вонючую яму? Может быть, лучше не рисковать и продолжать жить в неведении? Да и что сын казнённого станет делать с такой правдой? Что ж, определённая логика в этих рассуждениях, разумеется, имелась, но то была логика труса, и Мартина она никак не устраивала. Поэтому, сжав медальон в ладони так, что костяшки пальцев побелели, отчаянный экспериментатор зажмурился и рванул вперёд по эфирному следу бессмертного.

Темнота зашторенной комнаты сменилась неярким мерцающим светом, который мог исходить, например, от живого огня, и Мартин осознал, что перемещение успешно осуществилось. Помедлив ещё пару секунд, чтобы набраться решимости и мужественно встретить реальность, какой бы она ни была, он открыл глаза. К счастью, реальность оказалась не столь мрачной, как опасался нервный юноша, скорее, она бы-

ла шокирующей. Эфирный след медальона привёл Мартина в чашу леса, где у скромного костерка, завернувшись в старенькое истрёпанное одеяло, спал вполне себе живой и даже здоровый мужик лет сорока с хвостиком. Давно небритая физиономия спящего излучала полнейшую безмятежность, а на его губах играла мечтательная улыбка.

Глава 2

Запах гари Вард уловил ещё до того, как увидел долину ведьмы и услышал звуки выстрелов. Похоже, предсказания Нарьяны начали сбываться, недаром она отказалась брать деньги за свои услуги, заявив, что клиенту придётся расплатиться с ней иным образом. Судя по всему, предполагаемой платой станет спасение ведьмы от разбойников. Что ж, такой расклад Варда вполне устраивал, защищать людей от расплодившихся в последнее время грабителей ему было не в первой.

Правда, пока оставалось неясным, каким уродам могла прийти в голову мысль грабить одинокую пожилую женщину, живущую на то, что приносили ей жители соседнего посёлка за её сомнительные визионерские услуги. Более логичным представлялось нападение на сам посёлок, раскинувшийся в долине ниже по ущелью. Однако там царили мир и покой, в чём Вард имел возможность убедиться лично, когда миновал это небольшое поселение всего час назад. Может быть, Нарьяна отказалась прорицать для разбойничьего атamana или предсказала ему что-то обидное, а то и фатальное? Всё, конечно, возможно, хотя Варду ведьма вовсе не показала такой уж разборчивой или принципиальной, могла и соврать для пользы дела.

Впрочем, сей аспект развернувшейся в долине баталии

был, скорее, умозрительным, гораздо актуальней стоял вопрос с раскладом сил, поскольку оставалось совершенно неясным, а кто, собственно, отстреливался от разбойников. Если допустить, что ведьма действительно могла видеть будущее, то вполне резонно было бы предположить, что этим защитником престарелых дам должен был оказаться именно Вард, но он пока не добрался до боевых позиций и стрелять никак не мог. Мысль о том, что Нарьяна сподобилась сама взять в руки оружие, напроочь отказывалась удерживаться в голове Варда дольше пары секунд, как только он вспоминал её скрюченные тощие пальчики и высохшее подобно мумии тело. Но даже при таком невероятном раскладе бандюки вряд ли позволили бы этой немощной тётке сделать больше одного выстрела, а, судя по доносившимся звукам, у домика ведьмы шёл полноценный бой.

Впрочем, гадать было бессмысленно, нужно было спешить на подмогу. В конце концов, долго оставаться в должниках Вард не привык, тем более, когда кредитором являлась ведьма. На тот случай, если бы разбойникам взбрело в голову расставить посты, он свернул с тропы и, мысленно чертыхаясь, начал пробираться по густому подлеску, росшему на склоне горы. Преодолев колючие заросли, Вард наконец добрался до поворота ущелья, откуда открывался вид на ведьмину долину, да так и застыл с открытым от удивления ртом. Оказывается, банальный разбойничий налёт обернулся для жилища Нарьяны настоящей катастрофой.

На месте роскошных дубов, чьи кроны раньше накрывали дом ведьмы практически непроницаемым зелёным зонтиком, теперь торчали лишь их обугленные скелеты. От ухоженного газона, устилавшего изумрудным ковром всё пространство дубовой рощи, не осталось ни клочка, теперь там дымилась голая земля, засыпанная пеплом. Сам дом выглядел почти нетронутым этим апокалиптическим безумием, разве что ставни и дверь покрылись копотью, да на крыше тлела дранка. Похоже, ведьма умела не только предсказывать будущее, но и защищать своё имущество, по крайней мере, недвижимость.

Ещё в прошлый свой визит Вард поразился тому, как такие могучие дубы умудрились вырасти на высоте, где остальные деревья могли лишь стелиться по склонам гор, скручивая свои стволы наподобие змей, чтобы удержаться корнями за каменистую почву. Величественная дубовая роща сразу навела его на мысль, что без колдовства тут не обошлось. Впрочем, столь откровенная демонстрация могущества ведьмы вызвала у Варда вовсе не настороженность, а откровенную радость. К тому времени он уже успел вдоволь помыкаться по всяческим лекарям, колдунам и провидцам в попытках вернуть свою память, но только убедился в том, что вся эта публика была абсолютно бессильна ему помочь. В сравнении с дешёвыми рекламными фокусами сих представителей оккультных наук, колдовские дубы выглядели внушительно и многообещающе.

Раньше с того места, где остановился Вард, дома Нарьяны вообще не было видно, поскольку непроницаемые для солнечных лучей кроны надёжно укрывали его от досужих взглядов. Даже странно, что при таком мощном камуфляже это строение и близко не было похоже на жилище служительницы тёмных сил. Дом хоть и был довольно старым, но выглядел прочным и ухоженным, по крайней мере, раньше, до пожара. Он был сложен из местного камня, видимо, использовать волшебные дубы в качестве строительного материала ведьме было не с руки. И её резоны были понятны, наверное, даже конченому скептику уничтожение этих могучих красавцев показалось бы кощунством.

Хотя парочку дубов Нарьяна всё же пустила в расход, о чём свидетельствовали прочные дубовые ставни и дверь, укреплённая вдобавок металлическими пластинами. Полы в доме и практически вся мебель, кстати, тоже были дубовыми, что придавало интерьеру неповторимый шарм эдакой непритязательной деревенской обстановки. Впрочем, Варда сей примитивный трюк ничуть не обманул. Едва переступив порог ведьмино дома, он сразу почувствовал наигранность созданного Нарьяной антуража, который был предназначен исключительно для того, чтобы клиент расслабился и почувствовал свою защищённость.

Хозяйка дома, вернее, её сценический образ как будто тоже являлся частью этих немудрёных декораций. Ведьма была такой худющей, что одежда висела на ней мешком, а ки-

сти рук напоминали высохшие птичьи лапки. Голову Нарьяны украшала пышная копна абсолютно белых волос, как бы подчёркивая опытность и мудрость заслуживающей всяческого уважения провидицы. Вот только седина отчего-то совершенно её не старила, да и лицо с пухлыми алыми губками, иссиня-чёрными бровями и ярким румянцем на пышных щёчках никак не вписывалось в представление нормального человека о старости и дряхлости. Зато этот откровенный оксюморон великолепно создавал эдакий ореол таинственности.

Впрочем, разыгранный ведьмой спектакль мгновенно перестал веселить или раздражать привередливого зрителя, как только Вард встретился с ней взглядом. Глаза ведьмы притянули его словно магнитом, они были чёрные и бездонные как дыра в пространстве, через которую, наверное, можно было запросто провалиться в ничто, если смотреть Нарьяне в глаза слишком долго.

– Я тебя ждала, – с порога заявила ведьма, зыркнув на гостя своими чёрными глазищами, – сядь сюда, дай на тебя посмотреть.

Вард пробормотал какое-то приветствие и послушно протиснулся между тёплой печкой, украшенной синими изразцами, и столом, на котором стояла фарфоровая чаша с водой, видимо, для гадания. Усевшись на предложенный стул, он с ходу начал излагать цель своего визита. Впрочем, дальше первой вступительной фразы дело не продвинулось, ведь

ма нетерпеливо махнула на него рукой, заставляя замолчать.

– Знаю я про твою печаль, – проворчала она, – да вот только помочь не смогу. Твоя душа не цельная, мне эти мелкие осколки не склеить.

Заявление ведьмы было весьма неординарным, и хорошо изучивший конъюнктуру колдовских услуг Вард должен был признать, что с подобной тактикой работы с клиентом он столкнулся впервые. Все его предыдущие встречи с этой оккультной публикой начинались с заверений, что для настоящего мага вернуть память человеку не сложнее, чем помочь. Нарьяна хотя бы не стала морочить ему голову, сразу призналась в собственном бессилии и оттого вызвала у Варда невольное уважение. Вот только проблему это никак не решало.

– Жаль, – он разочарованно вздохнул и поднялся, – ты мне показалась настоящей.

– А ну-ка сядь на место, – в голосе ведьмы была такая сила, что Варду даже в голову не пришло артачиться, он послушно опустил на стул и демонстративно сложил руки на коленях, как послушный мальчик. – Я не сказала, что не смогу помочь, – ведьме явно пришлось по душе поведение клиента, и она поощрительно улыбнулась, – ты вернёшь себя, но позже, сейчас для этого время пока не пришло.

– Может быть, в таком случае ты знаешь, что со мной произошло? – попытался зайти с другого боку Вард. – Что значат твои слова? Кто-то специально расколол мою душу?

Некоторое время Нарьяна в упор разглядывала своего клиента с каким-то не то удивлением, не то вожелением, как будто Вард был экзотическим, ранее не встречавшимся ей кушаньем, и ведьма раздумывала, стоит ли пробовать эту диковинку или лучше поостеречься. Наконец она отрешённо кивнула, и её глаза словно заволокло туманной дымкой, взгляд сделался отсутствующим, неживым.

– Не хотела я с тобой встречаться, да видать, судьба, – медленно, как бы нехотя произнесла Нарьяна. – Вижу, что утра та воспоминаний тебя изводит, но лишает тебя душевного покоя что-то другое. Ладно, рассказывай, что ты сам про это знаешь, только не придумывай, говори как есть.

Больше всего Варду в тот момент захотелось сорваться с места и выскочить из этого странного дома. Наверное, впервые с момента выхода из комы он испытал такой неконтролируемый приступ паники. Вроде бы ведьма не сказала ничего определённого, но Варду вдруг показалось, что он завис на самом краю бездонной пропасти, и каждое его слово может стать тем камешком, который, выскользнув из-под ноги, лишит его опоры. Наваждение было очень ярким, но, к счастью, продлилось считанные секунды.

– Меня заживо похоронили в склепе, – отчего-то признание далось Варду с трудом. – Думаю, тот, кто это сделал, и лишил меня памяти.

– Не возводи на людей напраслину, – Нарьяна возмущённо хлопнула ладошкой по столу, отчего комнату заполнил низ-

кий противный гул,— ты сам это с собой сотворил.

— Но зачем?! — камешек всё-таки выскользнул, и нога Варда провалилась в пустоту. На самом деле он давно начал догадываться о причинах своей амнезии, только не решался облечь свои догадки в слова. Что ж, похоже, время пришло. — Я совершил что-то ужасное и захотел обо всём забыть,— едва слышно произнёс он. — Могло такое быть?

— Могло, но не было,— уверенно заявила Нарьяна,— это была просто ошибка, а вовсе не злой умысел. Перестань себя бояться, парень, ты вовсе не злодей, хотя людской кровушки на твоих руках и немало. Так ведь на то и существуют воины, чтобы проливать кровь.

— Я был воином в прежней жизни? — от слов ведьмы Варду сразу сделалось так легко и спокойно, словно она объявила его ангелом, а не убийцей, ему даже захотелось слегка похвастаться. — Наверное, ты права, у меня откуда-то имеются очень странные навыки, например, я могу видеть в темноте, а ещё владею практически любым оружием и двигаюсь так быстро, что обычный человек не в состоянии уследить за моими движениями. — Вард видел, что ведьме его откровения неинтересны, но его уже понесло, наконец-то появилась возможность хоть с кем-то поделиться. — Все эти способности словно бы спят во мне и просыпаются, только когда в них возникает нужда. Оказывается, мне нет необходимости волноваться о своей безопасности во время сна, я просыпаюсь от любого неправильного шума и даже от изменения эмоци-

онального фона вокруг. Кстати, при определённых обстоятельствах я могу улавливать чужие эмоции. Вот, например, ты сейчас чем-то расстроена. Это из-за меня?

– Мои дела тебя не касаются,– отбрила настырного клиента Нарьяна, но тут же смягчилась. – Ничего странного в твоих способностях нет, видимо, ты обладал ими в прежней жизни. Сейчас ты себя не помнишь, но твоё тело помнит то, что было раньше. Воин всегда остаётся воином, утрата памяти тут ничего не изменит.

– Благодарю, для меня это важно,– Вард вполне искренне улыбнулся сварливой уродливой тётке. Узнать, что он не был в прошлом каким-то кошмарным монстром, стало для него большим облегчением.

– Хватит со мной играть,– голос ведьмы сделался скрипучим, как колодезное колесо, а в глазах засветился зловещий огонёк,– либо говори, чего тебе действительно от меня нужно, либо проваливай.

От такого наезда Вард слегка опешил, однако должен был признать, что в требовании ведьмы был резон. Да, потеря памяти была не главной причиной его визита, имелся и другой, более сакраментальный вопрос. Вот только задать свой вопрос Вард никак не решался, и причина тут была проста, как валенок, ему страшно было услышать ответ. Раньше ни один из колдунов и магов, чьей помощи он искал, не видел эту его скрытую боль, и Вард избегал по собственной инициативе озвучивать то, что его действительно волновало, а

вот Нарьяна сразу всё просекла.

– Я потерял память не полностью,– наконец решился нервный клиент,– время от времени какие-то картинки всплывают. Иногда это случается наяву, но чаще всего во сне. Это совсем не помогает, потому что я не вижу полной картины. Словно зеркало разбилось на мелкие осколки, и в каждом таком кусочке всё ещё отражается маленький фрагмент меня,– при этих словах Нарьяна заметно вздрогнула, и её румяные щёчки покрылись мертвенной бледностью. Впрочем, Вард не обратил внимания на эту странную метаморфозу, он был настолько взволнован и погружён в свои переживания, что окружающее слилось для него в один сплошной фон. – Но есть одно воспоминание,– Вард на секунду замялся,– оно очень яркое, настоящее.

– Рассказывай,– подбодрила его ведьма, вот только в её собственном голосе никакой бодрости не ощущалось, он прозвучал словно издалека, как-то устало, отрешённо.

– Я видел ангела,– Вард смущённо улыбнулся,– или это была живая женщина, не знаю. Она стояла в солнечных лучах, и лучи просвечивали насквозь, словно её тело было сделано из воздуха. Я не помню даже, была ли она красивой или уродливой, потому что не мог отвести взгляда от её глаз. Как будто два огонька в кромешной тьме,– он замолчал и его улыбка сделалась печальной. – А потом она исчезла, просто растаяла в потоке света.

В наступившей тишине стало слышно, как шумит ветер в

кронах дубов за окном, да тихо тикают часы где-то за стеной. Нарьяна сидела молча, тупо уставившись в чашу с водой и теребя серебряный кулончик, который болтался на её тощей шее. Вся фигура ведьмы как-то скукожилась, словно она усохла до состояния настоящей мумии.

– Это действительно было, – едва слышно спросил Вард, – или просто глюк после комы?

– Так вот что тебя изводит, – Нарьяна горько усмехнулась, и её глаза засветились, словно там, в глубине черепа зажглись ядовитые огоньки, – а я уж подумала, что это что-то действительно серьёзное. Расслабься, вояка, после того, через что ты прошёл, ещё и не такое могло померещиться.

Вард встрепенулся, выходя из своего мечтательного транса и внимательно уставился в глаза ведьмы. Та сначала приняла вызов и поддержала эту игру в гляделки, но вскоре не выдержала и отвела взгляд.

– Я не понимаю, зачем ты мне врёшь, – Вард говорил спокойно, без вызова, он был скорее удивлен, нежели раздосадован, – но спасибо, теперь я точно знаю, что эта женщина существует, а значит, я её отыщу.

– Удачи в поисках ангела, – губы Нарьяны скривились в насмешливой ухмылке, – тут я тебе помочь не смогу, с ангельскими мирами у меня связи не имеется.

– Скажи мне, ведьма, – Вард проигнорировал её насмешку, – есть ли на свете такой чародей, который способен вернуть мне память? Я уже десять лет мотаюсь по лекарям и ма-

гам, и всё без толку. Ни черта вы не можете, только морочите голову. Может быть, просто оставить всё, как есть, и в один прекрасный момент я сам всё вспомню?

В сущности, его слова не прозвучали обвинением, да и тон Варда вовсе не был резким. Так мог бы говорить смертельно усталый человек, который уже потерял надежду обрести покой, и Нарьяне сделалось стыдно.

– Извини, парень, но разбитая чашка сама не склеится, – она отрицательно покачала головой. – Ищи того, над кем не властно само время, только он сможет соединить вместе осколки твоей души.

Сказано это было с таким пафосом, что Вард, несмотря на весь свой скепсис, невольно улыбнулся, заценив красивую игру. Он и раньше сталкивался с проявлением актёрского таланта у членов оккультно-магической гильдии. Обычно патетические нотки в голосе и загадочные фразы означали, что сеанс окончен и пора платить. Чтобы клиент проникся величием момента, требовалось подпустить чуток таинственности, а то вдруг он сочтёт совет прорицательницы слишком банальным, чтобы проявить свою щедрость в полной мере. На этот раз совет оказался столь же туманным, сколь и бесполезным. Найти владыку времени – это всё равно, как достать звезду с неба, только ещё менее определённо. Но платить придётся в любом случае, связываться с ведьмой себе дороже.

Бросив на стол мешочек с десятком монет, которых с лих-

вой должно было хватить на оплату сомнительных услуг Нарьяны, Вард уже начал подниматься, чтобы покинуть её дом, но в этот момент костлявая птичья лапка впиалась когтями в его запястье.

– Ты со мной расплатишься по-другому, – уверенно заявила ведьма, отодвигая мешочек с деньгами, – когда вернёшься в этот дом ровно через два года.

– Вернусь? – Вард скептически хмыкнул. – Зачем мне возвращаться, если ты не можешь мне помочь?

– Ты вернёшься, чтобы встретить тех, кто знал тебя раньше, – безапелляционно заявила ведьма. – Память это тебе не вернёт, но кое-что о своей прежней жизни ты узнаешь. Только не принимай всё, что услышишь, за чистую монету, вся правда тем людям неведома.

– Но ты же сможешь растолковать их рассказ? – глаза Варда загорелись от предвкушения. – Тогда ты и возьмёшь с меня плату с чистой совестью, да?

– Нет, я не смогу тебе больше ничем помочь, – губы Нарьяны сжались в тонкую полоску, – а насчёт платы не волнуйся, всему своё время. Только не пытайся увильнуть, знаю я таких, как ты, шалопаев. Поверь, не стоит становиться должником ведьмы.

На этом аудиенция закончилась, и Вард покинул домик Нарьяны со смешанным чувством облегчения и досады. Его уже столько раз обманывали всяческие проходимцы, приотворявшие великими волшебниками, что очередное про-

рочество не слишком его вдохновило. Зато неуклюжая попытка ведьмы уклониться от толкования ангельского видения вселила в его сердце надежду. Причина её странного поведения была Варду непонятна, да, по большому счёту, и не интересна. Главное, Нарьяна невольно подтвердила, что таинственная незнакомка, вернувшая его к жизни, реально существовала, а не была просто плодом его воображения.

Продемонстрировав свою лживую натуру в вопросе с ангелом, ведьма тем самым внушила Варду недоверие и к остальным своим словам, поэтому он просто выкинул из головы эту странную встречу. Жизненный водоворот подхватил его, словно щепку, и закрутил с такой скоростью, что стало не до пророчеств, и Вард тупо забыл бы про обещанный визит к ведьме с целью получения ценных сведений и оплаты её услуг. Но не тут-то было, ровно за неделю до назначенного срока та сама о нём напомнила, явившись в сновидении. Столь навязчивый и в то же время своеобразный метод истребования долгов пробрал повидавшего всякого должника до самых печёнок, и через два года после своего первого визита он отправился в ведьмину долину.

Реплика искателя

С точки зрения обитателя эфирного мира, приобретение дармовой собственности в виде мясного скафандра не несло в себе катастрофического контекста. Эта приبلуда должна была всего лишь сделать реальность немного более разнообразной и многоликой, но в действительности наш мир, как и полагается, просто стал иным. Мозаика, сложенная из привычных нам концептов, исчезла, а её место заняла совсем другая картинка, превратившая свободный эфирный мир в материальную тюрьму.

Полагаю, тем исходно эфирным существам даже в страшном сне не могло присниться, какую цену придётся заплатить за своё легкомыслие. То, что им представлялось ценным подарком, обернулось приманкой в мышеловке. Собственно, никакого сюрприза тут не было изначально, ведь всё, чем мы владеем, в свою очередь владеет нами. Любая собственность накладывает на владельца дополнительные обязательства. Приходится расходовать силы на заботу об этой собственности, на её защиту, а потом и утилизацию.

В этом плане мясной скафандр оказался весьма требовательным объектом собственности. Мало того, что он отнял у нас треть жизни для подзарядки своих аккумуляторов, вынудив людей проводить это время во сне, так в

добавок он посадил наши тонкие тела на голодную диету, так как его конструкция существенно ограничивает возможность проникновения внутрь физического тела эфирных потоков. Собственно, именно наличие сего непроницаемого кокона, экранирующего наши тонкие тела, и стало для людей проклятием.

Во-первых, недостаток энергии для обеспечения штатной работы тонких тел автоматически лишил нас очень многих способностей, которые ранее были самым обычным делом. Теперь мы называем их сидхами, доступными лишь продвинутым йогам, да и то лишь после изнурительных практик. Во-вторых, экран физического тела разрушил единую полевую структуру, которую из себя представляли жители эфирного мира. Нас как бы рассовали по отдельным капсулам, исключив для нас возможность непосредственного взаимодействия друг с другом.

Если для эфирных существ телепатия и эмпатический обмен были естественной частью их существования, то теперь мы можем общаться только через наше общее инфополе на индивидуальной основе по типу: послал запрос – получил ответ. Несомненно такой способ взаимодействия менее надёжен. Прохождение сигнала через фильтр инфополя не только снижает его информативность, но зачастую просто искажает его исходные параметры. Причём эти искажения далеко не всегда являются просто ошибкой, они могут быть и целенаправленной диверсией.

Инфополе – это вам не спонтанная структура, работающая на основе алгоритма случайных чисел. Оно было специально сконструировано нашим Создателем таким образом, чтобы обеспечить игрокам нашей Игры в Реальность доступ к управлению умами аватаров. Нашими умами, если вы не поняли. Можете даже не сомневаться в том, что божественный вандал, искорёживший изначальный эфирный мир, во всю использует алгоритмы нашего инфополя, чтобы манипулировать людьми. А иначе зачем бы ему замораживаться с этим стрёмным экспериментом по запихиванию нас в мясные скафандры?

Не для того сей экспериментатор провернул свою глобальную аферу, чтобы позволить своим подопытным мышкам делиться опытом и мнением касательно её результатов. Этим жалким людишкам надлежит исполнять спущенные сверху приказы, а не обсуждать их грамотность и адекватность. В общем, всё обстоит именно так, как ему и положено быть в тюрьме. Бесплатный сыр в мышеловке на поверку оказался весьма дорогостоящим деликатесом и вместо того, чтобы расширить наши возможности, наоборот, ограничил их рамками тюремной камеры.

И всё же вовсе не само по себе ограничение нашей свободы нанесло нашему миру непоправимый вред, а то, какими методами это было осуществлено. Я говорю о внедрении концепта субъектности тела.

Глава 3

Обугленное полено мирно потрескивало в костре, наливаясь красным и время от времени запуская в небо стайки шаловливых искорок. Мужчина у костра размеренно дышал и чему-то улыбался во сне, а Мартин пялился на спящего с почти мистическим ужасом, словно увидел призрака. Впрочем, растерянность юноши была вполне оправданной. А кем ещё мог быть этот мужик, как не призраком, ведь хозяина медальона казнили пятнадцать лет назад. Конечно, можно было бы предположить, что неопытный путешественник просто заблудился, но дело в том, что трансгрессия по эфирному следу никогда не давала сбоев. Это с образом местности конечной точки прыжка можно было ошибиться, а эфирный слепок являлся уникальным признаком конкретного человека, как его отпечатки пальцев.

Спящий мужчина не проявлял ни малейших признаков беспокойства, посапывал себе в две дырочки как младенец, однако Мартин отчего-то всё равно не чувствовал себя в безопасности. Это было тем более странно, что юный маг путешествовал в эфирном теле, и его невозможно было увидеть нормальным человеческим зрением. Его появление рядом с хозяином медальона было совершенно бесшумным и неосознаваемым, даже пламя костра не шелохнулось, когда Мартин завершил своё перемещение. Чего ему было бояться?

Впрочем, вскоре выяснилось, что страхи сыночка, явившегося проведать могилку отца, оказались вовсе не беспочвенными. Вот только что мужчина безмятежно спал и вдруг без всякого перехода вскочил на ноги и уверенно развернулся в сторону фантомного тела Мартина. Стальные глаза, в которых колыхались зловещие огненные всполохи, отражая пламя костра, уставились прямо в лицо призрачному пришельцу, и точно такие же всполохи заиграли на лезвии ножа, зажатого в руке бессмертного.

Смена мизансцены произошла так стремительно, что Мартин не успел даже испугаться. Впрочем, бессмертный великодушно предоставил своему незваному гостю шанс помандражировать вволю, поскольку после своего молниеносного броска он застыл в полной неподвижности. Теперь двигались только его глаза, как бы ощупывая пространство, в котором прятался невидимка. Мартин невольно порадовался, что эфирное тело не обладало способностью потеть, иначе он бы уже был мокрым как мышь.

К счастью, любопытство всё же пересилило страх, вернув ошарашенному мальчишке способность соображать. Когда бессмертный скинул с себя одеяло, то предстал перед невидимым зрителем обнажённым до пояса, и сыночек не смог удержаться от восторга и удивления при виде поджарой и мускулистой фигуры своего предполагаемого папочки. Если судить по лицу, мужчина был уже не молод. Заметная седина в волосах и щетине на небритой физиономии, да глубокие

морщины, избороздившие его лоб, ясно свидетельствовали о том, что он давно разменял пятый десяток, однако рельефной мускулатуре бессмертного мог бы позавидовать даже какой-нибудь молодой атлет.

Мартин от рождения имел скорее субтильное, нежели спортивное телосложение, и никакие физические нагрузки не смогли бы этого изменить. Поверить в то, что этот качок мог быть родным отцом щуплого низкорослого подростка, было, пожалуй, трудновато, и не будь Мартин так очарован брутальной статью бессмертного, сомнение в их родстве несомненно зародилось бы в его голове. Увы, доводы разума, как правило, оказываются слабее наших страстных желаний и мало кого избавляют от завышенных ожиданий. По-хорошему, Мартину следовало бы критически осмыслить увиденное и усомниться в слепленной на скорую руку истории про своего казнённого отца, но вместо этого, он пришёл в бурный восторг от своего наследственного потенциала.

Пока парнишка тонул в своих слюнявых мечтах, бессмертный закончил осмотр предполагаемого поля боя и сделал осторожный шаг в его сторону. Мартин сразу очухался и быстренько сместился влево от траектории движения нападавшего. Увы, это не помогло, мужчина безошибочно развернулся к тому месту, куда удрал его фантомный гость. Только тут в голове юного мага промелькнула запоздалая мысль, что он совершенно ничего не знает о возможностях бессмертных. А вдруг этому страшному мужику доступно

эфирное зрение, и он действительно может его видеть?

Эта мысль буквально оглушила беспечного путешественника, вызывая неконтролируемый приступ паники. Все благие намерения сыночка узнать правду о своём родном отце мгновенно испарились, и, не дожидаясь дальнейших действий бессмертного, Мартин поспешно ретировался в свою спальню. В ту ночь бедолага так и не сомкнул глаз, метался по комнате, как хорёк по клетке, в попытке примириться с тем очевидным фактом, что его родной отец жив. Этот мужчина у костра просто по определению не мог быть никем иным, кроме как владельцем медальона бессмертного, который мама Мартина хранила в память о погибшем муже и отце своего ребёнка.

Но каким же образом медальон оказался у Киры, ведь бессмертные, по словам Джарета, никогда не расставались с этим своим знаком отличия? Мог ли отец перед казнью оставить свой медальон жене, а потом каким-то чудом выжить? Да, такой вариант развития событий представлялся возможным. Сделать прощальный подарок любимой женщине, которую бессмертный не надеялся больше увидеть – это было даже естественно. Но тогда встаёт другой вопрос: почему отец не попытался позже её разыскать? Конечно, появляться в Ордене, где тебя ждёт смерть, наверное, было бы не самым разумным поступком, но ведь из-за установок подчинения бессмертный просто физически не мог поступить иначе. Эти установки достали бы отступника где угодно, даже в другой

реальности и заставили бы сдаться Ордену..., разве что он нашёл место, где эти установки не работали.

От возбуждения у Мартина вспотели ладони, потому что он наконец понял, куда перенёс его медальон отца. Это была та самая реальность, куда постоянно отправлялся Джарет, чтобы отлавливать и убивать «диких» бессмертных, та реальность, где Орден распался, отпустив на свободу своих самых могучих бойцов. Мартин представил своего наставника в качестве загонщика на человеческую дичь, и ему сделалось противно до тошноты. Весь романтический флёр, которым он наградил Джарета, улетучился как дым в открытую форточку. Мартину даже подумать было невыносимо о том, что этот мерзавец охотится на его отца, как на дикого зверя, а в промежутках между рейдами увивается за его мамой.

– А ведь мама даже не подозревает, что отец жив, – пришло в голову пышущему праведным гневом обличителю. – Она столько лет оплакивает любимого человека, казнённого только за то, что посмел её полюбить, а этот человек, оказывается, выжил, но вынужден скрываться от убийц в иной реальности, жить в лесу и страдать от невозможности вернуться к жене и сыну. Разве стала бы она благосклонно принимать ухаживания этого отмороженного на всю голову охотника за бессмертными, если б знала правду?

Мартин так распалился, что едва ни бросился к маме прямо посреди ночи, чтобы обо всём ей рассказать. Хорошо, что у него хватило ума всё-таки отложить свой визит до утра, а

в свете дня вся эта картина предстала перед ним в несколько ином свете. Но случилось это вовсе не потому, что утро оказалось мудренее вечера, как пророчит старая добрая поговорка, просто на полпути в мамины покои его перехватил Джарет и уволок брыкающегося пацана на балкон.

– Далеко собрался, малец? – снисходительно бросил наставник, легко блокируя попытки своего пленника освободиться.

– Отпусти меня, бугай,– завопил Мартин, тщетно пытаюсь лягнуть телохранителя в какое-нибудь уязвимое место. В тот момент он находился в столь сильном душевном раздрае, что напрочь забыл о своих навыках будущего Творца, которые теоретически могли бы позволить ему разделаться с кем угодно просто силой мысли.

– Заткнись,– в голосе Джарета не было злости, зато там было кое-что другое, от чего Мартин мгновенно забыл о сопротивлении и затих. – Так-то лучше,– похвалил его агрессор,– я тебя выпущу, если обещаешь спокойно выслушать.

– А если откажусь? – голос Мартина прозвучал жалко и неубедительно, и ему сделалось стыдно за собственное малодушие.

– Тогда выслушаешь против воли,– рассудительно заключил телохранитель.

Мартин хотел было ещё поартачиться из принципа и для поддержания собственного авторитета, но внезапно ощутил, что у него, откуда ни возьмись, появилось прямо-таки непре-

одолимое желание выслушать своего навязчивого собеседника. Это было довольно странно, ведь всего секунду назад его единственным желанием было вцепиться Джарету в его лощёную физиономию, но уж никак не вести в нём светскую беседу. Мартин уже почти восемь лет был учеником Творца, а потому научился внимательно относиться ко всяческим странностям, вроде резкой смены настроения.

– Ты применил ко мне какую-то ментальную технику, – безапелляционно заявил он наглому манипулятору. – Прекрати, Джарет, иначе я тоже воспользуюсь тем, чему меня научил Атан-кей.

– Молодец, – ничуть не смутившись, похвалил своего подопечного телохранитель, – не каждый смог бы заметить такое слабое воздействие. Похоже, твой учитель неплохо тебя натаскал. Так ты собирался поделиться с матерью своими планами по организации сопротивления в самом сердце Ордена? Я правильно истолковал твои намерения?

– Тебе-то какое дело до моих намерений? – снова вскипел бунтарь.

– Самое прямое, если не возражаешь, – Джарет меланхолично улыбнулся, но при этом незаметно передвинулся так, чтобы перегородить строптивцу выход с балкона. – Вчера я не стал обрисовывать тебе весь расклад, не хотел пугать, но похоже, без этого не обойтись.

– Тебе меня не запугать, – самоуверенно заявил Мартин, – можешь даже не стараться.

– Что ж, ты прав,– хитрый манипулятор смиренно склонил голову,– лично тебе ничего не грозит. Для Магистра его приёмный сыночек действительно представляет немалую ценность, правда, я по не разобрался, в чём конкретно она состоит, но это факт. Посему, что бы ты ни учудил, тебя он не тронет,– Джарет сделал многозначительную паузу,– а вот с Кирой всё обстоит иначе,– резко закончил он. – Ксантипа будет её терпеть лишь до тех пор, пока ты нуждаешься в материнской заботе. Тебе скоро шестнадцать, так что её время подходит к концу.

– Что ты имеешь ввиду? – бойцовский задор Мартина мгновенно сдулся.

– Приговор ей был вынесен уже давно,– голос Джарета сделался хриплым и каким-то невыразительным. – Однако кому-то ведь нужно было приглядывать за золотым мальчиком Ордена, поэтому Магистр отложил казнь, но вовсе не отменил. Думаю, ещё год или два у неё есть, но если твой отчим только заподозрит, что Кира может представлять угрозу его планам в отношении тебя, то она просто исчезнет.

– Я буду очень осторожен,– не слишком уверенно заявил Мартин.

– Нет, не будешь,– Джарет неприязненно зыркнул на своего подопечного,– ты просто не станешь с ней обсуждать эту тему, потому что во всех помещениях, куда Кире разрешён доступ, стоит прослушка.

– А чего это тебя так заботит судьба моей мамы? – Марти-

на настолько возмутил пренебрежительный тон, с которым телохранитель посвятил его в дела, которые, по идее, должны были оставаться для мальчика тайной, что практически пропустил мимо ушей само содержание сообщения, и со свойственной юности горячностью бросился в атаку.

– Не кипешишь, – одёрнул его Джарет, – всё ты понимаешь, уже не маленький. Да, Кира мне очень дорога, и я не допущу, чтобы с твоей мамой случилась беда. Клянусь, если по твоей вине она погибнет, я лично сверну тебе шею и не посмотрю, что ты почти Творец.

– Ты угрожаешь сыну Магистра? – непонятно, чего в голосе Мартина было больше: удивления или возмущения. – А что если я прямо сейчас пойду к отцу и сдам тебя?

– Тогда меня казнят, – спокойно констатировал телохранитель, – и твоя мама останется без защиты.

Мартин уже было хотел в отместку рассказать этому защитнику чужих жён, что его маму есть кому защитить, что она вовсе не вдова, и нечего к ней лезть со своими ухаживаниями, но в этот момент понял, что делиться с телохранителем Магистра столь ценной информацией не стоит.

– Джарет ведь регулярно участвует в рейдах по устранению бессмертных, таких же, как мой отец, – эта простенькая мысль сразу охладила обличительный пыл Мартина. – Что стоит этому уроду организовать охоту на потенциального соперника?

– Ну всё, остыл? – Джарет по всей видимости принял мол-

чание мальчика за проявление покорности. – Тогда поговорим о действительно серьёзных вещах. Тебе нужно овладеть техниками ментального управления сознанием.

– Чужим сознанием? – на всякий случай уточнил Мартин. – Ты имеешь ввиду ту фигню, которой ты пытался меня заморочить? Я не стану этим заниматься, – он капризно поджал губы, – Творцам не подобает опускаться до подобных манипуляций. Во-первых, это неэтично, а во-вторых, мне это не нужно, я могу менять реальность и без твоих глупых фокусов.

– Вижу, твой учитель провёл с тобой воспитательную беседу на тему нравственного кодекса Творца, – ехидно ухмыльнулся Джарет. – Всё правильно, эти техники не назовёшь этическими, но тебе всё же придётся ими овладеть исключительно в целях самозащиты.

– От кого мне защищаться? – Мартин пренебрежительно фыркнул. – От тебя, что ли? Так ведь у тебя ничего не вышло, я сразу распознал психическое воздействие.

– Да, это немного снизило эффективность ментального пресса, – ничуть не смутился манипулятор, – но свою роль он всё же выполнил, ты же меня выслушал и до сих пор слушаешь. Да не дёргайся, – приструнил он строптивного мальчишку, видя, что тот опять закипает, – пора бы уже научиться держать свои эмоции под контролем. Так вот, защищаться тебе придётся вовсе не от меня, а от гораздо более серьёзного противника – от Магистра. Поверь, мои способности по

манипуляции чужим сознанием не идут ни в какое сравнение с его. Иногда мне даже приходит в голову, что Орденом управляет вовсе не человек, а существо из иного мира, превосходящее людей по уровню развития в десятки раз.

– Ты это, – Мартин хитро улыбнулся, – разыгрываешь меня, что ли?

– Не будь дураком, парень, – огрызнулся Джарет, – я не умею шутить, запомни это. Как ты, например, объяснишь, что Магистр вдруг помолодел лет на тридцать? Тебя усыновил совсем дряхлый старик, а через год он прошёл какой-то ритуал и снова стал тридцатилетним.

– Тоже мне секрет, – Мартин презрительно фыркнул. – Атан-кею уже, наверное, лет сто, не меньше, а он выглядит молодым.

– Что ж, возможно, наш Магистр тоже из вашей творцовской братии, – согласился Джарет, – только ему ничуть не претит использовать насилие.

– Атан-кей рассказывал, что уровень развития определяется не нравственностью, а способностью управлять умом, – Мартин не упустил возможности козырнуть своими знаниями. – Но я-то тут при чём? Чего бояться сыну Магистра? Ты же сам сказал, что я ему нужен.

– Не стоит путать намерение тебя использовать с отцовской привязанностью, – Джарет сочувственно покачал головой. – Ты ему действительно нужен, но не обязательно в качестве добровольного союзника. Человеком можно манипу-

лировать и против его воли, особенно, тем, кто сдуру начнёт заигрывать в героя сопротивления. Помяни моё слово, если не научишься ментальной защите, то станешь марионеткой Магистра. Так что не теряй времени, учись защищаться.

– Я и без этих дурацких техник смогу себя защитить, – запальчиво бросил Мартин. – У Творцов свои методы, и они будут посильнее каких-то тупых манипуляций с чужими мозгами.

Джарет что-то едва слышно процедил сквозь зубы и обречённо опустил голову. Ему было жалко этого желторотика, который даже приблизительно не представлял, с чем имеет дело. Можно было бы, конечно, плюнуть и предоставить мальчишку его судьбе, тем более, что тот не вызывал у Джарета тёплых чувств, скорее, наоборот, частенько раздражал своей самоуверенностью и заносчивостью. Увы, пацан был единственным человеком, который в глазах Магистра представлял какую-то ценность, а значит, являлся просто идеальным заложником. Затевая свою игру, целью которой была жизнь Киры и его собственная жизнь, Джарет меньше всего беспокоился о том, чем эта игра закончится для Мартина, но он никак не мог позволить, чтобы Магистру стало известно о подрывной деятельности собственного телохранителя. А потому этого недоделанного Творца нужно было срочно обучить ментальной защите.

– Ладно, покажи, на что ты способен, – Джарет покладисто кивнул, изображая, что принял бахвальство своего ученика

за чистую монету,— завали бессмертного.

— Я не стану никого убивать,— тут же вскинулся Мартин,— в отличие от тебя, я не убийца.

— Не нужно убивать,— Джарет безразлично пожал плечами,— просто обездвигь. Если справишься с бессмертным, я не стану настаивать на том, чтобы ты учился ментальным техникам, но если провалишься, тогда сделаешь по-моему. Лады?

— Почему именно с бессмертным? — Мартин с подозрением уставился на своего наставника.

— Потому что бессмертные этими техниками владеют,— пояснил Джарет.

Некоторое время Мартин переваривал услышанное, а потом резко вскинул голову и впился взглядом в лицо телохранителя.

— Думал, что я не догадаюсь? — запальчиво заявил он. — Ты тоже бессмертный, ведь так? Ты поэтому владеешь ментальными техниками.

— Да, бессмертных этому учат чуть ли не с колыбели,— спокойно подтвердил Джарет,— вернее, учили раньше, теперь эти техники под запретом. Да и бессмертных больше не будет, Орден принял решение закрыть этот проект.

— Почему? — Мартин от удивления даже открыл рот. — Бессмертные стали опасными для самого Ордена?

— Бессмертные подчинялись Ордену беспрекословно,— зло бросил Джарет,— по крайней мере, в нашей реальности.

Всё началось с того, что в одной из реальностей Орден прекратил своё существование. Никто не знает, отчего это случилось, но по странной случайности все тамошние бессмертные оказались свободны от установок подчинения. Магистр, видимо, решил перестраховаться, вот мы теперь и зачищаем ту территорию.

– Тебе не по душе участвовать в этих рейдах,– пронзительно заметил Мартин.

– А тебе бы понравилось убивать тех, кого ты всю жизнь считал своими братьями? – на этот раз в голосе телохранителя явственно послышалось раздражение. – Но у меня нет выбора, мои установки подчинения в полном порядке.

– Тогда как ты собираешься меряться силами с сыном твоего босса? – ехидно поинтересовался Мартин. – По-моему, это как-то не вписывается в понятие подчинения.

– А я и не собираюсь этого делать,– Джарет насмешливо ухмыльнулся,– я найду для тебя «дикого» бессмертного. Так что готовься, если не справишься, отправишься на учёбу.

Глава 4

Вокруг одинокого домика ведьмы развернулась настоящая баталия. Осада велась по всем правилам военного искусства, и осаждающих было никак не меньше тридцати человек. Исходный энтузиазм Варда резко поубавился, поскольку ему сделалось совершенно очевидно, что одному ему тут никак не справиться, невзирая на все его суперспособности. Раньше Варду не приходилось встречать такие многочисленные разбойничьи шайки, а потому спасатель престарелых ведьм никак не ожидал столкнуться с небольшой армией. Впрочем, численность нападавших была даже не самой большой проблемой, гораздо хуже было то, что это оказалась вовсе не шайка безобидных разбойников, как он сначала предположил, а хорошо организованный отряд профи.

Действовали парни слаженно, стреляли метко и явно подчинялись единому командованию. Одежда на бойцах была практичной, но несколько разношёрстной, что однозначно исключало их принадлежность к какому-нибудь военному гарнизону. Значит, это был самый худший из возможных вариантов – наёмники. Вступать с таким контингентом в перестрелку на открытой местности было равносильно самоубийству. От трёх десятков метких выстрелов не увернёшься, тут не спасёт даже феноменальная скорость. Незаметно

пробраться к домику ведьмы под прикрытие надёжных стен тоже не представлялось возможным, ввиду превращения дубовой рощи в торчащие гнилыми зубами обгорелые огрызки. Очень похоже, что наёмники подожгли рощу как раз с целью исключить возможность непредвиденного подхода подкрепления.

На стороне Варда было лишь преимущество внезапности, поскольку отряд наёмников полностью сосредоточился на цели нападения и легкомысленно игнорировал свои тылы. В качестве небольшого бонуса можно было, пожалуй, ещё засчитать неизвестного стрелка, засевшего в доме Нарьяны. Но даже если предположить, что Варду каким-то образом удастся скоординировать с ним свои действия, то шансы всё равно были ниже плинтуса. По-хорошему, у него оставалась единственная возможность хоть как-то уравнивать счёт в этой схватке – перевести её в формат рукопашной. Наверное, нормальному человеку подобный план мог бы показаться полнейшим безумием, но Вард счёл свои шансы вполне приемлемыми, ведь в ближнем бою больше трёх-четырёх человек не могут одновременно и эффективно атаковать одиночного противника, остальные будут только путаться под ногами.

За годы шальной неприкаянной жизни после выхода из комы Вард уже успел выяснить, на что способно его тело, если не мешать ему своими сомнениями и неуверенностью, и научился сознательно управлять этим совершенным оружием. Так что схватка с тремя десятками наёмников вовсе

не казалась ему изощрённым способом самоубийства. Рискованной – это да, но вовсе не безнадёжной. Вот только как заставить этих парней отложить свои пистолеты и взяться за ножи? Что способно толкнуть профессионального наёмника на иррациональное, с точки зрения тактики боя, проявление личной воинской доблести?

– Ответ очевиден, не так ли, – Вард злорадно ухмыльнулся, – на такое способна только чистая и неконтролируемая ярость, которая вспыхивает как спичка, когда ты, к примеру, видишь, как какой-то неотёсанный мужлан угрожает твоему командиру смертью.

Собственно, расчёт Варда был вовсе не на преданность наёмников, а на их жадность. Пару раз в самом начале своей второй жизни он вынужденно нанимался на службу в местные кланы, а потому знал, что гибель командира существенно отразится на кошельках участников рейда. Вард даже не сомневался, что перспектива потери денег, как ничто иное, способна спровоцировать горячих парней на неадекватное поведение. Оставалась самая малость – захватить их командира для создания подходящей атмосферы озлобленности в качестве стимула для рукопашной.

– Ладно, план не идеален, – вынужден был признать великий стратег, – но это хоть какой-то план.

Кольцо осаждавших медленно, но неотвратимо сжималось вокруг домика ведьмы, и выстрелы из окон раздавались всё реже. Похоже, времени на подготовку альтернативного

и потенциально более продуманного плана совсем не осталось, и Вард принялся действовать. Обездвижить парня, который командовал отрядом, оказалось даже проще, чем его вычислить, поскольку тот ничем не выделялся среди своих бойцов. И всё же Варду удалось разгадать этот ребус по едва уловимым признакам, отражавшим общую схему боя. Отряд двигался ровной цепью, не заботясь о своих тылах, и командир находился в общем ряду со своими бойцами, но всё же слегка позади, почти неприметно ломая строй. Вот этот излом его и выдал.

Наёмники явно не ожидали нападения со спины, тем проще было Варду подобраться к командиру отряда и вырубить этого самонадеянного вояку. Прикрываясь бесчувственным телом и приставив лезвие ножа к сонной артерии своего пленника, Вард застыл в ожидании реакции участников своего психологического эксперимента. Теперь всё зависело только от того, поведутся ли наёмники на угрозу своим кошелькам или сохранят благоразумие и тупо расстреляют наглеца, захватившего их командира, вместе с этим самым командиром. Во втором случае шансы Варда выбраться из этой передраги равнялись нулю.

Разумеется, отчаянный экспериментатор отлично осознавал, что его жизнь сейчас зависит от любой случайности, предусмотреть которую заранее не представлялось возможным. Стоит одному из наёмников психануть и сделать первый выстрел, как весь его план рассыплется словно карточ-

ный домик. Несмотря на столь шаткое основание, поначалу всё складывалось ровно так, как и рассчитал режиссёр этого смертельного спектакля. Увидав своего командира в отключке с приставленным к горлу ножом, ближайšie бойцы застыли в ступоре, пытаясь сообразить, что теперь делать. Вард уже приготовился подбодрить их парочкой оскорбительных фраз, но тут ситуация изменилась самым непредсказуемым образом.

Тот парень, что находился ближе остальных, вдруг охнул, словно его подстрелили, и уронил на землю своё оружие. Никто при этом вроде бы не стрелял, и Вард было подумал, что у бедняги внезапно случился сердечный приступ или какая другая хворь. Он даже начал лихорадочно прикидывать, как бы использовать сие обстоятельство к собственной пользе, когда начался уже полный сюр. Сердечник зашатался и схватился за грудь, но почему-то не рухнул замертво, а как сомнамбула застыл с открытым ртом, уставившись на захватчика заложника с таким выражением, как будто увидел привидение. Потом, словно очнувшись от транса, он медленно опустился на одно колено и покорно склонил голову.

Не успел Вард толком удивиться, как за первым бойцом последовали остальные. Вскоре три десятка вооружённых до зубов мужиков стояли перед ним на коленях с самым униженным и виноватым видом. Если честно, режиссёру сей драматической мизансцены стоило немалых усилий, чтобы скрыть своё недоумение и продолжить разыгрывать из себя

царя горы. Разумеется, Вард быстро сообразил, что поведение наёмников никак нельзя было объяснить их страхом за жизнь командира, но других объяснений у него не нашлось. К счастью, немая сцена продлилась недолго, парень, стоявший с правого боку от коленопреклонённой толпы, поднял на Варда виноватый и испуганный взгляд.

– Простите нас, Магистр, – промямлил он, – мы не знали, что Вы находитесь рядом.

Несколько долгих секунд Вард пытался найти хоть какую-то логику в происходящем, но похоже, его мыслительных способностей было явно недостаточно для решения этой нетривиальной задачки. Нет, то, что его приняли за кого-то другого – это было очевидно, судя по всему, за какого-то магистра. Но отчего явление этого самого магистра вызвало такой переполох у наёмников? Вард очень хорошо знал этот контингент, сталкивался с этими отморозками не раз и обычно старался держаться от них подальше. Наёмники поклонялись исключительно набитым кошелькам и ни в грош не ставили каких бы то ни было правителей. Так с какого перепугу им так унижаться перед мужиком, который держит в заложниках их непосредственный заработок?

– Похоже, я неверно определил статус отряда, – мысленно посетовал Вард, – это точно не наёмники. Парни явно принадлежат к какой-то военизированной организации со своей иерархией, и главным в этой организации является некий магистр, с которым меня благополучно перепутали.

Ещё несколько секунд Варду потребовалось на то, чтобы сообразить, что это могла быть за организация, а когда до него наконец дошло, то сие откровение едва не вышибло невольного актёра из сценического образа. Орден, так называли эту контору все в округе.

– Если моя догадка верна, то эти парни являются непонятно как сохранившимися орденскими боевиками, – сделал логичное заключение Вард.

Это было почти невероятно, ведь Орден уже лет пять, как развалился, а его Магистр, по слухам, сгинул ещё раньше. Собственно, исчезновение Магистра и послужило причиной распада Ордена. В народе, конечно, всё ещё продолжали ходить разговоры о скором возвращении Магистра и возрождении былого величия его детища, но мало кто верил этим предсказаниям, да и не особо хотел верить, ведь Орден столетиями правил этим миром как своим скотным двором, и Магистр заслуженно считался в народе исчадием ада.

Наверное, бывшие орденские братья были единственными, кто всё ещё хранил в сердце надежду на возвращение того кошмарного времени, когда они могли безнаказанно вытворять любые непотребства. Впрочем, большинство из братков уже давно обустроились в изменившихся обстоятельствах, сколотили бандитские шайки из тех же бывших боевиков и тупо занялись грабежом. Кто бы мог подумать, что в их среде всё же оставались отдельные группки фанатиков, вроде этого отряда, хранившие верность Ордену.

– Но кто же ими в таком случае управляет,– удивился Вард,– коли орденское начальство разбрелось кто куда?

Сей аспект без сомнения был весьма занимательным, но совершенно неактуальным. Вместо пустых рассуждений, нужно было срочно решать, как выпутаться из этой истории и при этом спасти ведьму, если та ещё жива. Судьба подкинула Варду такой козырь, на который он даже не смел рассчитывать. Из-за случайного внешнего сходства он невольно подтвердил справедливость предсказаний о втором пришествии Магистра и этим привёл боевиков в состояние мистического экстаза.

– Сим обстоятельством нужно воспользоваться,– Вард лихорадочно принялся обдумывать новые вводные,– и лучше сделать это до того, как парни придут в себя и осознают свою ошибку.

Самым простым вариантом было бы перестрелять этих глупых куропаток, пока они были заняты слюнявыми мечтами о возрождении Ордена, но, к сожалению, перебить всех Вард бы тупо не успел, да у него и патронов столько с собой не имелось. Скорей всего, эта затея закончилась бы его гибелью, а впоследствии и гибелью Нарьяны. Гораздо более перспективной представлялась попытка разыграть перед боевиками спектакль, изобразив из себя Магистра Ордена. Тут, правда, имелось одно затруднение, ведь Вард понятия не имел, как должен вести себя сей «благородный муж», оставалось только положиться на интуицию. Для начала нужно бы-

ло как минимум распределить роли, обозначив своё непре-
рекаемое превосходство, и при этом не сказать ничего тако-
го, что бы выдало его полную неосведомлённость.

– Что здесь происходит?! – Вард подпустил в свой есте-
ственный вопрос изрядную долю возмущения. Слегка ка-
призный тон в данных обстоятельствах показался ему впол-
не уместным.

– По приказу Ордена мы охотимся на бессмертного, он за-
сел в доме ведьмы,– с готовностью отрапортовал тот же па-
рень, который взял на себя смелость извиняться за осталь-
ных, видимо, в отряде он числился заместителем команди-
ра. – Вы позволите закончить операцию, Магистр?

– Так вот кто устроил тут перестрелку,– мысленно пора-
довался Вард.

Ему, разумеется, не раз приходилось слышать о бессмерт-
ных, поскольку рассказами о подвигах этих крутых парней
полнился местный народный фольклор. Если Нарьяна нахо-
дилась под защитой бессмертного, то помощь Варда ей, мо-
жет быть, и не требовалась, этот супермен вполне был спо-
собен в одиночку положит здесь три десятка боевиков, ес-
ли только бессмертный сам не словил пулю, или у него не
кончились патроны. В любом случае, раз уж Вард оказал-
ся поблизости, стоило поддержать ведьминоho защитника
и постараться перенаправить энтузиазм боевиков на более
невинное занятие, нежели осада её дома.

Судя по подобострастным взглядам зрителей, выбранная

Вардом манера поведения оказалась верной. Похоже, Магистр был тем ещё сукиным сыном и обращался со своими боевиками как с расходным материалом. Вард прикинул, что для пользы дела стоит добавить в созданный им образ ещё немного хамства и заносчивости, тогда эти парни вообще будут лизать его сапоги. Он уже открыл рот, чтобы отмочить какую-нибудь самодовольную пошлятину, но тут какой-то безграмотный театральный художник очень некстати решил сменить декорации на сцене сего театра абсурда. Давно уже тлевшая крыша дома наконец вспыхнула словно спичка. Боевики мгновенно повскакивали на ноги с явным намерением бежать к горящему дому, чего уж точно никак нельзя было допускать.

– Стоять! – гаркнул Вард во всю мощь своих лёгких, легкомысленно наплевав на логику сюжета разыгрываемой им пьесы. Разумеется, он не мог заранее предсказать, как отреагируют зрители его спектакля на столь нелогичную реплику главного героя, поэтому на всякий случай изготовился к драке, но его решимость пропала втуне, боевики послушно застыли на месте, преданно глядя ему в глаза. – Этот бессмертный сдохнет и без вашей помощи, – продолжил развивать свой неожиданный успех фальшивый Магистр. Он небрежно кивнул в сторону разгорающегося пожара и, скорчив брезгливую гримасу, уронил на землю тело придушенного командира. – Мне нужна ведьма, – Вард хищно прищурился, изображая льва, у которого вороватые шакалы стырили его за-

конную добычу. – Кто-то из вас её видел? Отвечайте.

Боевики принялись смущённо переглядываться, как бы решая, кто из них отправится на заклятие за разгильдяйство. Ввиду недееспособности командира, все взгляды наконец обратились к заместителю. Тот откровенно струхнул, но всё-таки нашёл в себе мужество принять ответственность за остальных.

– Никто её не видел, – голос бедняги был неуверенным, он как будто извинялся за то, что его люди не уследили за ведьмой, – она, наверное, сбежала в посёлок. Прикажете догнать её, Магистр?

– Отставить, – Вард вполне естественно разыграл раздражённого нерасторопностью слуг господина, – от вас никакого толку, всё приходится делать самому. Забирайте эту падаль и проваливайте, – он ткнул мыском ботинка бесчувственное тело и демонстративно отвернулся.

Дважды просить перепуганных боевиков не пришлось, они тут же засуетились, с показным рвением укладывая своего командира на импровизированные носилки из собственных курток. Взгляды, которые они исподтишка бросали на Варда, чем-то напоминали жалобные взгляды побитых псов, готовых на всё, чтобы заслужить прощение хозяина.

– Магистр, Вы вернулись насовсем? – внезапно раздался тихий голос из толпы бойцов.

В этом голосе прорвалась такая смесь надежды и страха, что Вард невольно поёжился. Раньше он никогда не заду-

мывался над тем, чем был Орден для его братьев. Сам он искренне радовался, что этой поганой конторе пришёл конец, и верил, что остальные с ним согласны. Однако поведение боевиков явно свидетельствовало об обратном, для них возвращение прежних порядков было сродни райскому блаженству. От такого откровенного раболепства Варда даже немного затошнило.

– Этому тебе знать не положено, – презрительно бросил он излишне любопытному боевику. – Проваливайте, пока я не передумал.

Уверенный командирский тон оказался самым верным средством для управления растерявшейся толпой. Боевики упаковали на носилки своего командира и бодренько потянулись по тропинке в ущелье, то и дело оглядываясь на застывшего в величественной позе Варда. На самом деле тот едва сдерживался, чтобы ни броситься к домику ведьмы, пожар там разгорелся уже нешуточный. Но всё-таки фальшивый Магистр доиграл свою роль до конца и сорвался с места, только когда спина последнего боевика скрылась за поворотом тропинки.

Глава 5

Взгляд Джарета был непривычно мрачен, а вдобавок в его глазах сквозило лишь слегка прикрытое напускной вежливостью презрение к своему подопечному.

– Ну что, готов, малец? – неприязненно бросил он. – Пора на охоту.

После того памятного разговора, когда Джарет пообещал устроить самоуверенному недо-Творцу поединок с бессмертным, прошло больше месяца, и Мартин уже успел расслабиться, убедив себя, что наставник, по-видимому, передумал устраивать ему испытание. А скорей всего, это странное пари было просто шуткой или попыткой припугнуть зарвавшегося ученика. Ан нет, оказывается, Джарет и не думал шутить, да в добавок умудрился выбрать для своего квеста самый неподходящий день, аккурат накануне праздника.

– Но у меня же завтра день рожденья, – от волнения голос Мартина сел, и вместо нормальных звуков, раздался лишь невразумительный писк.

– Можешь считать это приключение моим подарком, – ехидно подмигнул ему наставник. – Ты же давно хотел отправиться в ту реальность, где обитают «дикие» бессмертные.

– Но я не готов, – принялся канючить Мартин, – мне нужно ещё время, чтобы подготовиться.

– Серьёзно? – Джарет глумливо ухмыльнулся. – А кто же это совсем недавно заверял меня, что Творцу завалить бессмертного не сложнее, чем сморкнуться, даже если этот Творец пока идёт с приставкой «почти».

Мартин крякнул с досады и заткнулся. Да, невовремя ему пришло в голову побахвалиться своими достижениями перед наставником, теперь придётся отвечать за свои слова. А у начинающего волшебника, если честно, не было никакой уверенности в собственном превосходстве перед бессмертными, хоть те и не умели управлять реальностью. Недавнее свидание с родным отцом заставило Мартина внести существенные коррективы в оценку собственных способностей и, главное, силы духа, а потому он не испытывал ни малейшего желания повторить свой опыт. Но отказаться от испытания значило бы признать правоту Джарета и согласиться на его условия, а этого Мартин не хотел ещё больше.

– Всё, хорош трястись, – мысленно прикрикнул он на себя, – в этой игре я охотник, а не дичь. Если я не хочу, чтобы меня заставили изучать эти поганые техники подавления воли, то нужно думать не о том, как выжить, а о том, как завалить бессмертного, – изобразив на своём лице беспечную улыбку, Мартин решительно протянул ладонь своему наставнику. – Если тебе невтерпёж, я готов отправиться хоть сейчас, – надменно сообщил он. – Куда идём?

– Считывай образ местности и переноси нас обоих, – командовал Джарет, беря мальчика за руку.

Через пару секунд они уже стояли у нагромождения больших серых камней, покрытых, как ковром, узорчатым бледно-зелёным мхом. Джарет осмотрелся и решительно двинулся к узкому проходу в скалах, и Мартин, как бычок на верёвочке, послушно поплёлся за ним. В ущелье было темно, под ногами то и дело хлопала вода, которая сочилась сквозь мох и стекала на тропинку. Пахло одновременно сыростью и пылью, что явно противоречило логике, и Мартину пришло в голову, что это его интуиция таким образом пытается подать знак, что лезть в это гиблое место не стоит. Впрочем, и без подсказок интуиции с каждым шагом перспектива предстоящей миссии представлялись воину магического фронта всё менее определённой.

Ещё месяц назад, готовясь к испытанию, Мартин придумал, как обездвигить бессмертного таким образом, чтобы у того не было шанса вырваться и нанести ответный удар. Однако сейчас первоначальный план отчего-то показался ему ненадёжным, и он принялся лихорадочно сочинять новую стратегию нападения. Возможно, именно благодаря этому увлекательному занятию Мартину удалось взять себя в руки и справиться с мандражом. Так что, когда тропинка наконец вывела путников на небольшую ровную площадку, поросшую короткой жёсткой травкой, юный маг уже полностью вернул себе уверенность в собственных силах и даже частичное душевное равновесие.

Вся площадка была усеяна странными чёрными круглы-

ми валунами размером с мяч, а в её дальнем конце располагалась жалкая лачуга, сложенная из таких же валунов и крытая, вместо дранки, сухой травой.

– Он внутри один, – буркнул Джарет, махнув рукой в сторону лачуги. – Если не сможешь скрутить его сразу, то убивай не раздумывая, – с расстановкой добавил он, – второго шанса бессмертный тебе не даст.

Ошарашенный столь зловещим напутствием Мартин застыл с открытым ртом. Убивать не раздумывая? Нет, на такое он не подписывался.

– Джарет что же, всерьёз думает, что мне придётся бороться за жизнь? – мысленно возмутился юный маг. – Да как можно убить Творца, который в любой момент может покинуть своё физическое тело? Нет, это просто трюк, чтобы меня запугать. Этот козёл решил подыграть бессмертному, – заключил он.

Что ж, именно такого подлого трюка и следовало ожидать. Джарету ведь зачем-то нужно было обучить своего ученика ментальным техникам, а для этого Мартин должен был проиграть пари. А что может быть проще и надёжней, чем лишить одного из участников поединка уверенности в собственных силах прямо перед началом схватки, когда тому требуется полный самоконтроль и уверенность в победе. Вспыхнувшее при этой мысли праведное негодование напрочь загасило страх в душе охотника на бессмертных, и бросив презрительный взгляд в сторону провокатора, тот

гордо направился совершать свой подвиг.

Впрочем, своё чёрное дело провокация Джарета всё же сделала, уже на полпути к жилищу бессмертного Мартина начали обуревать сомнения. Нет, он не испугался схватки, просто ему вдруг пришло в голову, что цена его победы несопоставима с тему бонусами, которые она обеспечит, потому что этой ценой будет жизнь ни в чём не повинного человека. Конечно, от него не требовалось убивать бессмертного, но Мартин не сомневался, что в случае его успеха того всё равно ждёт смерть. Джарет не рискнёт отпустить откровенного врага, да и вряд ли захочет, ведь зачистка этой территории от «диких» бессмертных является его непосредственной обязанностью. В тот момент перспектива обучения ментальным техникам показалась юному магу уже не столь отвратительной, как раньше, и уж как минимум менее пугающей, чем перспектива стать причиной гибели незнакомого человека.

– А что вообще хуже: отнять у человека жизнь или превратить его в безвольную марионетку, подавив его волю? – эта мысль буквально взорвала Мартину мозг. – А вдруг могущество Творца даётся только тем, кто не готов переступить через барьер нравственных принципов, защищающих остальное человечество от произвола беспринципного мага? В таком случае лучше уж пожертвовать одним человеком, который, кстати, представляет серьёзную угрозу для других людей, чем навсегда потерять возможность стать Творцом реальности, – решил охотник на бессмертных и решительно

прибавил шагу.

В десяти шагах перед дверью Мартин остановился и мысленно собрался. Сколько бы он ни убеждал себя в том, что обыкновенному человеку ни за что не справиться с Творцом реальности, будь он хоть трижды бессмертным, однако странное напутствие Джарета всё же посеяло семена смятения в его душу. Нет, расслабляться было никак нельзя. Мартин прикрыл глаза буквально на секунду, чтобы успокоиться и взять себя в руки, а когда он их открыл, бессмертный уже стоял перед ним и с интересом разглядывал незваного гостя.

В первый момент Мартин совсем растерялся, но не из-за стремительности своего соперника, просто ему показалось, что он увидел своего отца. Хозяин лачуги был примерно того же возраста и роста, с такой же давно небритой физиономией и, главное, под его бесформенной одеждой легко угадывалась спортивная фигура с рельефной мускулатурой. Мартину потребовалось не менее пяти секунд, чтобы убедиться в своей ошибке и прийти в себя от первого шока. Нет, это, к счастью, был не отец, а какой-то чужой мужик, и для бессмертного он выглядел как-то уж слишком обыденно, даже можно сказать, разочаровывающе обыденно. Ни тебе оружия, ни боевой стойки или хотя бы подозрительности во взгляде. От этого Мартину даже сделалось обидно, но потом он сообразил, что бессмертный видит перед собой не могущественного мага, а просто щуплого подростка.

– Чем обязан? – голос мужика был совершенно нейтра-

лен, в нём напроочь отсутствовала как враждебность, так и приветливость.

Помятуя напуганность своего наставника, Мартин не стал разводить церемоний, он просто накрыл этого беспечно-го мужика прозрачным, но непроницаемым энергетическим куполом. Юный маг постарался на славу, сотворённый им купол невозможно было пробить даже с помощью лучевого оружия, не говоря уже про нож или пистолет, которых у бессмертного вроде бы тоже не было. Собственно, на этом можно было бы и закончить охоту, дичь оказалась в ловушке, из которой выбраться никак не могла. К сожалению, в условия пари входило требование обездвигнуть пленника, а для этого Мартину требовалось как минимум его коснуться.

Пока тюремщик обдумывал дальнейший план действий, бессмертный повёл себя совершенно несообразно обстоятельствам. Он с интересом осмотрелся, даже дотронулся до мерцающей стенки защитного поля и одобрительно кивнул, как бы заценив качество созданной магом конструкции. То, что он не попытался пробиться наружу или применить оружие, говорило либо о его проницательности, либо об осведомлённости касательно подобных техник. В любом случае хладнокровие, с которым бессмертный воспринял своё пленение, Мартину сильно не понравилось.

– И что дальше? – безмятежно полюбопытствовал пленник.

– Встань на колени и положи руки на затылок, – голос Мар-

тина немного дрожал от волнения, но он всё же сумел произнести эту фразу довольно внятно, а вот дальше всё пошло не по плану. Бессмертный насмешливо фыркнул и погрозил ему пальцем, словно шаловливому малышу. Жест выглядел скорее шутливым, нежели угрожающим, но у Мартина сразу пересохло во рту, а язык сделался словно деревянным. – Если не подчинишься, я откачаю воздух из-под купола, – под конец своей угрозы тюремщик уже едва мог ворочать языком, так что прозвучала она жалко и неубедительно.

От столь неожиданной утраты способности управлять своим голосом Мартину сделалось жутко, страх холодными щупальцами сжал его горло, а накатившая волна паники едва ни стоила ему потери концентрации. В результате, дальняя стенка купола слегка заколыхалась, угрожая целостности всей конструкции. К счастью, юный маг быстро справился со своими нервишками и взял ситуацию под контроль. А ситуация была предельно откровенной, бессмертный явно пытался управлять волей своего тюремщика с помощью наведённой панической атаки. Что ж, этого и следовало ожидать, Джарет ведь специально выбрал в качестве противника Мартина того, кто владел ментальными техниками, чтобы убедить своего строптивого ученика в их эффективности.

Испытав на собственной шкуре действие ментального пресса, юный маг вынужден был признать, что это и вправду было весьма эффективное и опасное оружие. И всё-таки против способности материализовать объекты реально-

сти, которой владел будущий Творец, это оружие откровенно не тянуло. Зная, чего ждать от противника, всегда можно было отыскать противоядие против ментального нападения. А противоядие у Мартина имелось, поскольку его с самого раннего детства учили подавлять волнение и страх, чтобы сохранять концентрацию, несмотря ни на какие обстоятельства. Так что подобными выкрутасами его было не одолеть.

Мартин с удовлетворением отметил, что паника отступила и скорчил глумливую гримасу, показывая своему пленнику, куда тот может засунуть свои дурацкие фокусы. Нужно отдать должное бессмертному, он быстро сообразил, что его попытка провалилась, но ничем не выдал своего разочарования, кроме разве что небрежного кивка головы. Впрочем, и подчиняться ультиматуму он не поспешил, продолжал стоять и с любопытством разглядывать странного пацана, который осмелился отдавать команды бессмертному. Его поза была расслабленной, а на губах постепенно всё явственней проступала гнусная такая улыбочка.

От этой улыбочки по позвоночнику Мартина поползли мурашки размером с майского жука, а ноги вдруг сделались ватными. Несмотря на всю свою готовность к сопротивлению, он вдруг ощутил такую тотальную беспомощность, что захотелось завывать от отчаяния. Даже чёткое понимание того, что эти чувства были наведёнными, что на самом деле ситуация складывается отнюдь не в пользу бессмертного, не спасли несчастную жертву ментального давления от непро-

шенной слезы. Предательство собственного тела вызвало у Мартина приступ бешенства, и это его спасло. Злость горячей волной поднялась из живота и покатилась к макушке, выметая на своём пути тоску и жалость к себе.

Мартин сжал зубы и презрительно ухмыльнулся, время для разговоров закончилось, пора было переходить от угроз к действиям. Он мысленно потянулся к куполу, и воздух начал быстро вытекать сквозь его стенки наружу. Прошла минута, вторая, по идее, бессмертный уже должен был начать задыхаться, но он даже не дёрнулся, так и стоял, с интересом рассматривая убивающего его мага, только его улыбка сделалась какой-то странной, словно бы даже сочувственной. Наконец бессмертный поднял руку и щёлкнул пальцами по мерцающей поверхности купола.

– А ну-ка, прекращай играть в волшебника, шкет, – в его голосе напрочь отсутствовала агрессия, пожалуй, это было сказано даже с изрядной долей отеческого добродушия, но Мартину вдруг показалось, что ему сейчас вынесли смертный приговор.

Его надёжный и прочный купол вдруг покрылся рябью и начал быстро таять. Сей непостижимый феномен отчего-то не вызвал в душе юного мага естественного в такой ситуации ужаса, только безмерное удивление. Этого просто-напросто не могло быть, ведь его концентрация была по-прежнему на должном уровне. Не мог же выходящий воздух разрушить купол? Пока Мартин обдумывал возникшую несуразность,

от его конструкции остались лишь жалкие витающие в воздухе ошмётки.

Бессмертный, по-прежнему улыбаясь, спокойно перешагнул границу распадающегося купола и неспеша пошёл к застывшему в ступоре беспомощному магу. Пола его куртки при ходьбе распахнулась, и стало видно торчащую из-за пояса рукоятку пистолета. Мартин невольно зажмурился, представляя, как из дула этого пистолета сейчас вылетит пуля и, несмотря на всю свою неуязвимость, ему отчего-то сделалось не по себе. Нет, то был не страх, а скорее растерянность, словно он явился к учителю с невыученным уроком и не может ответить на заданный вопрос.

Однако бессмертный и тут умудрился обмануть ожидания непутёвого мага, он не сделал ни единого жеста, чтобы потянуться к пистолету, словно не считал Мартина достаточно серьёзной угрозой для того, чтобы воспользоваться оружием. Как ни странно, это совсем не ободрило растерявшегося мальчишку, напротив, ему отчего-то сделалось совсем тошно.

– Кто ты такой? – небрежно поинтересовался бессмертный, подойдя вплотную. – Отвечай.

– Я Мартин, – послушно пролепетал почти Творец, хотя вроде бы совсем не собирался знакомиться со своей потенциальной жертвой. Однако желание угодить этому странному мужику сделалось вдруг настолько подавляющим, что промолчать показалось ему невыносимым кощунством.

Самым удивительным было то, что Мартин вовсе не находился в трансе, его сознание было как никогда ясным. Он отлично понимал, что бессмертный применяет против него какую-то психотехнику, но противопоставить ей ничего не мог, да что там противопоставить, он даже приблизительно не представлял механизма её действия. Сказать по правде, Мартин был настолько шокирован своей беспомощностью перед вроде бы обычным человеком, что в момент утратил способность не только нападать, но и защищаться.

– Ты ведь не случайно здесь оказался, Мартин, – бессмертный задумчиво посмотрел на бегущие по небу облака, – тебя прислали меня убить. Ты служишь загонщикам?

– Нет, я никому не служу, это просто испытание, – слова сами собой слетали с языка Мартина, он оказался не в силах даже контролировать свою речь, но это почему-то уже не вызвало огорчения.

– Вот как? – бессмертный на секунду задумался. – И кто же устроил тебе это испытание?

– Мой наставник Джарет, он тоже бессмертный, – сцена во всей своей сюрреалистичности всё больше напоминала светскую беседу с той только разницей, что один из её участников не мог её закончить по своему желанию.

– Уж не тот ли это Джарет, который командует рейдами загонщиков? – продолжал допрашивать Мартина бессмертный.

– Да, он участвует в рейдах, – послушно пролепетал маль-

чик, хотя отлично понимал, что этим признанием, скорее всего, подписывает себе смертный приговор.

Некоторое время бессмертный молчал, как бы раздумывая о своих дальнейших действиях. Впрочем, возможно, он просто сканировал окружающее пространство на предмет других неожиданных гостей, например, того самого наставника, о котором упомянул его облажавшийся ученик. В сердце Мартина тут же вспыхнула надежда на то, что бессмертный засечёт Джарета и по необходимости переключит своё внимание на более опасного противника. Увы, его надежды не оправдались, во взгляде бессмертного не появилось ни малейших признаков беспокойства. Похоже, эти парни умели не только ощущать присутствие других людей, но и блокировать свои собственные эманации.

Мартин мысленно взмолился непонятно каким богам о том, чтобы Джарет догадался, что пришла пора вмешаться. Он уже не думал о том, как придётся расплачиваться за свой провал, теперь ему сделалось по-настоящему страшно, и это, как ни странно, заставило его мобилизоваться для отпора агрессору. Наверное, если бы бессмертный пропустил этот момент, Мартину удалось бы сбросить наведённый морок, но тот вовремя учуял его страх и успел среагировать. Строгий взгляд из-под насупленных бровей буквально пригвоздил несчастного мальчишку к земле, заставив позабыть о сопротивлении. Всё, чего Мартину сейчас хотелось – это чтобы стоящий перед ним человек перестал сердиться.

– Не нужно меня бояться, я твой друг, единственный друг, – в голосе бессмертного зазвучал металл. – Ты мне доверяешь, Мартин? – Непутёвый маг неуверенно кивнул, поскольку к этому моменту уже не мог издать ни звука. – Тогда ложись на землю мордой вниз, – прозвучала странная и в то же время жёсткая команда.

Колени Мартина подогнулись сами собой, и через секунду его лицо погрузилось в сухую колючую траву. Он не сделал ни единой попытки к сопротивлению, даже мысли такой у него не возникло. Собственно, все мысли вдруг куда-то улетучились, оставляя в голове полный вакуум. Страх, кстати, тоже растворился в какой-то странной и явно неуместной в данных обстоятельствах апатии, и это был, пожалуй, единственный позитивный момент. Мартина вдруг охватила странная уверенность, что всё будет хорошо, что бессмертный лучше знает, что нужно делать. Откуда взялась эта губительная доверчивость, он не понимал, но отчётливо ощущал, что она сделалась практически абсолютной.

– Мартин, а ты не устал дышать? – лениво поинтересовался бессмертный, и воздух, который только что легко проникал в лёгкие самоуверенного мага, вдруг сделался густым, как желе. Теперь каждый вдох требовал от Мартина прямо-таки невероятного усилия. – Не нужно себя заставлять, в этом нет никакой нужды, – заботливо посоветовал коварный манипулятор. – Перестань дышать, – последние слова прозвучали как команда, и Мартин понял, что больше не сможет

сделать ни единого вдоха.

Самое странное, что даже сейчас, чётко осознавая, что умирает, он не испытывал страха, но не потому, что был уверен в своей способности обходиться без тела, собственно, об этой способности Мартин забыл напрочь. Нет, он даже мысли не допускал о том, что ему удастся спастись, просто слова бессмертного отключили не только его волю к сопротивлению, но и инстинкт самосохранения. Мартин погружался в небытие с полнейшим безразличием, как будто наблюдал за происходящим со стороны. Наконец темнота раскрыла ему свои объятия, и он с облегчением провалился в них, словно в мягкую перину.

Реплика искателя

Если вы думаете, что превращение эфирного мира в материальный можно было осуществить только насильственно, либо с помощью обмана и манипуляции, то вы глубоко заблуждаетесь. Алгоритмы нашего благословенного мира вовсе не запрещают его преобразование. В этом смысле наш божественный вандал не нарушил каких-то сакральных заповедей. Дело в том, что параметры интерпретаций, которые наш ум использует для создания иллюзорной картинки реальности, вовсе не являются некоей константой, они есть функция одной весьма своеобразной переменной. В качестве таковой служит наше желание. Не удивляйтесь, моё утверждение вовсе не голословно, сему тезису имеется вполне рациональное подтверждение.

Каждый мир в проявленной реальности построен на своих правилах и алгоритмах, и вряд ли те алгоритмы, что лежат в фундаменте нашего мира, можно считать такими уж экзотическими. Разумеется, выбор основы для управляющих алгоритмов – это целиком и полностью прерогатива его Создателя, но разве не логично использовать в качестве таковой наиболее мощные сигналы, а именно доминантную частоту в вибрационном спектре сознаний его жителей. У человеческих тел такой доминантой является диапазон частот, который буддисты именуют эмоцией страсти. Так

что не стоит удивляться тому, что именно наши желания лежат в основе алгоритмов нашего мира.

Мы живём в мире желания, и если бы мы просто сами захотели превратить эфирный мир в материальный, то ничего фатального не случилось бы. Алгоритмы программы отработали бы наш сигнал, и всё. Никаких живодёрских концептов, погрузивших нас в невежество относительно своей природы, просто не потребовалось бы. Всё, что нужно было сделать нашему божественному вандалу – это убедить эфирных существ в преимуществе мясных скафандров. Увы, похоже, он оказался не слишком грамотным маркетологом, и его рекламные заманухи не сработали. Вот и пришлось ему прибегать к откровенному вранью и запугиванию.

Попробуйте навязать меховую шубу обитателю жаркой пустыни, и вам сразу станет понятно, насколько это нетривиальная задачка. А вот если убедить такого упрянца, что шуба является неотъемлемой частью его существа, наподобие шкуры тушканчика, то даже уговаривать не придётся. Именно это с нами и сделали с помощью концепта субъектности тела, только вместо шубы, нам навязали мясные скафандры. Не стану спорить с тем, что с точки зрения маркетинга сей ход был просто гениальным, но его техническое воплощение отчего-то дало сбой, поскольку в качестве побочки мы лишились знания о смысле своего существования.

Наверное, утрата знаний могла и не привести к фатальным последствиям, если бы человечество по инерции продолжало следовать замыслу нашего Создателя, но этого, увы, не произошло. Похоже, в исходной конструкции наших тел деактивация большого количества их функций не была предусмотрена, а потому существа, предназначенные для того, чтобы стать условными бабочками, законсервировались на стадии условных гусениц. Иначе говоря, мы перестали воплощать свой исходный смысл в реальности, а потому утратили душевный покой и стали цивилизацией психопатов.

Кто знает, действительно ли наш божественный вандал планировал превратить наш мир в психушку, или просто не учёл последствий своей рекламной кампании, но так или иначе его действия поставили человечество на грань уничтожения. И дело тут не только в том, что человечество лишилось цели своего существования, но главным образом в том, что оно лишилось источника жизненной силы. Словно кто-то выдернул штепсель из розетки, и лампочка погасла. Да она ещё сохраняет тепло, и это медленное остывание позволяет нам наслаждаться отголосками прежней мощи божественного источника, но рано или поздно лампочка остынет совсем.

Глава 6

Сказать, что Вард бежал к дому ведьмы изо всех сил, было бы явным преуменьшением, он буквально летел как на крыльях, поскольку ведьмино жилище уже натурально напоминало пылающий факел. И всё-таки он припозднился со своей спасательной операцией. Когда Вард уже преодолел половину расстояния, крыша дома с громким треском провалилась, выстрелив в равнодушные небеса сноп алых искр и ошмётков горячей дранки. Обрушение перекрытия, как ни странно, слегка притушило пожар, поэтому Вард весьма легкомысленно сходу ломанулся в дверь, посчитав сие мероприятие безопасным. Увы, видимость ослабления огня оказалась обманчивой, из утробы дома на спасателя дохнуло таким жаром, словно это была печь для плавки металла.

Стало очевидно, что проникнуть внутрь этим путём не получится, и Вард бросился к чёрному ходу. Тут тоже было жарко, хотя огонь пока не охватил подсобные помещения целиком, и оставалась надежда, что Нарьяне всё же удалось избежать огненного погребения. Очень кстати рядом с чёрным ходом обнаружилась бочка с дождевой водой. Недолго думая, Вард разделся до пояса и намочил куртку и рубашку. Мокрую куртку он снова надел прямо на голое тело, а рубашкой обмотал голову. Дверь в хозяйственную пристройку оказалась запертой, причём изнутри, и Варду пришлось по-

тратить пару лишних секунд на то, чтобы снести её с петель. Когда он наконец проник в дом, пожар снова разгорелся, и пламя, вырвавшись на свободу, рвануло к небесам, подобно гигантской алой птице.

К счастью, в пристройку огонь пока не добрался, зато от дыма тут почти невозможно было дышать, и видимость снизилась практически до нуля. Тем не менее это было единственное место в доме, где у обитателей оставался хоть какой-то шанс выжить. Соваться на чистую половину было бессмысленно, там царил настоящий огненный ад. Вард опустился на карачки и принялся наощупь обшаривать заполненное дымом пространство. Вскоре видимость стала немного лучше, поскольку дым потянулся прочь через открытую дверь, однако через ту же дверь в помещение начал поступать кислород, и пламя из комнат принялось быстро просачиваться сквозь щели в пристройку. Дольше оставаться в горящем доме было опасно, да к тому же и бессмысленно. Очевидно, что выжить в пожаре смог бы только тот, кто успел отсюда выбраться до обрушения кровли, а таковых, судя по всему, не оказалось.

Выругавшись сквозь зубы, Вард поднялся на ноги и направился к двери. Наверное, он бы так и ушёл, но в последний момент что-то заставило его обернуться, и сквозь дымную пелену он заметил торчавший из-под повалившегося стеллажа лоскут яркой материи. Откинув в сторону стеллаж, Вард к собственной радости обнаружил на полу пребывающее в

отключке женское тело. Пламя как почувствовало, что намеченная жертва ускользает из его когтей, и рванулось из всех щелей. Но Варда уже было не остановить, он быстро подхватил на руки свою бесчувственную находку и выволок её на свежий воздух. Однако, когда он уложил спасённую женщину на землю, то обнаружил два весьма странных обстоятельства. Во-первых, женщина была связана по рукам и ногам, причём довольно профессионально, а во-вторых, это была вовсе не Нарьяна.

В отличие от скрюченной тощей ведьмы, спасённая обладала прекрасными формами и моложавой внешностью, по крайней мере, насколько позволяли рассмотреть следы копти на её лице и одежде. Назвать её молоденькой было бы, пожалуй, неправильно, это была зрелая женщина, явно за тридцать, но вряд ли старше самого Варда. Если бы не толстый слой пепла, то её длинные прямые волосы, скорее всего, были бы иссиня-чёрными. Высокие скулы, нос с горбинкой и немного грубоватые черты лица выдавали в женщине принадлежность к горским племенам, населявшим все долины Бескайской гряды. Иначе говоря, пленница была из местных, вот только было непонятно, кто её пленил: Нарьяна или её защитник-бессмертный, да и зачем.

Впрочем, разбираться в разыгравшейся тут драме было явно не место и не время, и Вард легкомысленно забил на столь явные признаки конфликтной ситуации. Он освободил от пут руки и ноги жертве насилия и осмотрел её тело на

предмет травм. Женщина не была ранена, если не считать пары синяков, которые оставил упавший стеллаж, похоже, обморок был просто следствием отравления дымом. Немного поколебавшись, спасатель приступил к реанимационным процедурам, типа дыхания «рот в рот». Губы женщины были мягкими и пахли вовсе не дымом, а малиной.

Увлечённый своим захватывающим занятием Вард напрочь забыл про остальных участников этой огненной драмы, которые, вообще-то, тоже могли выжить. Для столь опытного вояки это, конечно, было непростительно, уж пусть-то на руках и ногах женщины однозначно должны были его насторожить, но не насторожили. Наверное, его беспечность в какой-то мере оправдывал недавно пережитый шок от общения с орденскими боевиками, когда события начали происходить с такой головокружительной скоростью и полным отсутствием логики, что бедолага напрочь утратил чувство реальности.

– Замри! – властный мужской голос грубо опустил разомлевшего от аромата малины реаниматора на грешную землю, напомнив ему, что погружаться с головой в спасательский угар может быть небезопасно. – Если шевельнёшься или хотя бы глубоко вздохнёшь, получишь пулю в башку.

Вард послушно застыл, враз сообразив, что за его спиной находится не простой человек, а бессмертный. Наверное, не будь он в этом уверен, то не преминул бы обратиться с линии огня. Скорость реакции, которой обладало его тело, позво-

ляла рассчитывать на успех подобного приёма, но от пули бессмертного ему было не увернуться. Тот факт, что этот парень, выбравшись из горящего дома, хладнокровно бросил связанную женщину умирать, однозначно свидетельствовал о его моральных качествах, вернее, об их отсутствии. Однако само по себе это ещё не делало его врагом Варда, в конце концов, у этого морального уродца могли иметься личные мотивы, чтобы так поступить с несчастной. В любом случае, прежде чем начинать военные действия, стоило попробовать договориться.

– Не горячись, парень,– Вард постарался, чтобы его голос звучал миролюбиво,– я тебе не враг.

– Я знаю, кто ты такой, Магистр,– процедил бессмертный сквозь зубы,– видел, как ты разделался с этими орденскими шавками. У тебя мощный ментальный пресс, я чуть было сам ни упал перед тобой на колени.

– Это просто недоразумение,– попытался оправдаться Вард,– повезло, что я оказался похож на Магистра.

– Зачётная попытка,– голос бессмертного так и сочился ядом,– из тебя бы вышел превосходный актёр. Возможно, я бы даже тебе поверил, если бы ни видел, как ты раздевался. Или забыл, что во время ритуала посвящения все бессмертные удостоились чести лицезреть Магистра голышом со всеми его, вернее, твоими шрамами. Я стоял совсем близко, когда ты трахал свою синюшную бабу, и хорошо тебя разглядел.

Когда орденские боевики, приняв Варда за своего повелителя, подобострастно ползали перед ним на коленях, тот отнёсся к сему инциденту, как к забавному анекдоту. Он был, конечно, доволен, что случайное сходство дало ему шанс прекратить осаду ведьминого дома, но даже помыслить не мог, чтобы принять сей каламбур за чистую монету. Шрамы на теле, конечно, являлись уже более весомым аргументом в пользу данной версии, чем просто внешность, но всё же не настолько весомым, чтобы сразу в неё уверовать.

Сама мысль о пусть небольшой, но всё же ненулевой вероятности того, что в прошлой жизни он действительно мог быть Магистром Ордена, оказалась для Варда настолько неприемлемой, что на несколько секунд он словно бы завис. Однако стоило ему только допустить такую возможность, как тут же на ум пришло пророчество Нарьяны двухлетней давности, о котором Вард легкомысленно забыл, как только покинул дом ведьмы. А ведь та предупреждала, что через два года он встретит в этом месте людей, знавших его раньше.

– Так что же получается? – мысли, одна другой депрессивнее, вихрем закружились в голове Варда. – И те боевики, и этот свихнувшийся бессмертный действительно знали меня как Магистра? Выходит, это именно я был тем самым подонком, который гнобил целый мир на протяжении многих лет, и которого ненавидели все жители этого мира, за исключением разве что бывших братьев Ордена. От такого, пожалуй, и свихнуться недолго.

Несмотря на то, что версия выглядела непротиворечивой, Вард инстинктивно отказывался в неё верить, потому что совершенно не ощущал себя злодеем. Представить, что он смог бы сознательно превратить миллионы людей в рабов, оказалось далеко за пределами его воображения. Тот, кем он стал после воскрешения, на такое не был способен ни при каких обстоятельствах. Неужели потеря памяти могла изменить натуру человека на её полную противоположность? А если действительно могла, то правомерно ли карать такого человека за преступления, о которых он ничего не знает? Вард почувствовал, как в его душе поднимается волна протеста, вызывая острое желание не оправдываться, а ответить ударом на удар. Увы, такой возможности бессмертный ему не предоставил, оставалось только продолжать никчёмные переговоры.

– Вижу, что у тебя ко мне имеются претензии, – мрачно процедил обвиняемый, – может, расскажешь, какие именно.

– Претензии?! – в голосе обвинителя прозвучало неподдельное возмущение. – Это из-за тебя Орден распался, ублюдок. Если бы ни твои фокусы, никто бы не считал бессмертных врагами и не охотился на нас, как на диких зверей.

При всей нарочитой грубости бессмертного он явно был искренен. Похоже, Магистр реально где-то накосячил, и его косяк сделал бессмертных врагами Ордена. Хотя нет, этот парень вовсе не утверждал, что они действительно являются врагами, он сказал только, что их таковыми считают. Вард

сразу же ухватился за эту ниточку, которая теоретически могла привести его к раскрытию тайны его прошлой жизни.

– Значит, на самом деле бессмертные вовсе не враги Ордену? – в его вопросе вовсе не было коварного подвоха, но прозвучал он всё же несколько провокационно, и бессмертный вполне ожидаемо вскипел.

– Мы никогда не предавали своих братьев, – выпалил он на одном дыхании, – даже когда ты сам нас всех предал.

Вард сразу сообразил, что ему следует осторожнее выбирать выражения, иначе пуля в затылок быстренько преподаст ему урок дипломатии, даром что воспользоваться этим уроком он уже не сможет.

– Я искренне не понимаю причин, из-за которых бессмертные подвергаются преследованиям, – Вард добавил в свой голос нотку сочувствия, – мне жаль, что так вышло.

– Не понимаешь?! Серьёзно? – на сей раз слова бессмертного прозвучали презрительно, как ругательство. – Да после твоего ритуала они теперь нас боятся, причём всех, а не только тех, кому понравился твой так называемый подарок. Можешь радоваться, тебе таки удалось расколоть наше братство.

Слушая запальчивую речь бессмертного, Вард невольно пытался примерить на себя его обвинения, но хоть убей, не почувствовал за собой никакой вины. Разумеется, ни о каком ритуале он не помнил, хотя это ещё ничего не значило, ведь о том времени у него вообще не осталось никаких

воспоминаний. Так что огульно отрицать обвинение Вард не мог, но даже если, будучи Магистром, он и совершил что-то фатальное для бессмертных, то это была ошибка, а не намеренный вред. Как же можно ставить ошибку в один ряд с преступлением?

– У меня не было намерения навредить бессмертным, – попытался оправдаться обвиняемый.

– Тогда зачем ты лишил нас смысла существования и подставил под удар своих же братьев? – бессмертный явно не купился на его покаянную речь. – Прежде, чем я разнесу твою поганую башку, предатель, ты мне всё расскажешь, как на духу, иначе умирать ты будешь очень долго. Думаю, тебе не нужно объяснять, как умеют убивать бессмертные, – в голосе не то обвинителя, не то уже палача промелькнули злорадные нотки, и у Варда не возникло ни малейшего сомнения в том, что это не было пустое бахвальство. – Пришло время каяться, Магистр, – вынес свой приговор бессмертный.

То, что приговор был вынесен ещё до заслушивания аргументов защиты, явно свидетельствовало о том, что бессмертный не был готов пойти на его смягчения вне зависимости от мотивов преступника. Скорый суд тупо предоставил Варду трибуну для последнего слова, но вовсе не потому, что собирался учесть его чистосердечное раскаяние, просто бессмертному хотелось узнать, что стало причиной его несчастий. Это было обидно и несправедливо. Вард уже было решил проигнорировать требование палача и уйти из жизни

молча с гордо поднятой головой, но тут в эту самую голову пришла весьма обескураживающая мысль.

– А что если Магистр действительно совершил непрости-тельную ошибку и именно поэтому принял решение лишить самого себя памяти? – мысленно задал себе вопрос обвиня-емый. – Нарьяна ведь чётко сказала, что потеря памяти бы-ла следствием моих действий. Так может ли в таком случае амнезия служить мне оправданием? Выходит, что бессмерт-ный прав, и Магистр за свои грехи заслужил смерть. Только расплачиваться придётся не ушедшему в небытие ублюдку, а его ничего не помнящему наследнику. Вот уж воистину от кармы не скроешься даже на том свете, а уж тем более в за-бвении.

– Хочешь покаяния? Изволь. – Вард горько усмехнулся. – Двенадцать лет назад я очнулся в склепе среди высохших трупов без сил и без памяти. Так что буду признателен за любые сведения о моих, так сказать, прегрешениях. Как-то не хочется умирать в неведении.

Некоторое время бессмертный молчал, видимо, перева-ривал откровения Магистра, а потом громко расхохотался.

– Всё-таки кто-то из наших тебя достал,– теперь в его голосе сквозило уже откровенное злорадство,– хоть что-то приятное за этот поганый день. Выходит, ты теперь у нас невинная овечка, Магистр, вот умора. Думаешь, я на это куп-люсь?

В этот момент Вард заметил, что ресницы спасённой им

женщины дрогнули, она явно начала приходить в себя. Поскольку он совершенно не представлял причину конфликта, едва ни отправившего её на тот свет, то счёл правильным переключить внимание на свою особу, чтобы у женщины было достаточно времени разобраться в происходящем.

– Чего конкретно ты от меня хочешь? – неприязненно бросил Вард. – Как я могу каяться в том, чего не помню? – увы, его надежды на то, что палач примет аргументы защиты и перед казнью всё-таки сподобится огласить состав преступления хотя бы в общих чертах, не оправдались. Бессмертный упорно молчал, не достаивая смертника ответом. В конце концов, Варду надоело ждать, и он решил сам предъявить ультиматум палачу. – Либо ты расскажешь мне всё, что знаешь, либо стреляй, – мрачно процедил он, – мне больше нечего сказать.

За его спиной тихо щёлкнул взводимый затвор, и Вард обречённо закрыл глаза. Несколько секунд он напряжённо ожидал смерти, но выстрела так и не последовало, впрочем, и откровений тоже. Бессмертный по-прежнему хранил молчание. Наконец Варда достала эта игра на нервах, сейчас он как никогда был согласен с утверждением о том, что ожидание смерти хуже самой смерти.

– Как знаешь, – мрачно процедил приговорённый и решительно поднялся на ноги, готовый либо словить пулю, либо самому прикончить палача.

Как только он обернулся, причина молчания бессмертно-

го сразу сделалась понятной. Тот сидел в десяти шагах, облокотившись спиной на обгоревший ствол дерева, рука с зажатым пистолетом безвольно лежала на земле, а голова низко склонилась на грудь. В распахнутый ворот куртки было видно, что вся его сорочка сделалась алой от крови.

– Тоже мне, мститель, – презрительно буркнул Вард, – лучше бы подумал о том, как самому не отрубиться.

Он не спеша подошёл к раненому, забрал его оружие и принялся осматривать бесчувственную тушку на предмет травм. Пулевая рана в грудь нашлась быстро и вызвала у Варда только один вопрос: каким образом этот парень добрые четверть часа умудрялся толкать свои обвинительные речи. Пуля пробила ему сердце и по-хорошему должна была убить мгновенно. Разумеется, до Варда доходили слухи о способностях бессмертных к ускоренной регенерации, но чтобы устраивать самосуд с пулей в сердце – это уже было далеко за гранью человеческой природы. Пока самопальный доктор недоумевал по поводу необъяснимой живучести своего пациента, тот открыл глаза. Его взгляд Варду сразу не понравился, бессмертный словно смотрел не на него, а куда-то внутрь себя, как смотрят слепые.

– Эй, парень, не вздумай мне тут окочуриться, – Вард приподнял голову раненого и слегка похлопал его по щекам, пытаясь вывести из шокового состояния. Это помогло, взгляд сделался более осмысленным, и упёрся Варду прямо в переносицу.

– Останови эту бойню,— а вот его голос прозвучал как-то странно, словно раненый смертельно устал от разговора и пытался отделаться от навязчивого собеседника. Его глаза снова закрылись, и тонкая струйка крови заскользила из уголка рта по подбородку.

Ошарашенный столь неожиданной развязкой Вард несколько секунд сидел в ступоре и только потом очухался и сподобился проверить пульс бесчувственного тела. Как и ожидалось, сердце бессмертного не билось, что, впрочем, не заставило доктора покорно сложить лапки и сдаться.

– Ну нет, так просто ты от меня не скроешься,— Вард с остервенением принялся реанимировать своего непутёвого палача,— ты мне всё расскажешь.

Увы, все его старания оказались тщетны, сердце парня остановилось окончательно. Прекратив своё бессмысленное занятие, Вард застыл над трупом воплощением тщеты человеческих усилий. И в этот момент ему в голову пришла замечательная идея: а что если довериться рефлексам своего тела, терять ведь всё равно нечего. Он уселся поудобнее и с помощью уже ставших привычными дыхательных упражнений погрузился в неглубокий транс.

Вард не пытался что-то делать осознанно, но при этом мог легко отслеживать свои действия. Его правая рука поднялась как бы сама собой, и ладонь плотно зажала рану на груди бессмертного. Почти сразу его кисть сделалась горячей и едва заметно запульсировала, а ещё через несколько секунд

Вард уловил первый удар сердца под своей ладонью. Вскоре сердцебиение сделалось ровным, и раненый с усилием втянул воздух в лёгкие, всё ещё пребывая в отключке.

– Зачем ты тратишь свои силы на эту тварь? – женский голос, в котором отчётливо прозвучало презрение как к доктору, так и к его пациенту, вырвал самопального реаниматора из транса.

То, что голос шёл от того места, где он оставил спасённую из огня женщину, было вполне ожидаемо, странным было другое – этот голос принадлежал Нарьяне. Вард резко обернулся, и его взгляд сразу упёрся в чёрные пронзительные глаза ведьмы. Только теперь эти глаза принадлежали не скрюченной тощей тётке, а той самой пленнице, которую Вард так самоотверженно спасал сначала от огня, а потом от отравления дымом. Женщина тряхнула волосами, и на землю, словно снежинки, полетели хлопья пепла.

Глава 7

Громкий хлопок расколлот блаженную темноту на тысячу осколков. Эти осколки, подобно рою злых ос, с противным визгом разлетелись во все стороны, и правую щёку Мартина обожгло резкой болью. Похоже, один из осколков саданул его по лицу. Это было, конечно, досадно, но никак не могло послужить достаточно весомым поводом к тому, чтобы покинуть уютное убежище небытия и вернуться в жестокий мир, полный боли и разочарований. Да, бессмертный был несомненно прав, в этом мире для Мартина не имелось подходящего места, смерть была единственным разумным выходом. Яркий свет резанул по его закрытым векам, и прямо в голове юного мизантропа прозвучал легко узнаваемый голос.

– Хватит изображать из себя дохлятину, – в голосе Джарета совсем не слышалось угрозы, скорее, раздражение, – открывай глаза, парень, иначе придётся тебе ещё разок вмазать.

Практически на автомате Мартин отметил отсутствие признаков использования психотехник, но всё-таки от греха подальше счёл за лучшее подчиниться, поскольку перспектива снова испытать боль от весомой пощёчины его совсем не вдохновляла. Он резво поднял веки и тут же упёрся взглядом в насмешливые глаза своего наставника.

– Экзамен ты завалил, – провокатор удовлетворённо кив-

нул,— бессмертный тебя уделал, как бог черепаху. Полагаю, урок был достаточно наглядным.

Жертва недавнего ментального нападения недовольно поморщился и попытался подняться, однако быстро понял, что торопиться с возвращением в мир живых не стоит. Голова Мартина буквально взорвалась болью, а к горлу подступила тошнота. Джарет подхватил его падающее тело и усадил около лачуги бессмертного, прислонив к стенке.

— На, глотни,— он протянул облажавшемуся магу фляжку с чем-то явно алкогольным,— один глоток, не больше, не то Магистр мне голову отвернёт за спаивание малолетних.

Мартин благодарно кивнул и сделал малюсенький глоточек, но и этого оказалось достаточно, крепкое пойло жидким огнём прокатилось по его пищеводу и заставило закашляться. И всё же лекарство подействовало, голова перестала кружиться, а желудок прекратил попытки совершить революционный переворот. Вместе с улучшением самочувствия к Мартину вернулась способность соображать, и до него начало доходить, что он только что едва ни умер от удушья. Это было невероятно, да просто невозможно, ведь он уже очень давно освоил технику выхода из тела. Собственно, для проявленного существования физическое тело Мартину даже не требовалось, он вполне комфортно ощущал себя, пребывая в эфирном теле. Как же бессмертному удалось убедить Творца в том, что тот смертен?

Остатки внушения ещё, по-видимому, не выветрились из

головы Мартина, поэтому он смог отследить крючок, на который его поймал хитрый манипулятор. Главный его посыл заключался в глупой и даже абсурдной мысли, что смерть станет для нервного юноши уютным и безопасным прибежищем, и сострадательный убийца просто делает ему одолжение, отправляя на тот свет. Но это же был полный бред. Как мог будущий Творец повестись на такой идиотский посыл? Однако повёлся, и даже сейчас Мартин в глубине души сожалел, что Джарет не позволил ему уйти.

Впрочем, сказать, что наставник как-то особо рьяно бросился спасать жизнь своего ученика тоже было бы ошибкой. Он явно действовал на грани фола, ещё несколько секунд, и Мартина уже было не спасти. Сам факт, что Джарет позволил испытанию зайти так далеко, выглядел уж больно подзрительно, не иначе это был какой-то трюк. А может быть, испытание было просто розыгрышем, бессмертный был не настоящий, и всем процессом укрощения строптивца управлял сам Джарет? Что ж, сие предположение было не лишено логики и здравого смысла.

– Неужели этот лицедей действительно считает, что я поверю, будто телохранитель Магистра рискнул жизнью приённого сына своего босса? – мысленно возмутился Мартин. – Он же знает, что мне известно, кто он такой. Да у бессмертного в мозгах прописана неспособность причинить вред члену братства.

Мартину стало ужасно обидно, что он, как последний лох,

повёлся на столь примитивную разводку. Вопреки желанию, жгучие слёзы наполнили его глаза, а к горлу подступил шершавый комок. Юному магу едва удалось удержаться от рыданий, да и то только потому, что проявлять слабость перед этим самодовольным и к тому же бездарным актёришкой показалось ему ниже достоинства будущего Творца. Он проиграл это пари, чего уж там, но зачем же было так издеваться? Увы, крыть Мартину было нечем, но по крайней мере, следовало дать понять Джарету, что его афера раскрыта.

– Ну и где прячется твой напарник? – небрежно поинтересовался обличитель. Недоумённый взгляд телохранителя лучше всяких слов сообщил гению дедукции, что где-то в своих рассуждениях тот допустил ошибку. – Где парень, который разыгрывал из себя бессмертного? – уже без прежней уверенности уточнил он.

– Разыгрывал?! – в голосе Джарета прозвучало такое неподдельное удивление, словно он никак не мог поверить своим ушам. – Ты правда решил, что это была такая шутка? Что ж, иди попрощайся с шутником, – он зло сплюнул и махнул рукой куда-то в сторону того места, где несколько минут назад Мартин собирался покинуть мир живых.

Юноша откровенно смутился, поскольку вид Джарета совсем не соответствовал триумфальному завершению весёлого розыгрыша, его лицо посерело, морщины вдруг разом проступили на гладкой лощёной коже, а в глазах был даже не упрёк, а презрение. Мартин кряхтя поднялся на ноги и по-

смотрел в указанную сторону. От увиденного его буквально отбросило назад на стену лачуги, и он вжался в каменную кладку с такой силой, словно на него давила тяжесть целого мира. Неподвижное тело тёмным пятном резко выделялось на фоне зелёной травы, а кровь, растекшаяся вокруг головы трупа, чем-то напоминала нимб мученика.

– Ты его убил? – едва слышно пролепетал Мартин.

– Нет, дружок, это ты его убил, – в голосе Джарета прозвучала такая ненависть, что его ученик инстинктивно сжался в ожидании удара. – Поздравляю с первым трупом на твоей совести.

Обойдя своего разъярённого наставника по широкой дуге, Мартин на дрожащих ногах поковылял к мёртвому телу и без сил упал рядом с ним на колени. Глаза мертвеца были широко открыты, и в них застыло выражение крайнего удивления, похоже, нападения он совсем не ожидал. Его лицо всё ещё сохраняло выражение строгости и в то же время озабоченности. Именно таким запомнил своего убийцу Мартин, прежде чем тот заставил его лечь на землю. Наверное, если бы не аккуратная круглая дырочка между глаз, да отвратительного вида бурая лужа вокруг его головы, бессмертного можно было бы принять за отдыхающего, а вовсе не за мёртвого.

– Почему ты не вышел из тела? – раздался за спиной Мартина обвиняющий голос Джарета. – Почему ты не оставил мне выбора? Ведь ты знал, что я просто физически не мо-

гу позволить тебе умереть. У меня имеется прямой приказ Магистра обеспечивать безопасность его сыну, и нарушение этого приказа для меня равносильно самоубийству.

– Я и сам не знаю, почему не покинул тело,– удручённо покаялся юный маг,– бессмертный каким-то образом заставил меня забыть о моих способностях. Я как будто превратился в беспомощного ребёнка.

– Этого не должно было случиться,– Джарет отрешённо покачал головой. – Зря я поверил твоему бахвальству, был уверен, что смерть уж точно тебе не грозит, тянул до последнего и вмешался, только когда эманации твоего астрального тела совсем исчезли.

– Я умер, да? – голос Мартина прозвучал как-то безучастно, словно это было ему безразлично.

– Твоё сердце не билось чуть больше минуты,– нехотя буркнул Джарет,– не уверен, что это можно назвать смертью. Я могу остановить своё сердце на час и даже дольше, а потом снова запустить, главное, чтобы хватило энергии на поддержание хотя бы минимального фонового кровообращения. Но ты, судя по всему, сам возвращаться не собирался, так что пришлось вернуть тебя насильно.

– Джарет, а что случится, если я всё-таки умру, но не по твоей вине? – Мартин задумчиво рассматривал тело бессмертного и как будто разговаривал с мертвецом, а не со своим наставником. – Ведь всякое может случиться, правда?

– Причина нарушения приказа не имеет значения,– Джа-

рет цедил слова сквозь зубы, словно ему было больно разговаривать. – Если такое случится, сработают установки в моей голове, и я добровольно отправлюсь в орденские подвалы.

– И что с тобой сделают? – вскинулся Мартин.

– Казнят, чего же ещё, – с отвращением бросил телохранитель. – Можешь мне поверить, такой смерти я не пожелал бы даже своему заклятому врагу. Убивать будут долго, так что под конец я буду проклипать тот день, когда родился на свет. Но самое паскудное – это то, что я искренне буду считать себя предателем, а наказание – заслуженным.

– Значит, так это работает, – потрясённый парнишка едва мог ворочать языком, – я даже подумать не мог.

– Всё ещё считаешь, что эти установки – просто намордник для волкодава? – язвительно поинтересовался Джарет. – Или всё-таки удавка на шее? Думаешь, почему бессмертные никогда не отступают и не сдаются? Любой из нас предпочтёт погибнуть при выполнении пусть даже самого абсурдного задания, чем быть казнённым за невыполнение приказа.

– Любого приказа? – Мартин был настолько ошарашен услышанным, что у него сорвался голос, и конец фразы он просипел. – Но ведь не все приказы правильные, люди могут ошибаться.

– Кодекс бессмертных приравнивает невыполнение приказа к предательству, – уже спокойней пояснил Джарет, – а предателей среди бессмертных быть не должно. Впрочем, казни бессмертных случаются очень редко, на моей памяти

имел место только один такой случай. Тому парню здорово не повезло, по какой-то причине во время допроса он сподобился сбросить морок установок и осознал, какого сваял дурака. Мой отряд едва успел вмешаться, не уверен, что кандалы сумели бы его удержать. В тот день я впервые имел удовольствие наблюдать страх в глазах Магистра.

– Ты его ненавидишь, – отрешённо пробормотал Мартин. – За что?

– Я не собираюсь это с тобой обсуждать, – Джарет отшил своего подопечного с такой решимостью, что тот аж растерялся, но ненадолго.

– Понятно, почему вас все боятся, – продолжил свои рассуждения Мартин, – бессмертный без этой удавки – это как абсолютное оружие без хозяина.

– Ты тоже обладаешь немалой силой, дружок, – Джарет насмешливо ухмыльнулся, – но становиться чьей-то собственностью что-то не спешишь. И кстати, здешние «дикие» бессмертные – вовсе не монстры, что бы о них ни говорили, они такие же люди, как все остальные жители нашего мира.

– Тогда зачем ты на них охотишься? – тут же возразил Мартин.

– Кажется, ты уже забыл, что я тебе рассказывал про кодекс бессмертных, – Джарет зло сплюнул и отвернулся. – Всё, разговор окончен, отправляйся к своему учителю и договорись об обучении ментальным техникам.

– Я думал, что ты сам будешь меня учить, – Мартин с недо-

умением усталился на расстроенного телохранителя. – Ты же бессмертный, а значит, владеешь этими техниками.

– Бессмертных этому обучают в раннем детстве, – голос Джарета снова сделался прежним: спокойным и чуточку насмешливым. – У меня эти навыки находятся на уровне рефлексов, как пищеварение. Пользоваться могу, а объяснить, как это работает, нет. Тебе нужен настоящий учитель.

– А если Атан-кей откажется? – засомневался Мартин.

– А ты будь убедительным, найди нужные аргументы, – Джарет смерил своего подопечного снисходительным взглядом. – Меня же ты сумел убедить в своей неуязвимости. Всё, проваливай, вернёшься за мной утром.

Мартин послушно поднялся на ноги, но что-то его остановило. Он чувствовал, что его наставник сейчас не в духе и не расположен отвечать на вопросы, но тот вопрос, на который случайно натолкнул его комментарий Джарета, буквально взорвал парню мозг.

– Джарет, тебе не кажется странным, что «диких» бессмертных так много, хотя Орден ведёт на них охоту? – голос Мартина прозвучал вкрадчиво, но твёрдо. – А в нашей реальности бессмертных почти не осталось. У нас ведь их специально никто не отстреливает?

Реакция Джарета оказалась неожиданной. Наверное, можно было бы ожидать, что тот взбесится из-за настырности малолетнего детектива или просто проигнорирует его вопрос, но вместо этого, телохранитель внезапно сжался, слов-

но его ударили.

– Я угадал,– с ужасом прошептал Мартин,– их намеренно убивают. Но почему? Они же все имеют установки подчинения.

– Нет ничего опасней страха,– Джарет обречённо покачал головой.

– Но не может же Магистр Ордена бояться собственных бессмертных,– неясно, чего было больше в голосе Мартина: возмущения или удивления.

– Может,– Джарет произнёс это слово с таким уверенным видом, словно поставил диагноз. – Никто ведь не знает, что стало со здешним Магистром, он просто исчез. А перед этим все бессмертные каким-то образом получили свободу. Странное совпадение, не находишь?

– Странное,– согласился Мартин,– но при чём тут наши бессмертные?

– Ксантипа пришёл к выводу, что исчезновение здешнего Магистра – это дело рук бессмертных и решил перестраховаться,– Джарет горько усмехнулся. – Наверное, в его решении была определённая логика. Если существует даже малейший риск того, что такое же может случиться в нашей реальности, то проще уничтожить несколько сотен человек, чем копаться в причинах произошедшего. «Дикие» бессмертные тоже обречены,– уверенно заявил он,– но их ещё нужно отловить, а нашим достаточно было просто отдать приказ на самоуничтожение. Вот поэтому их почти совсем

не осталось. Ксантипа ещё поступил гуманно, не потребовал, чтобы бессмертные убивали себя сами, организовал специальные рейды расстрельной команды, такие же, как здесь.

В голосе Джарета слышалась такая боль, что Мартин невольно насторожился. Не мог бессмертный, привыкший рисковать своей и чужой жизнью просто по приказу начальства, столь яростно реагировать на, в сущности, рациональное решение Магистра. Разгадка сей странности пришла ему в голову неожиданно, как первая весенняя гроза, и от этой догадки его бросило в холодный пот.

– Это ты командовал рейдами в нашей реальности, – едва слышно прошептал Мартин, – а теперь делаешь то же самое здесь. Джарет, но ведь ты и сам бессмертный, рано или поздно тебя тоже пустят в расход.

– Рано или поздно, – голос телохранителя никак не выдал его чувств, он был спокойным, даже меланхоличным, что ли, – наверное, именно в этом всё дело. Никто не живёт вечно, и уж точно не бессмертные.

– Но погибнуть вот так, бессмысленно, – возмутился Мартин. – Вас ведь не для этого готовили.

– Всё, малец, проваливай, – Джарет небрежно махнул рукой, заканчивая этот странный сеанс вопросов и ответов, – а мне ещё нужно похоронить твоего неудачливого убийцу.

– Я хочу помочь, – в голосе юного мага зазвучал металл, хотя при этом его глаза смотрели на сурового наставника чуть ли не умоляюще. – Пожалуйста, разреши мне остаться,

огонь – это моя стихия.

Джарет встретил просьбу своего ученика сначала с раздражением, но потом выражение его лица смягчилось, и на губах даже промелькнула печальная улыбка. Через несколько минут лачуга бессмертного превратилась в пылающий погребальный костёр. Пламя окутало ослепительно сияющим коконом жалкое строение и взвилось высоко в небо. Камни плавилась от нестерпимого жара, и казалось, что горел даже воздух. Участники погребального ритуала стояли в двадцати шагах от беснующегося пламени и молча смотрели, как огонь пожирает тело незапланированной жертвы их экспериментов. Один из них выиграл пари, а другому предстояло отрабатывать проигрыш, но сейчас оба они задавали себе один и тот же вопрос: стоило ли это жизни человека?

Глава 8

Ведьма провела ладонью по лбу, посмотрела на разукрасившие её пальцы пятна сажи и брезгливо поджала губки, видимо, осознав, что в данный момент представляет из себя довольно жалкое зрелище. А вот Варда вопросы гигиены сейчас заботили не больше, чем прошлогодний снег. Он был настолько ошарашен самим фактом превращения тощей седой тётки в молодую и довольно привлекательную женщину, что остальные детали её внешнего облика как бы остались за кадром.

– Нарьяна?! – от удивления Вард едва ни поперхнулся. – Но ты же...

– Была старухой, – в чёрных глазах ведьмы сверкнули лукавые искорки, и румянец явственно проступил на пухлых щёчках сквозь налёт копоти. – Что поделаешь, одинокой женщине приходится как-то защищаться от навязчивого внимания вашего брата, а на жалкую уродину вряд ли кто позарится. Но если тебе моя маска нравится больше оригинала, только скажи, – тон Нарьяны был игривым, словно она пыталась флиртовать со своим бывшим клиентом, что прозвучало диким диссонансом на фоне её догорающего дома.

Вард раздражённо поморщился, но решил не строить из себя поборника морали и тупо проигнорировал сие откровенное заигрывание.

– Это ты в него стреляла, или парень угодил под пулю бовика? – деловито поинтересовался он, кивнув в сторону раненого.

– А если и я, так что? – Нарьяна с вызовом глянула на своего спасителя. – Он сам напросился. Какого лешего этот бродяга навёл отряд загонщиков на мой дом? Между прочим, он тоже в меня стрелял, и если бы ни защитный амулет, мы бы с тобой сейчас не разговаривали.

– Эх, жаль, что ты у нас такая меткая, – с наигранным осуждением посетовал Вард, – этот парень мог столько всего мне рассказать, а теперь он вряд ли будет расположен к откровенности.

– Вижу, ты запомнил о том, что я тебе сказала в нашу прошлую встречу, – а вот в голосе ведьмы осуждение было вовсе не наигранным, она рассердилась не на шутку. – Словам этого дурня верить нельзя, он и сам всей правды не ведает.

– Но ты же сможешь растолковать его слова? – Вард мгновенно почувствовал враждебность Нарьяны и заискивающе улыбнулся, чтобы настроить свою собеседницу на конструктив. – Хотя бы скажи, почему все принимают меня за Магистра Ордена. Я действительно им был?

– Откуда простой ведьме знать такие секреты? – проворчала Нарьяна. – Может, раньше ты и был злодеем, недаром же кто-то сподобился похоронить тебя заживо, но сейчас я не вижу в твоей душе зла.

– Значит, они все ошиблись? – умоляющий взгляд Варда так и впился в лицо ведьмы.

– Или слухи о Магистре не соответствуют действительности, – выдвинула новую версию Нарьяна.

– Благородные рыцари обычно не становятся кровавыми диктаторами, знаешь ли, – Вард обречённо опустил голову. – Похоже, я всё же заслужил свою участь.

– Кем бы ты ни был в прошлом, теперь ты другой человек, – отрезала ведьма, – так что выкинь из головы мысли о своей вине перед бессмертными и лучше подумай о собственной безопасности. Судя по всему, эти парни тебя не жалуют.

– Да этот бессмертный и тебя не особо жаловал, – ехидно парировал Вард, – связал и бросил умирать.

– На мой счёт у него имелись веские основания быть невежливым, – Нарьяна поднялась с земли и принялась отряхиваться, – дело в том, что сначала я попыталась сделать из него жаркое, а стреляла уже потом, когда он начал ломиться в мой дом.

– Не понял, – Вард недоумённо покрутил головой, – ты, что ли, сама сожгла свою дубовую рощу?

– Разве у простых вояк нашлось бы средство, чтобы такое устроить? – ведьма снисходительно хмыкнула и бросила горделивый взгляд в сторону обгоревших стволов. – Этот гадёныш решил, что сможет спрятаться от загонщиков в кроне дерева, – пояснила она свои странные действия. – Я подума-

ла, что удастся его выкурить, не поняла сразу, что это бессмертный, – в голосе ведьмы не слышалось никакого раскаяния, словно уничтожение столетних дубов и покушение на жизнь человека было для неё делом обыденным, так, рутинной.

– И не жалко было уничтожать такую красоту? – подивился Вард. – Можно было просто запереться в доме и переждать.

– От такого запрёшься, как же, – ведьма угрюмо зыркнула в сторону бесчувственного тела. – Да и неважно всё это, мне тут всё одно больше не жить. Я это сразу поняла, как только тебя увидела два года назад.

– Ты уже тогда всё решила, – догадался Вард, – а сейчас просто сжигала мосты. Круто, наверное, всё знать наперёд. Ну и что будет дальше?

– А дальше ты возьмёшь меня за руку и отведёшь в свой дом, – как ни в чём ни бывало распорядилась Нарьяна. – Ты же не бросишь несчастную одинокую женщину пропадать на пепелище?

Сказано это было с нарочитой ноткой кокетства и прозвучало как приглашение к флирту. Увы, старания Нарьяны пропали втуне, Вард не купился на её откровенный пас, скорее, потуги ведьмы разыгрывать перед ним эдакую легкомысленную кокетку вызвали у него отторжение. Однако послать куда подальше женщину, лишившуюся всего своего имущества и даже крыши над головой, у него не хватило ду-

ху, тем более, что эта женщина, очевидно, обладала возможностью отплатить невеже сполна, причём весьма своеобразным способом.

– Конечно, можешь пожить у меня,– холодно предложил Вард,– дом большой, места хватит. Только нужно придумать, как тебя представить соседям, чтобы не поползли слухи.

– Как твою жену,– ответ Нарьяны прозвучал столь безапелляционно, что гостеприимный кавалер едва ни поперхнулся от возмущения. – Не кривись,– прикрикнула на него ведьма,– ты ещё не знаешь, какое приданое за мной получишь,– с этими словами она решительно направилась к колодцу. Сдвинув в сторону один из камней в основании колоды, Нарьяна засунула руку в открывшуюся нишу и выудила оттуда довольно большой кожаный мешок. – Вот полюбуйся, муженёк,– ехидно хихикнула бесцеремонная кандидатка в жёны, развязывая тесёмки.

Мешок оказался до половины заполнен золотыми монетами и ещё какими-то маленькими конвертиками на застёжках. Заглянув в один такой конвертик, Вард обнаружил в нём с десяток небольших прозрачных камушков. Он высыпал на ладонь содержимое конвертика, и камушки вспыхнули разноцветными огоньками в лучах солнца.

– Это то, что я думаю? – удивился предполагаемый будущий собственник ведьминого богатства. – В остальных конвертах тоже бриллианты? Да ты у нас, оказывается, богатая невеста, Нарьяна,– Вард весело расхохотался. – Вот уж не

думал, что ты сумела столько заработать своими предсказаниями.

– Мне это всё досталось по наследству,– пояснила ведьма и смущённо опустила глаза, словно речь шла о чём-то постыдном. – Тот человек...,– начала она, как бы оправдываясь, но Вард её прервал.

– Не хочу знать, что стало с твоим благодетелем,– он невольно поёжился, вспомнив, что эта дамочка совсем недавно пыталась сжечь человека заживо и даже не постеснялась об этом рассказать. – Я на твоё наследство не претендую, у меня своё имеется.

Тут Вард совершенно не погрешил против правды, денег у него действительно было заныкано больше, чем он мог израсходовать. Кстати, дом в небольшом городке под названием Каламут, куда он пригласил погорелицу, тоже был куплен на то самое наследство. А вот похвастаться тем, что он обошёл со своим благодетелем лучше, чем Нарьяна со своим, Вард, увы, никак не мог, если не считать того, что Эрин умер быстро. На самом деле он вовсе не собирался грабить своего бывшего работодателя и по совместительству главаря клана Ночных Лисов, просто случайно наткнулся на записку Эрина, когда пришёл его убивать.

В те времена Орден формально ещё правил, но отдельные наиболее предприимчивые и жадные до власти братья уже начали один за другим покидать своих сюзеренов и организовывать собственные кланы. Ночные Лисы были довольно

крупной и удачливой бандой, а потому под крыло Эрина стекались лихие люди со всей округи. Вард нанялся телохранителем к сыну главаря просто от безысходности, ведь нужно же было на что-то жить, не идти же самому на большую дорогу. Его подопечный оказался тем ещё говнюком, похлеще своего папаши, которого даже его подчинённые за глаза звали не иначе, как шакалом, а его отпрыск получил пренебрежительную кличку Эринский щенок.

За те неполные два месяца, что Вард проработал нянькой при нахальном и задиристом щенке, он успел пожалеть о своём решении не менее сотни раз. Парню было чуть больше двадцати, но апломбом и спесью он превосходил даже своего самовлюблённого папашу. Телохранителю приходилось постоянно ввязываться в драки, которые провоцировал этот безмозглый юнец, получая, вместо благодарности, насмешки и пренебрежение. Рано или поздно это должно было закончиться фатально, ну и закончилось.

В сущности, Вард вовсе не собирался наносить своему подопечному серьёзных увечий, однако оплеуха, которую он отвесил не в меру обнаглевшему и порядком захмелевшему задире, отбросила того аккурат в камин. Чистая случайность, если подумать, но для щенка всё закончилось трагично. Нет, он остался жив, но красоваться перед девками ему было больше не суждено, ожоги он получил приличные, особенно сильно пострадало лицо. Несмотря на то, что у сего печального инцидента имелась масса свидетелей, готовых под-

твердить отсутствие злого умысла, Эрин объявил виновнику инвалидности своего отпрыска кровавую вендетту. Весь клан Ночных Лисов набросился на Варда с такой яростью, как будто тот поубивал их любимых дедушек.

Слишком поздно до Эрина дошло, с кем он связался, к тому времени от клана осталось уже меньше половины, да и те подумывали, не слинять ли домой от греха подальше. Наверное, если бы речь шла не о его сыне, Эрин согласился бы на мировую, но он решил поступить иначе. Предложив Варду встретиться, чтобы обсудить условия мирного договора, хитрец устроил ему ловушку. В результате, клан Ночных Лисов перестал существовать, оставшиеся в живых бандиты разбежались, а всё ранее награбленное досталось победителю в качестве трофея.

После расправы над кланом у Варда появилась масса фанатов. Жители близлежащих поселений потянулись к нему с подарками и приглашениями поселиться в их городке, видимо, рассчитывали задарма заполучить надёжного и грозного защитника. Разумеется, от всех предложений Вард отказался. Публичность ему была совершенно ни к чему, ведь распадающийся Орден мог и заинтересоваться наглецом, который столь варварски расправился с бывшим членом братства. Он убрался подальше от тех мест, где его знали, потратил небольшую часть своего наследства на домик в ничем не примечательном городишке и растворился среди местных жителей.

До получения наследства жизнь Варда представляла собой примитивную борьбу за выживание, совмещённую с попытками вернуть себе память. Он шатался по миру в поисках какого-нибудь волшебника или лекаря, способного решить его проблему, и зарабатывал на жизнь чем придётся, в основном, своими непонятно откуда взявшимися воинскими навыками. Жизнь бесприютного бродяги, понятное дело, не располагала к тому, чтобы задумываться об общечеловеческих проблемах и смысле происходивших в мире перемен. Приходилось расставлять приоритеты и решать только самые насущные проблемы, вроде того, как уцелеть в непрекращающейся войне бандитских кланов. Зато когда отпала нужда заботиться о пропитании и крыше над головой, Варда тут же захватили мысли о цели его существования.

За те несколько дней, что он приходил в себя после кровопролитной войнушки с кланом Эрина, отставной телохранитель успел заметить, как изменилась жизнь обитателей тех мест, которым клан не давал нормально существовать. Избавившись от навязанной опеки, люди вздохнули свободней, перестали бояться и прятаться, в общем, жизнь забила ключом. Вот тогда-то Варду впервые пришло в голову, что с его странными способностями он мог бы сделать для людей много хорошего. Нужно сказать, что поначалу эта идея вызвала в его душе протест. Одно дело, когда тебя вынудили защищаться, и совсем другое – сознательно истреблять бандитов, которые тоже являются людьми, между прочим. Однако, на-

смотревшись на беспредел, который творили кланы в своих вотчинах, Вард не смог оставаться в стороне и всё-таки втянулся в местные разборки.

Его вылазки были нечастыми и поначалу спонтанными, но постепенно воин невидимого фронта упорядочил свою очистительную деятельность, стал тщательно готовить операции и заметать следы. Полная анонимность стала его главным оружием против бандитов, ведь узнай кто-нибудь, что одинокий мститель, который терроризирует местные кланы, живёт как обыкновенный обыватель прямо у них под боком, и его миссии пришёл бы конец. Постепенно жизнь Варда как бы вкатилась в наезженную колею. Материальное благополучие служило ему неплохой подушкой безопасности, а бойцовские навыки быстро отвадили от района, где он обустроился, особо безбашенных бандюков, промышлявших поборами среди местных жителей.

Наверное, на этом можно было бы и успокоиться, признать, что жизнь удалась, и смиренно дожидаться старости. Однако, чем более упорядоченным становилось существование Варда, тем сильнее его одолевало странное беспокойство, которое постепенно переросло в осознание, что такое существование лишено смысла. В добавок у него появилось чёткое ощущение, что в той прежней жизни, которая была у него до воскрешения, этот смысл присутствовал, и нужно только вспомнить, чему была посвящена его первая жизнь, чтобы обрести душевный покой. Это ощущение заню-

во подстегнуло поиски заветного средства, которое помогло бы Варду всё вспомнить, и неприкаянный бродяга отправился в путь. Не исключено, что он до сих пор бы тупо мыкался по шарлатанам от магии, если бы ни счастливый случай, приведший его к Нарьяне.

Каким образом хитрой ведьме удалось разглядеть, что на самом деле мучало её клиента все эти годы после воскрешения, так и осталось для Варда тайной. Точно такой же загадкой стала для него попытка Нарьяны скрыть правду о реальном существовании привидевшегося ему ангела. Впрочем, все эти ведьмовские закидоны Варду были до лампочки. Как только туманный образ женщины-ангела обрёл материальные черты, он буквально нутром почувал, что именно в ней и заключён тот самый ускользающий смысл его жизни. Кто-то, наверное, мог бы и посмеяться над сентиментальностью сурового мужика, разменявшего свой пятый десяток, но после того сеанса у ведьмы поиск незнакомки сделался для Варда самым главным жизненным приоритетом. Он не пытался анализировать причину столь странной мании, просто знал, что должен быть рядом со своим ангелом, и всё.

Стоит ли удивляться тому, что Нарьяна, которая помогла Варду осознать, для чего он живёт, сделалась для него эдакой волшебной феей, почти святой? Если бы ещё эта святая вела себя соответственно, то благодарности Варда вообще бы не было предела. Увы, ведьма, как назло, корчила из себя вульгарную потаскушку, да ещё с претензией на статус

светской дамы и жены. Даже не постеснялась тупо купить своего предполагаемого мужа, подсунув ему добытые явно несправедливым путём драгоценности. Всё это, разумеется, никак не уменьшило благодарности Варда и его готовности отплатить добром за добро, но всё же существенно разбавило изначально тёплые чувства изрядной долей разочарования, если не сказать, презрения.

Впрочем, сей негатив никак не отразился на его решимости приютить бездомную ведьму. Конечно, он бы предпочёл, чтобы Нарьяна сама как-нибудь решила свои жилищные проблемы, в конце концов, никто не заставлял её сжигать свой собственный дом. Кстати, найти себе новое жильё ей было бы совсем нетрудно. Без всякого сомнения любой житель соседнего посёлка посчитал бы за величайшую удачу предоставить свой дом в распоряжение могущественной ведьмы. Но предложить ей такой вариант у Варда язык не повернулся.

Раздосадованный перспективой какое-то время делить кров с незнакомой тёткой он вернул Нарьяне мешок с наследством и, пробурчав себе под нос что-то нелицеприятное в адрес беспардонных баб, занялся раненым. Кровь из раны больше не шла, однако самопальный доктор на всякий случай зафиксировал её тугой повязкой из своей сорочки, поскольку при транспортировке раненого кровотечение могло возобновиться. Собственно, в походных условиях ничего другого сделать было нельзя, оставалось только надеять-

ся на живучесть бессмертного. В любом случае, его нужно было побыстрее доставить в посёлок, где, возможно, имелся лекарь. Вард аккуратно взвалил бесчувственное тело на плечо и повернулся к ведьме, которая всё это время демонстративно игнорировала его спасательскую деятельность, стоя в сторонке и изображая из себя эдакую апологию презрения к бессмысленной трате времени.

– Ты готова, Нарьяна? – как Вард ни старался, чтобы его голос звучал дружелюбно, но всё же не смог скрыть своего раздражения. Ведьма никак не прореагировала на его слова, словно не услышала. – Если ты передумала идти со мной, то так и скажи, нечего изображать из себя обиженную, – Вард уже начал закипать и перестал сдерживаться. – Дважды предлагать не стану, – заявил он и не спеша двинулся в сторону посёлка.

За его спиной раздался громкий театральный вздох, а потом зазвучал торжественный и печальный голос Нарьяны.

– Ты вернул свой долг, Вард, теперь мы квиты, – слова были едва различимы, словно доносились откуда-то из-под земли. – Ты не обязан предоставлять мне кров. Я не обижусь и не стану тебе мстить.

Только через несколько секунд до адресата сей пафосной сентенции дошло, что это был какой-то ритуал. Ведьма как бы запечатывала магический договор, предоставляя должнику полную свободу действий. Это было даже забавно, выходит, всё это время он был у неё на крючке. И что же застави-

ло Нарьяну отказаться от применения колдовских чар? Вард повернулся и сразу заметил, что с Нарьяной что-то происходит. Её лицо сделалось бледным, как у утопленницы, а из глаз напрочь исчезло выражение самодовольного превосходства, теперь в её взгляде легко читалась неуверенность и даже страх.

Наверное, если бы Вард не обладал эмпатическими способностями, он бы решил, что этот спектакль ведьма устроила с какой-то коварной целью, но эмпат ощущал её страх так остро, что его даже слегка замутило, поэтому он никак не мог сомневаться в её искренности. Чего же она боялась? Уж точно не остаться без крова. Нет, для Нарьяны отчего-то было прямо-таки жизненно важно, чтобы этот кров ей предоставил именно Вард, причём добровольно, без принуждения и ведьмовских фокусов. Похоже, что-то эта провидица увидела в своих видениях, о чём не хотела или не могла рассказать.

Вполне возможно, если бы Нарьяна по-прежнему строила из себя могущественную и беспринципную повелительницу, несвоевременно освобождённый от своих обязательств должник послал бы её лесом со всеми её закидонами. Но ведьма сейчас так сильно напоминала жалкую побитую собаку, которую выгнали из дома, что ему стало жалко несчастную одинокую дурёху, которая из-за каких-то навязчивых видений сожгла своё жилище.

– Ладно, идём отсюда,– Вард устало улыбнулся и протя-

нул руку Нарьяне,— в моём доме найдётся место для одной неприкаянной ведьмы.

В посёлке, где ввиду наступления ночи путникам пришлось заночевать, они пристроили на постой раненого, заплатив хозяину из ведьминого наследства кругленькую сумму. На прощанье Вард зашёл проведать своего несостоявшегося убийцу. Всё-таки это был его первый опыт врачевания, если не сказать, реанимации, и он ощущал некоторую ответственность за результат. Бессмертный был бледен, но дышал уже довольно свободно, несмотря на дырку в груди.

— Зачем ты меня спас? — он подозрительно зыркнул на своего спасителя из-под насупленных бровей. — Я тебя об этом не просил и ничего тебе не должен.

— Расслабься, парень, мне от тебя ничего не нужно,— в голосе Варда можно было без труда уловить нотки облегчения. Если меньше, чем через сутки после ранения, бессмертный начал демонстрировать свой гонор, то точно выживет. — Выздоровливай, хозяин дома за тобой поухаживает, ему за это уплачено сполна.

— А куда ты сам собрался? — как бы между прочим поинтересовался раненый.

— Домой,— Вард мечтательно улыбнулся, представляя, как вернётся к родному очагу. — У меня есть домик в Каламуте. Если будешь в тех краях, заглядывай, буду рад гостю. Спросишь дом Варда, меня там все знают.

— А не боишься, что я приду закончить то, что мне вчера

не удалось? – в голосе бессмертного было гораздо больше удивления, нежели угрозы.

– Нет, ты меня не тронешь, – уверенно заявил Вард, – зато, может быть, расскажешь, что же такого натворил Магистр.

– Ты освободил бессмертных, – прошипел раненый сквозь зубы, – из-за этого нас теперь истребляют. Раз уж ты вернулся, Магистр, то должен всё исправить.

– Я ожидал чего похуже, – Вард задумчиво покачал головой. – Кто бы мог подумать, что свобода может стать проклятием. Прости, но я не знаю, что тут можно поделать. Если я когда-то и был Магистром, то сейчас ничегошеньки об этом не помню. Ну ладно, бывай, – он повернулся и зашагал к двери, однако на полпути его остановил голос бессмертного.

– Меня зовут Ласár, – в его голосе не было дружелюбия, но и агрессивные нотки из него исчезли. – Мы ещё встретимся, Магистр, и вместе придумаем, как остановить эту бойню.

Реплика искателя

В нашем прошлом было немало исторических личностей, которые свято верили в то, что благородная цель оправдывает неприглядные средства, так что манипуляция нашего божественного вандала не должна восприниматься нами как нечто, выходящее за рамки вменяемости. Я даже вполне допускаю, что сам он считал внедрение концепта тела вовсе не гениальным маркетинговым ходом, а вынужденной мерой. Ну не вышло у него просто соблазнить эфирных существ тактильными ништяками и сибаритскими привычками, вот и пришлось ему пойти на откровенный подлог. Бывает. На самом деле для нас сей экскурс в историю уже не имеет значения, поскольку рефлексировать на тему соотношения целей и средств человечеству осталось недолго.

Наверное, многим из вас покажется, что я излишне драматизирую, когда пророчу гибель человечеству и материальному миру. В конце концов, наш мир совсем неплох, тут вполне можно жить. Неприятно, конечно, осознавать, что нас сюда заманили подлыми манипуляциями, но этот аспект давно уже сделался чисто умозрительным. Что сделано, то сделано, фарш невозможно повернуть назад. Не лучше ли принять реальное положение вещей и постараться извлечь из него максимум выгод для себя? К чему заморачиваться всяческими экзистенциальными вопросами, ко-

гда можно просто наслаждаться этим миром на полную катушку?

Что ж, в таком подходе несомненно имеется определённый резон. Даже в тюрьме можно неплохо устроиться, если научиться использовать её правила и законы. Беда состоит в том, что мы находимся не просто в тюрьме, а в камере смертника, и время казни приближается с неотвратимостью вылетевшей из ствола пули. В силу искусственно навязанного человечеству невежества относительно нашей природы мы случайно или намеренно ушли с пути воплощения замысла Создателя и стройными рядами направились в тупик истории. Что ж, не мы первые и не мы последние. Судя по дошедшим до нас ведическим текстам, до нас целых четыре цивилизации тоже утратили связь с источником жизненной силы и исчезли.

Что это за штука такая – жизненная сила? Отчего она так важна? Может быть, мы сможем прожить и без источника, так сказать, на подножном корме? В конце концов, в нашем мире имеются и другие проявленные объекты, помимо людей. Что нам стоит перераспределить богатства этого мира в свою пользу? Что ж, это вполне возможно, более того, мы и так этим перераспределением занимаемся постоянно, употребляя в пищу животных и растения, но дело тут вовсе не в обеспечении жизнедеятельности своей тушки, а в сохранении человеческой сущности.

Понятие жизненной силы несёт в себе сакраменталь-

ное значение, поскольку определяет статус того или иного проявленного объекта в мироздании, а именно его свободу и степень независимости от тела. И тут я говорю не о силе мышц, не о той энергии, что заставляет бежать кровь по нашим жилам, я говорю о жизненной силе сознания, о той субстанции, которую мы раньше именовали душой. Собственно, душой мы называли не жизненную силу вообще, а то её минимальное количество, которое делает из животного человека.

У так называемых неживых объектов жизненной силы настолько мало, что сами они не в состоянии управлять процессами своего развития, осуществлять воплощение заложенного Создателем смысла. Чтобы в соответствии с логосом из камня возник дом, какая-то внешняя сила должна этот дом построить. Растения уже обладают большей свободой, они вполне способны реализовывать свой логос самостоятельно, прорасти из семени, цвести, плодоносить и размножаться. Но, в отличие от животных, растения лишены мобильности, они привязаны к определённому месту обитания. Жизненной силы животных уже хватает на то, чтобы ползать, бегать, плавать и даже летать, тем не менее смыслы их существования достаточно просты: обеспечить пропитание и безопасность себе и потомству.

А что же человек? Что даёт ему прибавка жизненной силы по сравнению с братьями нашими меньшими? Очевидно,

что мы должны обладать ещё большей свободой от наших тел, чем животные. Собственно, именно способность осознать себя не телом, а сознанием и делает нас людьми. К сожалению, эта прибавка жизненной силы постоянно уменьшается, причём с катастрофической скоростью. Мы пока сохраняем свою человеческую сущность, поскольку изначально обладали внушительными запасами жизненной силы, которые сейчас и расходует, но уже давно перестали даже просто чувствовать свою душу, и это понятие из вполне бытового и прагматичного явления ушло куда-то в область мистики и религии. Увы, пополнить наши запасы жизненной силы нечем, поскольку источник больше не питает человеческие сознания.

Глава 9

От запаха антисептика, повисшего над кухонным столом, словно комариный рой, у Алика защипало в носу, и он смачно чихнул.

– Не вертись,– прикрикнул на своего непослушного пациента Рис,– похоже, в ребре трещина, придётся перетянуть.

– Больно ведь,– огрызнулся Алик,– я ж не железный.

– А драться не больно было? – в голосе домашнего доктора не было ни капли сочувствия, напротив, в нём явственно слышались злорадные нотки.

Надо сказать, что для недовольства у Риса имелись веские основания, поскольку это была далеко не первая травма его возмужавшего сыночка, которую папочке приходилось врачевать. Весь последний год Алик дрался с завидной регулярностью, причём доставалось ему крепко. До переломов, правда, дело раньше не доходило, но синяки и порезы были делом обычным. Как Рис ни старался, но причину сей батальной эпопеи алатского разлива ему выяснить так и не удалось. Подраненный драчун только скрипел зубами от боли, но молчал как партизан. Кристинка тоже хранила молчание на этот счёт, хотя наверняка была в курсе походов своего сводного братишки.

Эта парочка заговорщиков вообще частенько доводила Риса до белого каления. Друг с другом они делились бук-

важно всем, а вот за их тесный круг информация совершенно не просачивалась. Ну кто бы мог подумать, что главным авторитетом для задиристого мальчишки станет не отец, когда-то командовавший отрядом охотников, а старшая сестра? Возможно, объяснение сего феномена крылось в том, что Кристинка в каком-то смысле заменила Алику маму, когда его родная мать погибла. Малышу тогда едва исполнилось три годика, а его сестричка была старше на каких-то жалких шесть лет, но это не помешало ей занять место хозяйки дома. Как она справилась с такой непростой задачей, до сих пор оставалось для Риса загадкой, не иначе приколдовывала втихаря.

Слов нет, Кристинка заслужила любовь и благодарность младшего братишки, и пока Алик был маленьким, его возторженное отношение к малолетней мамочке было в какой-то мере оправдано. Но где это видано, чтобы подросток делился со своей пусть даже условной матерью всеми секретами, и при этом сам был посвящён в самые интимные подробности её жизни? Это же просто какая-то аномалия. Однако факт оставался фактом, эти двое прониклись друг к другу бесконечным доверием с самого начала их семейной жизни, и это доверие до сих пор ни разу не было обмануто ни братом, ни сестрой.

– И долго эти потасовки будут продолжаться? – Рис закончил перевязку и бросил Алику рубашку. – Тебе больше нечем заняться? Ну так я тебя быстренько пристрою на стро-

ительство дороги в Гвенду. Слава богу, у члена городского совета такие полномочия имеются.

Алик обиженно засопел, но спорить не стал, в конце концов, обещанное наказание было заслуженным. На самом деле у обвиняемого имелись смягчающие вину обстоятельства, только рассказывать о них он не стал бы даже под страхом смерти, потому что этот секрет ему не принадлежал. Дело в том, что дрался он вовсе не из юношеской бравады, парень защищал честь сестры. Вообще-то, у Кристины в Алате имелось много поклонников, собственно, практически всё мужское население города от шестнадцати до сорока заглядывалось на Аликову сестричку, однако девушка относилась к ухаживаниям и попыткам флирта со стороны условно сильного пола с полным безразличием, игнорируя как комплименты, так и оскорбления обломавшихся ухажёров.

Мужики, понятное дело, бесились, но у большинства из них хватало ума, чтобы держаться в рамках приличий. И только троица двадцатилетних оболтусов под предводительством Лукаса, мнившего себя неотразимчиком, постоянно и демонстративно поливала грязью отвергнувшую их поползновения недотрогу. Предъявлять свои претензии непосредственно Кристине грубияны побаивались, поскольку всем в Алате было хорошо известно, что она владеет магией, а вот её младшего братишку они сочли безобидным и принялись вымещать на нём свою злость, отпуская в адрес его сестры гнусные оскорбления. Нужно отдать должное парню, пона-

чалу он старался разрешить возникший конфликт мирным путём, но в конце концов не выдержал и стал отвечать, причём вовсе не словами.

Кристина, конечно, пыталась уговорить братишку, уверяла его, что жалкие мстительные потуги каких-то дебилов её не трогают, но уговоры не помогли. Противостояние, которое поначалу носило вполне невинный характер, быстро переросло в настоящую войнушку. Никакие скидки на разницу в возрасте и количество участников драки в расчёт уже не принимались, обиженные ухажёры накидывались на Алика втроём, и доставалось защитнику чести и достоинства прекрасной дамы по самое не балуйся. Для своих неполных шестнадцати парень он был крепкий и рослый, но силы были уж слишком неравные. Спасало Алика только то, что Рис обучил его кое-каким приёмам борьбы, а к тому же заставлял ежедневно тренироваться.

– Чем это тебя так приложили? – поинтересовался доктор, складывая лекарства и оставшиеся бинты в ящик, – Похоже, не кулаком, а какой-то дубинкой. Нужно будет сделать снимок, чтобы убедиться, что лёгкое не задето.

– Им тоже неплохо прилетело, – Алик самодовольно осклабился, но тут же скривился от боли и закашлялся.

– Им? – Рис вопросительно поднял правую бровь. – И сколько их было?

– Трое, – в голосе забияки проскользнули хвастливы нотки, – но один отделался лёгким испугом, зато остальные на-

долго запомнят этот день. Кое-кому теперь придётся ходить щербатым, а другому – носить тёмные очки, чтобы скрыть фингал.

– Ты выбил кому-то зуб? – вместо осуждения, в голосе Риса непроизвольно прорезалась гордость за сына, которого он лично обучал боевым приёмам охотников.

– Скажи, круто, – не стал отнекиваться Алик.

– Это заходит уже слишком далеко, – Рис недовольно покачал головой, – потеря зуба любого озлобит. Как бы тебе самому ни пришлось зубы вставлять.

– Ни фига, у меня блок железный, – фыркнул Алик, – ты же знаешь.

– Но удар в корпус ты всё-таки пропустил, – Рис не упустил возможность хоть немного поумерить самонадеянность парня. – Уверен, что владеешь ситуацией? – он всё-таки не удержался от попытки успокоить свою совесть таким нехитрым способом, мол, инцидент исчерпан, будем жить дальше.

– Я разберусь, – пробурчал Алик, ничуть не успокоив своего родителя.

Да, Рису было о чём волноваться, поскольку накал непрекращающихся стычек драчуна проявлял явную тенденцию к нарастанию, неровен час, дело дойдёт до поножовщины. А вот это уже было по-настоящему опасно, причём вне зависимости от того, кто выйдет из схватки победителем. Законы Алата не предусматривали снисхождения для убийц, даже столь юных, как Алик. По местным представлениям под-

ростки считались совершеннолетними с четырнадцати лет, так что если случится что-то фатальное, виновника будут судить как взрослого по всей строгости законов военного времени. За убийство, даже случайное, могут и казнить.

Разумеется, теперь Алат уже ничем не напоминал военный лагерь, но сознание жителей, которым пришлось пережить ужас беспощадной войны на полное уничтожение, перестраивалось на мирные рельсы очень медленно. Город до сих пор управлялся жёсткой рукой городского совета, который не допускал никаких попыток саботажа местных законов. Нежелающих подчиняться строгой дисциплине изгоняли из Алата без всякой жалости, а нарушителей судили всем миром и наказывали довольно сурово.

Пять лет назад Орден распался на отдельные кланы, которые теперь гораздо охотней грызлись между собой, нежели третировали жителей свободных городов. Этим горе-воjakам вполне хватало тех поселений, которые раньше находились под властью Ордена, и нападать на хорошо укреплённые и охраняемые города мятежников не было нужды. На самом деле атаки боевиков на Алат прекратились ещё до распада Ордена, когда город накрыли защитным энергетическим куполом. Теперь купола имелись уже в двадцати четырёх городах, и небольшие подземные поселения под их надёжной защитой постепенно росли и отстраивались на поверхности. В Алате под землёй вообще остались только технические сооружения, да кое-какие мастерские, все остальные построй-

ки теперь красовались под ясным солнышком.

Если честно, после распада Ордена постоянное поддержание работы купола можно было бы считать излишеством. Ни одному клану было не под силу подчинить себе алатцев, закалённых многолетней войной с орденскими боевиками. Но жители города так устали обороняться, что возможность предоставить это непростое дело высоким технологиям восприняли с радостью и энтузиазмом. Городской гарнизон сократили до двух десятков охранников, а остальные бойцы с облегчением выдохнули и переключились на более мирные занятия. Наличие купола никого не напрягало и не в последнюю очередь потому, что мало кому из алатцев вообще приходило в голову покидать долину. Даже теперь это было небезопасно, так как кланы регулярно устраивали облавы и кордоны на дорогах.

Разумеется, бандюки уже не представляли собой ту единую и непобедимую силу, что держала в страхе и подчинении весь мир, кроме горстки мятежных поселений. Что-то сломало хребет этому монстру, но он ещё бился в конвульсиях, разрушая всё, до чего мог дотянуться. Поговаривали, что распаду Ордена предшествовало исчезновение его Магистра, но достоверных сведений не было практически ни у кого. Рис был одним из немногих, кто кое о чём догадывался, например, о том, что к этому исчезновению был причастен Семён, который, собственно, и был последним носителем Медины. Порой Рису даже приходило в голову, что в

распаде Ордена имеется и его заслуга, ведь именно благодаря его вмешательству Магистр лишился своего носителя.

Впрочем, гордиться тут было особо нечем, роль Риса в тех далёких событиях была весьма неприглядной, и он всеми силами старался вытеснить их из своей памяти. Правда, получалось хреново, бедняга до сих пор просыпался в холодном поту, когда ему снился тот вечер, с которого началась его новая жизнь в качестве отца-одиночки. Теперь Рису было стыдно вспоминать своё малодушное поведение, мысли о самоубийстве и попытки убежать от реальности. Вместо того, чтобы барахтаться в своих фрустрациях, ему следовало бы утешать осиротевших по его милости малышей, но всё вышло с точностью до наоборот, это детки вернули своего непутёвого родителя к жизни.

Нужно отметить, что главную роль в этом непростом деле сыграл Алик, и Рис до сих пор испытывал благодарность к сыну за то, как быстро и эффективно тот вправил мозги своему неразумному папашке, закатив показательную истерику с громкостью пожарной сирены. Кстати, сим безотказным средством умиротворения Алик пользовался и позже, вплоть до того времени, когда разучился плакать. Теперь вышибить из упёртого пацана хоть одну слезинку было делом совершенно безнадёжным, даже очень сильная боль заставляла его лишь посильнее стиснуть зубы.

С возрастом своенравный и упрямый характер Алика стал проявляться всё ярче, по сути, он медленно, но верно пре-

вращался в копию своего биологического отца, который был бессмертным. Лет в семь сломить сопротивление сына силой стало вообще невозможно. Рис опробовал жёсткий подход к его воспитанию множество раз, и каждый раз именно воспитателю приходилось идти на компромисс. Что тут скажешь, генетику не обманешь.

Глядя на сына, Рис всё больше недоумевал и одновременно восхищался способностью Ордена приручать этих бесстрашных и своенравных бойцов, каковыми были бессмертные. У него самого частенько опускались руки от бессилия. Нет, он ни разу не пожалел, что приютил малыша, когда погибла его мать, Рис любил Алика как родной отец и не сомневался, что эти чувства взаимны. Однако процесс воспитания упрямяца частенько напоминал дрессировку тигра или объездку дикого мустанга. Периодически воспитатель ловил себя на мысли, что не понимает, кто кого тут воспитывает, и его накрывало ощущение полной беспомощности перед силой характера сына.

Зато Кристинка с лёгкостью могла вить из брата верёвки, перед ней Алик буквально благоговел и делался шёлковым. Может быть, на него так действовали чудеса, которые начинающий Творец не стесняясь демонстрировала домочадцам, или дело было в чём-то другом, но так или иначе без помощи Кристины Рису пришлось бы совсем туго. Стоит ли удивляться тому, что в иерархии их странной семьи девочка заняла место вовсе не ребёнка, но хозяйки дома. Это было

тем более удивительно, если принять во внимание тот факт, что до этого Тиночка никогда не занималась хозяйством. Кира старательно ограждала дочь от домашних дел, полагая, что будущий Творец должен посвящать всё своё время учёбе. Следовало честно признать, что мамочкина воспитательная метода оказалась верной, ведь только благодаря умениям Кристины дети смогли спастись.

Когда Рис силой обстоятельств сделался отцом-одиночкой, то ушёл из охотников и стал членом городского совета. Это решение далось ему нелегко, ведь охотничье братство много лет было его второй семьёй, но судьба не оставила ему выбора. От него теперь зависела жизнь двоих малышей, и Рис больше не мог рисковать жизнью, участвуя в перестрелках с орденскими боевиками. Пока он сутками пропадал в лагере охотников, работа в городском совете казалась Рису эдакой синекурой, которая предоставит одинокому папочке массу свободного времени для ухода за детьми. Как же он ошибся. Оказалось, что городские старшины пахали как проклятые целыми сутками и частенько приходили домой лишь для того, чтобы немного поспать.

Наверное, если бы ни Кристинка, взвалившая на свои хрупкие детские плечики как ведение хозяйства, так и заботу об Алике, Рису пришлось бы признать свою полную несостоятельность в качестве родителя. Удивительно, как в свои девять лет малышка умудрилась организовать быт их маленькой семьи, и это при том, что она продолжала посещать свою

магическую Школу в Убежище. Раньше Рис был уверен, что на подобные организаторские подвиги была способна только Кира, но оказалось, что дочка её даже превзошла. Из-за безумной занятости малолетней хозяйки большую часть дня Алик был предоставлен самому себе и не стеснялся использовать свободу по собственному усмотрению, познавая жизнь довольно своеобразными методами, в основном, путём набивания шишек. Не удивительно, что он вырос избыточно самостоятельным и независимым.

Впрочем, закидоны сына были ещё цветочками по сравнению с теми проблемами, которые начала доставлять Рису юная волшебница, когда из малолетней пигалицы превратилась в миловидную барышню. Не сказать, чтобы она стала такой уж записной красавицей, но на парней девушка действовала словно магнит на кусок железа. Рис, хоть убей, никак не мог разобраться в этом удивительном феномене. Стоило Кристинке появиться в алатском обществе, как всё мужское население начинало виться вокруг неё, что твои пчёлы вокруг мёда. И это было бы ещё полбеда, настоящая беда состояла в том, что сама девушка совершенно не обращала внимания на производимый ею фурор. Она вела себя с ухажёрами вежливо, но равнодушно, без малейшего намёка на флирт, и её странное поведение уже начало вызывать пересуды, постепенно обраставшие сплетнями и домыслами как снежный ком.

Конечно, Рис допускал, что у ученицы магической Шко-

лы имелись основания для презрительного отношения к мужикам, ведь она в лёгкую могла бы скрутить любого бугая, а то и нескольких. Устроить дочери проверку на вшивость ему, разумеется, даже в голову не пришло, поскольку кое-какие фокусы, которые она походя демонстрировала дома, и без проверок давали представление о её возможностях. Магическая версия, объяснявшая равнодушие Кристины к противоположному полу, показалась Рису вполне достоверной, и он не стал докапываться до правды, тем более, что эта версия его полностью устраивала. Эх, если бы он только имел доступ к секретам своих деток, то не был бы столь беспечен. Ведь настоящая причина холодности Кристины заключалась вовсе не в презрении к мужчинам, а как раз наоборот, в том, что она уже очень давно отдала своё сердце одному из них.

О том, что в этом маленьком сердечке поселилась запретная любовь к их приёмному отцу, Алик узнал ещё в сопливом детстве и все эти годы свято хранил сестричкин секрет. Нужно отдать должное нашему хранителю чужих тайн, он не пытался осуждать то, что понять был не в силах, просто принимал любовный бзик Кристины как данность и старался по мере сил поддержать страдающую от отсутствия взаимности влюблённую девушку. А со взаимностью дело действительно обстояло из рук вон плохо, Рису ведь даже в голову не могло прийти, что эта малолетняя пигалица видит в нём не любимого папочку, а мужчину, с которым хочет близости.

Как ни старалась Кристина создать правильную атмосфе-

ру, чтобы изменить свой имидж в глазах отчима, но сломать стереотипы отношений, сложившиеся за три года их прошлой семейной жизни, так и не смогла. Даже когда девушка преодолела двадцатилетний рубеж, Рис продолжал относиться к ней как к своей малышке. А ведь Кристина по факту заменила отчиму погибшую жену практически во всём, кроме секса: вела хозяйство, воспитывала братика, создавала уютную атмосферу в доме и всячески поддерживала вечно занятого главу семьи. Она никогда не называла своего кумира папой, только по имени, как бы подчёркивая отсутствие кровных родственных уз.

Увы, всего этого оказалось недостаточно, и тогда в ход пошла уже тяжёлая артиллерия. Девушка начала откровенно показывать Рису, что он ей нравится как мужчина. Теперь ошарашенный папочка всё чаще слышал, как дочь прибавляет к его имени эпитеты, типа «милый», а то и «любимый». При разнице в возрасте между ними более сорока лет это звучало довольно экстравагантно и вызывающе, но поначалу Рис легкомысленно игнорировал попытки заигрывания любимой дочурки, списав их на эксцессы взросления. Он был уверен, что девица переберется и успокоится.

Однако время шло, а юная кокетка настырно продолжала свою наступательную операцию. Чтобы остудить зарвавшуюся нахалку, возомнившую, что ей позволено играть чувствами своего папочки, Рис принялся ухаживать за одной молоджавой вдовушкой. На самом деле никаких иных наме-

рений, кроме вразумления своего великовозрастного дитяти, у ухажёра не имелось, но вдовушка оказалась довольно решительной особой и быстренько взяла его в оборот. Неизвестно, чем бы закончился сей воспитательный манёвр, если бы однажды прямо посреди белого дня, прогуливаясь по улице Алата, вдовушка ни лишилась своего платья, оставшись в довольно нескромном белье.

На вопли возмущённой общественности Кристинка только удивлённо пожала плечами, мол, она тут совершенно ни при чём. За неимением доказательств злого умысла и вследствие отсутствия прямого ущерба пострадавшей дело удалось спустить на тормозах, но сей откровенный сигнал всё же достиг своей аудитории. С тех пор не только вдовушка, но и остальные жительницы Алата стали избегать опасного кавалера, да и сам кавалер больше не рисковал возбуждать ревность юной волшебницы. Однако эта хамская выходка всё же имела весьма далеко идущие последствия, и заключались они в том, что Рис начал ловить себя на проявлении ответных чувств к дочери.

Впрочем, дело тут было вовсе не в том, что Кристине якобы удалось разжечь огонь страсти в давно остывшем сердце любимого мужчины, всё было гораздо банальней. Когда девушке исполнилось двадцать лет, она стала настолько сильно напоминать свою мать, что это сходство сделалось почти мистическим, причём касалось оно не только внешности или манеры держаться, а было куда глубже. Рис был очень силь-

ным эмпатом, а потому Кирина деловитость и даже внешняя холодность не могли скрыть от него бушевавший в душе любимой женщины чувственный пожар. Возможно, именно это безумное сочетание льда и пламени как раз и свело с ума отчаянного охотника. Теперь тот же пожар бушевал в душе Кириной дочери, и от него не было спасения.

Глава 10

– Ты собираешься затеять небольшую войнушку? – Атан-кей отхлебнул чая из своей кружки и с любопытством взглянул на ученика.

– Это для самозащиты, – тут же принялся оправдываться Мартин. – Я не собираюсь использовать эти техники, чтобы причинить кому-то вред.

– Ну положим, вред – понятие относительное, – в глазах учителя промелькнуло странное выражение, совершенно не свойственное мудрому Творцу. Если бы Мартин не был так заиклен на своих корыстных целях, то обязательно обратил бы внимание на то, что взгляд Атан-кея исполнен нерешительности и сомнений. – Похоже, твоя истинная природа всё-таки начала брать своё.

– Природа Творца? – ученик сразу размяк в ожидании похвалы учителя.

– А сам-то ты как думаешь? – ушёл от вопроса Атан-кей. – Скажи-ка мне, любезный, что у тебя получается делать лучше всего?

– Тут никакого секрета нет, – Мартин пожал плечами, – лучше всего я обращаюсь со стихией огня, – он ответил на автомате, и только потом до юного мага начал доходить смысл вопроса. – Огонь ничего не создаёт, он только разрушает. Значит, я не Творец, а Разрушитель, – прошептал потрясён-

ный юноша побелевшими губами.

– Когда мы называем себя Творцами реальности, то как бы подразумеваем, что обладаем способностью к материализации, однако это не вполне корректно, – голос Атан-кея звучал так бесстрастно, словно он просто объяснял ученику очередную технику. Он то ли намеренно делал вид, то ли и вправду не заметил, какое впечатление произвёл его вопрос на Мартина. – На самом деле Творец обладает способностью трансформировать реальность в соответствии со своими намерениями, а это включает в себя в том числе развоплощение материальных объектов.

– Ага, вот только кто-то создаёт свои миры, а кто-то способен лишь на то, чтобы сжечь чужие дотла, – уныло пробормотал Разрушитель.

– Не нужно прибедняться, – пожурил своего ученика Атан-кей, – у тебя и с материализацией дела обстоят совсем неплохо. Однако давай смотреть правде в глаза, тут твои способности весьма посредственные, зато обратный процесс даётся тебе с лёгкостью прямо-таки феноменальной. Думаю, весь этот антураж в виде пламени тебе уже и не требуется вовсе.

– В каком смысле? – заинтересовался Мартин.

– Я уже рассказывал тебе, что все объекты проявленной реальности являются составными, – Атан-кей вопросительно посмотрел на ученика, и тот счёл необходимым вставить свои пять копеек.

– Этот тезис даже имеется в учении будды Шакьямуни, – поддакнул Мартин.

– Все части объектов тоже являются составными, – Атан-кей как ни в чём ни бывало продолжил свою лекцию, – и так до бесконечности. В проявленном мире нет таких объектов, про которые можно бы было утверждать, что они целые и неделимые, что бы там ни говорили профаны от так называемой науки. Целым является только Абсолют, тот самый источник, из которого все объекты и проявляются. Когда мы осуществляем акт материализации, то просто соединяем более мелкие части в часть покрупнее, а когда развоплощаем, то разрываем связи между частями.

– А мы это делаем на уровне вибраций источника или на уровне иллюзий ума? – Мартин уже забыл про свои рефлексии и подключился к дискуссии.

– Очень хороший вопрос, – похвалил его Атан-кей. – Любой Творец работает сразу на двух уровнях. Непосредственная трансформация реальности осуществляется на уровне вибраций, а за вписывание результата в нашу иллюзорную реальность уже отвечает ум.

– То есть огонь для меня – это просто якорь ума, – догадался ученик.

– Совершенно верно, – Атан-кей удовлетворённо кивнул, – тебе требуется некий огненный ритуал, красочная визуализация, которая помогает тебе убедить свой ум, что всё происходящее реально. Само разрушение связей происходит ещё

до того, как вспыхивает пламя.

– Значит, я могу разрушить любой объект, просто выразив такое намерение? – от столь фантастической перспективы у Мартина захватило дух.

– Попробуй, – Атан-кей взял со столика пустую кружку и протянул её своему ученику, – думаю, у тебя получится.

– Но ведь эта кружка – часть твоего мира, учитель, – засомневался юный маг, – а вдруг я нарушу какие-то важные связи.

– Мой мир не настолько хрупок, чтобы уничтожение одной кружки могло его разрушить, – рассмеялся Атан-кей, ставя посудину на столик перед Мартином. – Постарайся увидеть кружку как совокупность мельчайших частиц и разорви связи, которые соединяют эти частицы.

Пару минут ничего не происходило, Мартин сосредоточенно разглядывал предложенный объект манипуляций, как бы примеряясь к задаче, а потом закрыл глаза. Как только он это сделал, по комнате словно прошёлся лёгкий ветерок, по крайней мере, именно такой тихий шёпот могло бы издать ленивое движение воздуха. Кружка внезапно задрожала и как бы сделалась зыбкой, полупрозрачной, а потом с каким-то неприятным хрустом рассыпалась в пыль. Однако на этом представление не закончилось, следом за кружкой последовал ближний к Мартину угол столика и кусок пола под ним. Атан-кей сделал быстрый жест рукой, и ученик отлетел на подушки как лёгкое пёрышко. Очнувшись от транса,

Мартин с ужасом уставился на дело своих рук.

– Я не понимаю, как это вышло, – промямлил он, заглядывая в дыру, из которой сразу повеяло утренней свежестью.

– Неплохо, – Атан-кея порча имущества, судя по всему, ничуть не расстроила, – теперь нужно научиться фокусировать энергию и рационально её использовать. – Он небрежно махнул рукой, и нанесённые повреждения исчезли, кружка снова, как ни в чём ни бывало, спокойно стояла на столике, – а потом будем работать над тем, чтобы уменьшить части, на которые распадаются объекты.

– Мне это действительно было проще, чем что-то материализовать, – в голосе юного мага явственно прозвучала обида. – Почему я не такой, как все?

– У каждого Творца имеется область знаний, в которой он преуспевает больше, чем в других, – учитель не купился на жалобный вид ученика, – тут нет ничего обидного или ущербного. Задача учителя как раз и состоит в том, чтобы выявить эту область. Будем считать, что нам с тобой повезло, большинство людей тратят не одну жизнь на поиск своего предназначения.

– Но я не хочу быть Разрушителем, – принялся канючить Мартин.

– Видимо, поэтому тебе понадобились техники, которые разрушают человеческую психику, – Атан-кей ехидно подмигнул расстроенному ученику. – Ладно, не возмущайся, – рассмеялся он, – давай-ка мы лучше разберём, на чём тебя

подловил тот человек, от которого тебе теперь нужно защищаться. Опиши мне вашу встречу, только не спеша, в подробностях, главное, припомни хорошенько, что ты чувствовал.

Мартин почему-то не решился рассказать учителю, что того человека больше нет в живых, а защита ему требуется от собственного приёмного отца. Вместо покаяния, он принялся в подробностях излагать свой поединок с бессмертным. Когда он закончил, Атан-кей ещё довольно долго молчал, размышляя над его рассказом, так что Мартин уже начал волноваться и, как вскоре выяснилось, не напрасно.

– Странно, я и подумать не мог, что у тебя имеется столь глубоко запрятанный комплекс,— наконец произнёс Творец. – Да, я, конечно, знал, что твой отец занимает какой-то высокий пост, и у него нет возможности много заниматься своим сыном, но мне казалось, что это для тебя не проблема. Что ж, хорошо, что мы это выяснили до того, как ты прошёл посвящение.

– Причём тут мой отец? – Мартин ошарашенно уставился на учителя.

– Ты попался на страстном желании понравиться и угодить человеку, который манипулировал твоей волей,— пояснил Атан-кей. – Странно, обычно люди ломаются либо на панической атаке, либо на внушении чувства бессилия, но ты справился и с тем, и с другим. На месте твоего противника, я бы, наверное, отступил, но он тебя каким-то образом

просчитал.

– Что он просчитал?! – не выдержал Мартин.

– Разве ты не понял, что он сыграл твоего отца? – Творец сокрушённо покачал головой. – Грязный трюк, если подумать. Марти, дело в том, что в глубине души тебе ужасно хочется, чтобы рядом с тобой был строгий, но любящий и заботливый отец, который знает, что для тебя лучше, и всегда готов помочь. Судя по всему, твой отец не может или не хочет быть для тебя таким человеком.

– Он мне не отец, – пробурчал Мартин, – я приёмный.

– Это нехорошо, – Атан-кей сочувственно улыбнулся. – Прости, Марти, но я не смогу тебя больше учить, пока ты ни избавишься от своего комплекса. Это может быть очень опасно, в первую очередь, для тебя самого.

– Вы от меня отказываетесь? – в голосе Мартина послышались истеричные нотки, он никак не мог предположить, что разговор с Атан-кеем вот так закончится. Для него общение с учителем давно уже сделалось неотъемлемой частью жизни, и потерять эту часть казалось невыносимым. – Но что плохого в моём желании иметь отца?

– Абсолютно ничего, – Атан-кей сочувственно покачал головой. – Плохо то, что твоё страстное желание до сих пор остаётся неудовлетворённым, оно загнано в подсознание и управляет твоим поведением в обход осознанности. Твой комплекс можно с уверенностью назвать нетипичным, обычно дети в твоём возрасте, наоборот, стремятся противопо-

ставить себя взрослым, не понимая, что от этого хуже всего становится им самим. Попробуй наладить отношения с приёмным отцом, – посоветовал учитель.

– Вы не понимаете, о чём говорите! – взорвался Мартин. – Он не считает меня сыном, я ему нужен для каких-то его планов и только. Это от него мне нужна защита.

– Извини, я не посвящён в твои семейные дела, – Атан-кей недоумённо пожал плечами, – а потому не могу судить, насколько ты объективен. Если не возражаешь, я бы хотел поговорить с твоей мамой, чтобы получить более полную картину.

– Моя мама не сможет сюда добраться, – обиженно буркнул Мартин, – она пленница в доме отчима. Но Вы должны её знать, ведь это мама посоветовала отчиму отдать меня Вам в обучение. Её зовут Кира, может быть, помните?

– Да, у меня когда-то была ученица с таким именем, – Атан-кей мечтательно вздохнул. – Она была Мастером и достигла очень хорошего уровня буквально за считанные месяцы. Уникальный случай в моей практике. Жаль, что Кирочка бросила занятия.

– Мастером?! – Мартин от удивления едва ни поперхнулся. – Моя мама умеет трансгрессировать?! Тогда я не понимаю, как можно удержать Мастера в плену. Это какая-то нелепица, наверное, меня обманули.

– О надёжности твоих источников я, конечно, судить не возьмусь, зато могу тебя уверить, что пленить Мастера не так

уж сложно,— в голосе Творца явственно послышалось раздражение, правда, Мартину показалось, что тот сердится не на своего ученика, а на собственную беспечность, ведь он даже не попытался выяснить, что произошло с его ученицей, когда та внезапно исчезла. — Во-первых, можно заблокировать способности человека к трансгрессии, что довольно легко осуществить с помощью вполне доступных химических препаратов, а во-вторых, можно установить в каком-то замкнутом пространстве запрет на перемещения. Наконец можно ещё создать свой мир с ограниченными правами доступа для конкретных людей, но это под силу только Творцу.

— Я не понимаю, что такое запрет на перемещения,— Мартин озадаченно нахмурился. — Разве можно манипулировать с базовой реальностью?

— А почему нет? — удивился Атан-кей. — Разве ты способен управлять реальностью только в моём мире? Не сомневаюсь, что ты регулярно что-нибудь химичишь у себя дома. Создание алгоритма запрета на трансгрессию по своей сути ничем не отличается, например, от материализации какого-либо объекта.

— Почему же тогда я могу трансгрессировать из нашего дома? — Мартин озадаченно нахмурился.

— Обычно алгоритм запрета завязывают на что-то прочное, вроде стен,— пояснил Атан-кей,— и это не может быть какое-то большое пространство, например, целый город, иначе никаких запасов энергии не хватит. Возможно, ты для со-

вершения перемещения выходишь за пределы действия алгоритма.

– Ограниченное пространство, в этом всё дело! – в голосе Мартина прозвучал такой восторг, словно он только что открыл закон земного притяжения. – Знаете, а ведь мама никогда не покидает своего флигеля, даже гуляет только во внутреннем дворике. Я думал, что она просто не желает никого видеть, но похоже, ей тупо запрещают выходить за пределы периметра.

– Значит, мы имеем дело с алгоритмом запрета на трансгрессию, – резюмировал Атан-кей. – Не беспокойся, Марти, я придумаю, как освободить твою маму.

– Я сам её освобожу! – Мартин от возбуждения подскочил на месте.

– Не горячись, юноша, – Атан-кей успокаивающе похлопал ученика по коленке, – взломать чужие алгоритмы тяжело даже опытному Творцу. Это всё равно, как программисту исправить чужую компьютерную программу, проще написать свою.

– Но я ведь Разрушитель! – из горла Мартина вырвался гортанный смех, похожий на клёкот хищной птицы. – Если не смогу разобраться в алгоритмах, то просто уничтожу их вместе с флигелем к чёртовой бабушке. Вот так! – он лишь на секунду прикрыл глаза, и прямо над столом вдруг образовалась чёрная дыра, похожая на большую бесформенную кляксу.

В отличие от обычной чернильной кляксы, эта не содержала никаких полутонов или теней, только черноту абсолютного ничто. Дыра начала быстро расти, захватывая всё больше пространства. Вот она уже почти коснулась Мартина, который этого даже не заметил, и Атан-кей понял, что нужно срочно действовать. Он вытянул правую руку в направлении дыры и послал в неё мощный заряд энергии с намерением уничтожить эту пугающую пустоту. Увы, вместо того, чтобы схлопнуться, дыра как бы всосала в себя дармовую кормёжку, и её рост только ускорился.

– Прекрати! – в отчаянии выкрикнул учитель и плеснул в лицо Мартину остывший чай из своей кружки.

Разрушитель от неожиданности вздрогнул, открыл глаза и уставился на продукт своих магических манипуляций, который, казалось, ошарашил непутёвого мага даже больше, чем его учителя. Он отшатнулся от сосущей черноты, да так резко, что свалился с сидения на пол. Клякса немного помедлила, а потом начала быстро рассасываться.

– Ч-что это было? – заикаясь спросил Мартин.

– Тебе виднее, – Атан-кей облегчённо выдохнул. – А что ты собирался сделать?

– Просто представил, как вскрою мамину тюрьму, словно консервную банку, – едва слышно пробормотал облажавшийся маг. – Ой, что-то мне нехорошо, – Мартин от слабости растянулся прямо на полу, – эта пакость высосала из меня все силы.

– Теперь ты понимаешь, о чём я говорю? – в голосе Атан-кея не было осуждения, скорее, в нём слышалось восхищение способностями своего ученика. – Ты очень силён, Марти, такую силу нужно держать под строгим контролем, иначе наделаешь дел. Ты хоть осознал, что только что едва ни разрушил мой мир, заодно лишив себя сил? – покачал головой учитель, видя ошарашенное состояние своего ученика. – Хорошо ещё, что ты сподобился на эту демонстрацию в мире Творца. Даже подумать страшно, что бы ты мог учудить в базовой реальности, где, судя по всему, находится тюрьма Кирочки.

– А что бы тогда случилось? – Мартин испуганно сжался, в его глазах заметался ужас.

– Что-то непредсказуемое, – мрачно отозвался Атан-кей. – Творец может починить свой мир, а кто будет чинить базовую реальность? Мы ведь создаём её все вместе. Слушай меня внимательно, юноша, я категорически запрещаю тебе пока пользоваться твоей силой. Ты меня понял?

– Насовсем? – у Мартина аж челюсть отвисла от решительного тона учителя, раньше Атан-кей никогда ему не приказывал, только предлагал и просил.

– Ты явно ещё не готов, – в голосе учителя не было ни капли сочувствия к растерявшемуся ученику. – У Творца не должно быть скрытых мотивов, которые станут управлять его мыслями на подсознательном уровне. Вот поэтому, прежде чем продолжить обучение, тебе необходимо из-

бавиться от комплексов и в первую очередь решить проблему с отцом.

– Я решу, – поспешил заверить учителя Мартин, – мой родной отец жив, и я с ним познакомлюсь. Вот только сначала мне нужно научиться защищаться от ментального воздействия, ведь мой отец тоже владеет этими техниками.

– Какой же ты, в сущности, ещё ребёнок, – Атан-кей снисходительно усмехнулся. – Если кто-то умеет пользоваться спичками, это вовсе не значит, что у него должна земля гореть под ногами. Зачем, скажи на милость, твоему отцу причинять тебе вред? Тот человек, с которым ты столкнулся, ведь просто защищался. Если бы ты сам на него ни напал, разве стал бы взрослый так поступать с беззащитным подростком? Разберись со своими комплексами, Марти, – закончил учитель, – а до той поры забудь про свои разрушительные способности.

– А вдруг мне всё-таки придётся защищаться? – закинул удочку Мартин, которому запрет на использование разрушительной силы показался откровенной перестраховкой.

– Похоже, ты так и не осознал серьёзности ситуации, – в голосе Атан-кея зазвучал металл, – это вовсе не просьба, а приказ. Если откажешься подчиниться, мне придётся применить меры по устранению опасности для нашего мира.

– Какие меры? – ошарашенно пробормотал Мартин.

– Мне больно это говорить, но чтобы спасти мир, придётся уничтожить его Разрушителя, – отрезал Творец.

Глава 11

Допрос длился уже второй час, а толку от показаний свидетеля было ноль без палочки. Джарет поднялся со стула и потянулся. Он уже не мог без раздражения смотреть на этого парня, который, понуро уставившись в угол, твердил одну и ту же заведомую бредятину. Командир загонщиков по имени Оливер устало вздохнул и отвернулся. Ему тоже очень хотелось оторвать свой зад от жёсткого стула, но в присутствии телохранителя Магистра он не решился на подобную вольность.

– Как ты можешь достоверно утверждать, что это был Медина? – Джарет отошёл к окну и уставился на верхушки деревьев, окружавших двор ровным прямоугольником. За пеленой дождя голые растопыренные ветки расплывались в мутную паутину, и казалось, что эта паутина опутала уже всё небо. Серое небо без единого просвета, совсем как то расследование, в котором увяз дознаватель.

– Ничего я не утверждаю, – пробурчал боевик себе под нос, – я же был без сознания. Да я даже не знаю, как выглядит Медина. Меня первый раз послали в ту реальность, когда тамошний Магистр уже исчез. Но загонщики, все как один, уверены, что встретили именно его.

– Оли, ты хоть сам понимаешь, как облажался? – в голосе Джарета послышалась угроза. – Мало того, что ты позволил

какому-то клоуну себя вырубить, так ещё и отпустил его на все четыре стороны. Для командира отряда это недопустимо. Почему ты не приказал своим бойцам вернуться на то место, где они наткнулись на фальшивого Магистра?

– Приказал,— мрачно процедил Оливер,— да только хрен они меня послушались.

– Ну-ка, поясни, как они могли тебя не послушаться? – Джарет резко развернулся к свидетелю, который прямо на глазах начал превращаться в обвиняемого. – Мы вытащили этих парней из дерьма, отмыли, экипировали, мы их содержим, учим и защищаем, а они имели наглость послушаться своего командира? Для этого у них должна была иметься очень существенная причина.

– Так у них и была причина,— запальчиво возразил Оливер,— им Магистр приказал убираться. Разве может сравниться мой приказ с приказом Магистра?

– Ладно, у парней случился когнитивный диссонанс, бывает,— Джарет покладисто кивнул,— но ты-то не мог не понимать, что это была какая-то разводка.

– Я так и подумал вначале,— обиженно пробурчал командир загонщиков,— даже хотел вернуться в одиночку, но ребята меня не пустили, связали и заперли в подвале. Я тогда здорово разозлился, думал даже зачистить отряд целиком...,— он внезапно замолк и жалобно посмотрел на дознавателя. – А вдруг это действительно был Магистр?

– Чушь не носи,— срезал его Джарет. – Если бы Медина

вернулся, то наш Магистр узнал бы об этом первым.

– Может быть, он об этом знает, да только тебе не рассказывал, – выдвинул следующее предположение Оливер. – Нужно доложить ему о случившемся, всегда лучше подстраховаться.

– На твоём месте я бы молился, чтобы Ксантипа оставался в неведении как можно дольше, – Джарет скрипнул зубами с досады. – Если до него дойдут слухи о твоём проколе до того, как мы разрулим ситуацию, то тебя, мой дорогой друг, просто повесят за разгильдяйство. Кстати, не факт, что в этом случае меня самого оправдают, это же я назначил на пост командира загонщиков такого непроходимого тупицу.

– Может, я и тупица, – обиделся Оливер, – но предпочту болтаться в петле, а не на дыбе. Если Магистр прознает, что мы скрыли от него такую важную инфу, то нас обоих запытают до смерти.

– Прекрати панику, – огрызнулся Джарет, – можешь хоть сейчас пойти и повеситься, если сдрейфил.

– У тебя есть план получше? – Оливер примирительно засопел. – Может, поделишься?

– Разве тебе никто не рассказывал о том, что победителей не судят? – насмешливо ухмыльнулся телохранитель. – Мы должны выяснить, кто он такой, этот фальшивый Магистр, а потом устроить на него охоту и преподнести Ксантипе этого клоуна на блюдечке. Как тебе такой план?

– С чего начнём? – облажавшийся боевик тут же встрепе-

нулся, готовый выполнить задание начальства.

– С допроса свидетелей, как водится, – хмыкнул Джарет. – Отбери мне пяток бойцов из твоего отряда и тащи их сюда. Думаю, через пару дней у нас будет полная картина сего якобы загадочного явления Магистра.

Увы, будущее показало, что утверждение Джарета явно страдало излишним оптимизмом. Прошло два дня, потом ещё два и ещё, а ясности не прибавилось. Уверенность бойцов из отряда Оливера в том, что они повстречали именно Магистра собственной персоной, не смогли поколебать ни изнурительные допросы, ни даже пытки. В итоге, этих пятерых пришлось ликвидировать, так как возвращать их в отряд после того, что им пришлось пережить, было чревато бунтом остальных загонщиков. Самым удивительным оказалось то, что даже перед лицом смерти ни один из бедолаг не отказался от своих показаний. Парни были настолько уверены, что с возвращением Магистра Орден возродится как феникс из пепла, что встречали свой конец с улыбкой. Наверное, именно это окончательно убедило Джарета в том, что Медина действительно воскрес.

К сожалению, пятью жертвами ни в чём не повинных боевиков не обошлось, от Оливера тоже пришлось избавиться. Во-первых, командир загонщиков оказался опасным свидетелем преступлений своего начальника, а во-вторых, к тому же ещё и слабаком. Паршивец всё время порывался ломануться в обход Джарета к Магистру, чтобы покаяться в своих

грехах. Разумеется, телохранителю вовсе не улыбалось отправиться в руки палачей за сокрытие важной информации и прокол в подборе персонала, но настоящей причиной сей безжалостной расправы над свидетелями был вовсе не страх наказания. У этой причины было женское имя – Кира.

Дело в том, что с некоторых пор в жизни Джарета произошли разительные перемены, которые полностью перевернули его представления о ценности своего существования и о собственном предназначении. А началось всё много лет назад с того, что в соседней реальности исчез Магистр. Джарет до сих пор не мог без содрогания вспоминать тот день, когда Ксантипа обнаружил пропажу своего коллеги. Магистр был настолько взбешён и напуган, что принялся крушить всё вокруг, не стесняясь использовать свои магические способности. После эдакого сеанса психотерапии кабинет Ксантипы выглядел так, словно по нему стреляли из гаубицы прямой наводкой. Но как вскоре выяснилось, это были ещё цветочки, ягодки появились позже, когда разбушевавшийся Магистр успокоился и принялся строить планы на будущее, то самое будущее, в котором не нашлось места бессмертным.

Джарет так и не понял, каким образом исчезновение Медины связалось в больном воображении его босса с бессмертными, но эта связь точно существовала. Что-то такое Ксантипа знал, что побудило его уничтожить своих самых сильных и надёжных бойцов, причём начал он не с осиротевшего без Медины мира, а с собственной вотчины. Разумеет-

ся, Ксантипа и не подумал поделиться своими живоде́рскими планами с телохранителем. Джарет начал догадываться о приговоре, который тот вынес бессмертным, только когда его товарищи по оружию начали один за другим погибать самым трагическим и нелепым образом.

Естественно, расправа над бессмертными не могла не вызвать в душе Джарета чувства протеста, ведь никто из приговорённых не отступал от своей клятвы верности ни на шаг. И самое поганое заключалось в том, что из-за установок подчинения бессмертные даже не могли себя защитить, они безропотно позволяли палачу лишиться себя жизни. Джарету не потребовалось много времени, чтобы осознать, что он тоже обречён, рано или поздно очередь дойдёт и до телохранителя Магистра. Жить с этой мыслью было уже само по себе невесело, но оказалось, что судьба уготовила ему гораздо более тяжкую долю. Джарет даже в страшном сне не смог бы представить, что ему придётся стать палачом для своих братьев, но именно это и произошло.

Наверное, выбор Ксантипы можно было бы даже назвать логичным, ведь телохранитель много лет служил ему верой и правдой и был самым доверенным лицом. Увы, для Джарета этот выбор стал настоящей трагедией. Ослушаться приказа он не мог, а бежать и скрываться было бесполезно, от установок, зашитых прямо в мозг, далеко не убежишь, приказ найдёт тебя даже в альтернативной реальности. Оставалось только смириться и ждать неизбежного конца. К несчастью

для Джарета, смирение было именно тем качеством, которое орденские братья выжигали из бессмертных калёным железом. В итоге, парни просто не умели отступать, в любой самой безнадёжной ситуации они искали выход и, кстати, довольно часто его находили.

Несколько долгих лет телохранитель и палач в одном лице провёл словно в камере смертника, каждый день ожидая, что станет следующим, и молясь, чтобы это наконец произошло. Под конец он даже начал завидовать своим товарищам, которые практически до самой смерти не понимали, что происходит, ведь у него такого бонуса не имелось. В попытках примирить привычные жизненные установки с обстоятельствами непреодолимой силы, в которые его загнала судьба, Джарет ударился в философию. Пройдя все классические стадии от отрицания до принятия, он впервые ощутил себя не частью чего-то грандиозного и величественного, чем в его прежних представлениях являлся Орден, а просто самим собой, одиночкой, чья жизнь значима для мироздания вне зависимости от других жизней.

Можно ли было сие крамольное умозаключение счесть отступничеством? Пожалуй, это было бы преувеличением, однако к тому времени, когда Ксантипа объявил своему телохранителю о помиловании, в душе Джарет уже перестал видеть в служении Ордену своё предназначение. Поскольку ничего другого бессмертный не знал, его существование утратило всякий смысл и превратилось в никчёмную обузу.

Он продолжал по инерции выполнять свои обязанности, но всё чаще начал задумываться о какой-то альтернативе этому бессмысленному служению. Если раньше ему казалось, что вне стен Ордена нормальной жизни вообще не существует, то теперь душу самопального философа всё чаще бередили мысли о побеге.

Разумеется, Джарет отдавал себе отчёт в крамольности и, главное, тщетности подобных желаний, но избавиться от них всё равно не мог. Бессмертному требовался смысл существования, ради которого он мог бы жить и умереть, а Орден перестал быть таким смыслом, и попытаться найти ему замену можно было только на свободе. Возможно, не пребывая Джарет в таком отчаянном положении, встреча с Кирой не заставила бы его мир перевернуться. Скорей всего, он бы тупо пропустил мимо ушей её рассказы о прежней жизни, но судьба позаботилась о том, чтобы сделать из бессмертного благодарного слушателя, предусмотрительно лишив его смысла существования.

С Кирой Джарет познакомился, когда Мартину исполнилось девять лет, и Магистр счёл своего сыночка достаточно взрослым для обучения боевым искусствам. Если честно, бессмертный отнёсся к новому заданию с сомнением, переходящим в недоумение, поскольку до того времени ему не приходилось иметь дело с детьми, но приказ есть приказ, и он послушно переквалифицировался в няньку. Поначалу Кира показалась Джарету чёрствой и мрачной женщиной,

ничто её не волновало, ничто не могло порадовать или расстроить. Если бы ни эмпатические способности, которыми в той или иной степени обладали все бессмертные, Джарет так бы и записал маму своего подопечного в категорию «синий чулок» и перестал обращать на неё внимание. Однако тот вулкан чувств, что бушевал в душе Киры, настолько контрастировал с её внешней холодностью, что это невольно его заинтересовало и подтолкнуло к сближению.

Мало-помалу их беседы сделались более откровенными и доброжелательными, и тогда Кира словно бы преобразилась, сделалось ясно, что она очень одинока и безумно скучает по дружескому общению. Возможно, тюремщик был не самой подходящей аудиторией для откровений пленницы, но другой у Киры не имелось, а ей, чтобы не свихнуться, позарез требовалось выговориться. В конце концов, по сравнению с безмолвной пирамидкой, перед которой Кира исповедовалась, когда во второй раз потеряла Семёна, Джарет был просто идеальным собеседником. Так что рассказчица не стала привередничать и с благодарностью приняла подарок, который от своих щедрот подбросила ей судьба.

Слушая рассказы о Кириной семье, Джарет поначалу отнёсся к ним как к выдумке мечтательной женщины. Его собственная жизнь была настолько далека от того, о чём она говорила, что их общение порой напоминало беседу инопланетян. До этого времени бессмертный даже представить себе не мог, что можно посвятить свою жизнь не высокой миссии

защиты человечества, олицетворённой идеалами Ордена, а конкретным людям, например, любимой женщине и ребёнку. Что же должно было случиться с Кириным мужем, чтобы эта простая, но совершенно недоступная бессмертным мысль вдруг стала для него истиной? Неужели на свете действительно существовало нечто, способное превратить бессмертного в обычного человека?

Рассказы Киры стали для Джарета откровением сродни гласу с небес, вещавшему о царствии божем. Что ж, даже бессмертным порой хочется поверить в доброго боженьку и ангелочков с крылышками, и Джарет тут вовсе не был исключением. На самом деле Кира вовсе не пыталась поразить своего собеседника описанием каких-то неземных чувств и страстей, она просто с упоением вспоминала всякие забавные истории из их совместной жизни с Семёном, но в представлении бессмертного эти истории были не иначе как описанием райских кущ. Мало-помалу Джарет втянулся, и теперь каждый день, прожитый без бесед с Кирой, стал казаться ему пустым и бессмысленным. Он даже не заметил, как подсознательно начал примерять на себя ту роль, которую играл в жизни Киры её погибший муж.

Сначала это была просто игра, Джарету нравилось представлять себя на месте Семёна и пытаться смотреть на жизнь его глазами. Но однажды ночью он проснулся с чётким осознанием того, что его собственная жизнь отчего-то перестала быть для него тяжким бременем, словно в ней наконец по-

явились новые смыслы, ради которых стоило жить. Вряд ли Джарет отдавал себе отчёт в природе случившейся с ним метаморфозы, а потому тупо приписал вновь обретённый душевный покой положительному влиянию Киры. Наверное, он даже вполне искренне поверил в то, что полюбил эту женщину, которую послала судьба отчаявшемуся бессмертному. Что ж, доля правды в этом умозаключении явно присутствовала, Кира действительно сделалась для Джарета чем-то вроде заветного талисмана, но весьма сомнительно, чтобы речь действительно шла о любви.

Главным качеством бессмертных, их природным даром всегда было стремление к бескорыстному служению. Именно по этому признаку их отбирали орденские братья, пропуская мальчишек через бесчеловечное испытание последним словом. Садистам необходимо было удостовериться, что в натуре будущих бессмертных это самое стремление превалировало над остальными мотиваторами. Без такого прочного фундамента установки подчинения, которые внедряли в сознание бессмертных, просто не смогли бы работать достаточно надёжно. Разумеется, самим пацанам об этом знать было не положено, а потому они искренне верили, что критерием отбора является преданность идеалам Ордена.

Никто не потрудился раскрыть им страшную в своей простоте тайну того поводка, на котором их всю жизнь держали коварные братья, а потому в среде бессмертных ходили об установках подчинения самые нелепые слухи. Но каких

бы небылиц они ни выдумывали, правда состояла в том, что этот поводок вовсе не был сделан из прочной стали, он представлял собой всего лишь доминирующий ментальный концепт, в основе которого лежало то самое природное стремление бессмертных к бескорыстному служению. Сила этих установок была обусловлена их естественностью, они ни в малейшей степени не были насильственными, напротив, они позволяли бессмертным реализовать свою природу.

В сущности, установки просто задавали бессмертным вектор для приложения их естественных устремлений, и этим вектором были идеалы Ордена. Стоит ли удивляться, что бессмертные видели в служении Ордену смысл своего существования? Однако в естественности установок заключалась не только их сила, но и уязвимость. Если бессмертному удавалось найти иные, не связанные с Орденом объекты для служения, то внедрённый ментальный концепт мгновенно терял свою эффективность. Расправа над бессмертными, которую учинил Ксантипа, лишила Джарета веры в справедливость Ордена, тем самым разрушив фундамент, на котором базировались его установки подчинения, заодно отняв у него смысл существования. Но свято место пусто не бывает, по крайней мере, не должно быть, а потому бессмертный с радостью заполнил пустоту новым объектом для приложения своего природного стремления.

Можно сколько угодно спорить, были ли его чувства к Кире любовью или просто инстинктом, не в том суть, главное,

они наполнили жизнь Джарета смыслом и подарили ему надежду на счастье. Правда, в данном случае его отношение к Кире вряд ли можно было назвать совсем уж бескорыстным, от себя Джарет даже не пытался скрывать, что хочет занять место её погибшего мужа. При этом он был настолько уверен в собственной неотразимости, что ему даже не пришло в голову поинтересоваться мнением своей избранницы на счёт подобной перспективы. Впрочем, у Джарета имелась и другая, более прагматичная причина, чтобы не пытаться перевести нынешние, ни к чему не обязывающие отношения с Кирой в семейные. Этой причиной были всё те же установки подчинения, которые неминуемо привели бы его на плаху за нарушение кодекса.

Разумеется, Джарет понимал, на какой тонкой ниточке подвешена жизнь дорогой ему женщины. Он не сомневался, что Ксантипа избавится от своей пленницы, как только в её услугах отпадёт нужда, а именно, когда Мартин повзрослеет. К счастью, сынок Киры с годами не отделился от мамы, напротив, его привязанность только окрепла, но так не могло продолжаться вечно. Рано или поздно мальчишка всё равно станет взрослым, и тогда Киры просто не станет. Даже подумать о таком исходе Джарету было невыносимо. Но что мог поделывать слуга Магистра, который и сам-то был жив только потому, что его хозяину нужен был надёжный телохранитель?

Идея использовать Мартина против его приёмного отца

показалось Джарету довольно перспективной, всё-таки пацан обладал кое-какими талантами и мог стать серьёзным аргументом в торговле за жизнь Киры. Правда, для начала требовалось обеспечить защиту самому потенциальному заложнику, причём не столько от физического, сколько от ментального нападения. Если бы ни упрямство самоуверенного малолетнего придурка, то всё вообще прошло бы как по маслу, но Мартин оказался крепким орешком. Атан-кей и Кира неплохо промыли ему мозги на предмет нравственности будущего Творца, так что Джарету пришлось пойти на хитрость и спровоцировать своего подопечного на дурацкое пари, результат которого был заранее предсказуем. Вот только одного он не предвидел, что за его победу в этом пари заплатит своей жизнью бессмертный.

Впрочем, сопутствующие потери Джарет считал вполне приемлемыми, если только они позволяли достичь нужного результата. Даже жизнь Кириного сыночка он был готов без колебаний принести на алтарь своего семейного счастья. В сущности, Мартину просто повезло, что что его беспринципный наставник не успел зайти слишком далеко. Воскрешение Медины очень вовремя изменило расклад в игре Джарета. Этот странно пропавший и так же странно появившийся Магистр был единственным существом, кто мог бы даровать свободу бессмертному, а значит, дать ему шанс на новую жизнь. Посыл, конечно, был довольно мутный, кто знает, почему этому типу вздумалось выкинуть свой фортель с

освобождением бессмертных, но Джарет был не в том положении, чтобы капризничать, ему годился любой шанс, хоть ненамного отличный от нуля.

Впервые за долгие годы отчаяния в крошечной тьме, которая сомкнулась над головами двух обречённых людей, наконец-то замаячил призрачный лучик надежды. И тут уж никакие ошибки или проколы были не допустимы. Если для сохранения тайны нужно было прикончить шестерых боевиков, то чувства, вроде жалости или сострадания, следовало забыть как страшный сон. В общем-то, Джарет вовсе не был кровожадным монстром, его действиями управлял исключительно рациональный расчёт. Не его вина, что бессмертных с пелёнок растили как хладнокровных убийц, стирая в пыль все этические барьеры в сознании зазомбированных детей.

В соответствии с кодексом бессмертного препятствия на пути к цели подлежали уничтожению вне зависимости от их природы, что Джарет и исполнил, не особо заморачиваясь нравственной стороной вопроса. Вот только у судьбы имеются свои критерии, по которым она делит участников своего спектакля на героев и злодеев, и принимать аргументы защиты она не обязана, да и не склонна.

Реплика искателя

Что же это за источник жизненной силы, без которого нам всем хана? Тут нет никакого секрета, об этом источнике знали всегда и образно описывали его, как правило, в виде света, огня или духа животворящего. Более приземлённо можно определить этот источник как изначальный смысл проявленного явления, в основе которого лежит замысел Создателя. Именно в соответствии с этим замыслом росток разрывает оболочку семени, чтобы реализовать свой смысл стать цветком, а гусеница, наоборот, заключает себя в кокон, чтобы реализовать свой смысл стать бабочкой.

И семени и гусенице требуется откуда-то черпать жизненную силу для реализации плана воплощения, и этим источником является разум Создателя, воплощённый в виде алгоритмов сотворённого им мира. Именно эти алгоритмы питают ментальные концепты, из которых ум строит нашу иллюзорную реальность. Эти концепты включает в себя и семя, и росток, и гусениц и бабочек, и вообще всё, что существует или может существовать в нашей реальности. Иначе говоря, это именно высший разум обеспечивает жизненной силой все проявленные явления, включая нас самих. Однако сей чистый источник питает только те смыслы, которые были заложены в творение Создателя изначально. Если какая-либо проявленная форма отходит от исходного

замысла, то она теряет связь с источником.

Как вы думаете, что случится, если росток, вместо того, чтобы разорвать оболочку семени решит спрятаться в кокон? Семя просто покроется плесенью и сгниёт в земле. А если гусеница, вместо того, чтобы сплести кокон, вдруг решит разорвать оболочку своего мохнатого тельца? От неё останется только лужица слизи. Источник не станет питать извращённые смыслы. Творения, не воплощающие божественный логос, подлежат утилизации путём постепенного угасания или зачистки.

А что же люди? Может быть, мы всё делаем правильно, только ничего об этом не знаем? Что ж, блажен, кто верует, но мне отчего-то представляется, что, добровольно согласившись на порчу божественного имущества, мы сами себе подписали приговор. Мы напялили на себя скафандры физических тел и тем самым извратили замысел Создателя, а в итоге обрекли всё человечество на утилизацию. Страшноватая перспектива, не правда ли? Как-то не вяжется такой конец с нашими верованиями в добренького боженьку. Мы ведь всё-таки живые существа, он нас создал, а значит, должен нести ответственность за своё творение.

Наверное, в подобных претензиях ещё был бы резон, если бы люди как раз и были конечной целью творческого процесса нашего талантливого дизайнера миров, но это не так. Мы – лишь часть того механизма, который обеспечивает функционирование задуманной им реальности – нашего ми-

ра. И не нужно возмущаться, где вы видели, чтобы автор писал книгу ради её персонажей, а программист создавал программу ради аватаров? Нет, всё как раз наоборот: целью творца является творение целиком, а персонажи и аватары лишь помогают ему воплотить свой замысел.

Похоже, из-за вмешательства божественного вандала не вышло из нас полноценных помощников. Люди соблазнились ништяками материального мира и легкомысленно слили возложенную на нас миссию. Так вы всё ещё считаете, что у нас есть причина для возмущения? А вот лично мне кажется, что у Создателя имеются прямо-таки железные основания для избавления от неудачного творения, чтоб глаза не мозолило. Впрочем, вряд ли творческая личность станет уничтожать созданный им мир, хотя в нашей истории и имелись примеры, когда авторы сжигали свои неудачные произведения. И всё-таки большинство творений почили в бозе вполне себе мирно.

Полагаю, всё будет куда прозаичней, мы просто растеряем остатки жизненной силы, и алгоритмы нашего мира пополнят список животных ещё одним видом. А потом те, кто придёт нам на смену, будут удивляться, отчего это такие умненькие обезьянки не превращаются в людей.

Глава 12

Этот день в Алате всегда отмечали большим концертом. День Избавления, так его официально называли, но между собой горожане давно уже окрестили ежегодный праздник Большим Зонтиком, ведь именно в этот пасмурный осенний день десять лет назад над Алатом раскрылся защитный купол, навсегда избавивший его жителей от бомбардировок и атак Ордена. Изобретателем сей гениальной технологии по праву считался Кейтиль, и лишь немногие алатцы знали, что изобретателей защитного купола на самом деле было двое. О том, что второй была женщина по имени Кира, куда-то сгинувшая двенадцать лет назад, вообще было известно лишь некоторым членам городского совета.

Центровым событием Большого Зонтика был концерт, к которому начинали готовиться заранее, чуть ли не за полгода. Участие в праздничном концерте считалось серьёзной привилегией, и алатская молодёжь с азартом боролась за право показать себя. Надо сказать, что получить право на выступление было довольно сложной задачей, так как отбор среди кандидатов проводила специальная комиссия городского совета. Лукас тоже участвовал в отборочных турах и даже умудрился дойти до финала, хотя талантами отнюдь не блистал. Он выиграл заветный приз исключительно благодаря тому, что угадал с конъюнктурой. Баллада собствен-

ного сочинения, которую он планировал исполнить на концерте, была посвящена Кейтилю, собиравшемуся отпраздновать своё шестидесятилетие в день Большого Зонтика.

И надо же было такому случиться, чтобы всего за день до концерта великий артист лишился переднего зуба. Предстать перед благородной публикой щербатым Лукас никак не мог, так что пришлось отказаться от выступления, сославшись на выдуманную хворь. Разумеется, дело было вовсе не в его стеснительности, выбитый зуб никак не мог считаться в Алате чем-то постыдным, но на концерте должна была присутствовать Кристина, и это меняло расклад самым кардинальным образом. Лукас даже не сомневался, что ведьма сразу догадается, при каких обстоятельствах он утратил свою обаятельную улыбку, даже если её братишка, который и был виновником порчи артистического имиджа, сподобился держать язык за зубами, что само по себе было весьма сомнительно.

Наверное, сие приключение не вызвало бы у наглой девицы никакого возмущения, и при других обстоятельствах она бы только постебалась над незадачливым драчуном, но в той же потасовке Алик получил дубинкой по рёбрам, от чего до сих пор кривился и кашлял. Поэтому Лукас был уверен, что ведьма в качестве возмездия за травму брата не преминет отмочить какой-нибудь колдовской трюк, вроде всем известного исчезновения платья посреди улицы. В общем, публичный позор зачинщику той злополучной драки был практиче-

ски гарантирован. А Лукас никак не мог рисковать оказаться посмешищем, ведь среди зрителей концерта будет находиться одна миловидная особа, за которой он недавно начал ухаживать, и которая, в отличие от ведьмы Кристины, проявляла к своему воздыхателю откровенный интерес.

По задумке великого артиста его выступление со сцены Большого Зонтика должно было стать триггером перевода конфетно-букетного этапа оболыщения, так сказать, в партер. Иначе говоря, после концерта наш ловелас надеялся на награду в виде полноценного секса. Его избранница, похоже, была не против отблагодарить артиста за доставленное сомнительное удовольствие, но, как вскоре выяснилось, ею двигали отнюдь не нежные чувства к Лукасу, а возможность записать в свой актив очередной трофей в виде знаменитости Большого Зонтика. Как только выяснилось, что кандидат в ухажёры слился с участия в концерте, девушка потеряла к нему всяческий интерес и отправила в отставку, о чём и не преминула уведомить отставника при свидетелях и в довольно обидной форме.

Провал на сексуальном фронте вызвал в душе Лукаса такое неконтролируемое бешенство, что в ночь перед концертом он так и не смог сомкнуть глаз, мечтая только об одном – как отомстит виновнику облома. По мере приближения рассвета планы мести, рождавшиеся в воспалённом мозгу отставного ухажёра, принимали всё более гротескные формы, и когда солнечные лучи проникли в спальню Лукаса, он уже

не сомневался, что виновник должен заплатить за его позор своей жизнью.

Алик, разумеется, не мог знать, какую роковую роль его меткий удар сыграл в судьбе заклятого врага, он отнёсся к очередной потасовке с Лукасом и его двумя приятелями как к проходному событию, которых было уже немало. По большому счёту, у парня даже имелись основания считать пострадавшим именно себя, а не своих противников, поэтому и право на ответный удар вроде бы тоже должно было остаться на нем. Тем неожиданней стало для Алика явление разъярённого, как бешенный бык, Лукаса, даже не скрывавшего своё намерение продолжить выяснение отношений.

Произошла эта встреча на берегу озера, куда травмированный парень, освобождённый ввиду временной нетрудоспособности от общественных работ, отправился искупаться перед концертом. Вокруг не было ни души, поскольку все жители Алата были заняты подготовкой к празднику, и это наводило на мысль, что встреча двух заклятых врагов никак не могла быть случайной. Больше всего Алика удивило то, что агрессор на этот раз решился напасть в одиночку, без своего обычного эскорта в виде двух подпевал, что откровенно намекало на своего рода поединок.

Раньше Лукас не решался помериться силами со своим более молодым, зато физически более сильным и вдобавок тренированным противником, предпочитая обеспечить себе численное преимущество, а тут вдруг сподобился рискнуть.

Может быть, рассчитывал, что трещина в ребре не позволит Алику оказать достойное сопротивление? Ну это он явно просчитался, Рис отлично обучил своего сыночка справляться с болью и даже использовать её как стимул для концентрации внимания. У Алика аж слюнки потекли от предвкушения того, как он сейчас навалит этому зарвавшемуся придурку. Он бросил на песок свою куртку и уже было приготовился преподать Лукасу урок единоборства, но в этот момент его противник вдруг притормозил и достал из-за голенища сапога охотничий нож.

Такого расклада Алик никак не ожидал, а потому вначале даже не поверил в серьёзность намерений Лукаса, несмотря на зверскую рожу, которую тот скорчил. Уж больно сия пафосная сцена смахивала на театральную инсценировку с попыткой запугать противника. Конечно, после их последнего столкновения ни о каком мире или даже перемирии речь уже не шла, но предположить, что дело дойдёт до поножовщины, всё же было трудно. Все алатцы отлично знали, что убийство жителя города карается смертью, а потому обе противоборствующие стороны отдавали себе отчёт, где проходит грань между потасовкой и преступлением.

– Стой, Лу, – попытался образумить разъярённого противника Алик, – если хочешь драться, то давай по-честному. Брось нож, тогда мы будем в равном положении.

– Сопляк, – Лукас буквально выплюнул это слово, – не дорос ты ещё до равной схватки со мной. Я пришёл сюда не

даться, а проучить зарвавшегося ублюдка.

– Не дури, это не шутки,– увещевая противника, Алик сделал незаметное движение в сторону лежащей на песке куртки, которая сейчас была его единственным оружием против ножа. – Даже если ты меня убьёшь, тебя самого поставят за это к стенке.

– Это если найдут твой труп,– сквозь зубы прошипел Лукас и бросился на беззащитного паренька.

К несчастью для нападавшего, эта видимая беззащитность оказалась фикцией. Алик провёл немало часов, оттачивая с отцом навыки защиты и нападения с холодным оружием, и при возникновении угрозы для его жизни наработанные рефлексy включились практически на автомате. Парень отпрыгнул в сторону, подхватил с песка куртку и, обернув ею левую руку в виде культи, встал в защитную стойку. Наверное, не будь разум Лукаса затуманен злобой и бессонницей, выверенные движения противника навели бы его на мысль о явной недооценке его способности оказать сопротивление, но только не в этот раз. Он так долго представлял в своих влажных мечтах, как этим вечером завалит податливое девичье тело в мягкую луговую траву, что крушение своих планов воспринял приблизительно как конец света.

Левой рукой Алик довольно легко отбил летящее ему в горло лезвие, а правой нанёс противнику удар в кaдык. Лукас захрипел и начал заваливаться вперёд. Наверное, на этом стоило бы прекратить поединок, но Алик таки довёл отра-

ботанный приём до конца, ударив своего противника с разворота ногой в живот. Поверженный Лукас рухнул как подкошенный, даже не издав ни звука, и застыл бесформенной кучей на песке пляжа. Такого эффектного финала Алик, конечно, не предвидел, а потому принял падение противника за притворство или тактический манёвр, имевший целью подманить наивного пацана и нанести ему смертельный удар. Поэтому, вместо того, чтобы подойти к неподвижному телу, победитель, наоборот, отскочил от него подальше, ведь нож всё ещё был в руках Лукаса.

Однако время шло, а обладатель ножа продолжал лежать, свернувшись калачиком, словно пытался согреться. Подождав ещё немного для верности, Алик всё-таки решился проверить, что случилось с грозным забиякой, и сделал несколько осторожных шагов в сторону озера, обходя его тело по широкой дуге. Вот тут-то его и настиг удар судьбы, которого бедолага не смог бы просчитать, даже будь он гением предвидения. Приблизившись к поверженному противнику, Алик сразу обнаружил, что песок рядом с его телом потемнел от крови. В первый момент победитель не на шутку струхнул, в его голове даже промелькнула мысль о побеге, но почти сразу Алику сделалось стыдно за своё малодушие, и он осторожно перевернул тело Лукаса на спину.

Причина его триумфальной победы стала ясна как белый день, потому что из живота проигравшего поединок парня торчала рукоятка его собственного ножа. Что ж, порой так

случается, что наше стремление к перфекционизму оказывает нам медвежью услугу, вот и в данном случае Алик явно перестарался. Его завершающий приём оказался роковым, и удар ноги каким-то странным образом загнал лезвие ножа в тело нападавшего по самую рукоятку. Разумеется, у Алика и в мыслях не было доводить поединок до смертоубийства, он просто защищался, но увы, делал это слишком качественно.

В сущности, то, что удар, метивший в солнечное сплетение, пришёлся по руке, державшей нож, было просто стечением обстоятельств, причём мало вероятных. Предугадать подобную конфигурацию событий, разумеется, было не во власти обыкновенного парнишки, скорее, тут можно было говорить о руке судьбы. И эта рука с размаху прихлопнула обоих невезучих поединщиков, как надоедливых мух, вынесся смертный приговор как проигравшему, так и победителю.

Алик опустился на песок рядом с трупом и едва ни завыл от отчаяния. Его жизнь была кончена, никто не поверит в то, что он просто защищался, а Лукас сам напоролся на свой нож. Смотреть на дело своих рук, вернее, ноги, было невыносимо, и взгляд Алика принялся отрешённо блуждать по окрестностям озера, словно парень пытался запомнить этот красочный вид перед неминуемой смертью. Внезапно его глаза загорелись отчаянной надеждой, когда в поле его зрения попал водопад. Там, за стеной воды скрывался узкий проход в пещеру и закрытую со всех сторон долину. Много лет назад сестра показала Алику, как пробраться в

это скрытое от посторонних глаз место, и сейчас это знание оказалось весьма актуальным.

– Кажется, ты хотел избавиться от моего тела,– пробурчал убийца себе под нос,– что ж, спасибо за подсказку.

Алик огляделся и убедившись, что никто за ним не наблюдает, поволок свою невольную жертву к скале, с которой можно было нырнуть в проход под водопадом. Окинув взглядом каменную глыбу, он примерился, как будет затаскивать труп на скалу, и ухватил тело под мышки. Однако стоило ему приподнять Лукаса над землёй, как с губ мертвеца сорвался тихий жалобный стон. Нужно отдать должное воспитательным принципам Риса, он вырастил своего сына очень нравственным человеком, ведь мысль о том, чтобы по-тихому добить умирающего, Алику даже в голову не пришла. Он аккуратно опустил тело Лукаса на песок и, подложив ему под голову собственную куртку, бросился в город за помощью.

Наверное, за всю свою жизнь парень ещё ни разу не бежал с такой скоростью. До окраины Алата он долетел за сорок минут, а ещё через полтора часа раненого уже унесли в операционную. Ждать исхода операции не имело смысла, и Алик отправился домой. Слух о ранении Лукаса уже успел распространиться по городским улицам, а потому виновника сего инцидента повсюду встречали осуждающие взгляды, от которых хотелось провалиться сквозь землю. Едва парень с облегчением перешагнул порог своего жилища, надеясь наконец остаться в одиночестве, чтобы попытаться переварить

случившееся, как его выловил отец и утащил провинившегося сыночка на кухню. Пришлось Алику рефлексировать вслух, причём в добавок ещё и отвечать на каверзные вопросы своего родителя.

Сеанс покаяния занял всего несколько минут, но принёс кающемуся грешнику ни с чем не сравнимое облегчение. Видимо, Алику просто необходимо было выговориться и не столько оправдаться, как повиниться перед благодарным слушателем. Но если у рассказчика по завершении трагического повествования в душе наступил покой, то у слушателя сие покаяние убийцы, напротив, вызвало приступ кипучей деятельности. Рис вскочил на ноги и первым делом запер входную дверь на ключ, потом силой поставил сына на ноги и легонько его встряхнул.

– Собирайся, – скомандовал он, – тебе нужно убираться из Алата. Я тебя проведу мимо охраны.

Алик настолько опешил от такого напора, что даже не сразу нашёлся, что ответить. Он, конечно, сожалел о случившемся, но вовсе не чувствовал себя преступником. В конце концов, это же Лукас на него напал, а он только защищался. От отца он ожидал сочувствия или, наоборот, осуждения, но никак не предложения сбежать от ответственности. Рис всегда был для него эталоном нравственности, а потому его поведение шокировало парня.

– Ты же член городского совета, – ошарашенно пробормотал Алик, – и сам должен охранять закон.

– Не дури,– Рис горько усмехнулся,– твоему рассказу никто не поверит. Хочешь, чтобы тебя казнили за то, чего ты не делал?

– Но я ведь это сделал,– Алик обречённо опустил голову,– хотя и нечаянно. Если бы я не ударил Лукаса ногой, ничего бы не случилось.

– Это уже не имеет значения,– процедил сквозь зубы отец,– никому не дано переиграть прошлое. – В этот момент в дверь постучали. Выглянув из окна, Рис заметил трёх вооружённых охранников. – Это за тобой,– он снова вернулся к сыну, достал из кобуры пистолет и деловито проверил наличие зарядов. – Уходи через окно в спальне Кристинки, я их задержу. Спрячешься в пещере за водопадом, а ночью я принесу твою одежду и еду. Давай, чего ты ждёшь? – крикнул он на застывшего в ступоре сына.

– Нет, ты не будешь расплачиваться за моё преступление,– упрямо покачал головой Алик.

– Это последний шанс,– Рис умоляюще посмотрел на упёртого подростка.

– Я не приму от тебя такую жертву,– в голосе парня слышались металлические нотки.

Алик горько усмехнулся и решительно направился к двери. Щёлкнул замок, и трое мрачных охранников ввалились в дом. В их руках были заряженные пистолеты, видимо, парни ожидали сопротивления, но скорей всего, не от самого малолетнего преступника, а от его отца. К счастью, Рис уже успел

убрать своё оружие, так что перестрелки не случилось. Он давно уже убедился в бессмысленности попыток силой заставить Алика сделать что-то против его воли и потому сделал вид, что смиренно уступает сцену законам Алата. Нет, это вовсе не означало, что Рис сдался, за жизнь сына он готов был перегрызть глотку любому. Просто теперь, когда на добровольное сотрудничество Алика можно было не рассчитывать, операция по его спасению требовала более тщательной проработки.

Задержанного в наручниках отвели в бункер, где находились камеры предварительного заключения. Настоящей тюрьмы в Алате не имелось, после суда провинившихся либо оправдывали и отпускали, либо признавали виновными и изгоняли из Алата, а в худшем случае казнили. Ближе к вечеру трое членов городского совета нанесли Алику визит и потребовали подробного рассказа о случившемся. Парень честно всё рассказал, но по непроницаемым лицам дознавателей так и не смог определить, поверили ему или сочли его рассказ враньём. Единственное, на что сподобились суровые мужики – это сообщить, что Лукасу успешно сделали операцию, и шанс на то, что раненый выкарабкается, отличен от нуля, хотя и невелик.

Эта ночь была критической для жизни Лукаса, и Алик принялся усердно молиться непонятно каким высшим силам, чтобы те сжалились над раненым, да и над ним самим тоже. Парень был уверен, что ни за что не сможет за-

снуть этой ночью, однако благая весть о том, что он пока не стал убийцей, подействовала на сознание подростка как транквилизатор, и он даже не заметил, как провалился в сон. Проснулся арестант от холода, что было странно, поскольку в подземном бункере работали климатические установки, поддерживавшие оптимальные параметры температуры и влажности. Алик открыл глаза и упёрся взглядом в звёздное небо. Холодный порыв ветра мазнул его по лицу шершавым языком, заставив вздрогнуть.

– На, держи куртку, – раздался рядом голос Кристины.

– Крис, ты спятила?! – Алик вскочил на ноги и схватил свою сестру за плечи. – Прекрати свои фокусы, это не игрушки.

– А я и не играю, – грустно улыбнулась девушка, – тебе нужно бежать, Ал. Я специально дежурила в больнице, чтобы первой узнать, если Лукас умрёт. Это случилось пять минут назад.

Алик мгновенно остыл, гневные искры в его глазах потухли, и сам он словно бы уменьшился в росте. Его пальцы соскользнули с плеч сестры, и руки безвольно повисли. Кристина сама обняла брата и прижалась щекой к его щеке.

– Ты не виноват, – тихо прошептала она, – и не должен расплачиваться за его глупость.

– Зачем бежать, – отстранённо произнёс Алик, – меня ведь могут и оправдать, всё-таки мой отец – член городского совета.

– Именно поэтому у тебя нет шансов,– Кристина протянула ему куртку,– они показательно с тобой расправятся, чтобы другим не повадно было.

– Крис, я ведь не преступник,– в голосе Алика было столько боли, что сердце девушки сжалось от жалости,– пусть меня судят, я не стану убегать.

– Станешь,– безапелляционно заявила Кристина. – Если будешь капризничать, я вообще закину тебя в другую реальность, чтобы ты не смог вернуться.

– За что? – обида, прозвучавшая в вопросе Алика, заставила юную волшебницу сбавить тон.

– Думаешь, Рис будет спокойно смотреть, как тебя казнят? – тихо спросила она. – Неужели ты так плохо его знаешь? Нет, он попытается тебя отбить, дурачок, и в результате вы оба погибнете. А я не хочу потерять двух самых дорогих мне людей из-за твоего тупого упрямства,– жёстко закончила Кристина.

– Куда я пойду? – уныло пробурчал изгнанник, сдаваясь под давлением авторитета своей сестрички. – Я ни разу не выходил за пределы купола.

– Зато я выходила,– Кристина заботливо застегнула на брате куртку и ласково погладила его по щеке. – Там целый мир, в нём столько всего, что тебе и не снилось. Ну сколько можно торчать в этой казарме под колпаком?

– Алат – не казарма,– попытался возразить Алик,– а за пределами купола орудуют кланы бывших орденских боеви-

КОВ.

– Хорошо же вам тут промыли мозги,– Кристина осуждающе покачала головой. – Зачем повторять чужие слова, малыш? Пойди и сам всё проверь.

– Я буду скучать,– жалобно проскулил младший братишка.

– Вряд ли,– Кристина натужно рассмеялась,– тебе будет не до того. Но я буду тебя навещать, проверять, как ты себя ведёшь. До свиданья, Ал, будь умницей.

Алик чмокнул сестру в щёчку, закинул принесённую ею сумку за плечо и не оборачиваясь зашагал по тропинке в новую захватывающую и немного пугающую жизнь. Часом позже Рис обнаружил на кухне заедающую стресс Кристину в обществе банки варенья и большой ложки. Девушка набивала рот засахаренными ягодами, обильно разбавляя приторный вкус лекарства солёными слезами, и громко хлюпала носом. Рис отобрал у неё варенье и отвёл в ванную умыться. Когда Кристина вернулась в кухню, на столе её уже ждала чашка крепкого чая.

– Приходи в себя и немедленно отправляйся в свою Школу,– принялся командовать строгий папочка,– завтра тебя не должно быть в Алате. Ты меня поняла?

– Ты правда собираешься стрелять по своим друзьям? – Кристина впилась глазами в его лицо. – Собираешься,– констатировала она после небольшой паузы,– значит, я всё правильно сделала.

– Что ты натворила? – пролепетал растерявшийся заговорщик.

– Прости, но погеройствовать я тебе не позволю, – девушка отхлебнула чаю и горько улыбнулась. – Алик уже далеко, им его не догнать.

– Ты что, похитила брата из запертой камеры? – всполошился Рис. – Ничего лучше не придумала? Они же сразу поймут, что это твоих рук дело. Теперь бежать придётся тебе самой.

– Знаю, – девушка шмыгнула носом, и по её щекам снова заструились слёзы. – Наконец-то ты вздохнёшь свободно и сможешь завести очередную интрижку. – Рис подсел к ней поближе и обнял за плечи. Кристина уткнулась лицом в его грудь и заплакала уже навзрыд. – Я просто не представляю, как стану жить без тебя, – сквозь рыдания простонала она, – я же тебя люблю.

Наверное, именно этого признания Рису и не доставало, чтобы осознать, как изменилось за последний год его отношение к Кристине. А ещё он понял, что без этой девочки его собственная жизнь делается бессмысленной. У него тупо не было ни сил, ни желания с ней расстаться.

– Ну всё, хватит хныкать, – пожурил дочку добренький папочка, – нам ещё нужно собраться в дорогу, а до рассвета осталось не больше часа. Знаю я, как ты любишь копаться.

– Нам? – слёзы мгновенно высохли, и глаза Кристины засияли как свечки.

– Ну разумеется,– Рис ласково погладил её по щеке,– я же не могу отпустить такую красавицу одну, а вдруг украдут. – Кристина радостно пискнула и бросилась на шею своему отцу и, наверное, уже не только отцу.

– А где мы будем жить? – первый восторг сменился сомнением, и девушка начала прикидывать варианты. – Давай, я переправлю нас в мир Дачи, тётя Алиса не откажется нас приютить.

– Нет, мы не станем иждивенцами,– возразил Рис. – Думаю, нам стоит попытаться счастья в Гвенде, у меня там когда-то был дом.

– Ты что,– Кристина замахала руками как стрекоза,– это было двадцать лет назад.

– Ну в столице работа всегда найдётся,– беспечно улыбнулся Рис. – На первое время моих сбережений хватит, а потом разберёмся, я ведь совсем неплохой вирусолог. А если уж совсем припрёт, то моя любимая волшебница не позволит нам умереть с голоду.

– Не позволит,– подтвердила Кристина, которой сейчас было море по колено.

Глава 13

Убаюкивающий лепет безымянной речушки никак не давал вынырнуть из утренней дрёмы. С рассветом заметно похолодало, и заочневшее тело настойчиво требовало от дремлющего сознания подняться с земли и немного подвигаться. Однако Вард легкомысленно проигнорировал его зов, он слишком устал, чтобы обращать внимание на такие мелочи, как холод, сон сейчас был гораздо важнее. Увы, похоже, далеко не все сегодня разделяли его убеждение. Из-за головы сони раздался негромкий, но откровенно ехидный смешок. Вард даже не успел толком оценить ситуацию, но в следующее мгновение уже оказался на ногах. Рефлексы, унаследованные из прошлой жизни, врубили его симпатическую систему на полную мощность.

Молниеносный бросок вбок, и вот уже тело Варда как бы само по себе оказалось за спиной нарушителя спокойствия, пальцы потянулись к его шее, чтобы отключить или как минимум обездвигить, когда до агрессора дошло, что нарушительницей была молоденькая и, разумеется, безоружная девушка. Вард опустил руки и ехидно ухмыльнулся, предвкушая забавное зрелище, и девушка не упустила шанс оправдать его ожидания. Сначала на её лице появилась недовольная гримаса, несколько секунд она растерянно хлопала ресницами, не в силах понять, куда подевался спящий мужчина,

вот только что лежавший у её ног. Однако вскоре в глазах проказницы вспыхнуло беспокойство, быстро переходящее в панику.

Вард вежливо кашлянул за спиной незнакомки, чтобы привлечь её внимание, и девушка от неожиданности подскочила на месте, издавая сдавленный писк. Впрочем, её замешательство длилось недолго, трусишка одёрнула разметавшуюся юбку, горделиво выпрямилась и медленно обернулась к шустрому незнакомцу. На Варда уставились два любопытных карих глаза, в которых любой желающий мог бы прочесть осуждение неуместной шутки. Однако шутника её напускная суровость не обманула ни на секунду, его эмпатическое чутьё однозначно свидетельствовало о том, что осуждение было насквозь фальшивым, эдаким элементом флирта.

Солнечный луч коснулся шоколадной радужки, и от этого глаза девушки сделались похожими на две аппетитные маслинки. Да и в целом она выглядела весьма аппетитно: в меру пухленькая, с хорошей фигуркой, миловидным личиком и пышной гривой выющихся каштановых волос.

– Я не хотела Вас беспокоить,– неискренне прощепетала юная кокетка, сложив свои коралловые губки в приветливую улыбку,– просто Вы выбрали неподходящее место для сна, здесь совсем рядом проходит дорога на Каламут.

– Спасибо за заботу,– Вард с готовностью ответил девушке не менее приветливой улыбкой. – А почему нельзя спать рядом с дорогой?

– Разве Вы не знаете, что все дороги охраняются патрулями? – возмутилась юная поборница дисциплины. – Если Вас застукают вне городских стен без пропуска, то арестуют и посадят в тюрьму. И это ещё в лучшем случае, могут ведь и просто пристрелить.

– А с чего ты решила, что у меня нет пропуска? – Вард хитро улыбнулся, – я, между прочим, живу в Каламуте.

– А почему же тогда ночуете на берегу реки? – ринулась в наступление девушка.

– Не успел вернуться в город до темноты, – Вард небрежно пожал плечами, но тут же соорудил хищную гримасу. – А сама-то ты что тут делаешь? Тебя патрули не пугают?

– Мне можно, у меня есть пропуск, – девушка горделиво выпрямилась, – мой отец работает лесничим в Васпаровом бору, – она небрежно махнула рукой в сторону синееющего вдалеке леса.

– Далековато ты, однако, забралась, – покачал головой Вард и сразу заметил, как испуганно сжалась фигурка девушки, похоже, она всё-таки нарушила ограничения своего пропуска.

– Я не нарочно, – принялась канючить нарушительница, видимо, приняв его за патрульного, – отпустите меня, пожалуйста, меня папа ждёт, – произнося свою сумбурную речь, девушка начала медленно пятиться вверх по склону, где, по всей видимости, проходила дорога.

– Чего ты переполошилась? – Вард весело рассмеялся. –

Я тебя не съем.

Однако перепуганная дочка лесника не вняла его заверениям, отойдя на десяток шагов, она развернулась и бросилась бежать. Да, малышка явно не была пай-девочкой. Гулять в одиночестве так далеко от дома было небезопасно, особенно, для такой милашки, от одного вида которой у любого патрульного из местного клана слюнки потекут. В клане Ворона, вотчиной которого являлся Каламут, было полно отморозков, уж это-то Варду было известно доподлинно, поскольку с некоторыми из них ему пришлось пообщаться довольно плотно. Похоже, в столь опасное путешествие девушку погнала не любовь к природе, а какое-то важное дело.

Впрочем, сам Вард тоже не был вполне честен с дочкой лесника, ночевать на свежем воздухе его вынудило вовсе не опоздание, а кое-что иное. У причины сего вынужденного неудобства даже имелось имя – Нарьяна. С некоторых пор жизнь Варда превратилась в кошмар. Теперь каждое его утро начиналось с того, что бедняга проклинал свой альтруизм, толкнувший его впустить наглую ведьму в свой дом, и ещё свою глупость, заставившую поверить в её показное смирение. Стоило Нарьяне переступить порог, как она тут же распространила свои щупальца на все стороны жизни хозяина дома, не оставив ему никакого личного пространства.

Нельзя сказать, чтобы абсолютно все аспекты сего соседства носили для Варда исключительно негативный характер. Его холостяцкому жилищу давно уже не хватало женской ру-

ки, чтобы из временного укрытия превратиться в настоящий домашний очаг, и если бы Нарьяна ограничилась хлопотами по хозяйству, Варду даже в голову бы не пришло сетовать на настырность приживалки. Однако, как вскоре выяснилось, претензии ведьмы распространялись не столько на жилплощадь, сколько на её хозяина. С первого дня их совместного проживания она с прямолинейностью стенобитного тарана принялась обхаживать своего благодетеля, и очень скоро тот осознал, что намерение Нарьяны обосноваться в его жилище в качестве жены, вовсе не было неуместной шуткой. Нет, прямых предложений она пока не делала, но двусмысленные намёки с каждым днём становились всё откровеннее.

Наверное, было бы неверно утверждать, что до вселения Нарьяны Вард вёл жизнь монаха, в его доме побывало довольно много симпатичных дам, но все эти интрижки были короткими и ни к чему не обязывающими. Ни одну из прелестниц в своё сердце он так и не впустил, и его отношения с женщинами носили скорее характер взаимовыгодного сотрудничества, нежели романтики. Поначалу Вард ещё надеялся, что ему удастся сохранить привычный уклад жизни, однако очень быстро понял, что присутствие в доме ведьмы сделалось для его подружек непреодолимой преградой. Буквально через пару недель после появления Нарьяны те стали не просто избегать приближаться к его жилищу, но и самого Варда начали обходить десятой стороной. Все его попытки объясниться с приживалкой наталкивались на хорошо

разыгранное недоумение, мол, она тут совершенно ни при чём.

Конечно, можно было бы попытаться выселить ведьму, подыскав ей подходящий дом в Каламуте, и Вард даже пару раз заговаривал на эту тему, но все его дипломатические потуги неизменно заканчивались полным фиаско. После нескольких раундов провальных переговоров хозяину жилища сделалось совершенно ясно, что переселение ни каким образом не входит в Нарьянины планы, и избавиться от приживалки можно только откровенно насильственными методами. На открытое столкновение с Нарьяной Вард не решился, вот только войны с ведьмой ему и не хватало до кучи, чтобы уже окончательно свихнуться. В результате, в его арсенале осталось единственное средство самозащиты – позорное бегство с поля боя. Что ж, Вард оказался далеко не первым мужиком, который предпочёл жизнь скитальца сытому, но унижительному существованию раба.

Теперь он появлялся в Каламуте редкими набегами, перенеся свою деятельность по зачистке территории от бандюков подальше от дома, оккупированного ведьмой. Кстати, нынешняя ночёвка у реки тоже была частью его плана по дистанцированию от наглой приживалки. Впрочем, для успокоения своего уязвлённого эго Вард нашёл довольно веское основание, чтобы хоть ненадолго оттянуть возвращение подставший ненавистным родной кров. Прошлой ночью, пытаюсь оставить как можно большее расстояние между собой

и ограбленным оружейным складом соседнего с Воронами клана, он устроил себе забег по пересечённой местности, причём с преследованием и стрельбой. Когда погоня отстала, уже совсем стемнело, и пришлось отложить возвращение домой до утра. Соваться в темноте в город было себе дороже, Вороны могли и пристрелить ночного путника сгоряча.

На ограбление склада Варда толкнула нужда пополнить свои запасы патронов, поскольку последняя операция их практически обнулила. Вообще-то, денег у него хватило бы на полноценный арсенал какой-нибудь небольшой крепости, но купить патроны официально было невозможно, оборот оружия и боеприпасов кланы контролировали весьма жёстко, оставалось только тырить помаленьку. Если бы не необходимость спрятать награбленное в сухом надёжном месте, Вард ещё долго продолжал бы скитаться по окрестностям, наводя шороху среди бандюков, но солидный и весьма ценный груз сделал его встречу с Нарьяной неизбежной.

Болтовня с забавной дочкой лесника немного отвлекла Варда от тоскливых мыслей, связанных с необходимостью возвращаться домой, но как только девчонка сбежала, его настроение снова ушло в крутое пике. Чтобы немного взбодриться и набраться сил перед очередным выяснением отношений, Вард решил искупаться. Он скинул одежду и погрузился в освежающую прохладу водного потока. Речка была глубокая и быстрая, что предоставило пловцу отличную возможность слегка размяться, выгребая против течения. Физи-

ческие упражнения и водные процедуры ожидаемо оказали целительное воздействие на травмированную психику жертвы бабских интриг, и на берег Вард вылез уже бодрым и полным решимости встретить врага во всеоружии пофигизма.

А вот на суше его подждал неслабый такой сюрприз. Стоило Варду натянуть одежду, как его эмпатический датчик засёк внезапное появление постороннего. Пропустить приближение человека в бодрствующем состоянии он никак не мог, так что оставалось только гадать, что же это за уникам, которому удалось так незаметно подкрасться. Вард резко обернулся в сторону, откуда прилетел сигнал, но никого не обнаружил.

Это был уже второй случай, когда ему довелось столкнуться с феноменом невидимости. Несколько недель назад в лесу его разбудил вот такой же невидимка, поэтому ещё один случай не стал для Варда шокирующим сюрпризом. Проанализировав астральные эманации своего гостя, эмпат пришёл к выводу, что его навестил тот же самый человек. Невидимка откровенно нервничал, но при этом никаких агрессивных эмоций не излучал, поэтому Вард решил начать знакомство с дружеской беседы.

– Ну и кто ты такой? – лениво поинтересовался он, демонстративно принимая расслабленную позу. – Давай, покажись. Сколько можно прятаться?

В ответ на его приветственный жест невидимка просто исчез, в смысле исчезли его астральные эманации, правда,

ненадолго. Буквально через несколько секунд Вард снова за-сёк присутствие этого странного попрыгунчика, только уже в десяти шагах рядом с деревом, нависавшим над речкой. Не успел он подивиться скорости и непредсказуемости передвижения невидимки, как из-за толстого ствола выглянула испуганная физиономия незнакомого мальчишки. Вслед за физиономией показалась и вся его щуплая фигура, облачённая в непривычную одежду, в которой, тем не менее, легко угадывался какой-то полувоенный мундир.

Мартин, а это был именно он, неловко вылез из своего укрытия и принялся переминаться с ноги на ногу, не решаясь приблизиться к бессмертному. После разговора с учителем юный маг не стал откладывать знакомство с родным отцом в долгий ящик и прямо наутро отправился по эфирному следу медальона. Настроен он был вроде бы решительно, однако недавний плачевный опыт поединка с бессмертным был ещё слишком свеж в его памяти, чтобы позволить юноше расслабиться. В результате, он так и не решился переместиться по эфирному следу медальона во плоти, а снова отправился в эфирном теле, типа, на разведку.

Разумеется, как и в прошлый раз, бессмертный сразу за-сёк его присутствие, но при этом повёл себя вполне доброжелательно, так что трусишка наконец решился. Он быстренько вернулся в свою спальню, влез в собственное физическое тело и совершил ещё один прыжок обратно на берег реки. Во избежание недопонимания Мартин с первой секунды изоб-

разил на своей испуганной физиономии приветливую и даже несколько подобострастную улыбку, которая могла бы обмануть разве что полного дебила. А уж для эмбата фальшь его потуг казаться беззаботным была так же очевидна, как и его страх.

– Не сла́бо,– одобрительно прокомментировал Вард магический фокус своего гостя,– для такого молоденького колдуна, у тебя просто феноменальные способности. – Ну и чего тебе от меня нужно?

Этот простой вопрос поставил Мартина в тупик. А действительно, на что он рассчитывал, явившись к человеку, который, возможно, и знать не желает, что у него имеется сын, не говоря уже о том, чтобы взвалить на свои плечи ответственность за какого-то незнакомца. «Здрасьте, я ваш сыночек, извольте меня любить и защищать»,– так что ли прикажете отвечать? Замешательство юного колдуна не прошло мимо внимательного взгляда Варда, и тот решил немного разрядить обстановку.

– Не бойся меня, малец,– он добродушно улыбнулся. – Как тебя зовут?

– Моё имя Мартин,– вежливо и даже с ноткой официоза представился будущий Творец, но потом не смог сдержать детского любопытства. – Ты обладаешь эфирным зрением?

– Нет, я засёк эманации твоих эмоций,– с усмешкой пояснил бессмертный. – Что ж, давай знакомиться, Мартин. Я Вард, для тебя – дядя Вард.

– Нет, не дядя,– у Мартина от волнения перехватило дыхание,– ты мой отец,– признание само собой слетело с его языка, застав блудного сыночка врасплох. Впрочем, на Варда оно произвело никак не меньшее впечатление.

– Ух ты,– выдохнул новоявленный папаша,– у меня есть сын? Откуда ты обо мне узнал?

– Вот,– Мартин протянул отцу медальон бессмертного,– это он привёл меня к тебе.

– Забавная вещица,– бессмертный взял серебряный диск, украшенный рунами, и с любопытством покрутил его в ладони,– а что это?

Вот такого Мартин точно не ожидал, бессмертный просто по определению не мог не узнать свой медальон. Как же так, неужели он ошибся с техникой эфирного следа? Но нет, этот мужчина точно был бессмертным, уж в этом Мартин не сомневался ни секунды. Теми способностями, которые он имел возможность наблюдать собственными глазами, простые люди просто не обладали. Тогда зачем этот мужик разыгрывает из себя наивного дурачка? Не хочет признавать сына?

– Это твой медальон бессмертного,– мрачно процедил Мартин,– и тебе это отлично известно. Ты сам отдал его моей маме перед казнью.

– Стой, стой, не так быстро,– Вард недоумённо замотал головой. – Какой ещё казнью?

– Твоей,– Мартин безнадёжно вздохнул, стало ясно, что отец пошёл в отказ и не желает признавать очевидное.

– Хм, это многое объясняет,– задумчиво пробормотал Вард. – Так вот как я оказался в том склепе, похоже, меня похоронили, приняв за мертвеца. Да ты не злись, малец,– подбодрил он Мартина, видя, как помрачнело лицо отвергнутого бастарда,– я от тебя не отказываюсь, просто ничего не помню. У меня амнезия, понимаешь?

– Значит ты и меня не помнишь? – от разочарования чувствительный юноша едва ни заплакал, но всё же ощутил некоторое облегчение от сознания, что отец не морочит ему голову, чтобы прогнать.

– Прости,– Вард сочувственно улыбнулся,– жаль тебя расстраивать, но я даже имени своего не помню. Кстати,– оживился он,– а ты случайно не знаешь, как меня зовут?

– Нет, не знаю,– покачал головой Мартин,– мама про тебя ничего не рассказывала, но я могу у неё спросить, если хочешь.

– Сделай одолжение,– с благодарностью отозвался бессмертный. – Жаль, что я её тоже не помню.

– Значит, Вард – это не настоящее твоё имя,– приبلудившийся сыночек столь быстро перешёл от фрустрации к радостному возбуждению, что оставалось только удивляться гибкости его психики. – Очень необычное. Откуда оно взялось?

– Когда я только очнулся, то довольно долго прятался в горах,– с готовностью начал рассказывать Вард,– пытался разобраться, где я очутился. Меня приютил один старик за

то, что я помогал ему по хозяйству. Когда я рассказал ему свою историю, он дал мне прозвище «бевардо», что на местном наречии означает «безымянный». Мне понравилось, вот я и стал так себя называть, только слегка сократил имя. Получилось Вард. По-моему, неплохо.

– Да, мне тоже нравится,– Мартин удовлетворённо кивнул,– может быть, и не стоит менять это имя на настоящее.

– Ну нет,– возмутился безымянный,– любая информация о моём прошлом для меня дороже золота. Так что ты порасспроси свою маму, будь так любезен. Кстати, а почему ты назвал меня бессмертным?

– Больше никому в Ордене такие медальоны не давали,– с готовностью пояснил знаток орденских порядков.

– Странно,– Вард задумчиво покачал головой,– а меня почему-то некоторые орденские боевики считают Магистром.

– Магистром Ордена? – от подобного откровения Мартин даже растерялся. – Разве такое возможно, чтобы Орденом управлял бессмертный? Хотя в этой реальности всё могло быть, ведь здесь у бессмертных нет установок подчинения. А ты владеешь магией?

– С какого перепугу? – удивился Вард. – А что, Магистрам положено?

– Наш кое-что точно умеет,– знаток орденских порядков задумчиво кивнул,– а про других мне ничего не известно.

– В каком это смысле «наш»? – в голосе бессмертного сразу слышались подозрительные нотки.

– Ах да, я же забыл сказать,– Мартин смущённо улыбнулся,– я живу в другой реальности нашего мира. Правда, мама рассказывала, что это не родная моя реальность, мы там оказались, только когда меня усыновил тамошний Магистр.

– Ого, да ты у нас оказывается знаменитость,– расхохотался Вард,– сын сразу двух Магистров, да в добавок ещё и колдун. Тебе корона не жмёт?

– Я не просил меня усыновлять,– знаменитость обиженно засопела, – тем более, что отцом он для меня так и не стал. Я ему для чего-то нужен, а мою маму вообще держат в плену.

– Не расстраивайся, парень,– Вард приобнял своего приبلудившегося сыночка за плечи, и это получилось у него так естественно, словно он растил мальчика с раннего детства, а не встретил его впервые несколько минут назад.

От этого простого жеста сочувствия Мартина буквально накрыло ощущение покоя и уверенности в том, что всё будет хорошо, потому что теперь есть кому о нём позаботиться. Увы, вместе с этой блаженной эйфорией пришло и понимание, что совсем недавно он уже чувствовал нечто подобное. Это случилось во время его поединка с «диким» бессмертным. Хитрый манипулятор дал своей жертве именно то, что ей было жизненно необходимо, то, чего мальчик страстно желал и не мог получить от окружавших его мужчин. Стоит ли удивляться тому, что Мартин с радостью подчинился наведённому мороку, потеряв способность адекватно реагировать на агрессию?

Вспоминать о своём проколе ему было горько, но в то же время это воспоминание дало чувствительному ко всяческим ментальным воздействиям магу возможность сравнить свои ощущения, и он сразу почувствовал разницу. В отличие от «дикого» бессмертного, в поведении Варда не было скрытого подтекста, и никаких ментальных техник он не использовал, его сочувствие было искренним, а порыв спонтанным. И тем не менее во всём этом был скрыт очень глубокий смысл. Этим вроде бы ни к чему не обязывающим жестом сочувствия Вард как бы принял на себя ответственность за подростка, назвавшегося его сыном, взял его под своё покровительство не просто на словах, а по факту.

Видимо, Джарет всё же переоценивал могущество ментальных техник, сила воздействия искренних чувств оказалась на порядки сильнее. Ментальная атака просто подавила волю Мартина, а простое человеческое сочувствие вдребезги разбило ту скорлупу, в которую он вынужденно упрятал свою страдающую и беззащитную душу. Мальчик всхлипнул и, уже не стесняясь, уткнулся лицом в так кстати подставленное плечо отца.

– Ну-ну, всё в порядке,— попытался успокоить плаксу Вард, но сразу понял, что слова тут не сработают, и просто обнял доверчиво прильнувшего к нему мальчишку.

Удивительно всё-таки, насколько вовремя пролившаяся солёная влага может оказаться эффективнее самых страстных заверений в искренности чувств. Слезы Мартина слов-

но растопили естественный ледок недоверия и настороженности между ним и отцом, который совсем недавно представлялся мальчику не иначе, как опасным чужаком. Уже через несколько минут, окончательно успокоившись, он вдохновенно делился с Вардом всеми тайнами своей жизни. В ответ тот не преминул загрузить сыночка своими проблемами.

– Похоже, я был тем ещё Магистром, – посетовал Вард, – зачем-то сначала освободил бессмертных, а потом устроил на них охоту.

– Нет, охоту устроил наш Магистр, – поспешил успокоить его Мартин, – и это случилось уже после твоего исчезновения.

– Я должен остановить эту бойню, – Вард до боли сжал кулаки, – тем более, что, как оказалось, я тоже из бессмертных.

– Кто же тебе мешает? – на хитрой физиономии Мартина появилось выражение наигранного недоумения. – Ты же Магистр.

Некоторое время Вард с удивлением рассматривал своего приبلудившегося сыночка, словно только что разглядел в нём что-то необыкновенное: то ли ангельские крылья за спиной, то ли рожки, хвост и копыта совсем иного персонажа. Чем дольше он смотрел, тем явственней в его глазах загорались азартные огоньки.

– Соображаешь! – Вард от души хлопнул изобретательно-го юношу по плечу, так что тот аж присел. – Думаешь, у меня получится перевербовать загонщиков?

– А что тебя смущает? – подбодрил его коварный искуситель.

– Почему-то раньше меня никто не узнавал, – Вард задумчиво покачал головой. – Может быть, я просто никогда раньше не сталкивался с загонщиками?

– Или в кои веки побрился, – подсказал Мартин, и двое заговорщиков расхохотались.

– Думаю, имеется ещё одна проблемка, помимо бритья, – заметил Вард, нарушая веселье. – Что если магические способности являются необходимым атрибутом Магистра? Если я когда-то и обладал такими способностями, то сейчас их точно нет. Боюсь, без демонстрации магических фокусов меня быстро расколют. Хотя пофиг, я же не собираюсь реально захватывать власть, – он небрежно махнул рукой, – просто объявлю конец охоте на бессмертных.

– Не бывает Магистра без Ордена, – резонно заметил всезнайка, нахватавшийся основ управления от своего приёмного отца.

– Тоже верно, – Вард озадаченно уставился на своего умного сыночка. – Кому нужен Магистр, не обладающий реальной властью? Может быть, пару раз мой спектакль и прокатит, а потом загонщики просто пошлют меня куда подальше и продолжат свою охоту.

– Придётся возродить Орден, – Мартин выдал эту фразу с такой детской непосредственностью, что его свежеиспечённый папочка буквально покатился со смеху. – А чего ты хо-

хочешь? – обиделся великий стратег. – Без этого твой план провалится практически сразу.

– Да, это не смешно, – смех резко оборвался, и глаза Варда потемнели, наливаясь праведным гневом. – Ты, видимо, не в курсе, что тут вытворял Орден, но я успел пожить среди этих людей достаточно, чтобы это навсегда отбило у меня охоту до какой бы то ни было власти. Люди сами должны решать, как им жить, ни один Орден не вправе им указывать. Да, пока у них фигово получается, эти наглые братки вырезали всех, кто был способен самостоятельно мыслить, но люди научатся.

– Странно, мне отчим совсем иначе описывал миссию Ордена, – растерялся Мартин. – В моей реальности братство вообще не доминирует над населением, Орден тайно направляет развитие цивилизации и защищает людей от всяческих экстремистов.

– Звучит красиво, – Вард ободряюще похлопал расстроенного подростка по плечу, – но на деле всё обычно заканчивается тупым порабощением. Ну кто они такие, чтобы диктовать людям, как им жить? Тоже мне, гении стратегии.

– А кто тебе мешает возродить Орден на новых основах? – в глазах Мартина загорелись азартные искорки, уж больно ему не хотелось отказываться от этой соблазнительной затеи. – Пусть он возьмёт на себя только функцию защиты населения.

– Защищать тех, кто не может защитить себя сам – это за-

нятие, конечно, благородное, – согласился Вард. – На самом деле я этим делом и так уже промышляю. Однако и тут нужно знать меру, а то возомнишь себя богом, которому позволено карать и миловать.

– Ты же бессмертный, – юноша с укором покачал головой, как бы сетуя на непонятливость и упрямство своего родителя, – а значит, твоим жизненным кредо является бескорыстное служение. Бессмертный просто по определению не сможешь стать диктатором.

– Ух ты, – ехидная улыбочка на лице упряמצа разрушила весь пафос момента, – откуда такие глубокие познания у столь юного философа?

– Я же приёмный сын Магистра, – безапелляционно заявил Мартин, – ты не забыл? Меня, между прочим, посвящают во все орденские секреты. Так вот, бессмертных специально отбирают по этому принципу. Правда, Вард, из тебя получится прекрасный правитель.

– Ладно, убедил, – отмахнулся от настырного агитатора кандидат в Магистры, – но всё равно это разговор ни о чём, я же полный профан в магии.

– Зато я спец, – рассмеялся Мартин. – Ни один Магистр не сравнится со мной по способностям к материализации, а уж к деструкции и подавно.

– Да неужто, – Вард иронично подмигнул потерявшему берега врунишке, – а ну, покажи чего-нибудь.

Мартин на секунду задумался, а потом прикрыл глаза, и

тут же на голове Варда появилась золотая корона, а его плечи укрыла мантия из кроваво-красного бархата. Бессмертный осторожно ощупал свой головной убор и взял его в руки. Золотой обруч с вставленными в него красными рубинами засиял словно второе солнышко.

– Не сомневайся, золото настоящее,– заверил его самодовольный маг,– и рубины тоже.

– Хм, да ты и вправду колдун,– Вард озадаченно покачал головой. – Я вот только одного не понимаю, тебе-то какое дело до этого мира? Зачем тебе нужно усадить меня на трон? Хочется власти?

Этот вопрос застал Мартина врасплох, но вовсе не потому, что отец действительно озвучил его тайные желания, напротив, у юноши и в мыслях не было как-то попользоваться преимуществами своих родственных отношений с Магистром. Однако о своих реальных мотивах он тоже не догадывался и потому не на шутку растерялся. А ведь мальчишке, мечтавшему обрести отца, всего-то и нужно было, чтобы отец им гордился. Возможно, он выбрал не самый простой путь к сердцу мужчины, в котором уже видел воплощение своей заветной мечты, но причиной его ошибки был сам Вард. Если бы тот выразил желание, например, вкусно позавтракать, то Мартин устроил бы пикник, но отец захотел оставить бойню бессмертных, а потому жаждущий отцовского поощрения подросток принялся разрабатывать план для реализации его задумки.

– Творцу не нужна власть,– обиженно пробормотал Мартин,– ты же видел, что я могу сотворить любую вещь прямо из воздуха.

Возможно, не будь Вард эмпатом, столь сомнительная отмазка вызвала бы только больше подозрений в его душе, но он чувствовал, что мальчишка искренен, а потому ему сделалось стыдно за свой наезд.

– Не обижайся, Марти,– Вард притянул к себе расстроенного парня и крепко его обнял,– я просто пока не привык к тому, что у меня есть сын. Давай-ка, мы с тобой пойдём ко мне домой, позавтракаем и как следует познакомимся.

Со стороны Варда этот жест примирения был просто проявлением доброй воли, не более, бессмертный даже подумывать не мог, что в эту минуту завоевал сердце Мартина на всю оставшуюся жизнь.

– А где ты живёшь? – Мартин мгновенно переключился с фрустрации на конструктив.

– Недалеко отсюда, в Каламуте,– Вард махнул рукой в сторону маячивших в утренней дымке башен города.

– Давай я нас перенесу,– предложил юный маг. – Закрой глаза и представь нужное место, только поподробней,– Вард удивлённо покачал головой, но спорить не стал, и через пару секунд они уже стояли посреди полутёмной прихожей его дома.

– Ух ты! – не удержался от восклицания бессмертный. – Повезло же мне с сыном.

В этот момент наверху скрипнула дверь, и на лестницу выглянула Нарьяна. На лице ведьмы сияла фальшивым блеском приветливая улыбка, которую та старательно изображала в присутствии хозяина дома. Однако стоило притворщице разглядеть гостей, как она испуганно вскрикнула и отпрянула назад. Вард проигнорировал ведьмины закидоны, его уже буквально тошнило от одного вида приживалки, зато Мартин сразу обратил внимание на то, что женщина как-то странно на него смотрит, не то с испугом, не то с восторгом, а может быть, всё вместе. Позже, когда они втроем завтракали на кухне, он постоянно ловил на себе украдкой брошенные взгляды этой странной тётки, которую принял за домработницу, но решил, по примеру Варда, отнестись к странностям Нарьяны снисходительно.

Мог ли Мартин предположить, что его невинный визит в дом отца окажется для того роковым? Возможно, если бы он знал, что Нарьяна была потомственной ведьмой, то отнёсся бы к её неприкрытому интересу более настороженно. Увы, Вард ничего ему не рассказал, а сам Мартин пока не начал изучать работу с живыми объектами, а потому не обладал и десятой долей той чувствительности к эманациям человеческого тела, которая была доступна Нарьяне. Сказать, что ведьма сразу учуяла силу, которой веяло от начинающего Творца, это всё равно, что вообще промолчать, её от этого мощного потока буквально начало потряхивать. Но самое главное, она отлично разглядела астральный спектр этой си-

лы и пришла к пугающему умозаключению, что дом Варда посетил посланник тёмного хозяина, которому ведьма слу-
жила верой и правдой всю свою сознательную жизнь.

Что ж, Мартин и сам только день назад осознал, что его способности носят преимущественно разрушительную окраску, и пока это знание не сделалось для него тривиаль-
ным и привычным. Он был настолько потрясён тем кавар-
даком, который его разрушительный порыв устроил в до-
ме учителя, что решил отложить обдумывание этого аспекта
своей жизни до лучших времён, когда немного успокоится
и сможет посмотреть на реалии отстранённо и объективно.
Встреча с отцом напрочь затмила все переживания по повод-
у его природы разрушителя, а потому неадекватное поведе-
ние Нарьяны Мартин никак не связал со своими способно-
стями и списал на ревность женщины к сыну хозяина дома.

За чаем, когда мужчины с аппетитом поглощали по вто-
рому куску пирога с черникой, входная дверь в прихожей
хлопнула, и ступеньки лестницы заскрипели под чьими-то
тяжёлыми шагами. Как только голова незваного гостя пока-
залась над верхней ступенькой, Нарьяна испуганно охнула и
бросилась вон из кухни. Мужчина, одетый в кожаную курт-
ку и такие же штаны бросил презрительный взгляд в сторо-
ну беглянки и приветливо улыбнулся остальным участникам
застолья.

– Здравствуй, Ласар,– Вард приглашающим жестом ука-
зал на пустой стул,– не думал, что ты примешь моё пригла-

шение.

– И тебе привет,– Ласар, ничуть не смущаясь, уселся к столу и ухватил кусок пирога. – Ух, вкуснотища,– промычал он с набитым ртом,– эта стерва умеет готовить.

– С чем пожаловал? – вежливо поинтересовался Вард, прикидывая расстояние до стойки с одеждой, на которой висела его кобура с оружием.

– Расслабься, я с миром,– Ласар, перехватил его взгляд и демонстративно снял и отбросил в угол свой пояс с кобурой. – А это кто такой? – он кивнул на Мартина.

– Это мой сын,– уверенно представил мальчика Вард.

– Настоящий сын? – Ласар бросил оценивающий взгляд на вконец смутившегося подростка. – Надо же, каких только чудес не бывает. Ну да ладно, я пришёл не языком чесать, пора заняться делом, Магистр.

– Послушай, Ласар,– начал Вард, уже понимая, что ничего хорошего от этого визита ждать не стоит,– я же тебе уже рассказал, что ничего не помню о своём прошлом.

– Да мне пофиг,– отмахнулся гость,– главное, что загонщики тебя признали. Давай вместе прекратим эту бойню, Магистр.

Вард с Мартином переглянулись и от души расхохотались.

Глава 14

Красный кленовый листок плавно спланировал с ветки на подставленную ладошку. Ильяра взяла свою добычу за тонкую ножку, немного полюбовалась игрой солнечных лучей, пробивавшихся сквозь узорчатую ткань, и разжала пальцы, позволяя листку присоединиться к своим сородичам, устилавшим ещё зелёную траву под клёном. Погружённая в свои невесёлые мысли девушка побрела дальше по лесу, не глядя по сторонам. В руках она несла лукошко, но оно оставалось почти пустым, лишь на самом доньшке сиротливо перекатывались несколько ягод голубики. Её утренний настрой на приготовление пирога с ягодами куда-то испарился. Как только дом скрылся из виду за деревьями, Ильяра дала волю своему раздражению и зашвырнула лукошко в кусты.

В последнее время ей всё чаще приходило на ум, что быть дочерью лесника – это сущее наказание. Пока она была ребёнком, жизнь в лесу ей даже нравилась, можно было целый день бродить по петляющим словно змейки тропинкам, лакомиться ягодами, слушать щебет птиц и ловить кузнечиков, в общем, раздолье. Городская жизнь была лишена этого пахнущего хвоей и цветами воздуха, этой тишины и покоя, но зато она не была такой омерзительно скучной и однообразной. Странно, но тяготиться одиночеством Ильяра стала совсем недавно, когда начала сопровождать отца в его поезд-

ках в Каламут, а до этого ей даже в голову не приходило сучать, в доме и в лесу всегда находилось какое-нибудь занятие. Что ж, всё познаётся в сравнении, и лесная жизнь вполне ожидаемо проиграла городской в плане развлечений.

Самым значимым из Каламутских развлечений за целый год несомненно была осенняя ярмарка, так что Ильяра начала готовиться к выходу в свет заранее, даже сподобилась сшить новое платье из запасённого ещё с весны отреза. И тут, как назло, прямо накануне открытия ярмарки отец слёг с приступом радикулита. Дом сразу наполнился стонами и охами непривычного к болезням мужчины, и Ильяра поняла, что поездка в Каламут ей не светит. Одну её отец точно не отпустит, даже не смотря на то, что в последнее время клан Воронов здорово присмирел.

Кто-то принудил этих отморожков вести себя в рамках приличий, по крайней мере, в городской черте. Однако дорога до Каламута всё ещё находилась под полным контролем клана, и для одинокой, да к тому же такой привлекательной девушки поездка до города была сродни преодолению полосы препятствий. Оборзевшие от вседозволенности патрульные запросто могли счесть её своим боевым трофеем. Да, бедняжке было от чего грустить, целый год готовиться к празднику и обломаться в самый последний момент. Не удивительно, что её лукошко так и осталось пустым, когда Ильяра вернулась домой ухаживать за больным отцом. Как ни странно, уже в сенях девушка услышала бодрый басок

своего родителя, которому вторил незнакомый мужской голос.

– Ильяка, ты где это бродишь? – окликнул её отец. – Так и на ярмарку можно опоздать.

Ильяра влетела в кухню со скоростью пули и тут же замерла на месте. За столом сидел представительный и какой-то нездешний мужчина, в том смысле, что его одежда явно не соответствовала местной моде. Впрочем, одет он был богато и элегантно, так что непривычные детали его туалета свидетельствовали скорее о его оригинальном вкусе, нежели о пренебрежении к условностям. Ильяре сразу бросилась в глаза золотая серьга с кроваво-красным камнем, которая зловеще посверкивала в его правом ухе. Стоило это украшение явно недёшево. Гость был уже не молод, возможно, даже являлся ровесником лесника, о чём свидетельствовала седина в его волосах, однако рядом с ним отец Ильяры выглядел дряхлой развалиной, хотя и слыл в городской тусовке крепким мужиком.

– Поздоровайся, дочка, это мастер Джарет, – представил незнакомца лесник. – А это моя красавица, – он ласково шлёпнул девушку пониже спины, – звать Ильярой.

Джарет приветливо кивнул, пробормотал какую-то куртуазную чушь и снова повернулся к леснику, собираясь продолжить ранее начатый разговор, однако Ильяра нахально встряла в беседу мужчин.

– Пап, тебе уже лучше? – она с удивлением оглядела бодро

двигающегося отца. – Ты сможешь отвезти меня в Каламут?

– Скажи спасибо нашему гостю,– лесник благодарно поклонился Джарету,– это он меня поставил на ноги. Прямо волшебство какое-то.

– Никакого волшебства,– бессмертный снисходительно улыбнулся,– просто техника работы с жизненной энергией. Думаю, Вам пора собираться, барышня, ярмарка ждать не станет.

Ильяра радостно пискнула и упорхнула в свою комнату наряжаться, а Джарет снова повернулся к леснику.

– Так Вы говорите, Клавдий, что в последнее время местный клан кто-то приструнил? – продолжил он прерванный появлением девушки разговор. – А не приходилось ли Вам слышать о возвращении Магистра Ордена?

– Ходят такие слухи,– лесник понизил голос почти до шёпота,– говорят, он называет себя безымянным и никому не показывается, кроме узкого круга орденских братьев. Только мне что-то не верится, уж больно этот воскресший Магистр тихо себя ведёт, такого раньше не бывало. А что, думаете, это он наших Воронов прижал к ногтю?

– Всё возможно,– согласился Джарет,– хотя и в других районах кланы начали терять власть, но почему-то сие удивительное явление наблюдается только в окружности примерно ста миль от Вашего славного городка, а дальше ничего подобного нет.

– Не, не может такого быть, чтобы Магистр выбрал наше

захолустье,— Клавдий недоверчиво нахмурился. — Хотя мужики рассказывали, что в Каламуте в последнее время начали замечать таких, как Вы.

— Это каких же? — насмешливо поинтересовался Джарет.

— Бессмертных,— лесник выпалил это слово и тут же сам испугался. — Вы это, не обижайтесь, я не хотел Вас задеть или там обидеть, я вовсе не против бессмертных.

— Что ж, Клавдий, Вы мне очень помогли,— Джарет поднялся из-за стола,— будьте здоровы и не поднимайте тяжести в следующие два дня. Передавайте привет дочери,— с этими словами бессмертный покинул гостеприимного лесника и направился в Каламут.

Настроение у него было приподнятое, поскольку Джарет наконец получил первую солидную зацепку, внушающую хоть и сдержанный, но всё же оптимизм в непростом деле обнаружения этого таинственного Магистра. В начале поиска опытный следопыт ещё питал иллюзии насчёт того, что с лёгкостью справится со своей задачей, поскольку не видел ни одной причины для того, чтобы воскресший хозяин целой реальности вдруг вздумал играть в прятки. Но действительность, увы, отказалась соответствовать его оптимистичным прогнозам. Магистр, который раньше управлял этим миром совершенно открыто и не гнушался применять насилие в случае малейшего сопротивления, вдруг превратился в невидимку.

Джарету было хорошо известно, что до своего развала Ор-

ден в этой реальности был публичным и действовал весьма жёстко, не считая нужным как-то камуфлировать свои операции. Кстати, не исключено, что именно это и привело к его краху, так что желание Магистра изменить свою тактику было вполне объяснимо. Впрочем, нельзя сказать, что возрождаемое им братство как-то особо таилось. Перевербованные Магистром загонщики наводили такого шороху на отколовшиеся от Ордена кланы, что в рядах бандюков началась откровенная паника. Вот только самого Медину обнаружить никак не удавалось, назвавшись безымянным, он словно действительно превратился в фантом. Время от времени его видели на захваченных базах загонщиков, но появлялся он там на короткое время, а потом снова растворялся в дымке анонимности.

Джарет не сразу просёк тактику, которой придерживался Магистр для возрождения своего Ордена, а когда до него дошёл смысл происходящего, то он буквально расвирепел. Медина не стал заморачиваться с построением новой структуры, он тупо присваивал себе ту структуру, которую когда-то создал сам Джарет для охоты на бессмертных. Действовал Магистр точно, но по одному и тому же сценарию. Он выслеживал очередной отряд загонщиков, устранял командира и внушал остальным бойцам, что собирается возродить Орден, в котором именно бессмертные станут главной опорой орденского братства. Вернувшись на базу, загонщики получали в качестве командира одного из бессмертных

и начинали свою службу возрождающемуся Ордену с того, что безжалостно зачищали свою территорию от всех людей Джарета.

С некоторых пор захваченные базы загонщиков получили вдобавок магическую защиту, теперь на их территорию стало невозможно проникнуть с помощью трансгрессии. Джарета эта заморочка хоть и раздосадовала, но, разумеется, не остановила, для бессмертного проникновение в защищённую крепость было, в сущности, рутинной задачей. Увы, в первую же свою попытку разобраться с дезертирами одной из захваченных баз Джарет столкнулся с такими трудностями, что эта рутина едва ни обернулась для него бесславной гибелью. Вместо отряда безобидных загонщиков, диверсанта встретил их начальник, оказавшийся бессмертным. Ну кто бы мог предположить, что загонщики станут подчиняться тому, кого совсем недавно считали своей законной добычей?

Ситуация была хуже некуда, в любой момент кто-то из людей Джарета, чудом избежавший расправы, мог вернуться к себе в Орден и попасться на глаза Ксантипе. Собственно, на проваленную миссию организатору травли бессмертных было уже наплевать, он совершил достаточно проколов, чтобы заработать не один, а с десятков смертных приговоров. Всё, что требовалось Джарету – это небольшая отсрочка, чтобы отыскать Медину и уговорить его снять удавку с шеи ещё одного бессмертного. Без этого любые ухищрения окажутся

бесполезными, поскольку установки подчинения всё равно приведут отступника напрямиком к палачу. Увы, неуловимый Магистр словно специально издевался над непутёвым следопытом, не оставляя никаких зацепок.

Джарет совсем уже было отчаялся его отыскать, то тут ему помогла статистика. Изучив ретроспективу захвата баз загонщиков, он не нашёл никакой последовательности в действиях Медины, зато обуздание орденских кланов явно имело чёткую географическую привязку. И центром этой операции оказался ничем не примечательный городок под названием Каламут. Опросив несколько местных жителей, среди которых был и отец Ильяры, Джарет пришёл к выводу, что городок заслуживает его самого пристального внимания, и отправился на разведку. Пропуска в Каламут у него, естественно, не было, но шпион очень удачно подгадал для своего проникновения на вражескую территорию день ярмарки, когда ворота города были открыты для любого желающего.

Каламут был далеко не первым захолустным поселением, которое Джарету выпало посетить за последние пять лет после распада местного Ордена, и он заранее настроился увидеть нечто непрезентабельное с узкими вонючими улочками, покосившимися обшарпанными домиками и зашуганными жителями. Клан в своих вотчинах никогда особо не заморачивались вопросами благоустройства подконтрольных поселений, их гораздо больше интересовала величина поборов, взимаемых с каждой лавочки или магазинчика за якобы

охрану. К удивлению Джарета, Каламут явно выделялся на этом невзрачном фоне как минимум внешним видом, вызывая своей нарядностью ассоциации с пряничным домиком.

Отремонтированную и вылизанную до стеклянного блеска брусчатку, утопающие в цветах палисадники, украшенные разноцветными флажками и шариками улицы, всё это, конечно, можно было бы списать на праздничный день, но в городе имелись и другие приметы процветания, не заметить которые мог бы только слепой. Практически на каждом доме были видны следы недавнего ремонта, причём не только в центре, но и на окраине. Новенькая ярко-красная черепица, свежепобеленные стены и раскрашенные во все цвета радуги ставни и наличники, всё это говорило о том, что жители перестали бояться привлекать внимание бандюков и прятать свои богатства, прикрываясь личиной бедности.

И всё-таки больше всего Джарета поразило полное отсутствие на улицах Каламута наглых вооружённых парней в куртках с эмблемой местного клана. То ли ради праздника они сменили униформу на цивильные наряды, то ли их вообще выперли из города. Зато натренированный взгляд бессмертного то и дело выхватывал из толпы атлетические фигуры вооружённых мужчин, своими повадками очень сильно напоминавших его самого. Что ж, похоже, лесник не обманул, процент бессмертных в Каламуте действительно просто зашкаливал. Джарет хищно улыбнулся, наконец-то удача повернулась к нему лицом, а не задницей, штаб воскресшего

Магистра явно находился где-то неподалёку. Правда, слезка за бессмертными была той ещё задачкой, и обычному человеку, скорей всего, с ней было не справиться, но только не их собрату.

Пока Джарет, временно переквалифицировавшийся в шпиона, вычислял логово местного Магистра, Ильяра с папой тоже зря времени не теряли. Старенький, но ещё бойкий грузовичок лесника без приключений преодолел путь до Каламута и припарковался около скромного трактирчика на окраине городка. Едва въехав в ворота, девушка, давно не выбиравшаяся в свет, принялась крутить головой, с восторгом и удивлением разглядывая преобразившиеся улочки, а её отца расслабленная обстановка, царившая в городе, вообще привела в бурный восторг. Дело в том, что Клавдий, привыкший к беспределу Воронов, предполагал, что ему придётся целый день работать телохранителем при своей дочери, и заранее смирился с потерей этого дня. А тут вдруг выяснилось, что охрана Ильяре вовсе и не требуется, поскольку Каламут вдруг превратился в оплот мира и порядка.

Лесник быстренько сориентировался в обстановке и, благословив дочурку весело провести время, свалил в ближайший кабачок. Объективно у беспечного родителя, наверное, имелись все основания, чтобы расценить прогулку одинокой девушки по ярмарке как совершенно безопасное времяпрепровождение, но в данном конкретном случае он всё-таки ошибся. Слезку Ильяра почувствовала уже через час гуля-

ний по торговым рядам. Ощущение давящего взгляда в затылок постоянно заставляло её оглядываться, но определить, кто её так упорно преследует, она не смогла. Радостное настроение девушки постепенно начало сменяться беспокойством, а потом и паникой. В результате, Ильяра приняла вроде бы логичное, но всё-таки ошибочное решение покинуть некомфортное место и отыскать отца.

Возможно, если бы лесник выбрал в качестве своей дислокации один из центральных ресторанчиков, то ничего бы и не случилось, но цены в этих ресторанчиках оказались ему не по карману, а потому Клавдий расположился в простеньком кабачке на окраине Каламута, куда с ярмарочной площади можно было добраться, только пройдя по лабиринту узеньких тёмных улочек. По понятным причинам жители и гости Каламута в большинстве своём тусили на ярмарке, а не разгуливали по окраинам, так что в какой-то момент Ильяра оказалась на улочке совсем одна. Дальше всё произошло как в приключенческих романах, которыми девушка зачитывалась долгими одинокими вечерами. Тощий долговязый мужик с кривым носом вынырнул перед ней из подворотни и преградил путь. Его рука с грязными обкусанными ногтями закрыла рот намеченной жертве насилия, а вторая потянулась к застёжке платья на её груди.

Ильяра так растерялась, что не сделала даже слабенькой попытки к сопротивлению, что, вполне возможно, спасло ей жизнь, поскольку, как впоследствии выяснилось, кривоно-

сый был вооружён. В лицо девушке пахнуло перегаром, и она инстинктивно зажмурилась, как бы в желании отгородиться темнотой от ужасной действительности. Ощущение полной беспомощности перед насильником накрыло Ильяру словно пыльным мешком. Внезапно раздался глухой удар, и кривоносый вскрикнув схватился за голову. Девушка открыла глаза, и в её взгляде тут же вспыхнула надежда. Шагах в десяти вверх по переулку стоял какой-то парнишка и, злорадно посмеиваясь, подбрасывал на ладони небольшой гладкий камень, а ещё парочка метательных снарядов валялась у его ног про запас.

– Ай-ай-ай, нехорошо приставать к девушкам,– назидательно заметил насильнику так кстати подоспевший прохожий.

Кривоносый, заработавший, вместо ожидаемого развлечения, шишку на затылке, резко обернулся и с ненавистью уставился на обидчика. Разглядев, что имеет дело с обыкновенным подростком, мужик буквально рассвирепел.

– Вали отсюда, пока цел,– прорычал он и демонстративно вытащил нож.

– А то что? – ехидно поинтересовался парнишка, ничуть не испугавшись угрозы.

Насильнику, похоже, совсем не хотелось ввязываться в драку, которая ещё неизвестно чем могла закончиться, у него были совсем другие планы, но обстановка требовала доказать своё право на насилие и наказать безмозглого юн-

ца. Кривоносый сплюнул и решительно направился к наглецу. Вопреки ожиданию, парнишка не бросился наутёк и даже не попытался швырнуть ещё один камень в противника. Отбросив ставшее ненужным оружие дальнего боя, он встал в боевую стойку и приготовился отразить атаку. Уверенные движения и спокойная улыбка на лице безоружного пацана немного охладили пыл кривоносого, и он слегка притормозил, соображая, что тут не так. В этот момент из-за угла вынырнула весёлая компания спешивших на ярмарку горожан, и бандюку пришлось спрятать нож.

– Ещё увидимся,– зловеще пообещал он и нырнул в подворотню.

Парнишка проводил насмешливым взглядом бежавшего с поля боя противника и подошёл к спасённой девушке.

– Привет, меня зовут Алик,– представился он,– а как тебя зовут?

– Ильяра,– пролепетала спасённая, скромно опуская глазки.

– Ильяра,– мечтательно повторил Алик с таким видом, словно пробовал имя на вкус,– твоё имя похоже на мятный леденец, такое же круглое и сладкое. Нет, не мятный,– тут же поправился он,– скорее, ягодный, наверное, малиновый или ежевичный. А ты как думаешь?

– Да ну тебя,– девушка зарделась от смущения, и на её губах появилась несмелая улыбка.

– Вот ты уже и улыбаешься,– одобрительно заметил

Алик,— значит, всё хорошо. Куда тебя проводить?

— Мой папа будет сидеть в кабаке до вечера,— Ильяра наигранно нахмурилась.

— Тогда обратно на ярмарку,— решил Алик и, бесцеремонно ухватив девушку за руку, потянул её обратно к центральной площади.

Впрочем, Ильяра и не думала сопротивляться, ей даже понравилось, как уверенно этот незнакомец взял на себя роль её кавалера. Они вернулись к прилавкам и ещё долго гуляли между ярмарочными рядами, влившись в яркий поток радостно гомонящей толпы. Проголодавшись, юная парочка пристроилась за столиком уличного торговца сладостями и полакомилась карамельными яблоками, запивая их ягодным пуншем. К концу дня Ильяре уже казалось, что она знает Алика чуть ли не с раннего детства. Им было так легко и комфортно вдвоём, что мысль о неизбежном расставании вызвала в душе девушки едва ли не панику.

— Уже поздно, давай я провожу тебя домой,— предложил галантный кавалер, когда на Каламут начали спускаться сумерки,— тебе не стоит возвращаться одной по пустым улицам.

— Ой, а я ведь живу не в Каламуте,— только в этот момент до Ильяры дошло, что она совсем забыла про своего отца, который уже, наверное, с ума сходит от беспокойства.

— Значит, я тебя отвезу,— безапелляционно заявил Алик,— у меня есть байк. Только нужно сначала предупредить твоего

отца.

Они разыскали в кабачке лесника, который, кстати, ничуть не тревожился за свою дочку, видимо, по причине повышенного содержания алкоголя в крови. По той же причине Клавдий сходу проникся к Алику полным доверием и легко отпустил Ильяру прокатиться на байке до дома. Через десять минут молодые люди уже мчались по дороге, поднимая облака пыли и хохоча в два горла от скоростного куража. До поворота к домику лесника они добрались довольно быстро, а вот дальше дорога стала небезопасной для двухколёсного транспорта, и Алик предложил своей новой знакомой прогуляться пешком. Не успели они углубиться в лес, как у поворота дороги послышался рёв мотора, и на лесную раздолбанную дорогу съехал солидный внедорожник.

– Это транспорт твоего отца? – поинтересовался Алик пока ещё без тени беспокойства, однако по расширившимся от ужаса глазам девушки сразу осознал, что дело плохо.

– Вороны, – прошептала Ильяра, разглядев знакомую эмблему на капоте машины.

– Беги в лес и прячься, – в голосе Алика сквозила такая безапелляционность, что у девушки даже мысли не возникло, чтобы послушаться, но она всё равно застыла в ступоре просто от страха. – Беги! – заорал парень Ильяре прямо в ухо и довольно грубо подтолкнул её прочь с дороги.

Ноги сами понесли девушку в чащу, а Алик деловито огляделся и, заметив надломленное дерево, ринулся к нему,

чтобы перегородить дорогу внедорожнику. Ильяра летела сквозь заросли, не разбирая дороги, словно за ней гнались злые духи, а не компания недобитых бандюков. Впрочем, кто знает, от кого было бы больше ущерба. Только через пару минут безумного бега, она остановилась, чтобы перевести дух. Никакого шума погони со стороны дороги не доносилось, в кронах деревьев весело щебетали птички, над цветами какого-то кустарника мирно порхали бабочки, в общем, ничто не нарушало лесной покой.

И тут до Ильяры дошло, что она бросила Алика одного на растерзание Воронам. Не то чтобы беззащитная девушка смогла бы оказать достойное сопротивление вооружённым бандитам, но ведь и у Алика не было никакого оружия, однако он остался, чтобы их задержать. Ильяре сделалось стыдно и, несмотря на страх, она повернула обратно. Машину, застрявшую около поваленного дерева, она разглядела сразу. Дверцы были распахнуты, мотор заглушен, но ни Алика, ни Воронов не было видно. Беглянка прокралась поближе к машине и выглянула из-за дерева.

Открывшаяся ей картинка вогнала сознание девушки в ступор. Пятеро здоровенных мужиков молча избивали ногами уже превратившееся в окровавленный кусок мяса тело Алика, вымещая на бесчувственном парне свою злость. Ильяра не удержалась и издала истошный крик. Вся пятёрка оставила своё увлекательное занятие и обернулась к новой жертве. Бежать и прятаться было поздно, к тому же но-

ги бедняжки словно приросли к земле от ужаса. В её голове сделалось пусто, все мысли куда-то улетучились, как будто девушка уже переступила порог между жизнью и смертью.

– Я же обещал, что мы снова встретимся, – раздался злобный голос кривоносого, и насильник медленно двинулся к своей жертве. – Лучше было тебе не строить из себя недоτροгу, милашка, теперь придётся обслужить всех.

Когда трагичный финал ярмарочных приключений Ильяры казался уже неизбежным, на сцене внезапно появился ещё один персонаж. Причём он сделал это столь стремительно, что его появление напоминало скорее смертоносный смерч, нежели движения человеческой фигуры. Этот смерч пронёсся между участниками батальной сцены, которые на его фоне казались неподвижными восковыми фигурами, хотя вроде бы тоже двигались в попытке оказать сопротивление напавшей на них гневной стихии. Увы, их жалкие потуги оказались тщетными, смерч прошёлся по бандитской кодле словно острым серпом, и те, подобно перезрелым колосьям, один за другим попадали на землю.

Не успела Ильяра моргнуть, как всё было кончено, и время вдруг резко замедлило свой бег, как будто кто-то запустил ролик на пониженной скорости воспроизведения. Четверо бандитов лениво и даже как бы нехотя корчились в предсмертных судорогах, орошая алой кровью яркую зелень молоденькой травки, и только кривоносый пока оставался на ногах, но так шатался, что сразу было видно – ненадолго. А

в центре этой апокалиптической зарисовки высилась теперь уже неподвижная фигура мастера Джарета. Кривоносый сделал ещё один нетвёрдый шаг и рухнул на землю прямо у ног Ильяры. В его спине, прямо из головы вышитого на куртке ворона, торчала рукоятка ножа. Бессмертный неспеша подошёл к труп, вытащил свой нож и вытер его полкой куртки убитого им бандита.

– Испугалась, красавица? – весело поинтересовался он у обомлевшей девушки. – Не бойся, эти отморозки больше не опасны. – Ильяра послушно кивнула, но не удержалась и отпрянула от этого ужасного демона возмездия, явившегося из адского пекла, чтобы покарать бандитов, чем вызвала гомерический хохот последнего. – Надо же, какая у Клавдия, оказывается, пугливая дочка, – прокомментировал Джарет её инстинктивный жест. – Это твой ухажёр? – он махнул в сторону неподвижного тела жертвы бандитского произвола.

– Помогите ему, – едва слышно пролепетала Ильяра, всё ещё пытаясь прийти в себя после кровавой и молниеносной расправы над Воронами. Джарет кивнул и склонился над бесчувственным Аликом.

– Живой, – удовлетворённо произнёс он после недолгого осмотра, – но потрепали парнишку знатно. Не возражаешь, если я отнесу его к вам домой? Тут ведь совсем недалеко.

Получив согласие Ильяры, Джарет осторожно поднял израненное тело юноши и поспешил к дому лесника. Девушка, как сомнамбула, поплелась за ним, она всё ещё пребывала

в шоке от увиденного. Ей, конечно, и раньше случалось слушать рассказы про бессмертных, но наблюдать воочию работу одного из них до сих пор не доводилось. То, что сделал Джарет, было откровенно за гранью человеческих возможностей, а потому вызвало у девушки не столько восхищение, сколько ужас. Только когда Джарет уложил раненого на кровать и принялся обрабатывать его раны, Ильяра очухалась и бросилась ему помогать.

– Я навещу его через пару дней, – пообещал бессмертный на прощанье, закончив с лечением, – всё будет хорошо. А про бандитов никому ни слова, с трупами и транспортом я разберусь.

Ильяра без слов бросилась на шею спасителю и разрыдалась. Ей ещё никогда не было так страшно и одновременно легко, словно она открыла для себя новую страницу в жизни, о существовании которой раньше даже не догадывалась. Пока на этой странице было гораздо больше многоточий, нежели внятных слов, но девушка надеялась со временем заполнить эти пробелы.

Реплика искателя

Печально, конечно, что алгоритмы мира Создателя списали человечество в утиль, но это ещё не повод, чтобы опускать руки. В конце концов, божественный вандал, исковеркавший его творение, тоже несёт некоторую ответственность за пострадавших в результате его действий существ, по крайней мере, должен. Почему бы нам ни подключиться к новому источнику, коли уж старый больше для нас не работает? Даже тусклый свет лучше, чем вообще никакого. Что ж, идея не плоха и, кстати, не нова. К такому же выводу пришло довольно много людей, и в нашем мире расцвели пыльным светом всевозможные религии и тайные ордена, поклоняющиеся многочисленным ликам нашего божественного вандала.

Собственно, претензия пророка Иссы к евреям, подвигнувшая его вправить мозги «заблудшим овцам дома Израилева», заключалась вовсе не в том, что что они исповедовали иудаизм, Иисус и сам ведь был обрезанным иудеем, а в том, что они стали поклоняться не Создателю нашего мира, а тому, кто испоганил исходное творение. В конкретном случае с евреями божественный вандал выступал в образе Яхве, но исторически этих образов было множество: Демидург, Бафомет, Саваоф и так далее. Впрочем, трудно винить церковников в том, что они выбрали в качестве объ-

екта поклонения кого-то более осязаемого и доступного для контакта, нежели Создатель.

Увы, творцы обычно не заморачиваются тем, чтобы управлять своими творениями, они отдают их на откуп пользователям. Нашему миру просто не повезло, что его пользователем оказался субъект с извращённой фантазией, который варварски перекроил исходное творение, не заботясь о его сохранности. Хотя, вполне возможно, что наш божественный вандал вовсе не извращенец, а просто недостаточно зрелая личность, вот он и не смог предусмотреть всех последствий своих экспериментов. Человеческие детки тоже не слишком заботятся о судьбе своих игрушек. Поигрался, сломал и забросил в дальний угол, всего и делов.

Наверное, поклонникам божественного вандала следовало бы трижды подумать, прежде чем превращать такое несовершенно существо в объект поклонения и тем самым умножать его могущество. Но может быть, у них просто не было выбора? Нет, это неправда, сей самовлюблённый демиург вовсе не был единственным пользователем творения нашего Создателя, зато он, похоже, был самым активным и контактным. Что ж, результат совершённой ошибки только ещё раз подтверждает, что простой путь вовсе не обязательно должен быть правильным.

Впрочем, каким бы несовершенно ни был сей альтернативный источник жизненной силы, но подключение к нему всё равно обеспечило адептам божественного вандала ощу-

тимые преимущества перед прочими обитателями нашего мира. Они действительно получили власть над людьми и, кстати, до сих пор упиваются своей победой. Вот только победа эта оказалась пирровой. Если воспользоваться сравнением нашего мира с книгой, написанной Создателем, то вклад божественного вандала можно уподобить заметкам на полях. Я даже готова допустить, что эти заметки несут в себе важные мысли, но на их основе мира не построишь, они являются лишь дополнением, причём необязательным. А если мы обратим внимание на содержание этих заметок, то легко обнаружим их односторонность, так как они посвящены сугубо одной теме – материальности.

Согласитесь, невозможно напиться водой из пересохшего колодца, в котором имеются лишь камни. Да, из камней можно сложить дом, их можно использовать как метательное оружие, но вашу жажду они не утолят. Точно так же грубые физические вибрации не могут породить новые смыслы, они в состоянии лишь материализовать старые. В фундаменте любого проявленного объекта лежит идея, которая представляет из себя высокочастотный вибрационный спектр. Если идея объекта отсутствует, то и сам он не сможет обрести бытие. К сожалению, источник, который представляет из себя божественный вандал, эманурует энергию лишь на низких частотах, которые отлично годятся для материализации уже имеющихся в инфополе смыслов, но не в состоянии породить ни одной новой идеи.

Стоит ли удивляться тому, что наш мир на такой специфической диете скукоживается, становится духовно беднее, а его жители откровенно деградируют? Вся наша нынешняя цивилизация построена не на развитии сознания, а на создании различных костылей, которые позволяют нашему телу пребывать в комфорте. Причём я имею ввиду не только физическое тело, но и более тонкие тела: эфирное, астральное и ментальное. Остальные три тела пока рассматривать не будем, поскольку они у нас очень слабо развиты. Так что если вы полагаете, будто, читая комиксы или слушая попсовый музон, вы развиваете своё сознание, то спешу вас заверить, что это не так, вы просто ублажаете свои тонкие тела.

Увы, по мере остывания нашей божественной лампочки, деградация человечества только ускоряется. Теперь нам всё меньше требуется философская литература, высокая поэзия или классическая музыка, мы предпочитаем развлекательные шоу, тупые сериалы и реперов. Наша архитектура утратила гармонию и превратилась в уродливые утилитарные коробки, и даже к своим богам мы обращаемся исключительно за помощью в бытовых вопросах.

Глава 15

Вода в белой фарфоровой чаше потемнела, на миг скрывая лежавший на дне амулет в форме летящей птицы. Нарьяна провела ладонью над чашей, и серебряная летунья засветилась, разгоняя черноту. Как только вода сделалась совсем прозрачной, в ней сразу же отразилось лицо ведьмы. Впрочем, отражением эту картинку можно было назвать лишь условно, водяному клону Нарьяны было никак не больше двадцати лет.

– Привет, Тень,– пробурчала ведьма, обращаясь к своему юному двойнику,– что-то ты совсем обленилась. Куда подевалось твоё рвение меня защищать?

– Никаких новых угроз с нашего последнего разговора не появилось,– в голосе водяной девы недоумение смешалось с тревогой. Ей явно было некомфортно под пристальным взглядом хозяйки.

– Ну отлично, успокоила,– Нарьяна презрительно фыркнула,– а как насчёт моего душевного здоровья?

– Тебя что-то тревожит? – Тень состроила сочувственную гримасу, но было очевидно, что это не более, чем лицедейство. – Ты же получила всё, чего желала.

– Хватит ёрничать,– окрысилась на свою защитницу ведьма,– тебе отлично известно, что мой план не сработал.

– Наверное, сейчас мне стоит закатить глаза и произнести

с трагическим пафосом: «я же тебя предупреждала», – Тень печально улыбнулась и покачала головой.

– Я не понимаю, что пошло не так, – Нарьяна в отчаянии хлопнула ладонью по столу, отчего лицо её двойника заколыхалось на крупной ряби стоячей волны. – Я всё сделала правильно, не использовала ни капли магии. Он сам привёл меня в свой дом.

– Взяла парня на жалость к обездоленной погорелице, – продолжила её реплика Тень, – очень грамотно. Извини, Нарьяна, но жалость – это ещё не любовь.

– Нет, им двигала не только жалость, – ведьма упрямо сжала губы, – я это сразу почувствовала. Он рисковал жизнью, чтобы спасти меня из горящего дома.

– Да, ты права, – покладисто согласилась Тень, – ещё была благодарность.

– Благодарность? – Нарьяна даже растерялась от столь неочевидного утверждения своей защитницы. Вопреки обыкновению, Тень не стала отвечать, только сочувственно улыбнулась. – Нет, этого не может быть, – до ведьмы всё-таки дошло, что та имела ввиду, – это же было просто смутное виденье. К тому же я как раз сказала, что той женщины в реальности не существует. За что ему быть благодарным?

– Ты подарила ему надежду, – в голосе Тени не было ни капли сомнения. – Твоё враньё ещё сильнее убедило Варда, что его любимая – это не глюк, а вполне материальная женщина. Он ведь сильный эмпат и прочёл тебя, как открытую

книгу. Думаю, именно благодарность подвигла его тебя приютить.

– К чёрту такую благодарность,– взорвалась Нарьяна,– лучше уж пусть Вард меня жалеет.

– И напрасно,– Тень и не подумала отступить,– из благодарности ещё можно вырастить любовь, а из жалости – никогда. Если бы ты ни заперла светлую часть своей души в серебряной птице, то смогла бы это понять гораздо раньше.

Некоторое время Нарьяна молчала, переваривая слова своего магического двойника, а затем в её глазах засветились ядовито-зелёные огоньки, словно она вдруг из женщины превратилась в волчицу. Тени достаточно было одного взгляда на эту метаморфозу, чтобы не на шутку перепугаться.

– Что ты задумала, Нарьяна? – с тревогой спросила она.

– Ну-ка, поищи, где в этом поганом городишке продают приворотные травы,– вместо ответа, scomандовала ведьма. – Весь мой запас сгорел вместе с домом, а идти в лес сейчас небезопасно, местные бандиты патрулируют все дороги.

– Мне казалось, что ты такими делами больше не занимаешься,– лицо в чаше нахмурилось, хотя тон вовсе не был обвиняющим. – Ты же не станешь делать это с мужчиной, которого, по твоим же словам, любишь?

– Не твоё дело,– отрезала Нарьяна,– давай, работай.

– Нарьяна, поверь, колдовство тебе не поможет, приворотные чары растают, как только зачарованный мужчина

встретит свою настоящую любовь,— Тень сокрушённо вздохнула. — Он тебя возненавидит, когда поймёт, что ты с ним сделала.

— Да с чего ты взяла, что он встретит ту тётку из прошлого? — отмахнулась Нарьяна. — Я не вижу ничего определённого в его будущем. К тому же ты сама утверждала, что она находится под охраной каких-то могущественных сил. Вот пусть там и остаётся, а Вард будет любить меня.

— Тем хуже,— Тень в упор уставилась прямо в глаза своей хозяйке. — Если он проживёт под действием чар хотя бы лет пять, сама знаешь, что с ним станет. Приворотное заклятие вытянет из него все жизненные силы, и твой возлюбленный умрёт от какой-нибудь болезни, и это ещё в лучшем случае, а в худшем — покончит с собой от непонятной тоски.

— Вард не из тех, кто станет накладывать на себя руки,— вскинулась ведьма. — Не переживай, Тень, я сумею распознать признаки серьёзной хвори и вовремя сниму чары.

— И что случится после этого? — в голосе призрачной водяной девы послышалась горечь. — Когда заклятье будет разрушено, оно ударит по тебе самой гораздо сильнее, чем по твоему возлюбленному.

— Это что-то новенькое,— фыркнула Нарьяна. — Если бы ведьмы каждый раз получали обратку от своих заклинаний, нас бы просто не осталось.

— Обычно, ведьмы лишь выполняют чужие заказы,— Тень в отчаянии закусила губу,— а ты собираешься сделать приво-

рот для себя.

– Всё равно, обратка всегда бьёт по объекту воздействия, а не по заказчику, – несмотря на уверенный тон, слова ведьмы прозвучали не столько утверждением, как вопросом. – Вард сильный, он выдержит.

– Ему не придётся, – печально вздохнула Тень, – Варда защитит любовь, настоящая, не наведённая заклинаниями. Она, словно щит, отразит удар, когда вся мощь твоего приворота выплеснется наружу, поэтому энергия вернётся туда, откуда пришла. К тебе, Нарьяна. Ты получишь такой удар, от которого тебе уже будет не оправиться, и только я смогу тебе помочь.

– Опять ты за своё! – в глазах Нарьяны сверкнули молнии. – Ещё раз услышу твоё нытьё про соединение, и серебряная птичка отправится напрямик в печь.

– Ты действительно считаешь, что небытие для меня страшнее этого призрачного существования? – Тень горько усмехнулась. – Поверь, я была бы благодарна тебе за освобождение, но мне больно смотреть, как ты сама себя загоняешь в могилу.

– Ну и пусть, – Нарьяна решительно сжала губы, – мне пяти лет счастья хватит, а что случится потом, не так уж важно.

– Ты ошибаешься, – в голосе водяной девы явственно слышались зловещие нотки, – нет у тебя пяти лет. Угроза приближается и вскоре объявится на твоём пороге.

– Это ты о ком? – от слов провидицы ведьма враз расте-

ряла всю свою самоуверенность.

– О той самой женщине, которую любит твой Вард,– спокойно пояснила Тень.

– Тьфу, ты совсем сбрендила,– Нарьяна с облегчением перевела дух,– я уж решила, что приближается действительно что-то опасное, а ты всё про ту тётку. Да если за двенадцать лет она так и не сподобилась объявиться, то теперь уже точно не появится.

– Напрасно ты так в этом уверена,– посетовала Тень,– никто не властен над судьбой. А что касается угроз, которые представляются тебе более серьёзными, то и они не заставят себя ждать, если ты нарушишь свою клятву,– в голосе водяной девы уже слышалась откровенная мольба. – Не забывай, с какими силами ты связала свою жизнь, Нарьяна. Они тебя не пощадят.

После этих слов ведьму словно подменили, она вся сжалась, как будто опять начала принимать свой сценический образ тощей старухи, её глаза забегали в поисках укрытия, а румянец стёк с осунувшихся щёчек, уступив место мертвенной бледности.

– Я его недавно видела,– едва слышно прошептала Нарьяна,– посланника хозяина. Он думал, что я не почувствую его тёмную силу, прикинулся обыкновенным мальчишкой.

– О ком ты говоришь? – всполошилась Тень.

– Даже ты его не просчитала,– ведьма обречённо опустила голову,– разве я смогу с ним совладать?

– Нарьяна, не пугай меня,– Тень уже откровенно запаниковала,– я не могла пропустить угрозу твоей жизни. Значит, этот посланник явился не по твою душу.

Некоторое время ведьма потерянно качала головой, пытаясь справиться со своим страхом, но вдруг её глаза вспыхнули яростным огнём.

– Я поняла, он явился по душу Варда,– она уставилась на своего двойника горящими глазами,– именно поэтому это существо прикинулось его сыном.

– У твоего возлюбленного есть дитя,– обрадовалась Тень,– это же прекрасно. Заботясь о его сыне, ты сможешь завоевать сердце своего мужчины.

– Ты дура, что ли,– Нарьяна злобно зыркнула своими чёрными глазищами. – Это не человек вовсе, в теле мальчика живёт могущественная сущность из бездны. И даже это детское тело не имеет к Варду никакого отношения, я бы почувствовала родную кровь, ты же знаешь.

– Зачем же мальчик прикидывается сыном твоего мужчины? – удивилась Тень.

– Я не знаю,– ведьма обречённо вздохнула,– но это существо – не единственная угроза, в последнее время в наш дом постоянно приходят бессмертные.

– Да, это опасно,– согласилась Тень,– они могут привлечь к Варду внимание загонщиков.

– Что-то изменилось,– Нарьяна задумчиво подняла глаза к потолку,– бессмертные перестали таиться, словно загон-

щики прекратили их преследовать.

– Возможно, так оно и есть,– попыталась успокоить свою хозяйку водная дева. – Эти бессмертные настроены враждебно?

– Вовсе нет,– ведьма недоумённо пожала плечами,– напротив, они вроде бы даже слушаются Варда, как командира. Хотя нет, не всегда,– она озадаченно уставилась на своего магического двойника. – Во время ярмарки шастал тут один из них, явно что-то вынюхивал. На всякий случай я наложила на него заклятие отвода глаз. Бессмертные, к счастью, ничего не смыслят в ворожбе, мужик даже не заподозрил, что его водят по кругу. А вот это существо, которое прикидывается сыном Варда, точно умеет колдовать, хотя не так, как я, иначе и гораздо страшнее. Я не понимаю, чего от него ждать.

– Ну так расскажи о нём своему мужчине,– подсказала Тень.

– Вард мне не поверит,– Нарьяна жалобно вздохнула,– я для него всего лишь докучливая приживалка, которая к тому же пытается обосноваться в его жилище.

– А это, типа, неправда,– съязвила Тень,– брось, Нарьяна, себя-то не обманывай.

– Ты права, врать себе – последнее дело,– ведьма решительно поднялась. – Я должна спасти Варда от этой твари, и для этого мне придётся сделать так, чтобы он начал верить каждому моему слову.

– Это ты опять про приворотные чары? – мрачно спросила

Тень. – Ты лукавишь, Нарьяна, просто пытаешься оправдать задуманное преступление.

– Когда Вард будет смотреть на меня влюблёнными глазами, ему и в голову не придёт сомневаться в моих словах, – вывод, который сделала ведьма из увещеваний своего мистического двойника, оказался прямо противоположным тому, что Тень пыталась донести до своей хозяйки.

– Ты же и сама не веришь, что это сойдёт тебе с рук, – сделала последнюю жалкую попытку защитница Нарьяны.

– Струсил, – ведьма презрительно фыркнула, – значит, правильно я от тебя избавилась. Ритуал разделения придумали не из-за пустой прихоти, невозможно впустить в себя древнее знание, оставаясь трусливой соплячкой. Ну скажи на милость, какой смысл в том, чтобы обладать силой, если не можешь ею пользоваться для себя? Всё, хватит ныть, рассказывай, где живут знахарки в Каламуте.

Тень горестно вздохнула и подняла жалобный взгляд на свою хозяйку. Ей очень не хотелось становиться соучастницей преступления, которое задумала Нарьяна, но она не могла сопротивляться прямому приказу, ведь водяная дева была лишь частью ведьминой души и к тому же частью зависимой. Так что на следующее утро Вард проснулся совсем другим человеком, теперь Нарьяна казалась ему идеалом женщины, и он не переставал удивляться, отчего раньше был таким слепцом.

Глава 16

Давненько Ксантипа не испытывал подобного замешательства, пожалуй, с того времени, когда впервые увидел, как линия жизни Киры вдруг разделилась на три расходящиеся ветви. Теперь-то он знал, что замешательство было вызвано ошибкой в интерпретации результатов, на самом деле расходящиеся ветви были ничем иным, как судьбами Кириных детей. Случай помог Магистру выбрать одного из трёх высвеченных программой объектов для приложения своих усилий на благо Ордена, и этим объектом стал Мартин. Последующее развитие событий только подтвердило правильность его выбора, линия жизни мальчика, а потом и юноши шла в точном соответствии с заданным эталоном, и со временем Мартин должен был стать надёжной опорой Ордена, его талисманом удачи.

А вот та картинка на экране монитора, что предстала пред удивлённым взором Ксантипы этим вечером, буквально повергла его в шок. Оказывается, несколько недель назад кривая, описывающая будущее Мартина, сделала крутой вираж, изменив своё направление на противоположное. В первый момент Магистр даже отказался верить полученным результатам и попытался успокоить себя соображениями о специфике развития человеческих особей. Ну мало ли, что могло повлиять на настроение мальчика, находящегося в пубертат-

ном возрасте, может быть, влюбился. Однако более тщательный анализ показал, что разворот кривой не был случайным отклонением, он обозначил тотальное изменение тенденции. Иначе говоря, из талисмана удачи Мартин решительно превращался в камень на шее утопленника.

– А вдруг я сделал неверный выбор? – пришла крамольная мысль в голову Магистра. – Что если союзником Ордена должен стать вовсе не этот нервный и непредсказуемый подросток, а всё-таки Кира или её дочь?

О подобной роковой ошибке даже думать не хотелось. Если самонадеянный Ксантипа потратил больше десяти лет на то, чтобы вырастить могильщика для Ордена, то коллеги ему этого ни за что не простят. Всем будет наплевать на то, что предсказание вероятностей по своей сложности сравнимо с искусством, и столь же прихотливо, как полёт мотылька в ветренную погоду. Коли уж один Магистр взял на себя смелость принимать решение за всех остальных, то должен соответствовать заявленным претензиям, и точка. А ведь на самом деле программа всего-навсего вычисляла наиболее вероятные тенденции и не давала никаких гарантий. Эх, если бы только наша жизнь покорно двигалась в том направлении, куда указывают вычисления, Ксантипе не пришлось бы играть в угадайку, но эта ветренная особа вечно норовит свернуть на дорожку, которую программа обозначила, как «чудесный сценарий».

На пару дней, забыв об остальных заботах, Магистр по-

грузился в вычисления альтернативных вариантов. Результаты его не порадовали. Кира надёжно оставалась противником Ордена, и перспективы её перевербовки были настолько сомнительными, что даже не стоило заморачиваться. Что касается Кириной дочери, то тут имелась полная неопределённость, поскольку эта дамочка, похоже, была очень далека от политики. Теоретически, можно было бы попробовать её завербовать, но она обитала в той самой реальности, где Орден прекратил своё существование, и Ксантипе очень не хотелось ввязываться в сомнительную операцию без гарантии успеха. Как ни крути, а Мартин пока оставался наиболее перспективным кандидатом на роль талисмана удачи. Даже если выбор этого мальчишки и был ошибкой, то заменять его было слишком поздно, придётся иметь дело с тем, что имелось в наличии.

Для начала Ксантипе требовалось определить, чем был вызван сбой в планомерном развитии талисмана. К счастью, круг общения Мартина был довольно узок. Помимо мамочки, в нём присутствовали всего двое человек: его учитель Атан-кей и Джарет. Вычислив дату изменения тенденции кривой вероятностей, Магистр внимательно прослушал записи из флигеля своей пленницы за данный период, но ничего подозрительного в разговорах Киры не обнаружил. Поскольку допрос Творца представлялся ему делом довольно хлопотным, если вообще выполнимым, Ксантипа решил плотно взяться за Джарета. Выпотрошить бессмертного, ко-

торый не мог сопротивляться дознанию просто в силу зашитых в мозг установок подчинения, показалось ему тривиальной задачей.

Нужно сказать, что вызов к Магистру не застал Джарета врасплох, на самом деле он его давно уже ждал, поскольку беженцы из реальности, где он руководил охотой на бессмертных, начали появляться на территории ставки Ордена даже не по одному, а целыми толпами. Рано или поздно кто-то из них должен был попасться на глаза Ксантипе просто по теории вероятности. Наверное, дисциплинированному члену братства следовало бы самому доложить о провале операции в надежде, что это спасёт его от наказания, и если бы Джарет не был бессмертным, то так бы и поступил. Увы, кодекс бессмертных не предусматривал прощения в случае невыполнения приказа вне зависимости от обстоятельств. Так что смертный приговор Джарету был обеспечен в любом случае, и сокрытие информации тут уже ничего не меняло.

По сути, откладывая явку с повинной, он просто выигрывал время, которое всю использовал для поиска Медины. Если бы бессмертному с помощью воскресшего Магистра удалось сбросить установки подчинения до того, как о его проколе узнает Ксантипа, то у него имелись бы все шансы избежать расправы. В противном случае его ждала позорная и мучительная казнь. Эта азартная игра на опережение, про которую знал только один из её участников, продолжалась

уже несколько недель, и пока счёт был нулевой.

Надежды Джарета на Каламут, увы, не оправдались, ему так и не удалось вычислить логово Магистра, если оно вообще было расположено в этом провинциальном городке. Списать неудачу на свой непрофессионализм бессмертный никак не мог, а потому решил, что ошибся в своих исходных предположениях, и принялся шерстить окрестности Гвенды. Откуда было знать непутёвому шпиону, что несколько раз он находился буквально в двух шагах от дома Варда, но так и не смог отследить, как туда входили бессмертные, за которыми он следил. Наверное, такой невероятный прокол можно было бы списать на умение бессмертных замечать следы, но на самом деле всё обстояло несколько иначе. Джарета обломала одна коварная ведьма, которой очень не понравился странный тип, крутившийся у её дома. Что ж, против колдовства даже бессмертные бессильны.

В результате, Ксантипа, сам того не ведая, опередил скрытого мятежника и выиграл гонку. Джарет с достоинством и смирением принял свой проигрыш и, поднимаясь по ступенькам лестницы в кабинет начальства, как по ступенькам эшафота, заранее простился с жизнью. Как ни странно, приём, который оказал своему телохранителю Магистр, вовсе не был похож на арест, можно даже сказать, что в нём имелись явные атрибуты доброжелательности. Обычно Джарет общался с Ксантипой, стоя по стойке смирно и обтекая под строгим взглядом начальства, восседающего за рабочим сто-

лом, словно на троне. Вопреки обыкновению, на этот раз Магистр встретил его в кресле у камина и даже предложил посетителю приземлить свой зад в соседнем кресле. Вдобавок ко всему тон, выбранный Ксантипой, разительно отличался от обычного приказного и годился, скорее, для задушевной беседы.

Поначалу всё это заставило Джарета насторожиться. В доброжелательность начальства он разучился верить ещё в детстве, а потому пришёл к выводу, что Магистр просто решил поиграться с ним, как кошка играет с мышкой, прежде чем сожрать свою добычу. Однако реальность опровергла пессимистичные предположения бессмертного, да и разговор зашёл вовсе не о загонщиках, а о Мартине. Ксантипа сходу принялся жаловаться на то, что мальчик в последнее время сильно изменился, буквально отбил от рук, а потом с невинной улыбкой поинтересовался, что может сказать приставленная к ребёнку нянька о причине столь странного поведения начальничьего сыночка.

Джарет с облегчением выдохнул и принялся убеждать нервного папашу, что с его чадом всё в полном порядке. Однако уже на второй фразе рассказчик запнулся, поскольку сообразил, что это никто иной, как он сам, стал причиной подозрительного поведения Мартина. Бессмертный уже давно забил на свой первоначальный план по превращению пацана в заложника, поскольку на горизонте замаячил куда более перспективный вариант, связанный с воскрешением Ме-

дины. Однако посеянные им в душе Мартина семена ненависти к его приёмному отцу никуда не делись, они благополучно взошли, расцвели пышным цветом и дали плоды. К счастью, участие в этой диверсии Джарета было скрытным и, главное, недоказуемым, поэтому тот решил занять глухую оборону и пошёл в отказ.

Чем дольше Ксантипа слушал своего верного телохранителя, тем больше его обуревали сомнения в реальности происходящего. Джарет откровенно врал и даже не делал попыток придать своим басням хотя бы налёт правдоподобности, что было невозможно даже теоретически. При работающих установках подчинения бессмертный физически был неспособен к враждебным действиям по отношению к братьям Ордена, что уж говорить про самого Магистра. По идее, этот враль уже с первых слов должен был одуматься и начать каяться в своих грехах, но Джарет, похоже, не испытывал не то что раскаяния, а даже неловкости.

Что ж, это был далеко не первый случай сбоя установок подчинения. Время от времени Магистрам случалось сталкиваться с подобными эксцессами, а потому Ксантипа практически мгновенно поставил диагноз своему телохранителю. Он ни на секунду не усомнился, что сбой случился из-за женщины. За сотни лет, прошедшие с запуска проекта бессмертных, Магистрам всё-таки удалось вычислить сей вредоносный фактор, гарантированно рушивший установки. Надо сказать, что это знание досталось им дорогой ценой,

пришлось потратить немало времени и жизней подопытных. Только когда в кодекс бессмертных был включён запрет на долгосрочные взаимоотношения с женщинами, потери практически прекратились.

Иномирные существа, коими были Магистры, просто по самой своей природе не могли предвидеть опасность в области взаимоотношений мужчин и женщин, поскольку в их родном мире даже само понятие пола отсутствовало, впрочем, как и понятие о родственных связях. Откуда им было знать, что забота о близких и любимых людях может с успехом конкурировать в сознании бессмертных с заложенной установками подчинения преданностью Ордену, позволяя удовлетворить их естественную потребность в бескорыстном служении. Но оказалось, что бессмертные тоже люди, и ничто человеческое им не чуждо. Даже под страхом смерти они не готовы были отказаться от своей человеческой природы, и только когда кодекс поставил под удар не только их самих, но и их близких, желающих рискнуть резко поубавилось.

Увы, совсем избавиться от этого любовного морока было невозможно, время от времени кто-то из бессмертных всё-таки срывался. Если опасность срыва удавалось засечь вовремя, то привести в чувство отступника не составляло особого труда, но такие случаи счастливого излечения были очень редкими, для большинства бессмертных отступничество всё-таки заканчивалось смертью. Впрочем, даже при самом благоприятном исходе не обходилось без тяжёлых ду-

шевных травм, так как применяемые методы лечения носили настолько радикальный характер, что многие выжившие пациенты, наверное, предпочли бы эвтаназию.

Ксантипе были хорошо известны как симптомы болезни, так и методы её лечения. Состояние своего телохранителя он расценил как тяжёлое, но не безнадежное, и поэтому принял решение попытаться вернуть Джарета на путь истинный. Для начала требовалось отнять у пациента надежду избежать хирургического скальпеля, а затем уже избавиться от вредоносного фактора, который нивелировал действие его установок подчинения, иначе говоря, от дамы сердца этого безмозглого бунтаря. Вычислить кандидатку на сие почётное звание было проще простого, поскольку в окружении Джарета практически не было женщин, и Ксантипа без малейшего сомнения остановил свой выбор на Кире.

Сложность предстоящего курса лечения заключалась во все не в том, чтобы тупо убить приглянувшуюся бессмертному женщину, нужно было сделать так, чтобы она сама порвала со своим кавалером. Только так можно было добиться требуемого результата. Впрочем, Ксантипа даже не сомневался, что ему удастся найти убедительные аргументы, чтобы заставить Киру сыграть этот этюд в четыре руки, а скорей всего, и заставлять не придётся. В отличие от Джарета, который не сомневался в собственной неотразимости, Магистру со стороны было виднее, и он оценивал шансы этого неуклюжего кавалера как довольно низкие. Однако о перспекти-

вах сотрудничества Киры можно было подумать и позже, а пока следовало запустить первый этап курса лечения.

– Думаешь, что можешь мне врать, бессмертный? – проникновенно спросил Магистр, заранее предвкушая забавное представление.

Столь резкий переход от дружеской беседы к угрозам застал Джарета врасплох. В первый момент его накрыло чувство обречённости. Как он и предполагал, весь предыдущий разговор был просто спектаклем, а вот теперь Магистр перешёл к настоящей цели вызова. Однако буквально через секунду до Джарета дошло, что случилось нечто невероятное. Он действительно врал Магистру и при этом не испытывал раскаяния, а это означало, что его установки не сработали. Разбираться с причиной сбоя на грани ареста было явно не самой актуальной задачей, вместо этого следовало грамотно воспользоваться столь неожиданным подарком судьбы и попытаться унести ноги из орденской ставки, пока его ещё не отправили в пыточный подвал.

– Похоже, у Вас больше нет надо мной власти, – Джарет нахально осклабился, – какая досада.

– И что же ты собираешься делать, мой мальчик? – Ксантипа вальяжно откинулся в кресле, смакуя предстоящую сцену укрощения строптивца.

– Я сейчас выйду из этого кабинета, – Джарет уверенно положил ладонь на рукоятку пистолета и поднялся, – и если Вы не хотите усеять мой путь трупами, то не станете меня

удерживать.

– Ну надо же, какая страстность,– искренне восхитился Ксантипа,– я и не подозревал, что ты так умеешь,– следующая фраза, больше похожая на музыку, слетела с его языка столь естественно, словно была просто продолжением предыдущей реплики.

Это были слова странного, незнакомого языка, и Джарет, естественно, не понял ни одного из них, но отчего-то в целом смысл фразы был ему ясен. Это был приказ не двигаться. Бессмертный глумливо ухмыльнулся, заранее наслаждаясь испугом Магистра, когда тот увидит, как его вроде бы покорный раб просто повернётся и выйдет из кабинета. Увы, попытка пошевелиться закончилась для бессмертного полным фиаско, бедняга не смог двинуть даже мизинцем. Пока Джарет отчаянно боролся с наведённым параличом, ещё одна гортанная фраза поставила его на колени, хотя он и сопротивлялся изо всех сил.

– Говоришь, у меня нет власти? – ехидно поинтересовался Ксантипа, смакуя отчаяние своего пленника. – Глупыш, я могу сделать с тобой всё, что мне заблагорассудится, например, приказать, чтобы ты перерезал себе горло, и ты это сделаешь, хотя считаешь самоубийство неприемлемым.

Джарет ощутил, как его ладонь уверенно легла на рукоятку ножа, и его инстинктивно передёрнуло от омерзения. Бессмертным с колыбели внушали презрение к самоубийцам, а потому гибель от собственной руки была для Джарета рав-

носильна позору.

– Да какого чёрта,– мысленно выругался он, почувствовав прикосновение холодного лезвия к горлу,– это происходит не по моей воле. Буду считать, что это просто акт милосердия, быстрая смерть в благодарность за годы службы.

Видимо, Ксантипа уловил волну облегчения, идущую от коленопреклонённого бессмертного, потому что давление лезвия вдруг ослабло, и нож вернулся на своё место в ножны.

– Впрочем, это было бы слишком просто,– взгляд мучителя упёрся в глаза жертвы с неподдельным интересом, но совсем без ненависти, словно перед ним был не человек, а подопытная мышь,– гораздо забавнее будет понаблюдать, как ты перережешь горло не себе, а кое-кому другому, например, тому, кто тебе дорог,– это был настолько откровенный намёк на Киру, что Джарет невольно вздрогнул, выдав себя с головой. Впрочем, Ксантипа увидел в этом жесте слабости всего лишь ещё одно подтверждение своего диагноза строптивому пациенту, а потому только удовлетворённо кивнул и снял парализующее воздействие. – Ну как, ты ещё не передумал играть в мятежника? – ехидно поинтересовался он.

– Передумал,– угрюмо процедил Джарет,– это я настроил Мартина против Вас, Кира тут ни при чём.

– Какое самопожертвование,– Ксантипа закатил глаза в притворном восхищении. – Ну и зачем же ты это сделал? – в его голосе не было злости и даже досады, лишь любопытство. – Ну да, понимаю, хотел использовать мальчика в ка-

честве заложника, чтобы выволить из плена свою ненаглядную. А знаешь, Джарет, я, пожалуй, позволю тебе сыграть в благородного рыцаря, если взамен, ты образумишь нашего малыша. Кира мне больше не нужна, пусть убирается, а вот Мартина придётся привести в чувство. Что скажешь, бессмертный?

– Вы не собираетесь отдать меня палачам? – у Джарета от удивления глаза вылезли на лоб. – Я же Вас предал.

– Следовало бы, – задумчиво улыбнулся Ксантипа, – но ты пока можешь быть полезен. Заслужи себе прощение, мой мальчик.

Джарет тут же рассыпался в уверениях в своей преданности, хотя ни на секунду не поверил в искренность Магистра. Но это была ещё одна отсрочка неминуемой смерти, и предоставленную возможность следовало использовать по полной. Ксантипа тоже не остался в долгу, примитивное лицедейство телохранителя ничего, кроме жалости, вызвать не могло, а потому он только мысленно посмеялся над потугами Джарета, предвкушая триумфальную развязку затеянного им спектакля. Магистр больше не сомневался в благополучном исходе выбранного курса лечения. Это в плену Кира вынужденно поддерживала тёплые отношения со своим тюремщиком, а на воле она пошлёт навязчивого ухажёра куда подальше с его претензиями. Нужно будет только обставить её освобождение таким образом, чтобы она не имела причин испытывать к Джарету благодарности.

Окрылённый предоставленной отсрочкой бессмертный пулей вылетел из кабинета начальства и, не теряя времени, отправился разыскивать Мартина, чтобы вправить ему мозги. В целом, аудиенция у Магистра закончилась для него гораздо удачней, чем Джарет мог даже мечтать. Во-первых, он получил некоторое представление о возможностях Ксантисы по укрощению бессмертных и мог использовать полученный опыт для планирования своих дальнейших шагов. Во-вторых, приказа устранить Киру ему так и не выдали, а значит, до поры он не представлял для пленницы смертельной угрозы. Но главное, Джарет выяснил, что установки подчинения можно каким-то образом обойти, по крайней мере, частично.

Все остальные посулы, касательно прощения за грехи и освобождения Киры, бессмертный не счёл заслуживающими доверия, он слишком давно служил Ордену, чтобы ещё верить в благородство Магистра. Однако это вовсе не означало, что на задание начальства можно было забить, напротив, следовало продемонстрировать рвение и профессионализм, чтобы подтвердить свою полезность. Отправляясь на поиски Мартина, Джарет даже не сомневался, что выкорчевать посеянные им же ростки ненависти из незрелых мозгов малолетнего бунтаря не составит большого труда, особенно, если задействовать кое-какие приёмы ментального давления. Как же он ошибся, ну откуда этому горе-воспитателю было знать, что причиной произошедших с мальчиком перемен была во-

все не устроенная им диверсия, а то, что Мартин нашёл наконец своего отца.

Глава 17

Этим утром Вард поднялся до рассвета, когда солнце ещё скрывалось за городскими стенами, и улочки Каламута то-нули в сизых сумерках. Он вышел на открытый балкончик, примыкавший к спальне, и с наслаждением вдохнул влажный воздух с запахом ночного дождя. Город просыпался медленно и как бы нехотя. Вот вяло твякнул где-то дворовый пёс и тут же стыдливо притих, забившись в конуру. Вот прогромыхала по брусчатке тележка зеленщика, но едва она скрылась за углом, как улочка снова погрузилась в ватную тишину. Даже редкие прохожие старались не шаркать ногами, чтобы не нарушать сладкую утреннюю дрему своих соседей.

Откуда-то вкусно потянуло дымком разжигаемого очага, даря Варду предвкушение неспешной утренней трапезы с первым глотком ароматного кофе и хрустом хлебной корочки. Мысль о завтраке сама собой связалась в его воображении с образом стройной черноволосой женщины, которая сейчас тихо посапывала в подушку, укрывшись одеялом по самые брови. Вард повернулся к кровати, и его взгляд пробежал по контурам любимого тела, так некстати скрытого толстым покровом. Наверное, именно в этот момент он вдруг осознал, что счастлив. Ощущение счастья было уютным, как привычные разношенные тапочки, в нём не было никако-

го надрыва или восторга, от которого захватывает дух, зато оно было исполнено спокойной уверенности в том, что будет длиться вечно.

При всей сомнительности данного тезиса тот отчего-то не вызвал в душе Варда не только сомнения, но даже простого дискомфорта. Так путник, долго скитавшийся вдали от дома и наконец перешагнувший его порог, пребывает в полной уверенности, что за этим порогом его ждёт отдых у родного очага. Мысль о том, что в мире имеется полно всяческих неожиданностей, способных помешать самонадеянному путнику обрести долгожданный покой, в тот момент кажется кощунственной и автоматически отбрасывается сознанием как несусветная чушь. Если награда заслужена, то она отчего-то кажется нам неизбежной.

Как часто мы можем сказать про себя, что наша жизнь наполнена счастьем? Большинство людей, даже пребывая в состоянии блаженства, отчего-то испытывают неудовлетворённость и тревогу. Едва достигнув намеченной цели и обретя желаемое, мы тут же устанавливаем для себя новую и, как правило, более высокую планку, даже не успев как следует насладиться тем, что уже имеем. Вряд ли это делает нашу жизнь более счастливой, но точно добавляет перчика в то блюдо, главным ингредиентом которого является наша душа. Мы так привыкли постоянно подбрасывать дровишек в костёр своих желаний, что уже забыли, как обрести покой. Но иногда кому-то из нас всё же выпадает шанс остановить

этот бессмысленный бег и осознать красоту момента.

Удивительно, но Варду этот момент истины принесла иллюзия, которую в собственных корыстных целях создала для него коварная ведьма. Впервые за те годы, когда он метался в поисках утраченных воспоминаний, ему вдруг пришло в голову, что потеря памяти была вовсе не трагедией, а подарком судьбы. Ещё неизвестно, смог бы он наслаждаться своей новой жизнью, оставаясь тем, кем был в прежней. А эту новую жизнь Вард сейчас не готов был променять ни на возвращение памяти, ни даже на туманные мечты об ангеле в женском обличье. И дело было не только в том, что в его доме появилась любимая женщина, один взгляд на которую вызывал в теле страстное желание близости, но и в том, что он наконец обрёл семью.

До встречи с Мартином Вард даже не догадывался, насколько для него важно о ком-то заботиться. Он, конечно, ощущал странную сосущую пустоту в душе, но не понимал её причины, приписывая неприятные ощущения расстройству психики, случившемуся из-за потери памяти. А оказалось, что всё это время ему не хватало очень простой и, в сущности, доступной вещи – семьи. Обретя желаемое, Вард сразу почувствовал, что пустота исчезла, заполнившись ощущением блаженного покоя и удовлетворённости, словно затянулась давно кровоточившая рана. Наконец-то у бессмертного появился объект для реализации своего природного стремления к бескорыстному служению, и его жизнь сразу

наполнилась смыслом.

Кто бы мог подумать, что приблудившийся мальчишка и сумасшедшая ведьма, так бесцеремонно ворвавшиеся его жизнь, стремительно станут для Варда родными. Раньше он ведь даже не подозревал за собой тяги к отцовству. Если такой опыт и имелся в его прошлой жизни, то после воскрешения от этого опыта не осталось даже намёка. Зато теперь забота о близких сделалась для Варда самым главным приоритетом. Он стал ценить семейные вечера у камина, когда можно просто расслабиться и беседовать обо всём на свете. Ему доставляло удовольствие обучать Мартина тому, что он умел сам, и даже беспокойство о здоровье и безопасности близких Вард теперь воспринимал не как обузу, а скорее, как награду. В этих простых действиях он словно находил новые, доселе неизвестные жизненные ценности, за которые не жалко было отдать эту самую жизнь.

Замутив свою аферу с приворотным зельем, Нарьяна даже не смела надеяться на то, что этот дикарь и бродяга, в которого она так недальновидно влюбилась, вдруг превратится в заботливого семьянина и примется обустроить своё холостяцкое жилище, превращая его в уютное семейное гнёздышко. Те времена, когда Вард неделями где-то пропадал, наведываясь к себе домой, только чтобы отмыться и пополнить запасы патронов, давно канули в лету. Теперь, несмотря на свою катастрофическую занятость, каждую ночь он проводил в своей постели, и эти ночи были целиком посвящены

Нарьяне. Ведьма была так счастлива, что совсем позабыла про свою профессию и клятвы тёмному господину, сделавшись просто хозяйкой дома и женой.

Конечно, в глубине души она осознавала, что украденное счастье не продлится вечно и даже долго, что конец его будет трагическим для них обоих, но в её мыслях ни разу не возникло и тени сожаления о совершённом преступлении. Все оправдания, типа спасения любимого человека от ужасного посланника тьмы, были давно забыты, и Нарьяна просто и незатейливо наслаждалась своим бабьим счастьем. Тень несколько раз пыталась напомнить своей хозяйке о необходимости предостеречь Варда о злобной твари, притворявшейся его сыном, но ведьма легкомысленно игнорировала предупреждения, откладывая неприятный разговор всё дальше, пока наконец вообще ни забила на свои благие намерения.

Посланник тьмы настолько талантливо вписался в свою роль примерного сыночка, что порой Нарьяна ловила себя на мысли, что действительно воспринимает Мартина как обыкновенного подростка. У них даже установились почти родственные отношения. Нарьяна исправно выполняла роль заботливой тётушки, а парень относился к отцовской женщине с уважением и терпимостью. Нет, разрушать эту семейную идиллию своими подозрениями ведьма не собиралась.

В отличие от Варда, который потонул в нирване блаженного покоя, Мартин, напротив, пребывал в состоянии бурно-

го восторга. Трудно сказать, почему именно отсутствие отца делало в представлении мальчика его жизнь неполноценной, однако с самого раннего детства сия несправедливость отравляла его душу чувством обиды и жалости к себе. Это при том, что Мартина постоянно окружали трое неординарных мужчин, для каждого из которых он последовательно пытался стать сыном.

Увы, ни один из мужчин так и не соизволил принять его щедрый дар. Джарет откровенно недолюбливал своего ученика, считал его обузой и терпел только по долгу службы, да ещё потому, что хотел угодить его матери. Атан-кей с самого начала видел в Мартине не ребёнка, а своего будущего собрата, потому что для Творцов возраст не имеет значения. А Магистр, хоть и усыновил похищенного мальчика, но на самом деле Мартин был для него даже не человеком, а просто призом в его игре за господство Ордена.

Разобраться в мотивах взрослых ребёнку, разумеется, было не под силу, а потому Мартин подсознательно начал винить во всём себя. Даже фантастические способности будущего Творца не смогли поколебать его уверенность в собственной ущербности. Встреча с Вардом изменила всё, Мартин словно расцвёл под любящим взглядом отца, как распускаются почки весной под лучами солнца. Он был готов сделать для отца всё, что тот пожелает, и теперь ему даже не требовалось поощрения в виде слов благодарности или одобрительной улыбки, достаточно было просто осознания, что

задание Варда выполнено. А заданий было немало, Мартин практически сделался центральной фигурой миссии по возрождению Ордена.

Хотя Варду и досталась роль главного героя той пьесы, которую бессмертные замутили для своих преследователей, но всю работу за кулисами делал именно Мартин. Это он осуществлял перемещение действующих лиц на сцене, он же страховал Варда во время его агитационных спектаклей, оставаясь невидимым для зрителей, а ещё Мартин устраивал демонстрации магических фокусов, чтобы окончательно заморочить ошалевших загонщиков, и устанавливал защиту от трансгрессии на их захваченные базы. Роль Ласара сводилась всего лишь к связи с разбросанными по миру бессмертными и участию в представлениях Варда в качестве приманки для загонщиков, что, впрочем, было едва ли ни самой опасной частью операции.

Все трое заговорщиков действовали слаженно, и результаты не заставили себя ждать. Один за другим отряды, сформированные Джаретом для охоты на бессмертных, переходили в подчинение бывших преследуемых и начинали зачищать местность от расплодившихся бандитских кланов. Если вдуматься, то такое развитие событий можно было бы считать практически невероятным, ведь всем заправляли всего три человека, одним из которых был подросток. Однако Мартин об этом даже не задумывался, он во всём полагался на отца, который сделался для мальчика существом, по своей значи-

мости следующим после Создателя. Впервые в жизни он не испытывал чувства ущербности, и это наполняло его жизнь счастьем.

И всё-таки один недостаток, с точки зрения Мартина, у Варда имелся, этот недостаток назывался Нарьяна. Формально приبلудившийся сыночек даже готов был признать, что у потерявшего память отца есть право на счастье с другой женщиной. Тем не менее измена Варда маме Мартина, которая, между прочим, продолжала любить своего мужа, даже мёртвого, вызывала в душе чувствительного юноши боль и обиду, особенно, когда он перехватывал влюблённые взгляды отца на его Нарьяну. Богатое воображение не раз рисовало Мартину сцену встречи родителей, и он буквально физически ощущал тот болевой шок, который неизбежно получит мама, когда поймёт, что воскресший муж её даже не узнаёт. Именно поэтому Мартин решил сохранить в тайне от мамы то, что нашёл отца. Пусть уж лучше она считает его мёртвым, так ей будет легче.

Помимо присутствия в жизни отца другой женщины, существование Мартину отравляла и необходимость каждый вечер возвращаться в Орден. В доме Варда у него теперь имелась своя комната, которую юноша обустроил по своему вкусу и очень полюбил. Однако переселиться в этот дом на постоянное жительство он не мог, ведь в плену у Магистра находилась его мама. Мартин не сомневался, что если о его жизни с отцом узнают в Ордене, то мама сразу же превратит-

ся в заложницу, а он сам – в пленника. Вот и приходилось бедняге жить на два дома, притворяясь, что он с головой погружился в изучение ментальных техник подавления воли.

На самом деле всё свободное время он теперь посвящал помощи отцу, а когда возвращался домой, то с головой погружался в работу с кодом алгоритмов запрета на перемещение, наложенных каким-то спецом на периметр флигеля, в котором обитала Кира. Увы, все его попытки расколоть код пока не принесли никаких результатов. Как и предсказывал Атан-кей, сия задача оказалась не по зубам неопытному юноше. Но Мартин не опускал руки и продолжал упорно ковыряться в хитросплетениях чужой магической защиты, поскольку не видел другого варианта освобождения мамы из плена. Именно за этим занятием его и застукал Джарет.

– А вот и наш нарушитель спокойствия объявился, – в голосе бессмертного было столько желчи, что Мартин почувствовал горечь на языке. – Ну-ка, рассказывай, где ты накосячил. Я больше не собираюсь отдуваться перед Магистром за твои грехи.

– Ничего я не делал, – опешивший от неожиданности юноша по привычке принялся оправдываться перед грозным наставником. – Чего ты опять на меня наезжаешь, Джарет? Я честно отрабатываю свой проигрыш, учусь защищаться.

В общем-то, Мартин даже не особо и лукавил. После его встречи с Вардом эмоциональное состояние будущего Творца настолько выровнялось, что Атан-кей счёл возможным

продолжить его обучение. Правда, времени на занятия с учителем парень теперь тратил примерно в пять раз меньше, чем раньше, но Джарету знать об этом было не обязательно.

– Не ври, – бессмертный тем не менее сразу почуял подставу, – Магистр не станет устраивать разборки на ровном месте. Похоже, ты всё-таки рассказал матери про наш разговор, а ведь я тебя предупреждал, что во всех её комнатах стоит прослушка. Ты хоть понимаешь, что подставил её под удар?

– Ничего я ей не рассказывал, – набычился Мартин. Он слишком хорошо знал об эмпатических способностях своего наставника, чтобы надеяться скрыть от него своё замешательство. И то, что это замешательство не имело к его маме никакого отношения, в данном случае совсем не помогало. Джарет чувствовал ложь и интерпретировал свои ощущения так, как ему было выгодно.

– Кира – пленница Ордена, её жизнь висит на волоске, – продолжил свой воспитательный наезд бессмертный, добавляя чуток ментального давления. – Если Магистр сочтёт, что она плохо воспитывает его приёмного сыночка, то избавится от твоей мамы без колебаний. А ты своими закидонами роешь ей могилу.

– Я своими закидонами пытаюсь её спасти, – Мартин всё-таки не выдержал несправедливых обвинений и дал отпор агрессору.

– Да неужели? – Джарет глумливо усмехнулся, откровенно подначивая своего наивного собеседника. – Может быть,

у тебя даже имеется план спасения?

– Да, имеется,– с вызовом бросил одураченный манипуляциями бессмертного подросток. – Это ты только запугивать мастак, а Творцам доступны иные методы.

– Так это ты, оказывается, вовсе не прохлаждаешься на балконе, а трудишься в поте лица,– манипулятор мастерски продолжил давить на поплывшего юнца. – Ну извини меня, недотёпу, нам, простым смертным, не понять ваших Творцовских методов.

– Да, я тут работаю,– тут же вспыхнул Мартин, уже не отдавая себе отчёта в том, что бессмертный тупо поймал его на крючок уязвлённого самолюбия. – Я пытаюсь распутать код запрета на трансгрессию, который наложен на мамин флигель. А ты чего полезного сделал для её спасения?

– А на фига? – удивление Джарета было настолько искренним, что юный маг мгновенно остыл.

– Тогда мама сможет отсюда сбежать,– пояснил он,– она же Мастер.

Джарет в недоумении застыл с открытым ртом, поскольку для него сие откровение стало настоящим сломом шаблонов. Слушая рассказы Киры о её семье, он создал в своём воображении образ эдакой утончённой барышни, хрупкой и домашней одновременно, которой было никак не обойтись без защиты и покровительства сильного надёжного мужчины, коим он, разумеется, почитал себя. То, что эта барышня на поверку оказалась Мастером, совершенно не вписывалось

с созданную им лубочную картинку. Однако эмпатический датчик бессмертного однозначно показывал, что всё сказанное Мартином было правдой.

– Ты действительно сможешь взломать код? – в растерянности пробормотал он.

– Я пытаюсь его раздолбать уже несколько недель, – Мартин жалобно вздохнул, – ничего не получается. Даже научился ставить свою защиту, а эту взломать не могу.

– Какую защиту? – тут же насторожился Джарет. – Уж не ты ли блокируешь захваченные базы загонщиков? Ну конечно, как же я сразу не догадался, чьи шаловливые ручки тут поработали, – на этот раз возмущение бессмертного вовсе не было наигранным, поскольку проникновение на защищённую от трансгрессии базу едва ни стоило ему жизни. – Значит, Магистр прав, ты действительно слетел с катушек. Как же тебя угораздило связаться с «дикими» бессмертными?

– Так ведь мой отец тоже бессмертный, – Мартин не стал отпираться, уж больно ему хотелось похвастаться своими достижениями.

Джарет только скрипнул зубами с досады. И как только ему пришлось в голову рассказать этому безмозглому юнцу о его казнённом отце? Разумеется, мальчишка сразу же встал в позу обиженного и решил отомстить. И ведь нашёл же способ отыграться на обидчиках по полной, а заодно подставил своего излишне разговорчивого наставника.

– Ты же понимаешь, что меня за прокол с загонщиками

не помилюют? – на всякий случай уточнил Джарет и по враз осунувшемуся лицу Мартина с лёгкостью вычислил, что эта простенькая мысль даже не приходила парню в голову. Что ж, чувство вины было безотказным средством давления на неокрепшую психику юного мятежника. – Поздравляю, на твоей совести скоро появится уже второй труп,– заявил хитрый манипулятор.

– Разве ты не можешь просто сбежать? – Мартин совсем растерялся, и в его глазах появилось такое жалобное выражение, что бессмертный с трудом сдержался, чтобы ни расхохотаться.

– Куда же я денусь с установками подчинения? – фыркнул он. – Их может снять только Магистр, а он с гораздо большим удовольствием снимет мне голову с плеч за твои фокусы.

– Я могу свести тебя с другим Магистром,– тут же обрадовался Мартин,– он не откажется тебе помочь.

Второй раз за этот короткий разговор мальчишка отправил сознание бессмертного в ступор. Джарет перерыл полмира в поисках воскресшего Медины, а оказывается, путеводная нить к свободе всё это время была у него в руках.

– Ты его действительно знаешь? – он всё ещё не мог поверить своей удаче.

– Конечно, знаю,– уверенно подтвердил Мартин,– ведь это мой отец.

Реплика искателя

Возможно, моя предыдущая реплика привела вас к мысли, что я предлагаю отказаться от привычных благ цивилизации. Смеею заверить всех, кто так решил, что это не соответствует действительности. К сожалению, отказ от современных технологий нам не поможет, а лишь усугубит наши проблемы. Если у безногого калеки отнять костыли, то это не сделает его более сильным и живучим, скорее, это сделает его беспомощным. С точки зрения исходного замысла Создателя, мы все сделали такими калеками, поэтому нам будут требоваться всё новые костыли для того, чтобы как-то закамуфлировать свою нарастающую беспомощность.

И что же случится, когда наш запас жизненных сил уже не будет соответствовать уровню человека? Нетрудно догадаться, что тогда мы перестанем быть людьми, утратим свою человеческую сущность. И тут нам уже не поможет подножный корм, он лишь продлит бессмысленное существование деградировавших до уровня животных человеков. Кстати, если вы решили, что превращение в андроидов или вообще программу как-то улучшит наши перспективы, то вы глубоко заблуждаетесь. Роботы ничем не лучше животных, если у них отсутствует такой важный компонент, как душа.

Стоит ли удивляться тому, что современные философы всех мастей соревнуются в апокалиптических предсказаниях судьбы человечества? Куда подевались светлые мечты о воссоединении с богом, о воцарении царства божия на земле, о блаженстве в мире славы? Теперь всё большие говорят о цифровом концлагере, либо о том, что человечество скатится к полной дикости. Зачем эти депрессивные мысли с таким упорством внедряются в наше коллективное сознание? К чему усугублять и так непростую ситуацию? Не знаю, стоит ли относиться к этому как к изошрённому издевательству, или таким образом управители нашего мира просто проявляют своё милосердие, стараясь подготовить нас к неизбежному концу цивилизации, но факт остаётся фактом, без души у человечества нет будущего.

О том, что человечество не развивается, а деградирует, не говорит разве что ленивый, и сей факт уже даже не вызывает особого интереса. Гораздо интересней было бы понять, происходит ли это с санкции нашего божественного вандала, или он давно забил на испоганенное творение Создателя и нашёл себе более интересное занятие. Сломал чужую игрушку и отвалил. А что, вполне возможно, хотя как-то не верится, что существо, способное соперничать с Создателем, станет так варварски обращаться со своей собственностью. Тут одно из двух: либо полная деградация человечества как раз и является его конечной целью, либо он тупо не знает, как всё исправить.

Лично мне трудно представить такие резоны, которые заставили бы высший разум разрушить чужое творение, а потому хочется верить, что наш азартный экспериментатор просто не учёл всех последствий своей аферы с концептом тела. Может быть, он предполагал, что творения Создателя просто по определению не способны уйти с пути следования своему изначальному смыслу, а потому не верил в то, что лишение людей доступа к этому знанию способно привести наш мир к катастрофе? Возможно также, что он неверно истолковал заложенный Создателем смысл существования человечества и не видел ничего фатального в том, чтобы заблокировать наши способности, связанные с функционирование тонких тел.

Можем ли мы в таком случае рассчитывать на то, что сей неудачливый экспериментатор одумается и начнёт исправлять содеянное? Несомненно такое право у нас есть, но давайте всё же оценим возможности божественного вандала с технической стороны. Достаточно ли просто перестать навязывать нам концепт тела? Боюсь, одних пассивных действий будет недостаточно, придётся найти этому концепту достойную замену и хорошенько потрудиться, чтобы новый концепт, во-первых, оказался эффективным лекарством от невежества, а во-вторых, достаточно соблазнительным для целевой аудитории, чтобы переманить значительное количество людей на новую платформу.

Увы, гарантий на то, что уже однажды облажавший-

ся маркетолог придумает нечто гениальное, прямо скажем, никаких нет. Тупо действовать от противного, к сожалению, не получится. Даже наши селекционеры давно уже выяснили, что порок пороком не исправишь. Отнять у нас физические тела насильно тоже не выйдет, ведь это будет нарушением закона свободы воли, что является наказуемым деянием. Кстати, для людей подобное лекарство от забывчивости, пожалуй, окажется фатальнее самой болезни. Во-первых, для нас сей акт станет равнозначен смерти и, следовательно, приведёт к шоковым последствиям. Да и как его осуществить в глобальных масштабах? Ещё один апокалиптический потоп?

Во-вторых, насильственное лишение людей физических тел никак не поможет в одночасье вернуть их природные способности. Ломать, как известно, не строить. Одно дело тупо заблокировать эти способности, и совсем другое – снова научиться управлять своими тонкими телами. Если вы пробовали освоить техники осознанного сновидения, то сразу поймёте, насколько непросто нынешнему человеку оставаться осознанным во сне, когда реальность строится на основе эфирного тела. Нет, тут хирургические методы не применимы, нужно действовать тонко, практически филигранно.

Увы, методы нашего божественного вандала никак не могут вселить в нас уверенность и даже слабую надежду, что он сумеет изобрести какую-нибудь панацею от дегра-

дации человечества, да и в том, что захочет заморачиваться, кстати, тоже. Боюсь, нам придётся либо смириться с неизбежным концом нашей цивилизации, либо самим засучить рукава и заняться собственным спасением. Да, спасти всех, скорей всего, не удастся, освобождение из тюрьмы, как известно, всегда происходит по одиночке, а не скопом, но кто-то всё же сумеет вырваться, если, конечно, хватит не только упорства, но и времени. Часики-то тикают.

Глава 18

Эту тихую живописную улочку на окраине Каламута Джарет узнал практически сразу. Выслеживая логово Магистра, он побывал здесь как минимум два-три раза. Однако небольшой аккуратный домик, к которому его привёл Мартин, он совершенно точно видел впервые.

– Ну что, идём? – парнишка от нетерпения переминался с ноги на ногу, пока ошарашенный гость оглядывал окрестности. – У отца сегодня дел по горло, я с трудом уговорил его с тобой встретиться.

Джарет резко обернулся и едва ни охнул от неожиданности, прямо на его глазах дом Магистра словно растворился в утренней дымке. Теперь перед бессмертным расстилался ровный зелёный лужок с неприхотливыми цветочными клумбами и редкими кустиками жимолости. Джарет помотал головой, пытаясь сбросить морок, но дом, похоже, растворился без осадка.

– Ты ещё долго будешь тут торчать? – Мартин ухватил бессмертного за руку и потянул вперёд. Дом снова послушно материализовался, как будто никуда и не исчезал.

– Это твои фокусы? – недовольно пробурчал Джарет. – Как ты заставляешь исчезнуть целый дом?

– Что? – Мартин, казалось, был искренне удивлён вопросом своего наставника. Однако его замешательство дли-

лось недолго, буквально через секунду в его глазах заплясали озорные искорки. – Это не я, это Нарьяна, – уверенно заявил он. – С домом всё в порядке, он никуда не девается, ты просто его не видишь из-за заклятия отвода глаз. Нарьяна – обыкновенная ведьма, она не умеет трансформировать материальные объекты, зато внушение у неё получается классно.

– У здешнего Магистра нехилая магическая защита, – Джарет одобрительно хмыкнул, – целых два мага на службе, включая тебя. Нашему Ксантипе такое даже не снилось.

– Нарьяна вовсе не служит отцу, – смутился Мартин, – она его жена, да и я помогаю ему не за награду, просто потому, что хочу.

– Знаешь, а ведь я был уверен, что твоим отцом является тот самый казнённый бессмертный, который был мужем твоей мамы, – Джарет задумчиво покачал головой. – Выходит, медальон, который она хранит, не имеет к тебе никакого отношения.

– Имеет, – тут же возразил Мартин, – я отца как раз по медальону и нашёл.

– Не понял, – Джарет с недоверием глянул на завравшегося пацана, – как же он смог пережить казнь?

– Он и сам этого не помнит, – вздохнул Мартин, – у отца полная амнезия. Много лет назад он очнулся в склепе, где его заживо похоронили.

– Забавная история, – Джарет невольно скрипнул зубами, поскольку эта информация напрочь ломала его планы. – Так

это бывший бессмертный, оказывается, строит из себя Магистра. Что ж ты мне сразу не сказал, что он просто самозванец?

– И вовсе не самозванец,– возмутился Мартин,– его все загонщики и бессмертные признали.

– Классно он устроился,– Джарет невольно восхитился пронырливостью недобитого бессмертного. – Позабыл всё, что было раньше, и начал новую жизнь. Зачётная была идея – объявить себя Магистром и подгрести созданную мной структуру загонщиков. Не знаю, как Сэму это удалось, но в наглости ему точно не откажешь. Да в добавок завёл себе ведьму в качестве жены. Уважаю.

– Только ты маме про отца не рассказывай, ладно? – жалобно попросил Мартин.

– Не хочешь, чтобы она узнала про его измену? – губы бессмертного сложились в презрительную усмешку.

– Не хочу, чтобы она страдала,– поправил его Мартин,– пусть лучше считает его мёртвым.

Джарет угрюмо кивнул и направился к дому, держа за руку своего проводника, поскольку иначе он дома просто не видел. После откровений Мартина актуальность этой встречи резко сошла на нет, ведь тот человек, который ждал его в доме, никак не мог быть Магистром. Кому-кому, а уж телохранителю было отлично известно, что Магистры не были обычными людьми, скорее уж, они принадлежали к той магической братии, к которой вскоре должен был присоеди-

ниться Мартин. И хотя они с Семёном не были близко знакомы, но Джарет не сомневался, что ни один из бессмертных никогда не обладал способностями к магии. Для него это откровение стало крушением последней надежды избежать расправы, ведь снять установки подчинения мог только настоящий Магистр, а не какой-то самозванец.

И всё же Джарет решил увидеться с воскресшим мужем Киры. Возможно, им двигало любопытство, но скорей всего, это была слепая надежда на то, что Мартин просто ошибся насчёт личности своего отца. Увы, этой надежде не суждено было оправдаться. Мужчина, поднявшийся из-за стола навстречу гостю, без всякого сомнения был тем самым бессмертным, которого пятнадцать лет назад телохранитель Магистра видел в орденских подвалах перед его казнью. Несмотря на прошедшие годы, у Джарета не возникло даже тени сомнения в его личности. Человека, умудрившегося внушить Ксантипе такой панический страх, он точно не смог бы забыть. Непонятно, каким образом Семёну удалось тогда скинуть установки подчинения, но ни до, ни после этого случая Джарету не довелось видеть Магистра таким беспомощным.

– Привет, Джарет, рад познакомиться с наставником моего сына, – вежливая улыбка скользнула по губам хозяина дома и тут же растаяла, как бы давая гостю понять, что ему тут не рады и терпят только по просьбе Мартина.

– Похоже, ты не узнаёшь меня, Сэм, – неприязненно про-

скрипел Джарет,— а я тебя сразу узнал. Это я был телохранителем Ксантипы, когда он тебя допрашивал перед казнью. Так что можешь оставить своё лицедейство для загонщиков, передо мной тебе нет смысла прикидываться Магистром.

— Говоришь, меня звали Сэмом? — похоже, гостю всё же удалось пробудить интерес хозяина, поскольку в глазах Варда сразу загорелось любопытство. — Давно хотел узнать своё настоящее имя, надеялся, что оно поможет мне вспомнить хотя бы себя. Жаль, что ошибся. Теперь близкие зовут меня Вардом, а остальные безымянным или просто Магистром. И я вовсе не прикидываюсь, я тупо не помню, кем я был двенадцать лет назад. Вполне возможно, что и Магистром.

— Значит, Мартин не соврал, у тебя действительно амнезия,— Джарет уныло кивнул, как бы признавая своё окончательное поражение. — Но как же тебе удалось убедить загонщиков в своей идентичности?

— Разве их нужно было убеждать? — в голосе Варда послышались нотки горечи. — Поверь, это они меня убедили, что я являюсь Магистром.

— А бессмертные? — продолжил давить Джарет. — Как можно обмануть эмпатов?

— А бессмертные вообще благодарны мне по гроб жизни за освобождение от установок подчинения,— впервые с начала разговора Вард сподобился открыто улыбнуться, и его лицо сразу преобразилось, словно бы стало моложе. — Правда, не всем бессмертным мой подарок пришёлся по вкусу, некото-

рым эта свобода даром не сдалась.

От этих слов в душе Джарета снова вспыхнула надежда. А вдруг Семён действительно был когда-то Магистром? Разве не могло такого случиться, чтобы чудом выживший бессмертный решил отомстить своим обидчикам и разделался с Мединой, заняв его место? Да, вероятность такого сценария была близка к нулю, но в конце концов, какая разница, если он смог освободить своих бессмертных. А это точно сделал не сам Медина, ему бы такое даже в голову не пришло, а вот для бессмертного освобождение своих собратьев было вполне естественным поступком. Значит, у Семёна не должно возникнуть возражений против того, чтобы сделать свободным ещё одного бессмертного.

– А меня ты сможешь освободить от установок подчинения? – голос Джарета невольно дрогнул.

– Я бы и рад, – сочувственно вздохнул Вард, – но не знаю, как это сделать, позабыл вместе со всеми остальными вещами из моей прошлой жизни.

Вот это уже был конкретный и окончательный облом. Кто бы мог подумать, что какая-то пошлая амнезия встанет непреодолимым препятствием между бессмертным и его свободой. Но тут Джарету пришло на ум, что Семён его тупо разводит.

– А как же тогда тебе удалось вспомнить Мартина? – он с подозрением воззрился на ушедшего в отказ Магистра.

Джарет, конечно, понимал, что просто хватается за соло-

минку, но ничего не мог с собой поделаться. Мечта об освобождении слишком долго жила в его душе, чтобы вот так, в одночасье, отдать концы. Вард печально улыбнулся, и его взгляд затуманился, словно бы обратился внутрь. Джарету на мгновение показалось, что его собеседник сейчас встанет и уйдёт, оставив его в одиночестве раздумывать над своим неподобающим поведением. Ну действительно, чего ему вздумалось докапываться до этого блаженного мужика, который мнит себя Магистром? Вард и вправду вылез из-за стола, но не покинул настырного гостя, а просто подошёл к окну и распахнул створки, впуская в комнату свежий воздух.

– Мы отчего-то уверены, что наша нынешняя жизнь, то, кем мы являемся в настоящем, всё это определяется нашим прошлым, – медленно проговорил он, не оборачиваясь. – Раньше я тоже так думал, пока ни лишился своего прошлого.

– Это ты к чему? – Джарет напрягся, пытаясь понять, куда клонит этот самопальный философ.

– К тому, что мы делаем свою жизнь и свою личность каждый миг своего существования, – голос Варда окреп, в нём прозвучала уверенность, похоже, выстраданная и подтверждённая личным опытом. – Каждое принятое нами решение меняет не только нашу жизнь, но и нас самих. Фундамент прошлого, конечно, создаёт определённые предпосылки для наших решений, с этим не поспоришь, но наша воля всё равно остаётся главной. Наверное, только лишившись прошлого, можно понять, что дело вовсе не в нём, а в настоящем.

Сейчас Мартин – мой сын, и мне не важно, была ли его мать моей женой.

– Значит, Киру ты всё-таки помнишь, – Джарет, совершенно не предполагавший столкнуться с перспективой возвращения блудного Кирино мужа, неприязненно воззрился на своего возможного соперника. – И что ты собираешься делать? У тебя ведь сейчас другая жена.

– Я не помню даже себя самого, – горько усмехнулся Вард, враз успокоив ревнивца, – но разве это так уж важно? Сейчас для загонщиков и бессмертных я – Магистр, которого они называют безымянным и за которого готовы умереть. Думаешь, им есть дело до того, кем я был раньше? Но в одном ты прав, что-то надо делать.

– С бессмертными или загонщиками? – уточнил Джарет.

– С матерью Мартина, – Вард снова печально улыбнулся, – её нужно освободить. Парень совсем извёлся от страха за её жизнь. Не понимаю, почему он отказывается от моей помощи.

Джарет представил себе сцену явления этого благородного освободителя пред светлые очи томящейся в лапах коварного Ксантипы пленницы, и его зазнобило от предчувствия беды. Каково будет Кире узнать, что мужчина, которого она оплакивала все эти годы, благополучно забыл про безутешную вдову и процветает с новой жёнушкой? Не удивительно, что Мартин готов костью лечь, чтобы только не допустить встречи своих родителей. Что ж, такой расклад Джаре-

та вполне устраивал, воскрешение бывшего Кириного мужа ему тоже было совсем ни к чему.

– Мартин всё правильно делает, – уверенно заявил коварный оболъститель чужих жён, – тебя же казнили именно в том месте, где сейчас находится мама Мартина. Это только в цивилизованном обществе не принято казнить дважды за одно и то же преступление, а братству эти гуманистические идеалы чужды. Но ты не переживай, я что-нибудь придумаю.

– Ты?! – Вард удивлённо поднял бровь и нахмурился. – Бессмертный готов пойти против Ордена?

– Мне уже нечего терять, – покаялся Джарет. – Из-за твоей аферы с загонщиками меня всё равно казнят. Одним преступлением больше, одним меньше – без разницы.

– Ты действительно готов это сделать для Мартина? – в голосе Варда послышались нотки восхищения, и Джарету стало стыдно за своё бахвальство, но отступить было поздно.

– Эта женщина мне не безразлична, – честно признался он. – Да, я готов рискнуть, но ты тоже должен кое-что сделать. Поклянись, что не станешь искать с ней встречи, если мне удастся вытащить Киру из клетки.

– Я и не собирался, – Вард смущённо опустил глаза. – Сейчас в моём доме живёт другая женщина, и я её очень люблю. Но если ты так настаиваешь, то даю тебе слово, что буду всячески избегать встречи с матерью Мартина.

– Этого достаточно, – удовлетворённо кивнул Джарет. –

Думаю, нам больше нечего обсуждать. Зови пацана, мне пора возвращаться.

Вард выглянул в окно и сразу заметил у калитки своего сыночка в компании двух незнакомцев: парня и девушки. Хотя нет, незнакомым был только высокий белобрысый парнишка с ясными серыми глазами, а вот в его спутнице Вард сразу опознал дочку лесника. Блондинчик опирался на костыли, но это ничуть не мешало ему возбуждённо жестикулировать и хохотать во всё горло, рассказывая Мартину что-то явно забавное. Его подружка, разодетая как на праздник, нервно кусала губки и приплясывала от нетерпения. Похоже, ей откровенно не нравилось, что всё внимание её кавалера было сейчас направлено не на её аппетитную особу, а на какого-то чужого, непонятно откуда взявшегося пацана.

Что ж, Ильяре можно было только посочувствовать, она так надеялась оторваться в обществе выздоравливающего Алика, а тот увяз в глупой болтовне с местным парнем. Поначалу девушка ещё надеялась, что у этого чужака хватит сообразительности, чтобы понять, что он в их компании третий лишний, но очень скоро к ней пришло осознание, что той самой третьей была она сама. Стоило двум паренькам случайно зацепиться взглядом, как их буквально притянуло друг к другу. Конечно, Мартин с Аликом не могли помнить, что уже были неразлучными друзьями в своём сопливом детстве, но это ничуть не помешало им снова сблизиться. Парни трещали без умолку, словно боялись, что не успеют наго-

вориться, и только завидев приближающегося Джарета, оба вдруг замолчали.

– Вижу, ты быстро поправляешься, – кивнул бессмертный своему пациенту, – похоже, Ильяра за тобой хорошо ухаживает.

– Спасибо, Джарет, – Алик расплылся в благодарной улыбке. – Это мой спаситель, – с гордостью представил он бессмертного своему новому другу.

– Да нет, это мой наставник, – рассмеялся Мартин. – Надо же, как тесен мир.

Мальчишки были настолько непохожи, что оставалось только удивляться тому, как они вообще умудрились сблизиться. Это было прям какое-то волшебство. Зато сходство Алика с Семёном сразу бросилось в глаза наблюдательному бессмертному, зародив в его голове сомнения насчёт того, что Мартин действительно нашёл своего родного отца. Конечно, внешность – это ещё не доказательство, мальчишка мог просто пойти не в отца, а в свою маму. Но ведь, кроме трюка с медальоном, никаких доказательств родства с бессмертным у Мартина не имелось, а это, согласитесь, была весьма зыбкая основа для уверенности. Джарет представил себе, что же случится, если его сомнения окажутся обоснованными, и мысленно посетовал на легковёрность своего подопечного, поскольку сильно сомневался, что хрупкая психика будущего Творца сумеет справиться с подобной ситуацией.

Углубившись в свои физиогномические изыскания, бессмертный совсем не обратил внимания на то, с каким немым обожанием смотрит на него Ильяра. Неуклюжие подростки с их глупой болтовнёй сразу были забыты, и всё внимание девушки поглотил образ зрелого воинственного красавца. А ведь поначалу увиденная ею сцена расправы с бандитами настолько ужаснула Ильяру, что она даже боялась лишний раз смотреть в сторону Джарета. Однако со временем страх ступевался, уступив место восхищению, и теперь бессмертный стал частым гостем девичьих грёз. Удивительно, какими же прихотливыми путями судьба сводит вместе актёров своей пьесы под названием жизнь.

Глава 19

Кто из нас может похвастаться тем, что полностью контролирует обстоятельства своей жизни? Наверное, подобная нушь может прийти на ум либо дебилу, либо завязтому вралю, который не в состоянии быть честным даже с самим собой. У затейницы-судьбы не бывает выходных. Стоит нам немного зазеваться или поверить, что всё идёт как по маслу, и она тут как тут со своими сюрпризами. Ксантипа поимел сомнительное удовольствие убедиться в этом непрерываемом правиле жизни в тот же вечер, когда устроил допрос своему телохранителю.

Удачно проведя первую часть операции по излечению строптивного пациента, добрый доктор немного передохнул и ближе к ночи направился навестить свою предполагаемую сообщницу по второй части. По задумке Ксантипы наградой за содействие Киры в деле отрезвления её кавалера должно было стать освобождение пленницы. Впрочем, хитрый манипулятор не собирался заключать честную сделку. Он считал Киру слишком непредсказуемым и даже опасным фактором в вопросе превращения её сына в талисман удачи для Ордена, чтобы позволить этому фактору выйти из-под контроля. Приведя в чувство Джарета, Магистр планировал отдать ему приказ по устранению строптивной дамочки.

Собственно, решение сделать Киру нянькой при малолет-

нем талисмানে было вынужденным, первоначально на эту роль планировалась гораздо более профессиональная няня Светлана. Но судьба и тут подкинула самонадеянному Магистру подянку в виде пролитой на пол манной каши, поскользнувшись на которой, бестолковая баба проломила свою черепушку об угол стола. Вот и пришлось Ксантипе играть свой спектакль с, так сказать, вторым составом. Впрочем, Кира оказалась довольно сносной воспитательницей юного дарования, она не пыталась настраивать своего сына против Ордена и его Магистра, да и вообще вела себя тихо, как мышка. Так что у Ксантипы имелись веские основания рассчитывать на её сотрудничество в вопросе излечения Джарета.

Впервые обнаружив, что количество неизвестных переменных в его формуле процветания Ордена увеличилось с одного до трёх, Магистр поначалу попытался вычислить нужный объект математическими методами, но обломался. Тогда он принял решение выследить и захватить сразу всех трёх подозреваемых, а потом уже без спешки выяснить, кто из них является талисманом. Как водится, всё пошло не по плану, зато отпала сама необходимость что-то вычислять, поскольку фаворит обозначился сам, причём со всей определённости. Разве можно было сомневаться в том, что карапуз, научившийся трансгрессии в возрасте менее трёх лет, как раз и является заветным призом? Правда, последние события, заставили Магистра усомниться в правильности того

давнего решения, но что-то менять уже было слишком поздно, теперь ему предстояло работать с тем, что имелось в наличии.

Никакого опыта в общении с детьми у Ксантипы не имелось, а потому он выбрал стратегию воспитания, при которой должен был сделаться для Мартина эдаким повелителем и верховным жрецом в одном флаконе. Чтобы исключить стороннее влияние, он сразу же ограничил общение малыша узким кругом воспитателей, из которых лишь Джарет считался лицом, облечённым доверием. Атан-кея пришлось включить в этот круг вынужденно, поскольку спонтанно проявлявшиеся способности Мартина нужно было взять под контроль. Это было довольно рискованно, но вроде бы занятия с Творцом никак не повлияли на расклад вероятностей в судьбе Ордена. Влияние Киры Магистр очень скоро вообще перестал принимать во внимание, поскольку оно было настолько незаметным, что пришельцу из иного мира представлялось отсутствующим.

Увы, казавшая такой идеальной схема воспитания талисмана удачи явно дала сбой, мальчик так сильно отдалился от своего приёмного отца, что Магистр практически утратил на него влияние. Стоит ли удивляться тому, что пустующее место в душе подростка занял кто-то другой? То, что этим заменителем сделался Джарет, можно было предсказать заранее, но сей аспект Ксантипу совершенно не беспокоил, поскольку ему даже в голову не могло прийти, что бессмерт-

ный станет настраивать мальчика против его приёмного отца. Похоже, напрасно он сбросил со счетов серую мышку Киру, ведь это именно из-за неё установки подчинения Джарета дали сбой. Приходилось признать, что Ксантипа загнал себя в эту дурацкую ловушку собственной недалёковидностью.

Ситуацию с талисманом нужно было срочно исправлять, но в самый ответственный момент в руках Магистра не оказалось никаких иных рычагов воздействия на своего подопечного, кроме бессмертного с неработающими установками подчинения. С Атан-кеем Ксантипа отношений практически не поддерживал, поскольку опасался его могущества, так что рассчитывать на его помощь не мог. Кира всегда была в этом непростом раскладе, скорее, негативным фактором, так как истово ненавидела Орден и его Магистра. Остался только Джарет. Этот предатель был единственным, кто мог повлиять на отбившегося от рук пацана. Если бы ни сей прискорбный факт, бессмертного уже давно бы казнили за нарушение кодекса. Разумеется, Магистр не стал информировать своего телохранителя об истинной причине своей снисходительности к его предательству, так что Джарет вряд ли осознавал свою незаменимость.

Наивность глупых людишек всегда забавляла могущественного правителя целой реальности. Как бы ни была их жизнь, они почему-то всё равно продолжали верить в искренность и добрые намерения окружающих. И ладно бы они доверялись только своим соотечественникам, это было

бы ещё хоть как-то объяснимо. Но с чего они взяли, что высшему существу из иного мира есть какое-то дело до их чувств и их жизни? Для Ксантипы люди были не более, чем едой, в лучшем случае – инструментом воплощения его воли, как, например, бессмертные. Применять в отношении этой биомассы какие-то нравственные критерии ему даже в голову не приходило. Так что укрощение строптивого бессмертного Магистр рассматривал просто как починку сломанного механизма, а потому не ждал от сего неодушевлённого предмета никаких сюрпризов.

Увы, действительность оказалась не столь примитивной и предсказуемой, как ему представлялось. Отправляясь к даме сердца мятежного телохранителя, чтобы замутить вторую часть операции по его излечению, Магистр даже представить не мог, каким обломом закончится его вояж. Кто бы мог подумать, что глупая канарейка, которая двенадцать лет покорно сидела в своей клетке, вдруг решит упорхнуть на свободу, причём сделает это аккуратно накануне санкционированного собственником клетки освобождения. Ксантипа рассвирепевшим тигром прошёлся по комнатам Кириного флигеля, никого не нашёл, и лишь после этого сподобился выглянуть в окно. Там, во дворе совсем недалеко от выхода стояли Кира с Джаретом, держась за руки как первоклашки. Магистр уже раскрыл рот, чтобы вызвать охрану, но в этот момент фигуры беглецов сделались полупрозрачными и растаяли в воздухе.

Обломавшийся манипулятор зарычал с досады. Нет, не так он предполагал выпустить птичку из клетки, Кира должна была поверить в его благородный порыв и с благодарностью принять предложение о сотрудничестве. И уж точно ей не полагалось испытывать эту самую благодарность к пациенту Магистровой больнички, ведь от благодарности до любви шаг совсем небольшой. Самое поганое в данной ситуации было то, что вернуть Джарета по собственному желанию Ксантипа никак не мог, по крайней мере, до тех пор, пока тот ни вынырнет из романтического флёра влюблённости. Единственным положительным моментом в данной ситуации можно было считать тот факт, что сам бессмертный пока не подозревал о своей неуязвимости, но это не могло продлиться долго.

Положение складывалось близкое к катастрофическому и требовало принятия немедленных мер, чтобы не превратиться в реальную катастрофу. Магистр вызвал охранников и приказал немедленно отыскать и арестовать Мартина. Конечно, подобная устрашающая акция была весьма нежелательной, после такого парень уже никогда не сможет доверять своему приёмному отцу, но упустить из рук ещё и главный приз Магистр никак не мог себе позволить. Увы, очень скоро выяснилось, что со своими приказами он припозднился, пацана уже и след простыл. Собственно, Мартин даже не стал возвращаться в Орден после организованной им аудиенции Джарета у своего отца, а сразу отправился в гости к сво-

им новым друзьям. Причина столь неосмотрительного поведения вроде бы опытного конспиратора была тривиальна – Джарет нашёл способ освободить его маму из плена.

– Почему же ты раньше этого не сделал? – вскипел Мартин, когда наставник поделился с ним планом спасения.

– Лучше спроси себя, почему ты раньше не рассказал мне про способности своей мамы, – фыркнул Джарет. – Если бы я только мог предположить, что Кира умеет трансгрессировать, то она уже давно была бы свободна. Выбраться из флигеля – это совсем не то же самое, что тащить хрупкую барышню через посты и крепостные стены. У охраны, между прочим, имеется однозначный приказ стрелять на поражение. Даже мне в одиночку было бы непросто прорваться, а уж вместе с Кирой – это был бы заведомый провал.

– Но ведь во флигеле тоже есть охрана, – возразил Мартин, – вдруг в маму попадёт шальная пуля?

– Не дрейфь, малец, – Джарет задорно рассмеялся и хлопнул нервного сыночка по плечу, – военную хитрость пока никто не отменял. Вы же с мамочкой примерно одного роста и комплекции, так что охрана будет уверена, что рядом со мной на выход идёт не пленница, а её сынок. Ну а если и придётся немного пострелять, то с десятком охранников я как-нибудь справлюсь.

– Круто! – выдохнул Мартин. – Спасибо тебе, Джарет.

– Поблагодаришь, когда Кира будет на свободе, – Джарет суеверно сплюнул через левое плечо. – Только ты уж сделай

одолжение, держись подальше от Ордена. Боюсь, охранники не заценят юмора, если я выйду из флигеля в сопровождении двух Мартинов.

– Да я вообще больше туда не вернусь,– заверил своего благодетеля маменькин сынок,– останусь в этой реальности.

– С отцом или с матерью? – живо поинтересовался Джарет, для которого болтающийся под ногами подросток стал бы докучливой помехой в деле оболыщения его мамочки.

– Я хочу переехать в дом отца,– Мартин стыдливо потупился, как бы извиняясь за свою чёрную неблагодарность,– но, конечно, буду навещать маму.

– Не беспокойся, я о Кире позабочусь,– тут же заверил его хитрый оболыщитель, у которого буквально гора упала с плеч.

– А где вы с мамой будете жить? – Мартин нахмурился, соображая, как бы половчее разрулить эту непростую ситуацию. – Вам придётся остаться в этой реальности, дома вас Магистр вычислит в два счёта.

– Меня-то не учи конспирации,– огрызнулся Джарет,– как-нибудь обойдусь без твоих дилетантских подсказок.

На том двое заговорщиков и закончили свой военный совет. Доставив бессмертного в Орден, Мартин сразу же вернулся обратно и отправился в гости к Ильяре вместе с новым другом Аликом, с которым не хотел расставаться даже на несколько часов. А Джарет навестил комнату своего ученика, теперь уже бывшего, и выбрал подходящий наряд для

задуманного представления. В успехе операции он уже не сомневался, бессмертному было вполне по силам вытащить пленницу из флигеля во двор, даже если бы пришлось уложить всю его охрану. Но одно препятствие он всё-таки не учёл, оказалось, что пленница вовсе не желала спастись.

– К чему это? – Кира безразлично пожала плечами. – Мы с Ксантипой договорились, что я буду воспитывать сына до совершеннолетия, а потом он меня отпустит. Осталось ещё два года.

– Ты просто не понимаешь, – принялся увещевать упряmicу Джарет, – единственное место, куда он тебя отпустит – это в могилу. – Женщина устало вздохнула, но ничего не ответила и отвела взгляд. – Нет, ты всё понимаешь, – возмутился бессмертный, – и тебя это устраивает.

– Прости, Джарет, – Кира вроде бы обращалась к своему собеседнику, но казалось, что говорит сама с собой, – после смерти Семёна моя жизнь стала бессмысленной. К тому же я не могу оставить Мартина, без меня эти твари быстро превратят его в зомби.

– Мартин вовсе не собирается тут оставаться, – не подумав, выпалил Джарет и тут же смутился, поскольку пообещал парню не рассказывать матери о его планах. Впрочем, Кира была так поглощена своими мыслями, что вроде бы и не заметила его смущения.

– Он просто глупый мальчишка, – она отрешённо улыбнулась, – у него на уме лишь героические фантазии и захваты-

вающие приключения. Но этот мир не похож на рыцарский роман, он грубый и жестокий. Ну что Мартин будет делать один в чужом мире, о котором он ничего не знает? Ему же едва исполнилось шестнадцать. Как ни прискорбно это признать, но здесь, в Ордене, его дом. Так уж сложилось.

Отправляясь на свою спасательную миссию, Джарет вовсе не собирался делиться с Кирой секретами её сыночка. Он планировал как можно дольше держать безутешную вдову в неведении относительно факта воскрешения давно оплаканного дорогого её сердцу покойника. Ну уж если для чего и стоило посвящать Киру в эту роковую тайну, то исключительно для того, чтобы облить помоями её бывшего мужа-изменщика. Увы, правда жизни диктовала свои законы, без своего сыночка заботливая мамочка даже с места бы не сдвинулась. А у Джарета тупо не было времени, чтобы продолжать уговоры, так что без убойных аргументов было никак не обойтись.

– Мартин уже давно тусит в той реальности, – мрачно процедил коварный манипулятор, – и ему есть где жить. Он планирует поселиться в доме своего отца.

Произнося эту роковую фразу, Джарет заранее приготовился к бурной реакции Киры в диапазоне от счастливых слёз до истерики, однако эта странная женщина снова его удивила. Нет, она, разумеется среагировала, причём довольно бурно, но вместо ожидаемой радости, в её глазах заметался страх.

– Этого не может быть,– едва слышно пролепетала побледневшая как полотно Кира. – Мартин не должен был узнать про своего отца.

– Разве ты не рада, что твой муж жив? – Джарет был настолько шокирован её странным поведением, что даже не сразу обратил внимание на то, что известие о воскрешении мужа не вызвало у Киры удивления.

– Для меня он умер двенадцать лет назад,– отрезала псевдо-вдова,– и я не позволю, чтобы он морочил голову моему сыну своим покаянием. Может быть, ещё не поздно его остановить. Ладно, я согласна бежать,– она решительно поднялась. – Какой у тебя план?

Джарет недоумённо помотал головой, пытаясь подстегнуть свои мозги к осмысленной деятельности. Тут явно было что-то не так, ну не могла Кира, с такой любовью говорившая о своём муже, вдруг резко его возненавидеть.

– Я не понимаю, что плохого в том, чтобы Мартин общался со своим отцом,– Джарет недовольно поморщился, демонстрируя вспльчивой мамочке своё отношение к её комплексам в отношении бывшего мужа. – Ты даже не представляешь, как это для него важно.

– Отлично представляю,– огрызнулась Кира,– именно поэтому мне нужно срочно поговорить с его отцом. Только, пожалуйста, не говори Мартину, что я всё знаю, я сама со всем этим разберусь.

Джарет пообещал, хотя сей странный разговор и показал-

ся ему театром абсурда, а в добавок невольно навёл его на крамольную мысль, что рассказы Киры о её семейной жизни могли быть просто выдумкой. Может быть, она описывала не реальную жизнь, а свою мечту? В подобную версию верилось с трудом, уж больно живыми были все эти забавные сценки из её рассказов. Джарет словно проживал их вместе с Кирой, непроизвольно примеряя на себя жизнь Семёна. Чужая личина настолько глубоко проросла своими корнями в его душе, что практически сделалась его вторым я и в конце концов заставила поверить в свою способность заменить Кире погибшего мужа.

Встреча с Семёном ничуть не поколебала уверенность Джарета, даже наоборот, убедила, что эта миссия ему вполне по силам. Именно поэтому он взял с Семёна обещание не искать встреч с Кирой. Нет, Джарет не готов был так просто расстаться со своими мечтами о семейном счастье. Обидно, конечно, что созданный в его воображении идеальный образ мужа и отца оказался фикцией, однако это вовсе не означало, что у самого Джарета нет шансов воплотить этот образ в реальности. В конце концов, он ведь точно знал, каким Кира видит своего идеального мужчину. Так что ему стоит стать этим эталоном?

Единственное, что смущало бессмертного в его плане построения счастливой семьи с Кирой, были установки подчинения. Тот факт, что эти установки откровенно сбоили, никак не исключал возможности их внезапной активации на

полную мощность. Поэтому Джарет постоянно прислушивался к своим ощущениям, чтобы вовремя засечь момент включения установок. К счастью, ничего подозрительного он не заметил, даже когда они с Кирой вышли во двор и приготовились к прыжку в неизвестность. И всё же Джарет счёл необходимым предупредить ничего не подозревавшую женщину об опасности.

– Если почувствуешь, что со мной творится что-то странное, немедленно трансгрессируй и прячься, – ему очень не хотелось вносить эту нотку недоверия в отношения с будущей хозяйкой его дома мечты, но подставлять её под удар не хотелось ещё больше.

– Не беспокойся, Джарет, – Кира уверенно взяла его за руку, – пока ты со мной, с тобой ничего не случится.

Трудно сказать, откуда у неё взялась эта уверенность, возможно, Кира просто интуитивно уловила связь между собой и работой установок бессмертного. В конце концов, у неё уже имелся горький опыт с Семёном, который сопротивлялся установкам долгих шесть лет, однако сразу сдался, когда она от него отказалась. Но скорей всего, Кира просто постаралась успокоить своего бывшего тюремщика, который внезапно переквалифицировался в спасатели, чтобы тот в последний момент не передумал. По большому счёту, ей было совсем не до рефлексий Джарета, душевное состояние сына волновало её гораздо больше.

Обучение магическим наукам в Убежище, хоть и было

недолгим, но всё же дало Кире некоторое представление о том, насколько узка и извилиста дорожка, по которой приходится пройти ученикам, чтобы обрести свою силу. Далеко не все из тех, кто бодренько начинал свой путь, добрались до конца, сохранив при этом свою душу. Слишком много было других, кто сорвался и, упиваясь обретённым могуществом, потерял нравственные ориентиры, а в результате, вместо развития, скатился в деградацию. Мартин получил доступ к силе слишком рано, чтобы можно было надеяться на его здравомыслие, поэтому создавать его нравственные ориентиры пришлось его маме.

Кстати, нежный возраст будущего Творца был далеко не самой большой трудностью в непростом деле защиты неискушённого сознания от соблазнов. Отчаянной мамочке пришлось буквально выкорчёвывать из головы ребёнка те вредоносные мысли, которые внедряли в неё орденские учителя. А они старались на славу, ежедневно внушая Мартину уверенность в его исключительности, непогрешимости Ордена и приоритете его великой миссии над никчёмными человеческими жизнями. Кире довелось немало потрудиться, чтобы сын не сделался марионеткой в руках Магистра и сохранил человечность. Однако, несмотря на достигнутые успехи, она полностью отдавала себе отчёт в том, что все наработки могут пойти прахом, если Мартин столкнётся с какой-нибудь нравственной дилеммой, в которой не сможет разобраться.

Мечты ребёнка об отце, разумеется, не были для Киры

тайной, именно поэтому она подкинула Ксантипе идею отдать Мартина на обучение к Атан-кею. Увы, её надежды на то, что Творец заменит своему ученику отца, оказались несостоятельными. Какое-то время Кира даже метила на эту роль Джарета, но вовремя одумалась. Она видела, что чувство неполноценности разъедает душу Мартина словно ржавчина, и это порой приводило заботливую мамочку в отчаяние, но даже в своих самых страшных ночных кошмарах она не представляла, что её сын найдёт своего родного отца.

Кире было страшно до мокрых подмышек даже подумать о том, что исповедь Риса может сделать с неустойчивой психикой будущего Творца. Каково это для чувствительного и восторженного юноши будет узнать, что он является сыном подлого убийцы? Конечно, в глубине души Кира надеялась, что рано или поздно Рису придётся признаться в совершённом преступлении, и он понесёт заслуженное наказание. Порой она даже мечтала о том, как разоблачит этого героя сопротивления перед жителями Алата, но только не ценой сломанной жизни сына. Кира должна была заставить Риса молчать о его участии в убийстве Семёна, и отправляясь в побег, она надеялась только на то, что ещё не слишком поздно.

Глава 20

До восхода было ещё далеко, и всё пространство заветной долины, упрятанной в кольце высоких скал, тонуло в густых лиловых сумерках. Со стороны ущелья, прорезанного неугомонной речкой, тянулись щупальца густого грязно-серого тумана, которые, расплзаясь между стволами деревьев, напрочь заслоняли обзор и не позволяли толком рассмотреть детали пейзажа. И всё же бледного света, льющегося с небес в этот предрассветный час, было достаточно, чтобы разглядеть произошедшие за двенадцать лет перемены. Увы, эти перемены не порадовали гостью заветной долины.

Весёленький лужок с сочной травой, цветами и бабочками исчез, и его место заняли заросли какого-то колючего кустарника, а полупрозрачная, наполненная светом роща, в которой когда-то Семён обустроил кладбище для убитых бесмертных, превратилась в непролазную чащобу. В добавок ко всему сошедший с дальней скалы камнепад напрочь перекрыл ущелье, в котором раньше выныривала из-под земли речка. Из-за этого в долине сделалось как-то непривычно тихо, словно кто-то запаковал её в толстый слой ваты. От этой неестественной тишины даже звенело в ушах, и сразу возникало желание нарушить сие кладбищенское безмолвие каким-нибудь громким звуком.

– Речка больше не шумит, – с обидой пробормотала Кира,

как бы давая почувствовать духам долины своё разочарование.

Собственно, это разочарование возникло не сейчас, и заветная долина была тут совсем ни при чём, разочарование преследовало вернувшуюся из плена женщину буквально с того самого момента, когда она совершила свой прыжок на свободу. Конечно, двенадцать лет – это очень долгий срок, и наивно было бы ожидать, что всё останется прежним. Но в жизни пленницы изменений практически не было, дни сливались в однотонный фон, так что ей начало казаться, будто время вообще застыло, как муха в янтаре. Ан нет, за эти двенадцать лет в жизни остальных людей случилось множество событий, да и сами люди сильно изменились.

К примеру, Алат, куда по понятным причинам трансгрессировала Кира, эти изменения преобразили до полной неузнаваемости. На месте уродливых развалин теперь раскинулся целый город, настолько большой, что чужаку было несложно и заблудиться. А ведь Кира как раз и стала таким чужаком, так что отыскать в этом лабиринте улочек и скверов дом Риса без посторонней помощи нечего было и думать. Хорошо ещё, что лабораторию Кейтиля все эти метаморфозы почти не коснулись, разве что под развесистыми грабами на холме теперь снова красовалось основательное каменное здание, а не ветхая деревянная постройка.

В лаборатории по-прежнему обитал и трудился её старый хозяин, изрядно поседевший, но такой же неугомный, как

и раньше. Увы, это были, пожалуй, и все позитивные новости, которые встретили вернувшую из заточения пленницу. Как вскоре выяснилось, она напрасно трансгрессировала в Алат, поскольку несколько месяцев назад Рис вместе со своим семейством исчез из города в неизвестном направлении. Однако главным разочарованием для Киры стало даже не бегство бывшего мужа, а то, что тот коварно присвоил себе её дочь.

Такого удара Кира не ожидала от слова совсем. Оказавшись в плену, она первое время буквально сходила с ума от тревоги за Тиночку. Дело дошло даже до того, что отчаявшаяся женщина начала унижаться перед Ксантипой, упрашивая его дать возможность несчастной матери забрать свою дочь. К счастью для Кристины, Магистр имел собственное видение процесса воспитания приёмного сыночка, и присутствие старшей сестрёнки в его планы никак не вписывалось. Со временем Кира смогла уговорить себя, что Алиса не откажется приютить сиротку, и отпустила ситуацию, но всё же она ещё долго просыпалась в холодном поту, когда ей снились кошмары о горькой судьбе дочери. Однако даже в самых своих страшных фантазиях она не представляла, что Тиночка окажется во власти убийцы её отца.

Почему такой вариант развития событий никогда не приходил Кире в голову? В сущности, для девятилетней девочки было естественно обратиться за помощью к тому, с кем она прожила последние три года своей жизни и кого называла

своим вторым папой. К тому же Кристина ведь не знала, что её родного отца больше нет в живых, и могла ожидать, что он снова объявится в Алате. В общем, элементарная логика подсказывала, что малышка пойдёт к Рису. Увы, на этот раз способность к логическому мышлению отказала нашему гениальному аналитику, и тому имелась конкретная причина.

Наверное, для потерявшей любимого мужчину женщины было бы нормально возненавидеть его убийцу и в результате отравить свою жизнь ядом злобы и ненависти, но Кира умудрилась инстинктивно вывернуться из этой психологической ловушки. Вместо того, чтобы проклинать злодея, она просто вычеркнула его из своей жизни, Рис как бы перестал для неё существовать. Конечно, чисто технически Кира помнила о трёх годах своего второго замужества, но эти воспоминания теперь перестали быть для неё живыми. Она относилась к ним примерно так, как обычно относятся к содержанию давно прочитанной книги, и даже в беседах с Джаретом Кира никогда не упоминала о своей жизни в Алате. Не удивительно, что она даже в мыслях не допускала возможности удочерение Тиночки убийцей её отца.

Узнав от Кейтиля о реальном положении вещей, Кира буквально взбесилась, потеряв способность к какому бы то ни было рациональному мышлению. Ей даже не пришло в голову, что со стороны Риса взвалить на свои плечи заботу о малолетней сиротке было актом самопожертвования, ведь ему ради этого пришлось круто изменить свою жизнь. Кира

увидела в его действиях лишь коварство и злой умысел, а потому, вместо того, чтобы спокойно всё обдумать, она, как злобная фурия, ринулась разбираться с обидчиком. Теперь Кире было стыдно за отвратительный скандал, который она устроила ничего не подозревавшему Рису, но в тот момент даже проблемы с Мартином отошли на второй план, страх за оказавшуюся в лапах убийцы дочь парализовал её способность к самоконтролю.

Долгих двенадцать лет Кира носила маску спокойной уверенности, чтобы не выдать тюремщикам и, главное, сыну своего отчаяния. Казалось, эта маска уже должна была прирасти к её лицу, став второй кожей, однако стоило ей узнать про угрозу дочери, как фальшивое выражение безразличия в момент смыло с её лица как макияж. Праведный гнев загорелся яростным огнём в её глазах, подобно отблеску пожара на стальном клинке безжалостного мстителя, губы сжались в тонкую полоску, а кисти рук в кулаки. Ошарашенный таким преображением своей спутницы Джарет невольно отшатнулся от этого воплощения ярости, которое он по ошибке принимал за хрупкую и беззащитную барышню, и в душе даже порадовался, что сей убийственный ураган вскоре обрушится не на его голову.

Если уж даже бессмертному сделалось не по себе рядом с этой гневной фурией, то можно себе представить состояние Риса, когда Кира внезапно появилась в его кабинете. Думаете, он испугался? А вот и нет, всё было гораздо хуже, бедняга

едва ни лишился чувств, но вовсе не от испуга, а от безмерного, поглотившего всё его существо счастья. Как ни удивительно, именно это и спасло «злодея» от неминуемой расправы. Эмпат тупо не справился с управлением своим природным даром, и все его чувства выплеснулись на незащитное сознание Киры, погружая мстительницу в состояние радостного возбуждения. Впрочем, бывшей жене эмпата и раньше случалось подвергаться подобным эмоциональным атакам, так что распознать наведённый морок не составило для неё никакого труда.

– Прекрати свои фокусы, – спокойно приказала она. – Нам нужно поговорить о серьёзных вещах, и твои трюки не проканоют.

Рису далеко не сразу удалось выполнить полученный приказ. Ещё с минуту на Киру продолжал изливаться этот бурный поток неадекватных эмоций, пока наконец эмпат ни сумел взять его под контроль, и мстительница снова окунулась в свой собственный праведный гнев, вместо чужой радости.

– Что тебе нужно от моих детей? – Кира быстренько вернулась к исходному плану своего наезда на бывшего супруга. – Зачем они тебе понадобились? Мало тебе моей дочери, захотелось прибрать к рукам ещё и сына?

Возможно, она бы и дальше продолжала засыпать ошарашенного Риса гневными вопросами, но выражение полного недоумения на его лице, занявшее место глупой блаженной эйфории, немного остудило её бойцовский задор.

– Мартин тоже жив?! – наконец сподобился выдать бедолага, снова превращаясь в фонтанирующий источник безбрежного счастья.

Что ж, следует признать, что заряд ненависти, выпущенный фурией в адрес своей жертвы, не оказал на последнюю ожидаемого эффекта, поскольку прошёл сквозь неё, как солнечный луч проходит сквозь прозрачное стекло. Похоже, само по себе явление воскресшей покойницы произвело на Рису такое неизгладимое впечатление, что смысл слов Киры до него тупо не дошёл. Он просто вслушивался в голос давно оплаканной любимой женщины, и эти звуки казались ему ангельским пением в райских садах. Впрочем, Кира и сама начала догадываться, что в её разоблачительной миссии что-то пошло не так, злодей явно был не в курсе инкриминируемого ему состава преступления, по крайней мере, в отношении Мартина, которого он, судя по всему, до сего момента считал погибшим.

– Значит, Джарет тупо наврал мне про встречу Мартина с отцом, – Кира скрипнула зубами с досады и мысленно чертыхнулась. – А чего ещё от него ждать? Этому пройдохе нужно было быстренько замотивировать упрямую арестантку на побег, вот он и придумал убойный аргумент. Но почему я-то поддалась на эту провокацию? – весь Кирин обвинительный порыв сразу сдулся, уступая место раскаянию. – Я же никогда не питала иллюзий в отношении моральных качеств моего тюремщика. Отчего же я, вместо того, чтобы спокой-

но проанализировать ситуацию, тупо купилась на разводку Джарета и как глупая курица кинулась наводить порядок в своём курятнике?

Впрочем, сетуя на свою оплошность, Кира совершенно не чувствовала никакой неловкости перед Рисом за устроенную ею отвратительную сцену. Чувства человека, разрушившего её жизнь, были ей до лампочки. Более того, выяснив, что со стороны отца Мартину ничего не грозит, Кира сразу расслабилась. Собственно, можно было со спокойной совестью возвращаться в лабораторию Кейтиля, где она оставила своего спасителя, даже толком не объяснившись. Однако, вспомнив про Кейтиля, Кира вспомнила и его слова о своей дочери и тут же переключилась на новый объект. В конце концов, Тиночку убийца Семёна всё-таки прибрал к своим кровавым рукам, и следовало срочно выяснить судьбу бедняжки.

Пока Кира размышляла, как бы половчей перейти к осуждению дочери, Рис поднялся из-за стола и как сомнамбула двинулся к ней, вытянув вперёд руки, словно боялся, что волшебное видение вдруг исчезнет.

– Не прикасайся ко мне, – выпалило волшебное видение, отступая к двери, – стой, где стоишь.

Рис послушно остановился, но его взгляд буквально приклеился к лицу Киры, а потом заскользил по всему её телу, по-видимому, в попытке убедиться, что перед ним не призрак, а живая женщина. Кира невольно поёжилась, поскольку ощущение прикосновения ненавистных рук стало

настолько явственным, словно Рис действительно до неё до-трагивался.

– Прекрати на меня пялиться, – она не выдержала этой игры в гляделки и отвела взгляд. – Отвечай, что ты сделал с моей дочерью.

Её вопрос словно бы сыграл роль триггера, включившего наконец способность Риса хоть что-то соображать. Более того, он произвёл с ним столь ошеломляющую метаморфозу, что её можно было бы сравнить не иначе как с колдовством. Крепкий моложавый мужчина прямо на глазах превратился в дрожащего старика, краска стекла с его щёк, глупая счастливая улыбка померкла, и в глазах заметался страх.

– Я ведь думал, что ты погибла, – промямлил Рис, едва ворочая языком.

Его слова прозвучали как оправдание, посеяв в душе Киры вполне обоснованное предположение, что с её дочерью случилась беда. Разве станет оправдываться тот, кто не считает себя виновным? А что если этот горе-папочка угробил Тиночку? От мысли о том, что дочери уже нет в живых, у Киры потемнело в глазах.

– Ты её тоже погубил, как и её отца, – бросила она скоропалительное обвинение. – За что? Она узнала о твоём преступлении?

Кира сделала шаг к замершему в ступоре Рису с явным намерением вцепиться в его физиономию, но тот не сделал ни единого движения, чтобы защититься, так и завис, глядя

расширенными от ужаса глазами на приближающееся возмездие. В целом, его реакцию на нападение, наверное, можно было бы считать адекватной, если бы ни одно «но», взгляд Риса был устремлён не на агрессоршу, а куда-то за её плечо.

– О каком преступлении? – раздался удивлённый юношеский голос за спиной Киры.

Женщина резко обернулась и сразу же превратилась в такую же восковую скульптуру, которую сейчас представлял из себя Рис. Впрочем, для подобного ступора у неё имелась веская причина, даже две. Во-первых, подросток, стоявший в дверях, был буквально копией Семёна с поправкой разве что на возраст и более низкий рост, а во-вторых, за его плечом маячила физиономия Мартина. Наверное, если бы у злодейки-судьбы имелись хотя бы зачатки совести, она не устроила бы этот трюк, сведя вместе именно тех людей, которым, по мнению Киры, ни за что нельзя было встречаться. Увы, для судьбы наше мнение значит не больше, чем лепет несмышлёного грудничка, да и наличие у неё совести вызывает серьёзные сомнения.

– Алик, я всё тебе объясню, – разоблачённый конспиратор пришёл в себя первым и тут же бросился на амбразуру, пытаясь спасти положение.

– Ты действительно убил нашего с Крис родного отца? – Алик не позволил Рису съехать с темы. – Это правда?

– Алик, – пробормотала Кира, не в силах отвести взгляда от таких знакомых серых глаз, в которых сейчас разгорался

огонь праведного гнева,— ты ведь сын Семёна?

— А Вы кто такая? — тут же окрысился на незнакомку обличитель.

— Это моя мама,— бросился на защиту Киры расторопный сыночек, добавляя перчика в то блюдо, которое судьба замесила для всех участников своего спектакля.

— Тебя зовут Мартин? — у Риса от волнения затряслись губы, и взгляд сделался жалобным, как у голодного котёнка, выброшенного из дома под дождь.

— Рис, не нужно,— едва успела пискнуть Кира, когда обалдевший от привалившего счастья папочка вытянул руки и двинулся к своему нежданно воскресшему сыну.

— Мам, что тут происходит? — Мартин быстренько ретировался от наступающего на него мужика за спину матери. — Кто это?

— Я твой папа,— пролепетал Рис, улыбаясь от уха до уха совершенно дебильной улыбкой. — Мы все думали, что ты погиб вместе с мамой.

— Марти, так ты и есть тот самый Кристин братишка, о котором она мне в детстве все уши прожужжала? — нужно отдать должное Алику, соображал он быстро, по крайней мере, быстрее некоторый других участников этого спектакля абсурда. — Значит, Вы — мама Крис? — обратился он к Кире.

— С ней всё в порядке? — Кира тут же переключилась на новую животрепещущую тему и сразу заметила, как смутился Алик, да и Рис как-то сник, враз позабыв про свой роди-

тельский порыв.

– Думаю, Вам нужно самой с ней поговорить,— наконец сподобился выдать из себя Алик. – Она наверху, в спальне.

Наверное, Кире не стоило оставлять двух подростков наедине с разоблачённым убийцей, но в тот момент ей уже было не до подобных сантиментов, страх за дочь вымел из её головы все прочие соображения. Хлопнув дверью, она вылетела из кабинета и вихрем ворвалась в спальню Кристины.

Реплика искателя

Почему бы нам по-быстрому ни отыскать нужную розетку и снова ни воткнуть в неё штепсель, чтобы подключиться к источнику жизненной силы? Что ж, можно и попробовать, терять-то нам уже нечего. Давайте всем скопом откажемся от контракта с нашим божественным вандалом и как цыплята вылупимся наконец из скорлупы концепта тела. Человечество дружно прозреет и осознает, что наши сознания теряют свою жизненную силу. А потом мы скинем с себя противные скафандры, и наш мир обретёт свои исходные формы. Божественный источник вновь засияет для нас негасимым светом, и понятие души выйдет наконец из сферы мистики в ежедневную практику. Вы примерно так себе это представляете?

И что же сыграет роль заветного молотка, которым наше сознание сокрушит противную скорлупу вредоносного ментального концепта? Может быть, это будет осознанность? Именно об осознанности постоянно твердят современные гуру вознесения, правда, обычно они не уточняют, что именно подразумевается под этим термином. Видимо, предполагается, что последователи и так должны это знать или, на крайняк, погузлить. В любом случае в их представлении сей термин вовсе не означает трансформацию сознания, скорее, это просто обретение некоего набо-

ра условно истинных знаний о строении мироздания. Иначе говоря, никто не утверждает, что люди должны из гусениц превратиться в бабочек, достаточно того, что они поймут, что являются гусеницами.

Не стану спорить с тем, что грамотная самоидентификация очень полезна и даже необходима, но боюсь, одной осознанности будет недостаточно. Представьте, что вы стоите на пути снежной лавины. Поможет вам осознанность избежать смерти? Вопрос, конечно, риторический. Да, понимая, как устроен наш мир, вы, наверное, сможете спокойно принять неизбежность гибели, возможно даже, осознанность избавит вас от страха смерти, но для того, чтобы выжить, вам придётся быстро отрастить себе крылья и взлететь над смертоносным снежным потоком. По-другому не получится. Точно так же для того, чтобы спастись от полного расчеловечивания, нам недостаточно просто осознать, что мы подошли к краю пропасти, нужно ещё изменить свою сущность таким образом, чтобы она снова начала соответствовать замыслу Создателя.

Осознание того, что мы проживаем свои воплощения гусеницами, никак не поможет нам понять, как стать бабочками. Мы ещё помним, что когда-то умели летать, но уже забыли, как отрастить себе крылья. Скорлупа ментального концепта, возводящего тело в статус самостоятельной сущности, показалась нам такой уютной и комфортной, что мы с радостью уцепились за возможность отказать-

ся от пугающего небесного простора и забиться в безопасную норку. Гусеницей жить как-то проще, знай себе жууй листья и травку, да наращивай жирок, можно даже стать о-о-очень большой гусеницей, побольше некоторых бабочек. А у этих летунов жизнь полна опасностей, если не склюёт какая-нибудь птица, так сдует ветром или дождем промочит крылья. Одна морока. Думаю, примерно так нас и за-тащили в болото.

Кстати, для беззаботного болотного прозябания свет божественного источника и не требуется, без него даже уютней. Вот мы и нарастили себе защитную скорлупу, чтобы он не мешал нам тупить. Стоит ли удивляться, что наш собственный свет постепенно померк, сейчас уже настолько значительно, что мы перестали ощущать даже свою душу. В результате, существа, созданные для того, чтобы сотворять реальность по собственному разумению и в соответствии со своей волей, вынуждены влачить жалкое существование, тупо воспроизводя внедрённые в наше общее инфополе чужие смыслы. Увы, ни на что другое у нас просто не хватает жизненной энергии.

Получается какой-то замкнутый круг. Мы безвольно барахтаемся в болоте навязанных нам ментальных концептов, потому что у нас недостаёт сил, чтобы выбраться на чистую воду исходного замысла Создателя, где, собственно, и находится так необходимый нам источник жизненной силы. Но чтобы выгрести на стремнину тоже требу-

ется энергия, которой в болоте, увы, не имеется. В итоге, мы тратим жалкие остатки своих сил на то, чтобы просто не утонуть, а нас всё глубже затягивает в трясицу.

Глава 21

«Разочарование», это слово, словно репей зацепилось за Кирины мозги и своими шипами настырно бередило её и так уже израненную душу. Ну с чего она взяла, что духовная связь с дочерью, которая поддерживала пленницу все двенадцать лет тюремного заключения, была для Тиночки такой же важной частью её жизни, как и для её матери? Сколько бессонных ночей провела Кира, страдая от невозможности быть рядом с любимой дочуркой, чтобы поддержать её в трудную минуту, посоветовать и приголубить. Бедной малышке ведь даже не с кем было поделиться своими девчоночьими секретами. Ага, как же, оказалось, что дочурка отлично устроилась под крылышком своего отчима, заняв вакантное место своей матери. Так что внезапное воскрешение законной хозяйки этого места вызвало у Кристины не столько естественную радость, как обоснованные опасения за своё будущее.

Ворвавшись в спальню дочери, Кира буквально застыла на пороге, ошарашенная видом молодой и глубоко беременной женщины, сидевшей в кресле у окна. Эта незнакомка уже ничем не напоминала ту шаловливую девчонку, которая осталась в её памяти. Кристине сейчас было слегка за двадцать, но отчётливо округлившийся животик и налившаяся грудь добавили ей несколько лет. Сейчас она выглядела по-

что ровесницей Риса, который сохранял свою молодость с помощью вирусной терапии. Мысль о том, что её любимой девочки больше нет, настолько оглушила Киру, что она оказалась не в силах промолвить ни слова. Зато Кристина сразу догадалась, кем была её гостя. Она вскочила на ноги и бросилась к маме.

Потом было много слёз и радостных объятий, а также бесполезных попыток обо всём рассказать и расспросить за пару минут. Когда первый шок от встречи прошёл, Кристина увела маму на кухню и принялась хозяйничать. Кружка крепкого чая с успокаивающими травками, а главное, счастливый вид дочери быстро восстановили душевное равновесие Киры, и она даже смогла более или менее внятно рассказать о годах плена. Настала очередь Кристины делиться подробностями своей жизни без мамы, и тут сразу стало ясно, что рассказчица пребывает в состоянии полного смятения. Кристина мялась, отводила глаза от маминого настойчивого взгляда, в общем, никак не решалась поделиться чем-то сокровенным.

– Тиночка, тебе не нужно защищать меня от правды, – мягко произнесла Кира, чтобы подбодрить свою дочь, – твою маму теперь трудно чем-то шокировать.

Увы, на этот раз она ошиблась, откровения Кристины о её жизни с Рисом повергли Киру в состояние если не шока, то уж как минимум когнитивного диссонанса. Нет, она и раньше, конечно, замечала искреннюю привязанность дочери к

отчиму, но ей и в голову не могло прийти, что дело зайдёт настолько далеко, и Кристина тупо заменит Рису якобы погибшую жену. Разумеется, в коварство дочери Кира не поверила, зато в грязные намерения человека, убившего Семёна, поверила сразу и с удовольствием.

– Это не твоя вина,– тут же принялась оправдывать дочь растерявшаяся мамочка,– ты сама ещё как ребёнок. Но как же у Риса хватило совести соблазнить невинную девушку?

– Он меня не соблазнял,– Кристина смущённо опустила взгляд,– это я его соблазнила. Рис долго сопротивлялся, играл в строгого папочку, даже как-то специально замутил интрижку, чтобы я отстала. Только когда нам с Аликом пришлось бежать из Алата, он сдался. Теперь мы живём вместе и очень счастливы.

Сказано это было с таким видом, словно Кира покушалась на счастье своей дочери. Впрочем, возможно, по факту так оно и было. Судя по восторженной реакции Риса на её воскрешение из мёртвых, эта хрупкая конструкция, которую Кристина считала своей семьёй, действительно находилась под угрозой обрушения, и дочь инстинктивно это почувствовала. Увы, бедняжка даже близко не могла оценить величину этой угрозы. Едва увидев горящие глаза дочери, Кира сразу поняла, что Рис не нашёл в себе мужества рассказать новой жене о своём преступлении. Однако у пострадавшей от его подлости женщины не имелось ни малейшей причины хранить в тайне его грязный секрет.

– Ты правда его любишь? – горькая усмешка, словно предвестник грядущего апокалипсиса, превратила Кирино лицо в уродливую маску.

– Ещё с детских лет, – в голосе Кристины прозвучала такая уверенность, что сомнений в её искренности у мамочки даже не возникло. – Знаешь, я как-то сказала папе, что отберу у тебя Рису, когда вырасту. Нет, ты не подумай чего плохого, – тут же принялась оправдываться похитительница чужих мужей, – на самом деле я бы ни за что не стала этого делать, если б ты не... – она хотела сказать «умерла», но вовремя прикусила язычок.

– Ну прости, что я осталась жива, это было не нарочно, – Кире сделалось так тошно, что захотелось тут же вывалиться на бесцеремонную дочурку всю правду-матку про её драгоценного супруга. – Вот уж никогда не думала, что ты расценишь моё возвращение как угрозу твоему семейному счастью.

Кристина вздрогнула как от удара и бросилась маме на шею. При этом её круглый животик упёрся Кире под рёбра, что в момент остудило её порыв раскрыть дочери глаза на преступление её избранника. Увы, правда далеко не всегда приносит облегчение, она может ранить не хуже острой стали. Нет, Кира вовсе не хотела оставить своего внука без отца и сделать свою любимую девочку несчастной. Лучше уж похоронить эту тайну в глубине своего страдающего сердца, даже если это избавит преступника от наказания.

– Не волнуйся, малышка, – Кира ласково погладила дочь

по щеке,— я не собираюсь отбирать твоего мужа. Будьте счастливы.

— Я знала, что ты меня не осудишь,— в голосе Кристины послышалось откровенное облегчение, однако уже через секунду она снова нахмурилась,— а вот Рис... Я не знаю, как он отреагирует на твоё возвращение, вы ведь формально законные супруги. Мне кажется, что он тебя всё ещё любит.

— Глупышка, да ты посмотри на меня,— принялась утешать дочь Кира, хотя никакой уверенности в своих доводах и не испытывала,— я даже рядом с Рисом выгляжу пожилой дамой, а уж по сравнению с моей молоденькой красавицей — вообще старуха. Как же можно предпочесть тебе такую старую развалину?

— Он смотрит на тебя не глазами, а сердцем,— Кристина ничуть не купилась на мамино показное самоуничтожение,— даже собирался покончить с собой, когда ты исчезла двенадцать лет назад. Прости, мамочка, но если ты будешь рядом, покоя в нашей жизни не будет. Ты же не хочешь и вправду разрушить мою семью?

— Ты меня прогоняешь? — несмотря на убойную логику в словах дочери, Кире сделалось так больно, что она едва ни расплакалась.

— Давай встречаться вне этого дома,— деловито предложила Кристина, игнорируя мамину обиду. — Ты можешь поселиться в Алате, в нашем бывшем доме, а я буду тебя навещать.

Кира согласилась, а что ей ещё оставалось? Она сделала вид, что очень устала, и покинула дочь, ставшую чужой и даже враждебно настроенной женщиной. Увы, на этом злоключения так не вовремя освободившейся пленницы не закончились. Вернувшись в кабинет Риса за Мартином, она натурально наткнулась на мужскую разборку с поножовщиной. Сцена была настолько сюрреалистичной, что даже могла бы показаться театральной постановкой, если бы ни ненависть, горевшая во взгляде Алика, который с ножом в руке как раз надвигался на своего приёмного родителя. Нужно сказать, что потенциальная жертва этого ангела возмездия даже не пытался как-то защититься. Рис словно признал право парня отомстить убийце своего родного отца и покорно ждал, когда его убьют.

Кира была так ошарашена увиденным, что застыла в дверях с открытым ртом, и наверное, если бы ни Мартин, то она таки сподобилась бы лицезреть бесславный конец бывшего командира охотников от руки его собственного приёмного сыночка. К счастью, будущий Творец среагировал быстро и адекватно. Мартин рванулся к своему новому приятелю, но не стал пытаться выбить оружие из его руки, а просто дотронулся до его плеча. Последствия столь странного действия поразили всех зрителей до глубины души, включая Алика, который застыл на месте, с нелепо поднятой ногой и отведённой для удара рукой.

– Не волнуйтесь, – поспешил успокоить благородную пуб-

лику Мартин,— с Аликом всё в порядке, это просто парализующее воздействие.

— Значит, ты всё рассказал мальчишкам,— Кира бросила тяжёлый взгляд в сторону Риса и устало вздохнула, принимая тот факт, что проиграла этот раунд борьбы за душу сына. То, от чего она так страстно пыталась защитить Мартина, случилось, более того, она сама спровоцировала разоблачение преступника.

— Ты не оставила мне выбора, Кирюш,— принялся оправдываться Рис,— но я тебя не виню, мне давно нужно было это сделать, но не хватало духу признаться.

— Полегчало? — в голосе Киры не было ни намёка на одобрение или понимание. — А теперь послушайте меня все. Мне плевать на ваши мужские разборки, можете хоть перерезать друг другу глотки, но беременной женщине эту вашу правду знать не нужно. Я не хочу, чтобы моя дочь узнала, что спит с убийцей своего отца и носит его ребёнка. Вам всё понятно?

В голосе Киры была такая сила, что Рис по инерции кивнул, хотя до того момента явно планировал осчастливить Кристину рассказом о гибели её отца. Мартин тоже склонил голову в знак согласия, и только Алик по понятным причинам не смог должным образом отреагировать на внушение.

— Всё, хватит на сегодня катаклизмов,— подвела итог случившемуся Кира. — Марти, я думаю, стоит забрать отсюда твоего приятеля, пусть остынет. Мы возвращаемся в Алат, в то место, где ты родился.

– Тебе не нужно никуда уходить, Мартин,– тут же встрял Рис,– это твой дом.

– Извините, но мне нужно время, чтобы всё это осмыслить,– юноша невольно передёрнул плечами, как бы в попытке освободиться от груза, переваленного Рисом на его хрупкие плечи,– а ещё я должен поговорить с моим от...,– он смутился и отвёл взгляд,– с тем человеком, которого я считал своим отцом.

– Разве ты не понял? – Рис протянул к нему руку, но Мартин отпрянул, как бы избегая контакта с убийцей. – Я сделал это, чтобы спасти твою маму.

– Довольно,– Кира решительно взяла сына за руку, а вторую руку положила на плечо парализованного Алика,– мы уходим.

Через секунду все трое уже стояли на лужайке перед входом в лабораторию Кейтиля. Мартин снова коснулся плеча своего друга, и тот наконец получил возможность двигаться. Честно говоря, Кира полагала, что у её сыночка хватит сообразительности, чтобы подстраховаться, прежде чем выпускать на свободу вооружённого ножом разъярённого подростка. Как минимум нужно было пригласить на сей праздник освобождения Джарета. Увы, сынок её опередил, и Кире осталось только сетовать на наивность Мартина, который, судя по всему, ожидал благодарности за свой «подвиг».

Впрочем, очень скоро выяснилось, что как раз наивностью Мартин вовсе не страдал, напротив, он отлично пони-

мал, что агрессия объекта его благотворительности обернётся против непрощенного миротворца. Первая реакция Алика полностью оправдала его ожидания. Тот резко развернулся к зарвавшемуся приятелю, его руки сжались в кулаки, а лицо исказилось от злости, правда, нож он предварительно всё-таки бросил, что было уже неплохо. Мартин сжался от страха и даже зажмурился в ожидании удара, но очень быстро взял себя в руки.

– Ладно, бей,– смирившись с неизбежным, он подставил свою физиономию под приближающийся кулак приятеля.

Кира уже решила, что сейчас ей придётся лечить сломанный нос своего сыночка, и опять ошиблась. Кулак остановился буквально в сантиметре от своей цели, Алик опустил руки, а потом крепко обнял друга.

– Спасибо, что не позволил мне его убить,– сразу было видно, что эти слова не были пустой формальностью, и Алик благодарил от всего сердца. – Я ведь считал Рису своим отцом, понимаешь? А Крис вообще по-настоящему его любит.

– Понимаю, мне тоже больно,– согласился Мартин,– но не стоит из-за этого разрушать жизнь нашей сестры.

– Я никогда ничего от неё не скрывал,– Алик тяжело вздохнул и опустил голову,– не хочется начинать, но, видимо, придётся.

– Идёмте в дом, мальчики, ночь на дворе,– Кира, обрадованная тем, что конфликт разрешился мирно, быстренько перехватила инициативу. – Кейтиль, наверное, уже спит, но

придётся его потревожить, нам ведь нужно где-то ночевать.

Похоже, этой ночью Кире на роду было написано ошибаться в своих предположениях, по крайней мере, насчёт Кейтиля она промахнулась прямо-таки фатальным образом. Войдя в дом, гости сразу слышали звон стекла и бульканье разливаемой по стаканам самогонки, запах сивухи расползался по дому вонючим ядовитым облаком. Кира тут же пожалела, что бросила Джарета на произвол судьбы и этого заядлого самогонщика, каковым слыл Кейтиль. Старый экспериментатор всегда был большим охотником до задушевных разговоров и частенько служил эдакой универсальной жилеткой, в которую с удовольствием плакались некоторые обитатели Алата.

Главным пациентом самопального психоаналитика обычно был Рис, однако после его скоропостижного переезда в столицу исповедальня Кейтиля по большей части пустовала, и накопившийся запас зелья, предназначенного для облегчения душ страждущих, вырос до катастрофических объёмов, однозначно обозначив проблему с затариванием. Заполучив в своё распоряжение Джарета, практика Кейтиля буквально обрела второе дыхание. Бессмертный оказался благодарным клиентом, причём не только в плане наличия у него неразрешённых жизненных проблем, но и в способности поглотить прямо-таки немислимое количество пойла без видимых последствий для своего организма.

– Кирочка, ребята,– Кейтиль гостеприимно распростёр

свои объятья,— присоединяйтесь к нам, давайте по глоточку перед сном.

Кира с Мартином интенсивно замотали головами, а вот Алик решительно подошёл к столу и, плеснув в пустой стакан немного самогонки, залпом выпил ядовитое зелье.

— Молодец,— похвалил его Джарет,— снотворного, думаю, тебе не потребуется. — Всё в порядке? — обратился он к Кире.

Та только отмахнулась и вслед за хозяином направилась устраивать мальчиков на ночлег. Её обиженный спаситель мрачно сдвинул брови и влил в свою глотку очередную дозу анестетика для облегчения душевной боли. Собственно, понять переживания Джарета было несложно. Представьте себе эдакого благородного рыцаря, который, рискуя жизнью, буквально вырывает прекрасную даму из когтей кровожадного дракона, а в награду за свой подвиг не получает даже равнодушного «спасибо». Ни одному рыцарю такое не понравится.

Что бы там ни выдумывали авторы рыцарских романов, но любой нормальный спаситель подсознательно ожидает получить компенсацию за риск хотя бы в виде слёз благодарности, а в тайне, разумеется, ещё и в иной, менее платонической форме. Тот факт, что прекрасная дама, вообще-то, отнюдь не жаждала спасаться, и пришлось её уговаривать и даже шантажировать, послужил благородному рыцарю слабым утешением. Но Кире в тот момент было не до фрустраций обломавшегося спасителя, Ей бы со своими собственными

фрустрациями было хоть как-нибудь разобраться.

Стоило бедняжке остаться одной в комнате, как тоскливые мысли о тщете всего земного роем кружились в её воспалённом мозгу, отняв надежду на сон. Нет, не так она мечтала вернуться в свободную жизнь. Отчего-то Кире казалось, что всё будет по-прежнему, словно в её отсутствие мир должен был замереть в неподвижности и покорно дожидаться, пока она ни соизволит взмахнуть волшебной палочкой и разрешить времени течь вперёд. Увы, действительность не оправдала её ожиданий. Рис благополучно похоронил воспоминания о своём преступлении и наслаждался жизнью с молодой женой, для дочери Кира из любимой мамы превратилась в угрозу её семейному счастью, и даже Мартин нашёл себе какого-то чужого мужика, назначив его своим отцом.

Что ж, похоже, все, кроме Киры получили то, чего хотели, а вот её потерю невозможно было восполнить никакими заменителями. Со смертью Семёна из жизни Киры ушла радость бытия, оставив только воспоминания о потерянном счастье. Промучившись до рассвета в бесплодных попытках справиться с бессонницей, она оделась потеплее и отправилась в заветную долину, ведь именно с этим местом и были связаны столь дорогие для неё воспоминания.

Впрочем, в ту ночь Кира была не единственной, кто не смог заснуть, Мартин тоже едва дождался рассвета, чтобы ни сорваться в дом Варда среди ночи. Удержало его только то, что новость, которую он собирался обрушить на голо-

ву обманутого им человека, кого угодно была способна лишить сна. Когда Мартин поднялся в столовую, Вард и его жена ещё спали, так что парень принялся хозяйничать, намереваясь принять на грудь пару чашек кофе, чтобы почувствовать хоть какую-то уверенность. Увы, его намерениям не суждено было осуществиться, эмпату не требовался звонок будильника, чтобы ощутить присутствие в доме постороннего человека.

– Это что у нас за ранняя пташка тут завелась? – пожурил хозяин беспардонного гостя. – Марти, ты где сегодня ночевал?

– Меня мама пристроила на ночлег к своему давнему приятелю, – Мартин был даже рад небольшой отсрочке серьёзного разговора, но сразу же выругал себя за нерешительность, ведь у него больше не было права находиться в этом доме. – Я должен сказать тебе что-то очень важное, – он словно прыгнул с разбегу в ледяную купель, – я тебя обманул.

– Упс, – Вард весело рассмеялся, ещё не подозревая, насколько болезненной была тема этого утреннего разговора. – Это с тобой в первый раз? – он попробовал отшутиться, но сразу почувствовал, что шутка не удалась. – Что случилось, Марти?

– Я не твой сын, – расстроенный юноша едва нашёл в себе силы, чтобы сохранять спокойствие и не разреветься как девчонка, – но я не нарочно тебя обманывал, просто ошибся. Прости меня, Вард.

Несколько долгих минут отставной папочка внимательно вглядывался в побледневшее лицо мальчишки, а потом просто подошёл и прижал к своей груди это щуплое, поникшее от горя тельце.

– Я правда не хотел тебе врать, – Мартин судорожно вздохнул и всё-таки расплакался.

– Правда состоит в том, что мне пофиг, есть ли в тебе моя кровь, – твёрдо произнёс Вард. – Ты – мой сын, Марти, и будешь моим сыном до тех пор, пока сам от меня не откажешься.

Мартин вывернулся из обнимавших его рук и отступил на шаг, чтобы видеть глаза Варда. Двое мужчин застыли друг напротив друга в таком напряжении, словно им предстояло сражаться в поединке. Довольно долго Мартин смотрел не отрываясь в глаза отца, и тот ни на миг не отвёл взгляда. Наконец Варду надоела эта суровая игра в гляделки, и он улыбнулся. Его открытая улыбка сработала как таран, мгновенно разрушив стену отчуждения.

– Тогда и мне пофиг, – Мартин размазал по щекам солёную влагу и тоже улыбнулся. – Я нашёл своего отца и больше никогда его не потеряю.

Глава 22

Холодный ветер, холодная влажная земля и холод в сердце, вот и всё, что Кира обрела в заветной долине, на встречу с которой возлагала такие надежды. Для человека, благополучно вырвавшегося из двенадцатилетнего плена, состояние её психики, наверное, можно было счесть откровенно неадекватным. Мысли, бродившие в этот ранний час в её голове, были отнюдь не радужного свойства, напротив, со дна её души поднималась горечь, и горло сжималось от острого чувства обиды на свою судьбу. Да, двенадцать лет – это целая вечность, особенно, когда нет надежды на спасение, но Кира всё же смогла пережить этот ужас и вернуться. Вот только стоило ли возвращаться? Как жить дальше одинокой женщине, потерявшей смысл существования?

Пока Кира была в плену, ей даже в голову не приходило думать о будущем, наоборот, чтобы не свихнуться, ей пришлось с корнем выкорчевать даже жалкие ростки надежды на возвращение к нормальной жизни. Возможно, только это и позволило ей выжить. Надежда делает нас слабыми, она умудряется оставлять лазейку для чуда даже в самой безвыходной ситуации, тем самым отнимая у нас способность взять судьбу в свои руки и посмотреть на мир без розовых очков. А Кире жизненно необходимо было сохранять здравомыслие и твёрдость духа, ведь на ней лежала ответствен-

ность за сына.

Что ж, её миссию по спасению Мартина, похоже, можно было считать завершённой. Сын благополучно выскользнул из лап Ордена, не превратился в бездумного исполнителя гнусных приказов Ксантисы и сохранил свою человеческую сущность. Жаль, конечно, что не удалось защитить психику будущего Творца от неприглядной правды о его отце, но Кира была уверена, что Атан-кей сумеет помочь своему ученику, когда узнает о проблеме. Так отчего же победительнице было так горько? Может быть, ей хотелось признания заслуг или хотя бы благодарности со стороны спасённого мальчика? А Тиночка? Надеялась ли Кира, что дочь будет рада её возвращению?

Женщина зябко поёжилась и обвела тоскливым взглядом контуры деревьев, росших на верхушке скалы. На фоне светлеющего неба их густые кроны напоминали чёрные бесформенные кляксы. Нет, не стоило себя обманывать, ничего она уже не хотела и не ждала от этой жизни ничего хорошего. Без Семёна всё остальное сделалось настолько мало значимым, что даже не стоило переживаний, и освобождение тут ничего не изменило. У Киры по-прежнему не было будущего, всё, что у неё оставалось ценного в этой жизни – это воспоминания. Именно за воспоминаниями она и отправилась этим утром в заветную долину.

После всего, что случилось в доме Риса, ей просто позарез требовалось прикоснуться к чему-то родному и сокровенно-

му, что не должно меняться, несмотря на годы. Но и тут её ждали сплошные разочарования. Долина, которая когда-то вознесла её на вершину счастья, а потом грубо разрушила её жизнь, сейчас выглядела незнакомо и, прямо скажем, негостеприимно. Заросший колючими кустами луг ничем не напоминал приветственную ковровую дорожку, скорее уж, колючую проволоку, предназначенную для того, чтобы отпугивать чужаков. А чернеющий вдалеке бурелом, некогда бывший прелестной рощицей, только злостный оптимист мог бы счесть привлекательным местом для прогулки.

Влажная от ночной росы высокая трава сразу промочила Кирины туфли и подол её платья, а холодный ветер намотал мокрую ткань на голые ноги, превратив её в весьма освежающий компресс. Сделалось холодно и неудобно, захотелось вернуться обратно в лабораторию. Наверное, если бы сеанс ностальгии был единственным пунктом в Кирином плане посещения долины, то она просто признала бы планирование несостоятельным и вернулась в тепло и относительный уют Кейтилева жилища. Но в том-то и дело, что воспоминаниям отводилась лишь роль прелюдии, а настоящее действие должно было развернуться в роще, где возможно, ещё сохранились остатки Кириного портала для связи с потусторонним миром.

Да, как ни наивно это могло прозвучать, но Кира действительно собиралась установить связь с Семёном с помощью дурацкой пирамидки и ритуала с венком из луговых цве-

тов. А что, раньше ведь получалось, так почему бы ни попробовать? План, конечно, был хорош, но он совершенно не учитывал произошедшие с долиной метаморфозы. Во-первых, на заросшем колючим кустарником лугу никаких цветов больше не росло, так что изготовить подношение высшим силам в виде венка было не из чего. Но главная засада заключалась даже не в этом, ведь обнаружить остатки пирамидки в тех зарослях, в которые превратилась тополиная роща, не представлялось никакой возможности.

И всё же какое-то необъяснимое упрямство таки заставило Киру продраться сквозь колючки и углубиться в лесные дебри. Как ни странно, её поиски довольно скоро увенчались успехом, хотя от пирамидки, над демонтажом которой в своё время усердно потрудился Семён, остался только фундамент, да и тот был едва различим под толстым слоем мха. Наверное, Кире просто повезло, причём дважды, что было даже справедливо, учитывая, как негостеприимно встретила её долина. В том месте, где она когда-то устроила строительную площадку, деревья волшебным образом расступились, образуя что-то вроде небольшой полянки, и груда замшелых камней оказалась на виду.

Вопрос с венком тоже решился позитивно, так как эта полянка была вся усеяна мелкими белыми цветочками. Кира сочла это за добрый знак и быстренько нарвала целый гербарий для венка в надежде, что старый добрый ритуал поспособствует установлению контакта с загробным миром. Ве-

нок, правда, получился каким-то куцом. То ли цветочки были слишком невзрачными, то ли Кира слишком спешила, но так или иначе ритуал был выполнен в точности. Довольная контактёрша опустилась на колени у подножия пирамидки и пристроила на замшелом камне своё скромное подношение.

Тянулись минуты, но ничего не происходило, та магия, что раньше позволяла Кире прикоснуться к душе любимого мужчины, теперь перестала действовать. Она попробовала закрыть глаза и думать о Семёне, даже что-то говорить, обращаясь к покойнику, но и это не помогло, она больше не ощущала отклика.

– Дура, тебе не сюда нужно нести цветы,– Кира наконец не выдержала и сгоряча зашвырнула венок в кусты,– тебе отлично известно, где покоится его тело. Страшно спускаться в склеп? Ну так постой у входа, может, там он тебе ответит.

Колебания на этот раз были недолгими, Кира зажмурилась, и через секунду шум ветра в кронах кладбищенских дубов зазвучал в её ушах подобно органу. Увы, даже в этой обители смерти, которой по определению полагалось бы быть образцом покоя и отрешённости, Киру встретили в штыки. Стоило ей появиться, как порыв ветра обдал незваную гостью брызгами недавно прошедшего дождя, а в добавок один особо меткий дуб метнул сухой, свернувшийся трубочкой лист прямо Кире в лоб. Но самым обидным было то, что временные метаморфозы, обезобразившие заветную долину, не обошли своими трудами и это скорбное место.

Плющ, который раньше окутывал склеп Семёна ярко-зелёным покрывалом, теперь почти зачах, и сквозь сухие коричневые плети стало видно толстые прутья решётки. Саму решётку время тоже не пощадило, проржавевшая рама теперь болталась на одной петле, издавая зловещий скрип. От этого звука Кире сделалось не по себе. Богатое воображение тут же нарисовало ей картинку голодного хищника, взламывающего решётку склепа, чтобы добраться до тела свеженького покойника.

– Что за бредовые фантазии, – одёрнула себя паникёрша, – мало ли, что могло случиться за двенадцать лет, – она осторожно отодвинула решётку и прислушалась, пытаясь различить посторонние звуки из-под земли. Как назло, именно в этот момент противные дубы, словно сговорившись, принялись раскачиваться под порывами ветра, заполняя всё пространство кладбища заунывным воем и напрочь заглушая иные звуки. – Нечего тут торчать, – скомандовала себе Кира, стараясь задавить поднимающийся из живота страх. – Чего ты хочешь услышать? Сплетни мумий? Либо спускайся, либо вали отсюда.

Сарказм оказался довольно действенным лекарством от страха, Кира быстренько сварганила магический огонёк и полезла вниз по ступенькам. Нет, мертвецов она не боялась, но увидеть истлевшие останки, которые когда-то были телом Семёна, ей всё-таки было жутковато, а потому её шаги делались всё более осторожными и нерешительными.

– Я только попрощаюсь,— принялась уговаривать себя отчаянная женщина,— можно даже не подходить близко, остаться у лестницы. А в следующий раз я вообще не полезу вниз, но сейчас мне нужно его увидеть хоть одним глазком.

Уговоры помогали слабо, но шаг за шагом Кира всё же продвигалась к заветной цели. Наконец лестница кончилась, и язычок пламени затрепетал, выхватывая из тьмы постаменты с останками покойников. Не сразу Кира решилась обратить свой взор в сторону постамента, на котором двенадцать лет назад обнаружила тело Семёна, а когда всё-таки решилась, то не смогла удержаться от крика. Постамент был пуст и покрыт толстым слоем пыли. Не веря своим глазам, Кира подошла вплотную к постаменту и провела ладонью по его поверхности, поднимая в воздух пыльное облако. На всякий случай она даже осмотрела пространство вокруг каменной глыбы, хотя вероятность того, что покойник мог свалиться со своего ложа, была нулевой.

Совершенно обескураженная исчезновением мёртвого тела Кира вылезла из склепа наружу. Вид развороченной решётки снова навёл её на бредовую мысль о каком-то диком животном, утащившем покойника. Но животное не стало бы заморачиваться с транспортировкой будущей трапезы, сожрало бы свою добычу прямо там, в склепе, и тогда на полу остались бы обглоданные кости.

– Но кто-то же перенёс тело Семёна из долины в этот склеп,— принялась рассуждать Кира,— почему бы ему ни сде-

лать этого снова? Что ж, этот урод ещё не знает с кем связался,— злорадная усмешка скользнула по её губам,— не рассчитывал, видно, столкнуться с Мастером.

Настроившись на образ Семёна, Кира зажмурилась и совершила ещё один, уже пятый прыжок по его эфирному следу. Нужно отдать должное упорству любящей женщины, четыре предыдущие неудачи её не остановили. Наверное, именно в награду за упорство Кира наконец получила свой заветный приз. Вот только вид этого приза оказался столь неожиданным, что опытного Мастера буквально парализовало от шока. Вместо кладбища или какого иного потайного места, Кира очутилась на тихой уютной улочке незнакомого городка. Прямо перед её лицом располагалась ажурная решётка, огораживавшая палисадник перед небольшим аккуратным домиком. А на дорожке, ведущей к входной двери дома, стоял живой и вполне себе здоровый Семён.

У Киры от волнения закружилась голова, и перед глазами замелькали чёрные мушки, предвещая обморок. На её удачу рядом с тем местом, где она стояла, росло невысокое деревце, так что ей удалось ухватиться за ствол и остаться в вертикальном положении. Немного придя в себя, Кира потянулась к калитке, намереваясь устроить воскресшему покойнику убойный сюрприз, но в этот момент из окна дома выглянул Мартин, посеяв в голове своей мамы уже полный сумбур. Однако, на то Кира и была талантливым аналитиком, чтобы мгновенно сложить разрозненные кусочки паззла в осмыс-

ленную картинку. Не так уж и трудно было догадаться, как именно Мартин вышел на Семёна, он просто трансгрессировал по эфирному следу медальона бессмертного и, естественно, принял хозяина медальона за своего родного отца.

– Значит, там, в склепе было вовсе не мёртвое тело,– одними губами пролепетала Кира,– Семён просто был в коме, это он сам выломал решётку, когда очнулся.

Понимание того, что из-за своей ошибки она потеряла целых двенадцать лет жизни, буквально оглушило несчастную женщину, и у неё снова всё поплыло перед глазами. Наверное, будь Кира хоть немного более крепкой или менее нервной, дальнейших событий просто не случилось бы, но дурацкое головокружение задержало её у калитки как раз настолько, чтобы злодейке-судьбе хватило времени запустить развитие сценария своего спектакля по непредсказуемому пути. Из двери домика выпорхнула молодая черноволосая женщина и сразу повисла на шее Семёна. Тот радостно засмеялся и принялся кружить нахальную брюнетку словно на карусели.

В какой-то момент Кире удалось перехватить взгляд Семёна, устремлённый на незнакомку, и у неё упало сердце. Она помнила этот взгляд, он снился ей по ночам, и именно воспоминание о сияющих глазах Семёна не давали Кире провалиться в пучину отчаяния. И вот теперь он точно так же смотрел на другую женщину. Пока Кира пыталась осознать весь ужас произошедшего, из дома выбежал радостный Мартин и вприпрыжку присоединился к кружащейся пароч-

ке. Первый порыв обломать своим появлением этот праздник жизни растаял в душе Киры как утренний туман. Меньше всего на свете она хотела принести Семёну и сыну несчастье, разрушить их душевный покой. Что тут скажешь, собственная жизнь стояла в списке жизненных приоритетов Киры гораздо ниже счастья близких.

Женщина с трудом отклеилась от спасшего её деревца и медленно побрела вдоль по улочке прочь от счастливой семьи. Для того, чтобы вернуться обратно в Алат, ей требовалось немного успокоиться и взять свои эмоции под контроль. Кира слишком хорошо знала, чем обычно для неё заканчиваются перемещения в состоянии полного раздрая, и не хотела снова оказаться в плену у Ксантипы. Кто бы мог подумать, что именно эта короткая прогулка сыграет в жизни веселящейся на лужайке троицы роковую роль. Но так уж случилось, что, когда Вард наконец поставил на ноги свою ненаглядную ведьмочку, его взгляд мимолётом коснулся удаляющейся по улице женской фигуры, и этот взгляд стал фатальным для его замороженного любовным приворотом сознания.

Как и предсказывала Тень, заклятие не выдержало столкновения с истинной любовью и рассыпалось в прах. Осознание какой-то неясной, но невосполнимой потери тут же проникло в душу Варда, выдёргивая своими ледяные щупальцами зачарованное сознание из сладкой дрёмы. Надо сказать, что ощущение было не из приятных, пробуждение не

принесло Варду никакой радости. Каково ему было очнуться и обнаружить, что блаженный сон, в котором он пребывал последние месяцы, на самом деле тупо камуфлировал падение в пропасть. Конечно, до дна было ещё далеко, и можно было всю отдать наслаждению полётом, но встреча со смертоносными камнями всё равно была неизбежна. Была. Один единственный взгляд на таинственную женщину из туманных видений мгновенно выдернул обречённого летуна из бездны, как будто она одолжила ему свои ангельские крылья.

Вард словно в трансе двинулся вслед за удаляющейся незнакомкой, его поначалу нетвёрдый шаг быстро перешёл в бег. Внезапно женщина остановилась и подняла своё лицо к небу. В голове Варда мелькнула шальная мысль, что она наконец решилась расстаться со своим ангельским домом и остаться на земле с ним. Эта мысль подстегнула его не хуже стальных шпор, и бессмертный врубил на полную всю доступную ему скорость. Казалось, ещё несколько секунд, и отчаянный бегун наконец догонит своё вечно ускользающее видение, но в этот момент фигура ангела сделалась зыбкой, как рябь на воде, и растаяла. Вард застыл соляным столбом перед пустым местом, не в силах сразу принять такой облом.

Впрочем, в своих чувствах он был не одинок, Нарьяна, наблюдавшая эту погоню за призраком из-за изгороди своего палисадника, тоже скрежетала зубами с досады. Сбылось предсказание Тени, в которое она не желала верить, разлучница явилась прямо на порог её дома. Увы, не верить соб-

ственным глазам и прикидываться, что ничего не случилось, было глупо, да и не в характере потомственной ведьмы, но и смириться с судьбой Нарьяна не была готова. Не дожидаясь, пока Вард вернётся и сам догадается, что произошло, она кинулась в кладовку, которую приспособила для своих колдовских ритуалов. Вскоре серебряная летящая птичка разогнала черноту на дне чаши с водой, и печаль в глазах её магического двойника однозначно дала понять Нарьяне, что Тень уже обо всём знает.

– Ладно, скажи, что ты меня предупреждала, – проскрипела Нарьяна.

– Зачем, тебе и так сейчас несладко, – водяная дева сочувственно вздохнула. – Позволь мне помочь.

– Вот только твоих стенаний про слияние мне сейчас и не хватает до кучи, – окрысилась на свою защитницу ведьма. – Запомни, слюнтяйка, я не из тех, кто так просто сдаётся.

– А что тут можно поделаться? – Тень удивлённо захлопала ресницами. – Разве ты не понимаешь, что из-за заклятия он видел в тебе именно эту женщину? А теперь твой приворот рассыпался, и он увидит, вместо неё, тебя.

– Но Вард об этом ещё не догадывается, – в глазах Нарьяны загорелся зловещий огонёк, заставивший её двойника вздрогнуть, ничего хорошего этот огонёк обычно не предвещал, – и не успеет догадаться, я всё исправлю до того, как мы с ним увидимся. Приворотное зелье сделать недолго – уверенно заявила ведьма.

– Нарьяна, приди в себя,– Тень уже не на шутку испугалась,– ты его погубишь. Нельзя так варварски обращаться с человеческой психикой.

– Ничего, Вард из бессмертных,– фыркнула ведьма,– его психика и не такое выдержит,– она бросила презрительный взгляд на призрачную паникёршу и заметила, что та буквально ловит воздух посиневшими то ли от страха, то ли от возмущения губами. – Расслабься, трусиха, чего ты так переполошилась? – попыталась успокоить свою Тень Нарьяна и только тут заметила, что та уставилась вовсе не на свою хозяйку, а куда-то поверх её головы.

– Ты что, приворожила меня, ведьма? – раздался сзади удивлённый голос Варда. – Это что за морда в воде? – Нарьяна испуганно вздрогнула и шарахнулась в сторону, но бессмертный ухватил её за запястье и не позволил улизнуть. – Я же отнёсся к тебе по-человечески, приютил в своём доме, а ты, значит, так мне отплатила?

– Ты же был со мной счастлив, Вард,– принялась скулить Нарьяна,– я просто хотела подарить тебе немного любви и радости.

– Да мне теперь смотреть на своё отражение в зеркале тошно,– освободившийся от морока мужчина презрительно сплюнул,– а тебя просто придушить хочется. Собирай свои манатки и вон из моего дома,– он выпустил руку ведьмы и махнул в сторону выхода.

Увы, плохо же он изучил свою бывшую возлюбленную,

Нарьяна гордо выпрямилась, и её взгляд потемнел от гнева.

– Кажется ты забыл, кто я,– в её голосе послышалась откровенная угроза,– я потомственная ведьма и всегда получаю то, что хочу. Ты теперь мой, Вард, и эта призрачная баба тебя не получит. А если вздумаешь артачиться, то от твоего ангелочка даже мокрого места не останется.

В этот момент воздух рядом со столом, на котором стояла колдовская чаша, заколебался, и там материализовалась фигура Мартина. Вот только на этот раз выглядел юноша далеко не так безобидно, как обычно, его глаза горели яростью, а лицо исказилось от негодования.

– Никто не смеет угрожать моему отцу,– прорычал Мартин,– и уж точно не какая-то пошлая ведьма.

Должно быть, будущий Творец утратил самоконтроль всего лишь на мгновение, но этого оказалось достаточно, чтобы его природные разрушительные силы вырвались на волю. Упругая волна подхватила чашу с водой и швырнула её в Нарьяну. К счастью, ведьма успела пригнуться, и метательный снаряд угодил в стенку. Осколки стекла с жалобным звоном брызнули во все стороны, причём большая их часть полетела непосредственно в сторону незадачливого волшебника. Мартин так растерялся от собственного неуправляемого порыва, что даже не сделал попытки увернуться.

В самый последний момент, когда казалось, что встреча с острым стеклом была уже неизбежна, сильные руки отца подхватили мальчика и выдернули его из зоны поражения,

словно морковку из грядки. Воспользовавшись паузой, Нарьяна бросилась бежать. Могущество этого исчадия тьмы нагнало на несчастную ведьму такого страха, что бедняга даже позабыла про свой амулет. Вард с Мартином посмотрели вслед сверкающим пяткам удирающей ведьмы и расхохотались. Впрочем, веселились они недолго, вскоре лицо Варда помрачнело.

– Эта мерзавка заставила меня забыть моего ангела, – сквозь зубы процедил он, – и что-то мне подсказывает, что Нарьяна не из тех, кто так просто сдаётся. Как бы и вправду ни начала мстить той женщине, когда очухается от встречи с моим защитником, – он хлопнул Мартина по плечу. – Здорово же ты её пуганул, молодец.

– Ну так давай найдём твоего ангелочка, – тут же предложил услужливый сынок. – Что ты вообще о ней знаешь?

– Она – моё единственное воспоминание из прошлой жизни, – вздохнул Вард. – Представляешь, я даже себя забыл, а её помню. Разве это не знак того, что эта женщина – ключ ко всему?

– Значит, нужно вернуть твою память, – безапелляционно заявил Мартин. – Кстати, Магистры это умеют, они же бессмертным возвращают воспоминания о прошлых жизнях. Ты точно ничего не помнишь об этих техниках?

Некоторое время Вард молчал, его задумчивый взгляд лениво блуждал по логову ведьмы, как бы пытаясь отыскать нужную информацию среди склянок со снадобьями и пуч-

ков засушенных растений. Внезапно в его глазах вспыхнула азартная искорка, и Мартин даже подумал, что к отцу вернулись воспоминания о технике восстановления памяти. Что ж, он был не так уж неправ, причиной возбуждения Варда действительно были воспоминания, только вовсе не о техниках.

– «Тот, над кем не властно время», – радостно процитировал он предсказание Нарьяны. – Похоже, ведьма говорила именно о Магистре, они ведь умеют возвращать себе молодость, не так ли.

– Это тебе Нарьяна напороочила? – скепсис в голосе будущего Творца откровенно свидетельствовал о его нелестном отношении ко всякого рода прорицателям. – Так настоящие Творцы тоже в лёгкую управляют своим возрастом. Думаю, Атан-кей даст сто очков вперёд любому Магистру.

– Ты это сделаешь для меня, Марти? – глаза Варда засияли как два огонька. – Попросишь своего учителя мне помочь? Я должен защитить моего ангела.

Глава 23

В каком-то смысле Семён правильно проинтерпретировал сцену уставившегося в пустые небеса ангела, как сцену прощания. В тот момент Кира действительно прощалась, однако не со своим ангельским домом, а с этим неласковым миром, в котором ей больше нечего было делать. Нет, никакого отчаяния она не испытывала, напротив, счастье близких людей сделало немного счастливее и её саму. Но так уж случилось, что Кира оказалась лишней на этом празднике жизни, её любимые отлично устроились тут и без неё. Ни Семёну, ни Тиночке, ни даже Мартину она больше не была нужна, все трое нашли своё счастье и совершенно не страдали без её общества. Наверное, впервые в жизни Кира почувствовала себя совершенно свободной, она не была связана никакими обязательствами и могла делать, что пожелает. Даже обидно, что ей уже ничего не хотелось, разве что покоя, причём желательно вечного.

Кира вернулась к дому Кейтиля и ещё из предбанника лаборатории услышала звон стаканов и пьяные голоса исповедника и его очередного клиента. Похоже, с появлением Джарета кабинет психоаналитика начал возвращать свою былую популярность среди алатской публики.

– Это какое-то дежавю, – возмутилась путешественница, зажимая нос от едкого запаха сивухи.

– О женщины, вам имя вероломство,– донесся из открытой двери трагичный голос хозяина заведения,– правда, в нашем случае вероломство следует заменить на чёрную неблагодарность. Ты приютил её дочь, заботился о девочке как родной отец, а эта вертихвостка явилась на всё готовенькое, когда наша Кристинка уже стала взрослой, и вместо благодарности, начала сыпать обвинениями. А что ты должен был сделать? Выгнать ребёнка на улицу?

– Вообще-то, Кира не по своей воле бросила дочь,– вступился за обвиняемую Рис, который со всей очевидностью и был нынешним клиентом исповедальни.

– Ну конечно, как я могла подумать, что он оставит меня в покое? – Кира мысленно чертыхнулась и на цыпочках направилась к выходу, поскольку ещё раз встречаться с Рисом ей совершенно не хотелось.

– Всё равно,– Кейтиля ничуть не убедили аргументы защиты,– она должна быть тебе благодарна за дочку. С Тиночкой ведь всё в порядке? – видимо, смущённый вид клиента насторожил закусившего удила обличителя женского вероломства. – Рис, что ты от меня скрываешь? – в голосе исповедника послышались тревожные нотки.

– Кристинка ждёт ребёнка,– покаялся клиент,– от меня,– добавил он после небольшой паузы. – Но я ведь думал, что Кира погибла,– Рис жалобно вздохнул, и из исповедальни раздалось смачное бульканье, видимо, кающемуся грешнику срочно потребовалась новая доза анестетика.

Собственно, слушать и дальше пьяные излияния бывшего мужа Кире не было никакой нужды, она и так знала всё, что тот скажет. Женщина решительно взялась за ручку входной двери, но тут в её голову пришла новая мысль, которая заставила её вернуться.

– Ну ты, брат, даёшь,– услышала она огорошенный голос Кейтиля,– она же твоя дочь. Так Кирюша из-за этого на тебя окрысилась?

– Нет, Кит, опять ты попал пальцем в небо,– а вот в голосе Риса на этот раз прозвучала такая обречённость, что невольной свидетельнице покаяния даже стало его жалко,– у неё есть другая и гораздо более весомая причина меня ненавидеть.

– Я вовсе не испытываю к тебе ненависти,– Кира распахнула дверь исповедальни и брезгливо сморщилась, оглядывая грязный стол с остатками трапезы и длинную шеренгу использованных стаканов. Похоже, Кейтиль трудился без выходных, поскольку клиент пошёл косяком.

– Кирюша, а мы тут с Рисом отмечаем твоё возвращение,– пьяным голосом затянул старый пройдоха,– присаживайся за стол, ты ведь, наверное, ещё не завтракала.

– Ты бы лучше проветрил помещение,– Кира демонстративно закрыла нос ладонью,– тут даже не обязательно пить, и так словно находишься под общим наркозом. Рис, пойдём на свежий воздух, нужно поговорить.

Кейтиль обиженно пробурчал что-то про понаехавших со

своими порядками, но всё же закупорил бутылку с самогонкой и пошёл открывать окна. Рис с готовностью вылез из-за стола и вслед за Кирой вышел на лужайку. Некоторое время они молчали, каждый собирался с духом, чтобы начать разговор. Первым решился только что исповедовавшийся грешник.

– Кируш, ты когда-нибудь сможешь меня простить? – жалобным голосом промяукал он.

– Некого и некому прощать, – голос Киры прозвучал отчётливо, словно она говорила сама с собой. – В тот день ты погубил не одну, а две жизни. Меня тоже больше нет. Но и сам ты перестал существовать, по крайней мере, для меня. Так что счёт три – ноль в пользу смерти.

– Я понимаю, тебе пришлось пережить много горя, – Рис сочувственно вздохнул, – но жизнь ещё не кончена, ты вернулась, и все мы ещё можем быть счастливы.

– Все? – в голосе Киры было столько горечи, что Рис невольно съёжился, как обвиняемый в ожидании приговора. – Ты всерьёз надеешься, что я снова стану твоей женой?

– Я совершил ошибку, – едва слышно промямлил обвиняемый, – но я сделал это из любви к тебе. Ты только дай мне шанс загладить вину.

– А как же Тиночка? – Кира скептически ухмыльнулась.

– Она поймёт, – принялся уверять её Рис, – Тиночка молода, она ещё найдёт своё счастье. Скажи, что мне сделать, чтобы ты меня простила. Я на всё готов.

– Точно готов? – в голосе Киры зазвучал металл. – Ладно,

тогда дай мне одну из твоих волшебных пилюлек, а то Ксантипа прикарманил весь мой запас.

– Кира, что ты такое говоришь? – ошарашенно прошептал Рис. – Ты не можешь снова нас всех покинуть. Даже если на меня тебе плевать, то ты нужна дочери и сыну.

– Нет, не нужна, – женщина равнодушно покачала головой. – Для Тиночки я теперь не поддержка, а угроза её семейному счастью, ну а Мартин наконец нашёл своего отца. Не тебя, – она презрительно фыркнула, видя, как засияли глаза обрадованного папочки, – его настоящим отцом сделался Семён.

– Что?! – Рис от неожиданности аж присел. – Семён жив?

– Жив, – спокойно подтвердила Кира, – и у него теперь новая семья. Не знаю, как ему удалось выжить, но это явно не твоя заслуга. И всё же теперь ты можешь больше не считать себя убийцей.

– Семён отказался к тебе вернуться? – Рису показалось, что он нащупал истинную причину Кириной депрессии, и отставной муж тут же проникся уверенностью, что ему привалила небывалая удача. Ну ещё бы, он ведь и раньше спасал Киру от одиночества, когда та рассталась с Семёном. Похоже, ситуация повторилась. – Ты поэтому хочешь покончить с собой? – осторожно поинтересовался доброхот с намерением сразу перейти к предложению своей помощи в деле восстановления душевного равновесия страдающей от мужского произвола женщины.

– Я с ним не говорила,– пожалала плечами Кира, обломав спасательский порыв доброхота,– просто полюбовалась на своих мальчиков и ушла. Они очень счастливы, понимаешь? А я – последний человек, который захочет разрушить счастье Семёна.

Дело приняло не совсем тот оборот, на который рассчитывал Рис. В отличие от прошлого раза, сейчас Кира вовсе не считала себя обиженной, а потому сыграть на её оскорблённых чувствах вряд ли получится. Впрочем, Кириной обиды и раньше хватило ненадолго, своему любимому Семёну она готова была простить буквально всё, даже измену. А вот о прощении законного мужа, который хотел только одного – спасти свою женщину от плена, она даже думать не желала, вычеркнула его из своей жизни как прочитанную книгу с непонравившимся концом. И тут Рису пришло в голову, что возвращение Семёна, которое он всегда считал триггером, запустившим фатальные события в его жизни, таковым вовсе не являлось.

– Ты бы меня всё равно бросила,– догадка его буквально ошеломила,– потому что всегда любила только своего Семёна. А я? – от недоумения и боли его голос сорвался. – Кем я был для тебя? Просто спасательным кругом?

– Так же, как я для тебя,– спокойно подтвердила Кира. – Ты ведь тоже любил только свою Рину.

– Ты ошибаешься,– Рис горько усмехнулся,– если бы мы встретились до смерти Рины, я бы её бросил ради тебя.

– Я тоже отказалась от своего любимого из-за бабской обиды,– повинилась Кира,– вот и осталась ни с чем. И поделом, нельзя сомневаться в том, кого любишь. Я хочу уйти,– она устало вздохнула и посмотрела на Риса жалобным взглядом. – Меня тут больше ничего не держит, понимаешь? Ты мне поможешь?

– Нет, я не дам тебе яд,– Рис отчаянно замотал головой.

– Ладно,– равнодушно согласилась Кира,– просто хотела избежать боли, но это не обязательно.

– Если ты себя убьёшь, то я уйду вместе с тобой,– губы Риса сжались в тонкую полоску, демонстрируя решимость исполнить угрозу.

– Нет, не уйдёшь,– голос Киры звучал всё так же отстранённо, словно они обсуждали прогноз погоды,– ты будешь жить очень долго, если, конечно, ни найдёшь способ избавиться от своих молодильных вирусов.

– Это ещё почему? – Рис в отчаянии сжал кулаки, уже догадываясь, каков будет ответ.

– По той же причине, по которой Семён не позволил мне уйти вместе с ним,– покладисто пояснила Кира,– хотя и понимал, что для меня это был лучший выход.

– Из-за Кристинки,– в голосе Риса зазвучали нотки обречённости. Он и раньше понимал, что, согласившись принять любовь Кириной дочери, отрезал себе путь к отступлению, но надеялся, что возвращение жены всё изменило. Ан нет, оказалось, что этот фарш невозможно повернуть назад.

– Да, из-за неё и вашего будущего ребёнка,– Кира удовлетворённо кивнула. – Ты уже потерял двух сыновей, постарайся сохранить хотя бы третьего.

– Какого чёрта Семён присвоил себе моего сына? – Рис скрипнул зубами от злости.

– Считай, что вы поменялись сыновьями,– усмехнулась Кира. – Ты ведь растил Алика, не так ли? Правда, не похоже, чтобы он питал к тебе тёплые чувства. Если бы не вмешательство Мартина с его Творцовскими приёмчиками, твой воспитанник зарезал бы своего непутёвого папашу.

– Это из-за Кристинки,– нехотя пояснил Рис. – Парень втемяшил в свою дурную башку, что должен защищать свою сестричку.

– Настоящий сын бессмертного,– Кира впервые с начала разговора улыбнулась. – Для Семёна семья тоже всегда была на первом месте. Думаю, испытание последним словом Алик прошёл бы с лёгкостью.

– Его я не потеряю,– сквозь зубы процедил Рис,– и плевать, что Семён является его биологическим отцом. Ты права, мне есть для чего жить,– с этими словами он достал из кармана куртки маленькую коробочку и протянул Кире. – Лучше бы ты не возвращалась,– Рис резко развернулся и быстрыми шагами направился к припаркованному у лаборатории трикару.

Через минуту взревел мотор, и раздолбанная каракатица рванула вниз по склону как раненый носорог. Кира прово-

дила долгим взглядом ревущий транспорт и улыбнулась от ощущения какого-то тотального облегчения. И дело было даже не в том, что человек, разрушившего её жизнь, наконец убрался восвояси, её душа наконец исполнилась покоя от того, что решение было принято, и больше не нужно было искать причин и оправданий. Кира открыла коробочку и нежно погладила маленькую белую пилюльку, эдакий золотой ключик от дверцы, за которой исчезнут все страдания. От этого яда, когда-то давно синтезированного Рисом, не было противоядия, он действовал мгновенно, неся лёгкую и безболезненную смерть. Достойный прощальный подарок от бывшего мужа.

– Это не выход, – раздался за спиной Киры голос Джарета, и пальцы бессмертного ловко выхватили коробочку из её руки. – На твоём Семёне свет клином не сошёлся, поверь, он не стоит того, чтобы из-за него страдать.

– Страдать? О чём ты говоришь, Джарет? – Кира с недоумением уставилась на непонятливого утешителя. – Я двенадцать лет считала, что навсегда потеряла Семёна, пыталась с этим смириться, но так и смогла. Он жив, понимаешь? Это же просто чудо, подарок судьбы.

– А тебе-то какой прок с этого подарочка? – удивился Джарет, его мозг просто отказывался трактовать слова этой удивительной женщины с точки зрения логики. – Твой Семён завёл себе новую жену, а в добавок забрал твоего сына. Они там все счастливы и довольны жизнью, а тебя выкинули

за борт как дохлую рыбу.

– Рыбу,– Кира поморщилась с таким видом, словно действительно учуяла вонь дохлятины,– очень образно.

И с чего Джарет решил, что выбрал подходящий момент, чтобы подкатить к своей избраннице с предложением руки и сердца? Может быть, просто жалость к брошенной коварным изменщиком женщине затуманила его мозги? Эх, если б он только мог предвидеть, чем обернётся его благородный порыв, то молчал бы в тряпочку. А ведь даже неучам известно, куда обычно приводят благие намерения. Увы, судьба редко предупреждает нас о ловушках на нашем скорбном пути, ей гораздо прикольнее наблюдать, как ничего не подозревающие людишки беспомощно барахтаются в трясине собственных ошибок и завышенных ожиданий. А если кому-то случайно удаётся разгадать её замысловатый сценарий и вовремя подстелить соломки, то за свою предусмотрительность такой умник получает бонус в виде дополнительных кругов бега по граблям. Чтоб не умничал.

– Не нужно ставить на себе крест,– вкрадчиво произнёс Джарет, пытаясь поймать Кирина взгляд,– ты больше их всех заслуживаешь счастья. Кира, я на всё готов, чтобы вернуть ту жизнь, которая была у тебя с Семёном. Поверь, я знаю как это сделать, потому что храню в памяти все твои рассказы как самую большую драгоценность.

– Я тебе очень благодарна, правда,– Кира с улыбкой посмотрела на непрошенного благодетеля,– но ты ошибаешь-

ся, как ошиблась когда-то и я сама. Дело в том, что я уже один раз прошла этим путём, пыталась воссоздать прежнюю жизнь, которую потеряла, когда рассталась с Семёном. Три года потратила на то, чтобы построить новую семью на обломках старой, но у меня ничего не вышло, да и не могло выйти. Нельзя возвести надёжное здание без крепкого фундамента.

– Какого фундамента? – растерялся Джарет.

– Без любви, – Кира с сочувствием покачала головой. – Без любви всё остальное становится бессмысленным.

Джарет внезапно ощутил какое-то странное чувство, словно где-то в его сознании набухал мерзкий нарыв, грозя прорваться и залить всё вокруг смертельным ядом. Больше всего на свете ему сейчас хотелось развернуться и броситься бежать, куда глаза глядят, главное, подальше от этой женщины, которая словно держала в своих руках кощееву иглу его жизни.

– Но я люблю тебя, – вместо спасительного побега, выпалил пылкий воздыхатель. – Разве ты этого не чувствуешь? Я ведь всем пожертвовал ради тебя.

– Прости, Джарет, но я не думаю, что ты понимаешь, что это значит – любить, – Кира пожала плечами, как бы извиняясь за свою прямоту. – Тебе просто хочется исполнить свою мечту о семейном счастье, и для этого нужна женщина, которая понимает, как такую семью построить. Но любовь – это совсем другое, это не про то, чтобы что-то получить, а

как раз наоборот – чтобы отдавать.

– Ты поэтому отдала своего Семёна другой женщине? – сказано это было шутливым тоном, словно Джарет пытался сарказмом отгородиться от края пропасти, куда его толкали слова Киры. Увы, она не почувствовала скрывавшегося за сарказмом отчаяния, а потому ответила с большевистской прямоотой.

– Счастье Семёна для меня дороже всего на свете, – на губах Киры промелькнула и тут же растаяла горькая улыбка, – поэтому я никогда не потревожу его душевный покой, не разрушу своим появлением его жизнь.

От острого предчувствия беды Джарета бросило в жар, он понял, что нарыв в его сознании вот-вот прорвётся.

– Остановись, – жалобно попросил он, – не делай этого. Если сейчас ты от меня отвернёшься, случится что-то непоправимое.

– Прости, Джарет, – Кира устало вздохнула, – но симулякр любви меня больше не устроит, так что тебе придётся найти другую кандидатуру на роль хозяйки твоего дома.

По своей мощи и красочности это даже чем-то напоминало праздничный фейерверк. Нарыв прорвался, затапливая сознание бессмертного парализующим волю ядом острого, как бритва, чувства вины. Лицо Джарета побледнело и застыло гипсовой маской, взгляд, который только что отражал кипевшие в его душе страсти, вдруг сделался отрешённым, как у медитирующего монаха. Несколько секунд в его глазах

ещё можно было заметить что-то вроде недоумения, но и оно вскоре растворилось в мутном потоке смертельного яда.

Какими бы горькими ни были слова Киры, но они никак не могли произвести на её поклонника столь ошеломляющего эффекта, по своим последствиям сравнимого со взрывом гранаты в муравейнике. Из нормального живого человека Джарет вдруг превратился в манекен. От одного только вида его застывших лужицами бурого стекла глаз женщину бросило в дрожь.

– Джарет, что с тобой? – Кира инстинктивно понизила голос почти до шёпота. – Я могу тебе как-то помочь?

– Можешь, – голос бессмертного был таким же бесцветным, как и выражение его лица, – доставь меня обратно в Орден.

– Что?! – у Киры от неожиданности перехватило дыхание. – Не глупи, Джарет, тебя же там убьют.

– И правильно сделают, – бессмертный горько усмехнулся, – я это заслужил. Нет, не только потому, что помог тебе сбежать, – прибавил он, видя как встрепенулась спасённая им женщина, – я предал Орден уже очень давно.

Кира застыла в полной растерянности, потому что стоявший перед ней странный тип не имел ничего общего с тем мужчиной, с которым она вела долгие проникновенные беседы в своём флигеле. Прежний Джарет никак не мог с лёгкостью признаться в предательстве и жаждать наказания, он был бойцом и очень любил жизнь. Кира оказалась совершен-

но неготовой к столь внезапной смене его риторики, а потому даже решила, что это просто игра, попытка психического воздействия отвергнутого поклонника на строптивую женщину. Только через пару минут до неё наконец дошло, что происходит.

– Ты находишься под действием установок подчинения, – Кира схватила за плечи застывшего в трансе мужчину и слегка встряхнула, – приди в себя, это просто морок, внушение.

– Подчинение? – Джарет недоверчиво покачал головой. – Думаю, ты не понимаешь, о чём говоришь. Это не подчинение, а предназначение. Я изменил своему предназначению из-за пустых фантазий.

– Значит, вот как это работает, – с горечью констатировала Кира, – в основе этой пакости лежит чувство вины. Теперь я понимаю, почему Семён не смог этому сопротивляться. И всё случилось, потому что мы расстались. Я сама запустила этот живодёрский алгоритм, когда забрала Тиночку и ушла.

– Ты мне поможешь? – Джарет не позволил ей погрузиться в философские рассуждения.

Пару секунд Кира колебалась, в конце концов, этот мужчина вовсе не был тем, ради кого она готова была идти на жертвы. Да, она испытывала к нему благодарность за участие, но всё равно относилась с настороженностью, ведь он служил Ордену. И всё-таки сострадание победило эгоизм в Кириной душе, женщина просто не смогла вот так легко сдаться и позволить каким-то идиотским установкам погу-

бить нечужого ей человека.

– Нет, Джарет, я не стану помогать тебе совершить самоубийство, – Кира решительно посмотрела в глаза бессмертному, – но я могу сделать для тебя кое-что другое. Я согласна стать хозяйкой дома твоей мечты.

Неизвестно, на какое чудо рассчитывала женщина, самоотверженно бросаясь на амбразуру ненужных ей семейных отношений, чтобы спасти бессмертного от гибели, но чуда не случилось. Часовой механизм бомбы, заложенной в его сознание ещё в младенчестве, сработал, и этого джина уже невозможно было запихнуть обратно в бутылку. Ответом на благородный порыв Киры была лишь горькая усмешка на губах Джарета, которая словно разделила его лицо на две неравные половинки.

– Зачем? Из жалости? – странно, но в его голосе совсем не было надрыва, только усталость. – Не обессудь, но меня симулякры тоже не устраивают. Окажи мне эту последнюю услугу, – Джарет решительно взял женщину за руку, и на этот раз Кира не смогла ему отказать.

Реплика искателя

Если для того, чтобы придумать, как спастись от полного расчеловечивания, своего ума у нас не хватает, тогда самым разумным решением будет обратиться к «помощи зала». К счастью, в нашем мире имеются специалисты, которые уже очень давно заморочились вопросом выхода из тюрьмы божественного вандала. Я имею ввиду буддистов и бонпо. У них просто по определению должны иметься разработки нужных нам методов. Даром, что ли, их наиболее продвинутые йогины годами сидели по пещерам и отказывались даже от самых насущных человеческих потребностей, воспитывая в себе отвращение к сансаре?

Понятное дело, что выход из сансары невозможен, если она вам нравится, тут двух мнений быть не может. Так что йогинам волей-неволей приходится продуцировать весь этот негатив по отношению к социуму и мирской суете, несмотря на вроде бы миролюбивую основу этих учений. Что тут скажешь, лекарство от смертельной болезни вовсе не обязано быть приятным на вкус. Когда требуется радикальное лечение, тут не до сантиментов. В общем-то, меня совсем не удивляет, что у адептов сих учений получилось воспитать в себе отвращение к сансаре. Зачем нужна такая жизнь, не приносящая радости? И ещё менее удивительным стало отождествление ими сансары и страданий.

Нужно сказать, что поклонники будды подошли к вопросу борьбы с существующей реальностью довольно кардинально, записав в категорию «страданий» абсолютно все явления сансары, даже те, которые доставляли им райское наслаждение, поскольку и в этом состоянии, как ложка дётя в бочке мёда, присутствует страх потерять своё счастье. Объявив священную войну страданиям, они принялись искать их источник и, разумеется, нашли. Не удивительно, что главным злодеем был объявлен наш ум, ведь это именно он превращает вибрации океана сознания в иллюзорную картинку нашей реальности. Следующим шагом в буддийском бизнес-плане стала разработка методов избавления от источника страданий, то есть – от ума.

Не стану утомлять читателя обзором наработанных за тысячелетия техник и правил жизни, могу только отметить, что они реально действуют, низводя работу нашего ума до чисто рефлекторных функций. Гораздо интересней, на мой взгляд, оценить эффективность данных методов в плане избавления от скорлупы ментального концепта тела. А вот тут имеются трудности. Дело в том, что наш ум не только создаёт иллюзию сансары, в которой мы все бултыхаемся как в выгребной яме, но в добавок он служит для наших сознаний чем-то вроде спасательной капсулы, не позволяя проявленной форме раствориться в океане сознания. Так что уничтожение ума неизбежно закончится развоплощением. Печалька.

Впрочем, буддисты и эту засаду обошли со свойственным им прагматизмом, предложив, вместо уничтожения ума, его замену на более подходящий инструмент. Думаю, многие знают о том, что в тибетском языке для обозначения ума имеется не один, а два термина, причём совершенно разных: [сем] и [гон]. Первый используется для нашего обычного ума, а второй – как раз для его альтернативы, которую переводчики окрестили природой ума или его естественным состоянием. К сожалению, кроме красочных аллегорий, никакой конкретики для описания этой самой природы учения не предлагают, ссылаясь на то, что естественное состояние ума находится за пределами любых ментальных концептов.

Стоит ли в таком случае удивляться, что и методы замены одного ума на другой выглядят не просто неконкретными, так в добавок ещё и довольно рискованными, поскольку ошибиться, запутавшись в иносказаниях, очень легко. Недаром же священные тексты на каждом шагу предупреждают неофитов, чтобы без грамотного учителя они в эти дебри не совались. Для тех, кто не является носителем тибетского языка, дополнительным осложняющим фактором являются практически неизбежные ошибки в переводе исходных текстов и интерпретациях имеющихся там терминов. К тому же эти тексты вовсе не были предназначены для всех рас, населяющих наш мир, они несут специфический отпечаток менталитета восточных народов.

И всё же, буддийский подход к освобождению можно было бы считать приемлемым, тем более, что ничего другого человечество пока не придумало, если бы не одно «но». Этим «но», на мой взгляд, является мотивация. Всё-таки избавление от страданий в качестве цели существования – это как-то мелко для творения Создателя. Мне реально трудно себе представить, чтобы высший разум заморочился сотворением целого мира с единственной целью подтолкнуть его обитателей к дезертирству, даже если этот мир кто-то испортил. Мне кажется, что нас создали, чтобы мы сотворяли реальность по своему вкусу, для чего нам и был выдан такой инструмент как ум. Не уверена, что у нас имеется право выкинуть дар Создателя на помойку.

Похоже, цель буддийско-бонских техник заключается во-все не в том, чтобы вернуться к исходному замыслу Создателя и обрести истинный смысл своего существования, а в том, чтобы прекратить следовать извращённому смыслу, то бишь покинуть испорченный мир и эмигрировать в более приятное местечко, которое буддисты именуют мирами будд. Иными словами, нам предлагают поставить большой жирный крест на мире, с которым по замыслу Создателя связано наше предназначение, и всё ради того, чтобы избавиться от страданий. Боюсь, подобная мотивация выглядит чистой воды манипуляцией, типа, валите отсюда, а там разберётесь. Ну и чем тогда буддисты лучше божественного вандала с его аферой по превращению эфирного

мира в материальный? Нами и так манипулируют все, кому не лень, стоит ли ввязываться в очередную авантюру?

Глава 24

Низкие давящие своды, грубая каменная кладка, толстые, окованные железом двери и шершавые плиты пола – весь этот средневековый антураж, оставшийся в наследство от первых владельцев орденских подвалов, в последнее время начал раздражать Ксантипу всё больше. Каждый раз спускаясь сюда по узким крутым ступенькам, он не переставал пенять себе за нерадивость. Давно уже пора было сделать тут ремонт, чтобы каждый визит в тюрьму не портил настроение до конца дня.

Впрочем, сей мрачный интерьер таки нёс в себе функциональную нагрузку, подавляя волю пленников Ордена и делая их сговорчивей. Но пугать бессмертного было делом совершенно безнадёжным, тем более после срабатывания установок подчинения. Если что-то сейчас и беспокоило Джарета, то точно не страх. Человеку, уже перешагнувшему грань между жизнью и смертью, было плевать на интерьер камеры.

Отослав охрану, Ксантипа остался один на один с арестантом, агрессии со стороны бессмертного он не опасался. Если тот сам приполз сдаваться, значит, его установки работали штатно. Джарет бросил равнодушный взгляд на входящего Магистра и медленно, как бы нехотя поднялся с матраса, служившего ему спальным ложем.

– Как спалось на новом месте? – ехидно поинтересовался

Ксантипа, пытаясь поймать ускользающий взгляд арестанта.

– Почему я до сих пор жив? – голос Джарета был спокойным, в нём не было даже естественного любопытства. – Вам что-то ещё от меня нужно?

– Быстро же она тебя отшила, – Магистр словно не услышал его вопроса. – Я полагал, что Кире потребуется больше времени.

На самом деле он несомненно лукавил, ведь после отчаянного побега пленницы, организованного Джаретом, Ксантипа вообще не был уверен, что когда-нибудь снова увидит своего телохранителя. Нет, в романтические чувства Киры к своему тюремщику он, конечно, не верил, но для ослабления установок вовсе не требовались какие-то африканские страсти, достаточно просто привязанности, замешанной, например, на благодарности. К счастью, эта дамочка оказалась в меру принципиальной и рассудительной, чтобы не повестись на эдакий соблазн, и отправила своего ухажёра в отставку.

– Причём тут Кира? – Джарет с недоумением уставился на Магистра.

– Бедняжка, ты так ничего и не понял, – с растяжкой произнёс Ксантипа, откровенно наслаждаясь растерянным видом бессмертного. – Это же Кира служила для тебя якорем, который позволял тебе сопротивляться установкам подчинения. Как только якорная цепь оборвалась, тебя тут же унесло стихией. Думаешь, запрет на долгосрочные отношения с женщинами появился в кодексе бессмертных случай-

но? Нет, мой мальчик, мы его выстрадали, пройдя через многочисленные ошибки и потери.

– Я полагал, что этот пункт существует для того, чтобы уберечь ни в чём не повинных женщин от связи со смертниками,– Джарет недовольно нахмурился, уже предвкушая зловещие откровения своего босса.

– Ты правда веришь, что Магистры настолько сентиментальны? – ехидно поинтересовался Ксантипа. – Не прикидывайся наивным простачком, Джарет, уж тебе-то должно быть хорошо известно, что в основе моих решений всегда лежат исключительно рациональность и холодный расчёт.

– Значит, женщины способны деактивировать установки бессмертных? – живо заинтересовался Джарет.

– И не мечтай,– Ксантипа злорадно усмехнулся. – Деактивировать установки может только Магистр, но сильное влечение к чему-либо способно заметно ослабить их эффективность. Кстати, милые дамы тут не единственный негативный фактор, зато самый сильный.

– Кира это поняла,– с досадой пробормотал бессмертный,– она пыталась меня спасти, но было уже поздно.

– Умная девочка,– Ксантипа удовлетворённо кивнул,– я всегда с уважением относился к её аналитическим способностям. Всё, закрыли тему,– отрезал он,– у нас есть более интересные вопросы для обсуждения. Судя по тому, что Мартин не ночевал дома, вправить ему мозги тебе не удалось.

– Не удалось,– согласился Джарет,– я для него больше не

авторитет.

– А кто же тогда авторитет? – Магистр откровенно напрягся, предчувствуя неприятные откровения своего телохранителя. – Что ещё ты от меня скрываешь?

– Мартин нашёл своего родного отца, – Джарет недовольно поморщился, поскольку сдавать своего ученика ему не хотелось, но на прямой вопрос он вынужден был дать правдивый ответ.

– Прямо-таки родного? – удивился Ксантипа.

– Думаю, что нет, но Мартин в это верит, – слова сами по себе слетали с губ бессмертного, помимо его воли, и он ничего не мог с этим поделать. – Может быть, Вы оставите мальчишку в покое? – в его голосе прорезались откровенно просительные нотки. – Для Мартина это очень важно, он всегда мечтал об отце.

Слова Джарета словно провалились в вату, Магистр не ответил, он застыл в своих раздумьях, уставившись в каменный свод потолка, словно там находилась подсказка. По собственному опыту бессмертный отлично знал, чем обычно заканчиваются подобные сеансы медитативного транса. Именно после одного из таких сеансов Ксантипа принял решение ликвидировать всех своих бессмертных. Джарету, конечно, было жалко ничего не подозревавшего мальчишку, чью судьбу сейчас обдумывал его так называемый отчим, но что мог поделать смертник, находящийся в шаге от собственной гибели.

– Скажи мне, Джарет, а тебе когда-нибудь хотелось разыскать своего отца? – неожиданный вопрос заставил бессмертного вздрогнуть.

– Ни у кого из нас не было отцов, – буркнул он, – вы же забирали нас в Орден грудными младенцами.

– Ты уходишь от ответа, – посетовал Магистр, – значит, тебе тоже хотелось узнать своих родителей. Зачем, Джарет?

– А Вам никогда не хотелось, чтобы рядом был кто-то, на кого всегда можно положиться, довериться, почувствовать, что тебя любят просто так, ни за что? – бессмертный бросил злой взгляд на этого самопального философа, но наткнувшись на его искреннее недоумение, слегка опешил. – Нет, я Вам не верю, – покачал головой он, – таких людей просто не бывает.

– Вот тут ты прав, – легко согласился Ксантипа, – и мы, похоже, опять не учли особенности человеческой природы, как и в случае с женщинами. Мне нужно было стать для Мартина заботливым папочкой, а не господином, вот тогда ему бы даже в голову не пришло изменять Ордену. Что ж, эту ошибку не поздно исправить. Если мальчику нравится слушаться старших, это будет несложно устроить.

– Кто эти мы? – Джарету сразу сделалось неуютно, похоже, он очень близко подошёл к какой-то зловещей тайне.

– Разве, когда ты был мальчишкой, вы не рассказывали друг другу страшные истории на ночь про ужасных монстров, которые управляют Орденом? – рассмеялся Ма-

гистр. – Так вот, всё это чистая правда.

– Наверное, сейчас я должен быть в шоке,– Джарет презрительно ухмыльнулся, поскольку откровения начальника его вовсе не шокировали, он давно подозревал, что с Магистром всё не так просто,– но спасибо за откровенность.

– Не вижу причин что-то скрывать от смертника,– фыркнул Ксантипа. – А вот отчего ты не желаешь мне открыться? Почему я должен тянуть из тебя сведения клещами? Будет гораздо проще, если ты сам всё расскажешь.

– Вы же знаете, что сейчас я не могу Вам врать,– Джарет безразлично пожал плечами. – Спрашивайте.

– В том-то и дело, мой мальчик,– в глазах Ксантипы зажглись хищные зелёные огоньки,– ты отчего-то не раскаиваешься в совершённом предательстве и не идёшь на добровольное сотрудничество. Такое ощущение, что ты просто подчиняешься силе обстоятельств. Согласись, для бессмертного, находящегося под действием установок подчинения, это необычно. По крайней мере, раньше я с таким не сталкивался.

– Наверное, раньше Вам не приходилось превращать бессмертных в палачей для своих же братьев,– презрительно бросил Джарет. – Поздравляю, теперь у Вас имеется и этот опыт.

– Мне жаль тебя расстраивать,– губы Ксантипы сложились в брезгливую усмешку,– но у оружия нет и не может быть своей воли. Клинок или пуля не выбирают, кого уби-

вать, за них это решает тот, кто держит оружие в своей руке.

– Видимо, вы опять что-то там не учли в плане человеческой психики, – Джарет говорил спокойно, но его оппоненту всё равно сделалось не по себе.

Бессмертные чисто физически не могли столь неуважительно обращаться к Магистру, не должны были, даже приговорённые. Единственной причиной мог быть только сбой установок. Но ведь этот сбой был благополучно устранён, провинившийся бессмертный послушно приполз к своему хозяину на расправу.

– Так отчего же Джарет даже не пытается как-то оправдаться и загладить свою вину? – Магистр принялся лихорадочно анализировать странное поведение бессмертного. – В теории, именно это желание должно сейчас доминировать над его прочими мотиваторами. Но нет, парень сопротивляется, причём, довольно успешно. Неужели, задание по устранению бессмертных так повлияло на психику Джарета, что это затронуло установки? – наконец пришло в голову Ксантите. – Но ведь они все прирождённые убийцы, какая ему разница, кого убивать, в конце концов? И всё-таки эту версию стоит проверить.

– Ты смеешь обвинять меня в несправедливом решении? – навскидку спросил он, изобразив возмущение.

– Вы предали своих самых верных бойцов, Магистр, – ничуть не смущаясь, заявил Джарет. – Стоит ли удивляться тому, что кто-то из них предал Вас самого?

Вот теперь ситуация стала проясняться. Джарет воспринял ликвидацию бессмертных как предательство со стороны Ордена, на преданности к которому, собственно, и зиждилась сила установок. Это автоматически ослабило их эффективность, к счастью, не слишком сильно, но достаточно, чтобы сделать бессмертного бесполезным. По идее, лучшее, что Ксантипа мог сделать в данных обстоятельствах – это казнить строптивца, но к несчастью, Джарет был единственной ниточкой, которая вела к Мартину, а потому убивать его было пока рановато, нужно было заставить ещё немного поработать.

– Вряд ли ты сможешь меня понять, – Ксантипа устало вздохнул, изображая на своём лице эдакую вселенскую скорбь. – Орден для меня является смыслом существования, я не мог поставить его безопасность под удар.

– Да с чего Вы решили, что это бессмертные виноваты в распаде соседнего Ордена? – возмутился Джарет. – Может быть, это сам Медина всё устроил.

– У меня есть основания подозревать бессмертных, – Ксантипа мысленно поздравил себя с правильно выбранной линией поведения, – дело в том, что последним носителем Медины был бессмертный, и этот парень сумел выйти из повиновения.

– Каким ещё носителем? – Джарет подозрительно покопился на дознавателя.

– Не думал, что ты такой забывчивый, мой мальчик, – по-

журил его Магистр. – Я же говорил тебе, что мы – существа из иного мира, кстати, более совершенного, чем этот примитивный мирок. Здесь мы существуем в телах носителей из числа избранных представителей твоей расы, как бы делим с ними их тела.

– Сэм! – догадка буквально оглушила Джарета. – Так вот почему загонщики безоговорочно приняли его за Магистра. Ему ведь даже не было нужды притворяться, достаточно было просто оставаться собой.

– О чём ты говоришь? – растерялся Ксантипа.

– Последним носителем Медины был Сэм, так? – Джарет победоносно улыбнулся. – Несколько месяцев назад он объявился в соседней реальности и принялся возрождать Орден, захватывая базы загонщиков.

– И почему я слышу об этом только сейчас? – в голосе Магистра была такая адская смесь злобы и недоумения, что Джарета невольно передёрнуло от отвращения. Тем не менее ответил он честно и по существу, поскольку иного не позволяли ему установки.

– Если бы я всё рассказал, то Вы бы меня тут же казнили за невыполнение приказа, – в его голосе не было даже намёка на раскаяние, – а я сдуру поверил, что это настоящий Магистр, вот и хотел с его помощью избавиться от установок подчинения. Жаль, что Сэм оказался фальшивкой.

– Так ты его видел, – констатировал Ксантипа. – И где же он сейчас обитает?

– Живёт как простой обыватель в одном захолустном городке,– Джарет недовольно поморщился, беспомощно сдавая ещё одного своего знакомца. Впрочем, к Семёну он не испытывал даже того сочувствия, какое с некоторых пор начал вызывать в нём Мартин.

– Ну и кашу ты заварил,– посетовал Ксантипа,– но всё складывается к лучшему, согласен? Теперь у нас появился живой свидетель тех событий, и мы сможем выяснить, были ли виновны бессмертные в распаде Ордена и гибели Медины.

– Ничего не выйдет,– в голосе Джарета невольно прорезалось злорадство,– у Сэма полная амнезия.

– Любопытно,– процедил сквозь зубы Ксантипа. – Значит, хозяин сгинул, а носитель отделался всего лишь потерей памяти. Как такое могло случиться?

– Все когда-нибудь умирают,– меланхолично заметил бессмертный.

– Нет, дружок, ты не понимаешь,– в голосе Ксантипы послышалась растерянность,– в этом мире нас невозможно убить, потому что мы присутствуем здесь лишь в виде проекции, а в наш мир людям не пробраться. Так как же Сэму удалось уничтожить Медину?

– Ну, этого мы уже никогда не узнаем,– подвёл черту дискуссии Джарет.

– Глупости,– Ксантипа небрежно взмахнул рукой,– память не исчезает бесследно, просто доступ к ней у Сэма за-

блокирован. Скорей всего, блокировка произошла из-за критической потери энергии, когда его мозгу пришлось отключить все функции организма, кроме тех, которые непосредственно отвечали за выживание.

– Так Вы сможете вылечить амнезию Сэма? – Джарет недоверчиво покачал головой.

– Тебя же не удивляет, что ты помнишь свои прошлые воплощения, мой мальчик, – ехидно заметил Ксантипа. – Поверь, эта задачка посложнее, чем простое восстановление доступа к оперативной памяти. Придётся тебе ещё немного потрудиться на благо Ордена, бессмертный. Ты же не против того, чтобы разделаться с соперником?

– Мне уже без разницы, – Джарет презрительно усмехнулся, – Вы меня всё равно потом убьёте. Но я выполню задание, если Вы мне кое-что пообещаете.

– Ого, бессмертный торгуется с Магистром, – от удивления у Ксантипы едва глаза не вылезли из орбит, – это что-то новенькое. И чего же ты хочешь?

– Снимите установки подчинения перед казнью, – голос Джарета дрогнул. – Я хочу умереть свободным.

– Дурачок, ты сам не понимаешь, о чём просишь, – Ксантипа сокрушённо покачал головой. – Под установками умирать будет легче, они дадут тебе ощущение справедливости возмездия и не позволят злобе завладеть твоей душой. Видишь ли, чувства, которые люди испытывают перед смертью, очень важны для их следующего воплощения.

– За это не беспокойтесь,– Джарет мечтательно улыбнулся. – Если Вы меня освободите, то единственное, что я буду чувствовать – это благодарность.

– Что ж, твои условия приняты,– торжественно провозгласил Ксантипа,– только за свою свободу ты заплатишь жизнью не одного, а двух человек: Сэма и Мартина. Кира меня больше не интересует, она свою роль отыграла. Пусть живёт дальше, если сможет после потери двух самых близких людей.

– Пусть живёт,– Джарет склонил голову, принимая условия Магистра. Вот только в долгую жизнь Киры он не верил. Тому, кто намеревается жить долго и счастливо, никогда не придёт в голову мысль запастись смертельным ядом.

Глава 25

Идея попросить помощи Атан-кея показалась Мартину гениальной по своей очевидности и простоте. И почему ему раньше не пришло в голову обратиться к учителю, он ведь отлично видел, как отец жаждет вернуть свои воспоминания? Увы, эта идея оказалась простой лишь на словах, перспектива воплощения её в реальности выглядела куда менее оптимистично. Отчего-то Атан-кей отнёсся к просьбе своего ученика с прохладцей, если не сказать, с сомнением. Нет, сходу он не отказал, сказал, что подумает над целесообразностью этой операции, хотя Мартин, как мог, донёс до него причину спешки. От возвращения воспоминаний отца напрямую зависела жизнь дорогой ему женщины.

В отличие от Мартина, у которого поведение учителя вызвало недоумение и даже возмущение, сам Вард был благодарен судьбе за эту отсрочку. Он, как никто другой, мог понять резоны Атан-кея, ведь это именно ему предстояло круто изменить свою жизнь. Разумеется, какое-то время после воскрешения Вард сильно мучился из-за потери памяти, остро ощущал свою ущербность и искал способ вернуть забытое прошлое, однако теперь он этого откровенно побаивался. Как повлияет возвращение памяти на его личность, заранее предсказать было невозможно, и если б ни нужда, Вард, наверное, отказался бы от сего непредсказуемого эксперимен-

та.

Когда в разговоре с Джаретом он самоуверенно философствовал о превосходстве воли над predeterminedностью прошлого, то вовсе не пытался пустить пыль в глаза своему собеседнику, Вард действительно создал себя заново, опираясь лишь на внутреннее чутьё. Рождение этого нового человека проходило, как и положено, в муках, зато без навязчивого вмешательства установок детства и юности, когда личность формируется под воздействием ближайшего окружения без критической оценки со стороны самой личности. На этот раз всё было иначе, зрелый ум жёстко отсекал все сомнительные догмы и выбирал лишь то, с чем был безусловно согласен. Вард словно писал автопортрет, и тот образ, который проявился на его холсте, был ему дорог.

К сожалению, никаких гарантий на то, что его новая личность сохранится после возвращения старой, не смог бы дать даже самый проникательный провидец. Итак, на одной чаше весов лежал результат двенадцати лет внутренней работы над собой, можно сказать, идентичность Варда, а на другой – всего лишь безопасность незнакомки, о которой тот практически ничего не знал и о существовании которой почти забыл, когда оказался во власти приворотного морока. Так отчего же вторая чаша камнем рухнула вниз, перевесив любые рациональные доводы рассудка?

Это выглядело полным абсурдом, но только не для Варда. Какие бы новые жизненные цели ни подкидывала ему судь-

ба, коренным, как бы исходным смыслом самого его существования оставалась эта женщина, которая словно ангел появлялась в его жизни в самые критические моменты. Это её воскрешающий поцелуй вырвал бессмертного из глубокой комы, и прикосновение её губ Вард ещё долго ощущал после пробуждения. Это она своими ангельскими крыльями разрушила наведённое хитрой ведьмой заклятие, не позволив своему подопечному согнуться в любовно оборудованной для него пропасти.

Эта женщина была тем единственным воспоминанием, которое с барского плеча оставила Варду злодейка судьба, отняв даже память о нём самом. Разве мог он колебаться, когда пришлось выбирать между своей жизнью и жизнью своего ангела-хранителя? Да у Варда даже мысли не возникло о том, чтобы отступить. И всё-таки, когда наступил роковой момент, ему сделалось не по себе, ведь он не знал, кем очнётся, когда память вернётся к своему хозяину.

Присутствие в доме постороннего Вард учуял, как только открыл калитку палисадника. Его, конечно, удивило, что Атан-кей явился один, без своего ученика, но особо не насторожило. Мало ли, какие резоны могли иметься у Творца для того, чтобы избавить Мартина от встречи с непредсказуемой личностью, в которую мог превратиться его отец. Наверное, будь у Варда выбор, он бы и сам предпочёл пройти через процедуру восстановления памяти без свидетелей. Поднимаясь по лестнице в кухню, он на всякий случай пере-

двинул кобуру поближе к правой руке, хотя и понимал, что против Творца пуля бессильна, просто сработала привычка быть наготове в любой ситуации.

Открывшаяся его взору мирная картинка заставила бессмертного покраснеть от стыда за свою недоверчивость. Гость сидел за столом и с любопытством разглядывал обстановку, прихлёбывая чай из любимой кружки хозяина и излучая при этом добродушие на всех доступных эмпату диапазонах восприятия. Выглядел он действительно немного моложе самого Варда, как и описывал своего учителя Мартин, однако внешность Творца бессмертного ничуть не обманула, он сразу почувствовал, что имеет дело с очень старой, можно даже сказать, древней личностью.

– Приветствую, Атан-кей,– Вард вежливо поклонился,– добро пожаловать в мой дом.

Гость заметно смутился, видимо, до него дошло, что вламываться в чужое жилище неэтично, даже если ты Творец и явился на призыв о помощи.

– Значит, ты меня ждал,– с напускным удивлением прокомментировал гость.

– Я верил, что в конце концов ты согласишься помочь мне вернуть мои воспоминания,– Вард не стал обращать внимание на его безыскусную игру, в конце концов, у волшебников свои причуды,– хотя Мартин и говорил, что ты колеблешься.

– Память о прошлом – не обязательно благо,– назидательно провозгласил волшебник,– кому-то она может принести

боль и страдания.

– Соглашусь, – Вард покладисто кивнул, – но ты же знаешь, что для меня это не блажь. Я должен вспомнить одну женщину, это поможет мне её отыскать.

– Хорошо, не будем терять времени, – гость поднялся из-за стола и величественным жестом указал клиенту на свой стул. – Садись и расслабься, дай мне тебя обследовать.

Вард доверчиво примостил свой зад на стуле и спокойно позволил заботливому доктору подойти к себе со спины. Эх, знал бы он, кому столь легкомысленно доверил свою жизнь, так уже был бы за милю от своего дома и не сбавлял бы хода до тех пор, пока ни выбился бы из сил. А ведь Ксантипа даже с своих самых сладких фантазиях не мог представить, что ему так легко удастся справиться с бессмертным. Он предвкушал долгий тяжёлый разговор, ожесточённую торговлю и на крайний случай – вооружённый захват пленника. На тот самый случай в соседней комнате прятался Джарет, который, чтобы не выдать своего присутствия, заблокировал эманации своего астрального тела в ноль.

Магистру тоже пришлось изолировать сознание своего носителя, чтобы не вызвать у бессмертного ненужных подозрений на предмет присутствия в доме лишних людей. В целом, подготовка к этому визиту была проведена нехилая, и единственным бонусом оказалась та лёгкость, с которой Джарету на этот раз удалось обнаружить нужный дом в Каламуте. Откуда ему было знать, что это была вовсе не сле-

пая удача, а вполне закономерное следствие бегства Нарьяны из жилища Варда. Больше некому стало отводить глаза опасным посетителям, и дом остался без магической защиты.

Сделав несколько театральных пассов руками и убедившись, что жертва действительно ничего не подозревает, Ксантипа положил правую ладонь на затылок Варда и одним мощным энергетическим ударом пробил заблокированный канал к хранилищу его памяти. Для пациента подобной живодёрской операции это было сродни удару молнии. Вард почувствовал резкую боль, а потом в его голову хлынул поток информации, который тут же и утянул сознание бедняги в пучину беспомыслия.

– Ну как, сработало? – услышав грохот падающего тела, Джарет вынырнул из двери в спальню и склонился над бесчувственным пациентом.

– Наручники, – грубо прервал его созерцание Ксантипа, – он долго не проваляется в отключке.

Джарет не стал спорить, он сковал руки Варда за спиной и забрал у того всё имевшееся в наличии оружие. Взвалив тело пленника на плечо, он повернулся к Ксантипе.

– А Вы здорово рисковали, – бессмертный одобрительно ухмыльнулся. – Как же так случилось, что он Вам сразу доверился?

– Сам не понимаю, – буркнул Ксантипа, – но дарёному коню в зубы не смотрят. Идём отсюда, – он ухватил своего телохранителя за плечо, и все три фигуры растворились в воз-

духе.

Как и предсказывал Ксантипа, Семён очнулся буквально через пару минут. Открыв глаза, он ожидал увидеть кухонный потолок, но его взгляд упёрся в бескрайний небесный простор. Правда, небо было каким-то неправильным, белёсым и в то же время прозрачным, а ещё в нём не было солнца, только высоко в пустоте непрекращающимся хороводом кружила большая стая чёрных птиц. Внезапно обзор загородило мужское лицо, в котором Семён тут же узнал давешнего волшебника, и только в этот момент понял, что снова стал собой, его память вернулась.

– Порядок,– уверенно произнёс волшебник,– думаю, всё получилось.

– Спасибо,– с чувством произнёс Семён и попытался протянуть руку благодетелю, но не смог, потому что его запястья оказались скованы за спиной наручниками. – Зачем это? – удивился он, но, приподняв голову, наткнулся взглядом на стоявшего рядом Джарета и всё понял. – Ты вовсе не Атанкей,– пленник горько усмехнулся,– ты Ксантипа, только в новом теле. Не ожидал, что Джарет меня сдаст, я ему даже поверил.

– Джарет служит Ордену и мне,– Магистр самодовольно усмехнулся,– это он предложил устроить ловушку в твоём доме. Но если честно, я не ожидал, что ты с такой лёгкостью в неё попадёшься. Ты принял меня за Атанкея, не так ли?

– Да уж, Магистра я точно не ждал в гости,– подтвердил

его догадку Семён.

– Каждый может проколоться,– Джарет подошёл к пленнику и нагнулся, чтобы помочь ему встать на ноги.

– Сам справлюсь,– пробурчал Семён и действительно легко поднялся. – Не скажу, что рад тебя видеть, Ксантипа,– он демонстративно отвернулся от Джарета,– но всё равно спасибо.

– Вспомнил что-то важное? – съязвил Магистр.

– Самое важное,– Семён и не подумал принять его шуточный тон,– я вспомнил Киру. Оказывается, это она была моим ангелом и единственным воспоминанием из прошлой жизни. Страшно подумать, как она жила без меня все эти двенадцать лет.

– Считаешь, она должна была зачахнуть от тоски по тебе? – Джарет бросил осуждающий взгляд на своего более удачливого соперника. – Что ж, можешь радоваться, бедная женщина хранила тебе верность, хотя и считала тебя мёртвым. Зато сам ты даром времени не терял, успел обзавестись новой женой.

– И не напоминай,– сразу смутился Семён,– чёрт меня дёрнул помогать ведьме. Нужно было сразу гнать её в три шеи, а я приютил эту подлую тварь в своём доме. Вот и нарвался на любовный приворот в качестве благодарности.

– Да, я заметил остатки приворота,– Ксантипа решил вставить в дискуссию свои пять копеек,– сделано было очень профессионально, похоже, ты попался в руки знающей ведь-

ме. Всё, хватит разводить церемонии,— подвёл черту прелюдии Магистр,— полагаю, у тебя нет иллюзий насчёт твоей участи, Сэм.

— Никаких,— Семён устало прикрыл глаза,— хотя странно, что мы тут беседуем посреди какой-то степи, а не в орденском подвале.

— Это портал в кабинет Магистра,— пояснил Ксантипа. — Уж прости меня за отсутствие гостеприимства, но я не рискну запускать в распоряжение Ордена бессмертного без установок подчинения, даже в пыточный подвал. Так что умереть тебе придётся именно здесь. Надеюсь, в благодарность за восстановление памяти ты не откажешься поделиться со мной воспоминаниями о последних днях моего коллеги? Как умер Медина?

— Его сожрал снук,— с готовностью ответил Семён. От такого заявления Ксантипа буквально потерял дар речи, а Джарет даже не удержался от ехидного смешка, настолько потешным был вид ошарашенного Магистра. — Это была не моя гениальная идея, если что,— пояснил Семён, наблюдая на немой сцене.

— Откуда ты вообще знаешь про снука? — у Ксантипы наконец прорезался голос.

— А у нас с твоим коллегой установились близкие и доверительные отношения,— взгляд Семёна при этих словах отчего-то сделался тяжёлым как пушечное ядро. — Я многое о вас знаю, уроды, например, чем вы тут занимаетесь на самом

деле.

– Я не понимаю, как обыкновенный человек, пусть даже со способностями бессмертного, смог заставить Магистра откровенничать, – голос Ксантипы явственно дрожал, выдавая его напряжение, близкое к панике.

– Заставить? – Семён весело расхохотался. – Да Медину было не заткнуть. Когда он всё понял, ему, видимо, захотелось, чтобы хреново сделалось не только одному придурочному Магистру, а ещё и его носителю.

– Что он понял? – Ксантипа уже едва сдерживался, чтобы ни броситься с кулаками на неторопливого рассказчика. – Что ты с ним сделал? Внушил какую-то мерзость?

– Была нужда, – презрительно фыркнул Семён, – мерзости в вас и без меня хватает, я просто стал для Медины зеркалом. Про слияние сознаний слышал?

– Слияние сознаний, – Магистр потерянно закрыл глаза и опустил голову, но тут же словно взорвался. – Да как ты посмел проделать этот трюк с высшим сознанием?!

– Ага, Медина поначалу тоже так считал, – спокойно парировал Семён. – Хозяин реальности, божественная сущность, всемогущий правитель – что вы там ещё про себя напридумывали? А оказалось, что вы просто жалкие детальки машины по откачке жизненной энергии из моего мира. Ты ничем не лучше и не важнее своего снука, Магистр. Он даже не твой, это всё равно, что утверждать, будто болт владеет гайкой, которая на него накручена.

– Заткнись! – Ксантипа не выдержал сыпавшихся на него оскорблений. – Меня не интересуют фантазии бестолкового дилетанта. Говори по существу, как ты затащил Медину в его же снука.

– Я его затащил?! – столь искреннее возмущение вряд ли можно было просто сыграть. – Это он меня туда затащил, чёртов самоубийца, причём подлым обманом и манипуляциями.

– Самоубийца... – у Ксантипы от подобных обвинений едва глаза ни вылезли из орбит. – Ты хочешь сказать, что Медина сам себя уничтожил?

– Знаешь ли, не каждый способен смириться с тем, что является неодушевлённой деталью машины, – принялся философствовать Семён. – У твоего коллеги оказалась хрупкая и ранимая психика. Да, я помог ему уйти, о чём, кстати, ничуть не жалею. Чем меньше в нашем мире паразитов, тем легче тут дышится.

– Зачем же тогда ты принялся восстанавливать распавшийся Орден? – встрял со своим любопытством Джарет.

– Это была вынужденная мера, – Семён повернулся к бессмертному и кивком похвалил того за правильный вопрос. – Мы с Мартином просто хотели остановить бойню, которую ты с лёгкой руки Ксантипы развязал в той реальности. Загонщики приняли носителя за Магистра, и этим следовало воспользоваться. Но ведь сила Магистра не во внешности, а в том могуществе, которое представлял Орден, вот и при-

шлось его восстанавливать. Извини, если порушил твою игру.

– Без снука существование Ордена бессмысленно,– презрительно бросил Ксантипа,– а если верить твоим словам, способ, который выбрал Медина, должен был уничтожить не только его самого, но и снука.

– На самом деле сама идея Ордена не так уж плоха,– Семён мечтательно улыбнулся,– если, конечно, воплощать не хотелки паразитов о бесплатной жрачке, а то, что вы дули нам на уши. Орден, который мы возрождаем вместе с оставшимися бессмертными, действительно защищает мирных людей от агрессоров, но в остальные их дела не суётся. Это правда работает, Джарет, мы постепенно становимся частью сообщества, нас перестали бояться, по крайней мере, нормальные обыватели.

– Эта пастораль будет длиться ровно до тех пор, пока во главе Ордена будут стоять бессмертные,– презрительно скривился Ксантипа. – У нормальных людей отсутствует это ваше маниакальное желание сделать всех счастливыми. Стоит обыкновенному человеку заполучить неограниченную власть, как он превращается в вульгарного бандита.

– Значит, я не ошибся, отдав управление в руки бессмертных,– Семён удовлетворённо улыбнулся.

– Беда в том, что бессмертные на самом деле смертны,– съязвил Ксантипа. – Но ты отлично постарался, Сэм, через несколько лет, когда во главе твоего псевдо-Ордена вста-

нут обычные люди, настоящий Орден перехватит там управление. Вот тогда и поговорим об истинном возрождении. Жаль, что ты этого уже не увидишь.

– Обломись,– Семён нахально осклабился,– вся эта затея пока что держится исключительно на мне. Не будет Магистра, не станет и Ордена.

– Ну и славно,– тут же пошёл на попятную Ксантипа. – Зачем нужен Орден в реальности, где нет снука? И всё же я не понимаю, почему снук тебя выпустил, но при этом развоплотил своего хозяина.

– А я свободный человек,– Семён горделиво выпрямился,– это в отличие от Магистра, если ты не понял. Эта ваша каннибальская машинка не запрограммирована, чтобы уничтожать свободные сознания.

– Но память при этом ты всё же потерял,– констатировал Ксантипа,– значит, энергии из тебя снук вытянул основательно. Доступ к памяти отключается только тогда, когда ресурсов организма уже не хватает даже на поддержание фонового кровообращения.

– Снук тут ни при чём,– Семён явно смутился и опустил взгляд,– это я сам облажался, а он просто воспользовался ситуацией. Всё-таки Медина был той ещё тварью, наплёл мне, что Кира умерла, чтобы у меня не было причин жить дальше, вот я и повёлся на его уговоры. Но когда он понял, что я действительно собрался разделить его участь, то отчего-то раскаялся и признался в своём вранье. Ну я и вспылел. Навер-

ное, нутро снука было не самым подходящим местом, чтобы выплёскивать свои эмоции.

– Странно, что ты вообще выжил, – покачал головой Ксантипа, – ведь для того, чтобы проникнуть в снука, твоё эфирное тело должно было покинуть физическое.

– Да, пришлось умереть, – согласился Семён, – но бессмертные умеют обходиться без дыхания и сердцебиения часами, главное, чтобы сознание надолго не отключалось. Впрочем, в моём случае могло и не сработать. Похоже, я провалялся в коме довольно долго, пылищи на мне было столько, словно я в ней купался. Наверное, я бы всё-таки умер в том склепе, но меня спас ангел. Теперь-то я знаю, что это Кира поцеловала спящую красавицу и вытащила меня из небытия. Это её я видел на кладбище и принял за ангела, потому что она растаяла прямо в воздухе.

– Очень романтично, – ехидное замечание Ксантипы мгновенно разбило очарование, навеянное рассказом Семёна, – но меня твои посмертные глюки не особо интересуют. Лучше ответь, почему все бессмертные в той реальности оказались свободными после смерти Медины. Мне сложно даже представить такое стечение обстоятельств, которое заставило бы Магистра собственноручно деактивировать установки подчинения, даже если бы ему взбрело в голову покончить с собой.

– Таково было моё условие, – покаялся Семён. – Медине нужна была моя помощь, чтобы добраться до снука, и он со-

гласился.

– Предатель,– Ксантипа выплюнул это слово – как грязное ругательство. – Тебе-то это зачем понадобилось?

– Тому, кто сам является всего лишь орудием чужой воли, кажется нормальным превращать в такие же орудия свободных людей,– в голосе Семёна прозвучало искреннее отвращение к Магистру и всему его Ордену. – Это было бы мерзко даже в том случае, если бы все ваши сказки про Орден оказались правдой, а уж принуждать бессмертных помогать вам гнобить целый мир – это, знаешь ли, уже за гранью добра и зла.

– Благодушная чушь! – Магистр нервно махнул рукой. – Бессмертным было важно, чтобы их совесть оставалась чистой, а без установок подчинения этого было не достичь. Много бы ты сам навоевал, если бы каждый раз размышлял над нравственностью своих поступков?

– Люди должны жить по совести,– голос Семёна прозвучал уверенно, было видно, что свою уверенность он выстрадал. – Да, сначала многим бессмертным было трудно, они слишком привыкли к безответственности, но они всё равно остались людьми. Не думаю, что какая-то шестерёнка способна это понять. Хватит разговоров, Ксантипа, ты уже выяснил всё, что хотел, а мне противно находиться рядом с тобой. Давай, приводи свой приговор в исполнение, ты же для этого притащил с собой бессмертного.

– А приговор уже вступил в силу,– на губах Ксантипы

заиграла злорадная улыбочка,— из портала без моего разрешения никому не выбраться, даже Мастеру. Ты останешься здесь и будешь медленно умирать от жажды, потому что слишком горд, чтобы покончить с собой. Сними с него наручники, Джарет, пусть напоследок насладится своей свободой.

Через минуту Семён остался в одиночестве, и единственным его собеседником теперь был холодный ветер, издававший заунывный вой, проносясь над колышущимся морем травы. Чёрных птиц, маячивших в блёклом небе, вряд ли можно было счесть за полноценных участников беседы, уж больно они были молчаливы. Оказавшись по собственной глупости в руках Ксантипы, Семён сразу решил, что жить ему осталось считанные минуты, ну в худшем случае — часы, если Магистру приспичит помучить своего пленника перед тем, как убить, однако он ошибся. Организм бессмертного мог много дней поддерживать своё существование в рефлексорном режиме, так что любоваться этим унылым пейзажем Семёну предстояло ещё очень долго.

Глава 26

Было уже далеко за полночь, а свет в кухонном окне всё горел. Нарьяна терпеливо ждала, не решаясь войти в дом, пока его обитатели не отправились на боковую. Нет, она вовсе не собиралась снова попытаться подчинить себе Варда, после разоблачения единственным её желанием было оказаться как можно дальше от этого дома. От одного лишь воспоминания об ужасном ангеле возмездия, которым обернулся такой с виду безобидный мальчишка, стоило ей только высказать угрозу в адрес его так называемого отца, у Нарьяны от страха сводило все внутренности. Уж чего-чего, а столкнуться с гневом своего тёмного господина, пусть даже в образе его посланника, бедной ведьме не хотелось, хоть режь.

Её решение проникнуть в дом было продиктовано не капризом, а насущной необходимостью. Унося ноги из опасного места, Нарьяна совершенно позабыла про лежавший в луже воды амулет, в котором была заключена Тень. Несмотря на своё показное презрение к магическому двойнику, ведьма даже мысли не допускала о том, чтобы расстаться с частью своей души. На самом деле эта водяная трусиха и зануда была ей дороже всего на свете, только Нарьяна не желала себе в этом признаться. Однако, как только речь зашла о возможной потере Тени, она без колебаний отправилась в диверсионный рейд, чтобы выручить из плена свою светлую

половинку.

Эта спасательная операция уже сама по себе была довольно стрёмной, ведь Вард обладал незаурядными эмпатическими способностями и мог засечь диверсантку даже во сне, так вдобавок ко всему обитатели дома так некстати вздумали полуночничать. К счастью, ведьме не пришлось торчать всю ночь под забором, дожидаясь удобного момента для проникновения, поскольку обитатели соседнего дома куда-то уехали, и Нарьяна обустроила свой наблюдательный пункт со всеми удобствами в мягком кресле у окна пустующего строения. Вроде бы наблюдательница прикрыла глаза всего на секунду, но усталость и нервное напряжение сделали своё дело, погрузив её в сон.

Сновидение было странным и пугающим. Нарьяна оказалась на равнине, поросшей густой высокой травой. Травяное море казалось бесконечным и выглядело довольно уныло, в особенности, когда откуда-то налетел ветер и принялся пригибать гибкие стебли к самой земле. Даже во сне женщина ощутила озноб от холодного прикосновения мощного воздушного потока. Нарьяна побрела вперёд, раздвигая траву руками, и вскоре наткнулась на вытоптаный участок, посреди которого скорчившись лежал Вард. Она со всех ног бросилась к своему бывшему возлюбленному и принялась его тормозить. Вард с трудом разомкнул веки, и его глаза тут же засияли как два огонька.

– Кира,– едва слышно прошептал он,– ты пришла.

– Я тебя спасу,– услышала Нарьяна незнакомый женский голос и проснулась.

Она бросила взгляд в окно и злобно прищурилась, огонь на кухне всё ещё горел, хотя небо на востоке уже начало явно светлеть. Дольше ждать было бессмысленно, в конце концов, Вард мог просто забыть погасить лампу. Умывшись и приведя себя в порядок, Нарьяна выскользнула на улицу и без каких-либо приключений проникла в прихожую своего бывшего дома. Кладовка, превращённая ведьмой в колдовское логово, находилась наверху и примыкала к кухне, так что ей по любому нужно было пересечь освещённое пространство. Прежде чем подниматься по лестнице, Нарьяна прислушалась, но не уловила ни единого звука. Если кто-то и находился на кухне, то он, скорей всего, спал.

– Я только заберу амулет,– подбодрила себя ведьма,– он не имеет права мне это запретить.

Тихо поднявшись по ступенькам, она притаилась за косяком кухонной двери и заглянула внутрь. На кухне никого не было, и это вызвало у Нарьяны приступ бешенства. Оказывается, она напрасно проторчала в засаде всю ночь. Наверное, именно из-за своего дурного настроения она не сразу обратила внимание на некоторые странности в обстановке кухни. Только на обратном пути, благополучно добыв свой амулет, ведьма заметила опрокинутый стул, осколки чашки около стола и залитый чаем пол.

– Это уже не моё дело,– пробурчала она себе под нос и

направилась на выход.

Однако, взявшись за ручку двери, Нарьяна остановилась и, грубо выругавшись, полезла обратно. Обойдя весь дом, она не обнаружила никого из его обитателей. Ни Вард, ни Мартин, похоже, дома не ночевали. В купе с беспорядком на кухне и горящим всю ночь светом это могло означать только одно – нападение. Станный сон тут же всплыл в памяти Нарьяны, однозначно указывая на то, что жертвой нападения стал Вард. Но кто же посмел напасть на бессмертного? И главное, у кого могло хватить умения и сноровки, чтобы его одолеть?

– Нет, тут без предательства точно не обошлось, – злобно прошипела ведьма. – Это сделал Мартин. Только этот гадёныш был на такое способен, ведь Вард ему доверял больше, чем самому себе. Ну почему я его раньше не предупредила о посланнике тьмы?

Нарьяна всхлипнула и без сил опустилась на грязный пол. Она и так уже еле держалась, схлопотав ответку за рассыпавшийся приворот. Тень опять оказалась права, Семёна защитил его ангелочек, а высвободившаяся энергия обрушилась на голову несчастной ведьмы. Несведущий человек, получив подобный удар, уже давно бы свёл счёты с жизнью, но Нарьяна знала, что негативная энергетика со временем рассеется, и хватка чёрной тоски ослабнет. Увы, знание магических процессов помогало лишь отчасти, и Нарьяне, чтобы держать эмоциональный фон под контролем, постоянно прихо-

дилось напоминать себе об источнике своих депрессивных, а порой откровенно суицидальных мыслей.

Новый удар, обрушившийся на её голову, оказался той самой соломинкой, что переломила спину верблюду. Раскаianie и страх за любимого человека буквально порвали душу неприкаянной ведьмы на мелкие ошмётки. Возможно, в иных обстоятельствах форс мажор мог бы стать для погрязшего в депрессии сознания неплохим стимулом, чтобы хоть ненадолго вынырнуть из омута беспросветной тоски, но не сейчас. Если бы Нарьяна только представляла, где сейчас находится Вард, она без сомнения и колебаний ринулась бы ему на выручку, её даже не удержал бы страх перед посланником тьмы. К сожалению, видение, посетившее ведьму этой ночью, не давало никаких значимых ориентиров, а потому только наполнило её чувством безысходности.

Та пронизанная холодным ветром равнина, на которой сейчас умирал её любимый мужчина, могла находиться где угодно. И всё же Нарьяну не оставляло интуитивное ощущение, что в видении содержалась подсказка, и она принялась снова и снова прокручивать в памяти свой сон пока наконец ни поняла, что её насторожило. В абсолютно прозрачном, без единого облачка небе не было солнца.

– Это место находится за гранью обычной реальности, – ошарашенно пролепетала ведьма, – мне туда ни за что не добраться. Оно принадлежит тьме, и только её посланник имеет туда доступ.

Мысли Нарьяны тут же переключились на Мартина, истинный облик которого она имела несчастье наблюдать днём ранее. А ведь как талантливо прикидывался невинной овечкой, даже опытную ведьму заставил поверить в свои благие намерения. Впрочем, благие намерения самой Нарьяны раскрыть Варду сущность приبلудившегося пацана тоже остались нереализованными и вполне закономерно привели к катастрофе.

– Это случилось по моей вине,– пробормотала кающаяся грешница,– и я должна заплатить за свой грех. Если Вард должен погибнуть, то и мне не жить. Тот, кто своим бездействием и колдовством обрёл любимого человека на мучительную смерть, не достоин жизни.

С решимостью обречённой Нарьяна поднялась на ноги и направилась в кладовку, где хранила ингредиенты для колдовских чар. Порывшись в своих запасах, она выудила флакончик тёмного стекла и несколько мешочков с какими-то травками. Приготовление отравы заняло около получаса, и вскоре самоубийца уже держала в руках стакан со зловещего вида бордовой жидкостью. Стараясь не задумываться о том, что собиралась сделать, она деловито прошла в их с Вардом спальню и улеглась на кровать поверх покрывала.

– Вот тут меня и найдут,– горькая усмешка коснулась побледневших губ отчаянной ведьмы,– пусть думают, что я отравилась от несчастной любви. Очень романтично: хозяин сгинул, а его любовница наложила на себя руки от тоски,–

Нарьяна с отвращением посмотрела на отраву и неожиданно для себя самой швырнула стакан об стенку. – Нет, одна я не уйду, – заявила она тёмной кляксе, стекающей по стене на пол, – эта стерва тоже виновна. Это из-за неё Вард меня прогнал и лишился моей защиты. Если бы я была рядом, тёмный не посмел бы напасть.

Ведьма вернулась на кухню и достала с полки большую супницу. Налив в неё воды, она поставила импровизированную колдовскую чашу на стол и погрузила в воду серебряный амулет. Через минуту Нарьяна уже вглядывалась в бледное личико водяной девы.

– О боже, я уже решила, что это существо тебя убило, – сразу закудаhtала Тень. – Ты права, в нём столько тёмной силы. Варда нужно спасать.

– Поздно, – Нарьяна до боли прикусила губу, – я опоздала.

– Он убил твоего мужчину? – охнула Тень, инстинктивно зажмурившись.

– Пока нет, но эта тварь его уволокла в какое-то гиблое место, – ведьма нахмурилась, пытаясь больше не думать о своём видении. – Забудь о Варде, мне его не спасти, – отрезала она, – лучше помоги мне найти ту тётку, из-за которой всё это случилось.

– Ты думаешь, она виновна в похищении? – вскинулась Тень. – Почему ты так решила?

– Она виновна в самом своём существовании, – ведьма яростно зашипела, словно вдруг обернулась ядовитой зме-

ёй. – Найди, где она прячется.

– Что ты задумала, Нарьяна? – водяная дева испуганно захлопала ресницами. – Ещё одно злодейство? Разве мало тебе ответки за приворот, захотелось добавки?

– Я сама решу, как мне расплачиваться за свои грехи, – отрезала ведьма, – твои советы мне не требуются.

– Нарьяна, не пугай меня, – всполошилась водная дева, – ты же не собираешься наложить на себя руки?

– Будет справедливо, если мы обе умрём в один день с Вардом, – Нарьяна с жалостью посмотрела на своего магического двойника. – Помнишь, ты меня об этом предупреждала? Вот и сбылось.

– Не бросай меня, умоляю! – личико в водяной глади искажилось от ужаса.

– Вот только не нужно опять заводить свою шарманку, – огрызнулась ведьма, – мне нечего тебе предложить.

– Если ты решила умереть, возьми меня с собой, – в глазах Тени вспыхнула мольба. – Чего тебе терять?

– Соединение с тобой не изменит моего решения, – наверное, впервые Нарьяна взглянула на Тень с интересом и без презрительной усмешки, – но ты права, лучше нам уйти вместе.

Ритуал соединения был довольно замысловатым и потребовал длительных приготовлений. Когда душа ведьмы наконец сделалась цельной, солнце уже вовсю сияло на небосводе. Нарьяна поднялась с пола, где она лежала во время ри-

туала, и подошла к окну. Город давно проснулся, но улочка, на которой стоял дом Варда, находилась на окраине, так что шум деловой активности её не коснулся. Здесь жили в основном зажиточные горожане, которым не нужно было спозаранку отпрапляться на работу, утро начиналось для них без спешки, с ароматного кофе и свежей газеты. Внимание Нарьяны привлёк шум из соседнего дворика, там какая-то милая девчушка игралась с большой белой собакой. Чуть дальше женщина в полупрозрачном пеньюаре собирала в корзинку персики, наверное, к завтраку.

– Почему я раньше никогда не обращала внимания на соседей? – удивилась Нарьяна. – Надо же, какой смешной пёс.

Она вдруг почувствовала, что тоже хочет персика и, недолго думая, спустилась к женщине в пеньюаре. Только вонзив зубки в сладкую сочную мякоть, Нарьяна с удивлением поняла, что впервые заговорила с кем-то из горожан, и это вышло у неё так естественно, словно они с этой фруктовой дамочкой были подружками.

– Да что это со мной? – возмутилась ведьма. – Какие, к чёрту, персики? – она с недоумением огляделась и только тут поняла, что даже думать о смерти ей не хочется, а уж приводить в исполнение свой суицидальный план тем более. – Это всё Тень, её шуточки, – догадалась Нарьяна. Нет, поддаваться на эти дилетантские трюки ведьма не собиралась. Если Тень рассчитывала, что позитивный настрой способен изменить её планы, то она сильно просчиталась. – Прикончу эту кра-

лю в хорошем настроении,— заявила Нарьяна надкушенному персику,— а потом сведу счёты с этой паскудной жизнью.

Сборы были недолгими, бóльшую часть времени заняло приготовление новой порции яда на две персоны. Место обитания разлучницы Тень показала весьма приблизительно, сославшись на то, что ей мешает какой-то непонятный экран, но Нарьяне и этих сведений было более, чем достаточно, подробности можно было легко узнать у тамошних жителей. Одна беда, эта дамочка забралась в такую глушь, что путь туда должен был занять не меньше двух дней, и то если повезёт. Большинство дорог всё ещё контролировалось бандитскими кланами, но не это беспокоило Нарьяну. Она не сомневалась, что справится с вооружёнными придурками, а вот собственное душевное состояние вызывало у неё серьёзные опасения.

Чем больше времени проходило с момента ритуала соединения, тем всё более очевидными делались изменения в её самоидентификации. Эти изменения касались буквально всего, Нарьяна стала иначе воспринимать окружающий мир, иначе чувствовать и даже думать. Не мудрено, что она начала опасаться за свою решимость совершить задуманное. А вдруг у неё не хватит духу убить незнакомую женщину? Или, убив её, она не найдёт в себе смелости проглотить отраву? И только тут до Нарьяны дошло, что в своих мыслях она уже похоронила не только себя и разлучницу, но в добавок ещё и Варда, хотя в видении он был ещё живой.

— Я же не о том думаю,— ведьма до боли сжала кулаки. —

Он ждёт помощи, и я даже обещала его спасти. Или это была не я?

Нарьяна зажмурилась, пытаясь припомнить подробности сна, и вынуждена была признать, что голос в видении, обещавший спасение Варду, ей не принадлежал. Однако голос точно был женский, и умирающий мужчина даже назвал эту женщину по имени, то есть узнал.

– Почему он раньше никогда не упоминал о своей знакомой по имени Кира? – задалась естественным вопросом ведьма. – Ну конечно, амнезия. Вард просто её забыл, а в видении вдруг вспомнил. Значит, кто-то вернул ему память, и тут точно не обошлось без тёмного властелина. Но кто же сможет противостоять столь могущественной силе?

У Нарьяны от бессилия из глаз брызнули слёзы. Не в силах сопротивляться накрывшей её волне отчаяния, она уткнулась лицом в сложенные руки и зарыдала так горько и самоабвенно, как умеют плакать только дети, искренне верящие в то, что на всём белом свете нет большей беды, чем их мелкие обидки. Однако спустя буквально пару минут до ведьмы дошло, что её реакция не просто неадекватна, а прямо-таки абсурдна. Конечно, можно было бы списать этот приступ жалости к себе на последствия отправки от привороты, однако в голове Нарьяны созрела иная, более вменяемая версия.

– Чёртова Тень, – она утёрла слёзы и решительно поднялась на ноги, – только и умеешь, что страдать и жаловаться. Никакой от тебя пользы.

Ровно в апогее сей обличительной речи, Нарьяна вдруг замолкла с раскрытым ртом, потому что получила-таки привет от своей светлой половинки. Сила, способная потягаться с тёмным властелином несомненно имелась, причём совсем недавно ведьма была свидетельницей её могущества, когда одно лишь мимолётное явление ангела походя разрушило её мощное заклятие.

– Варда спасёт только ангел,– ошарашенно прошептала Нарьяна,– я должна её найти.

Забыв про свои приготовления, она сорвалась с места и буквально скатилась по ступенькам лестницы. Неизвестно, как спасательница собиралась преодолеть на своих двоих долгий путь до ангельского жилища, но тут судьба ей улыбнулась во все тридцать два зуба. Вылетев на улицу с такой скоростью, словно использовала не ноги, а ведьмовскую метлу, Нарьяна едва ни снесла стоявшую у забора незнакомую женщину. К счастью, незнакомка вовремя заметила летящий в неё человеческий снаряд и отпрянула в сторону. Ведьма хотела было извиниться и продолжить свой стремительный забег на дальнюю дистанцию, но, подняв глаза на жертву своего непреднамеренного наезда, застыла соляным столбом. И было от чего, ведь этой незнакомкой была та самая дамочка, которой было суждено спасти Варда.

– Простите, я не должна была сюда приходить,– смущённо улыбнулась Кира,– я сейчас же уйду.

– Ну уж нет,– Нарьяна пришла в себя и грубо схватила её

за руку,— ты пойдёшь со мной в дом, ангелочек. Тебя-то мне и нужно.

— Нет, я не готова с ним увидеться,— принялась отнекиваться Кира,— я просто хотела посмотреть на него издаലെка. Поверьте, у меня и в мыслях не было вмешиваться в вашу семейную жизнь, правда,— она ещё что-то лепетала в своё оправдание, но практически не сопротивлялась настойчивым попыткам ведьмы затащить её в дом. Только оказавшись в полутёмной прихожей, Кира наконец смирилась с неизбежным и сама послушно поднялась в кухню вслед за хозяйкой. — Семёна нет дома,— догадалась она, оглядываясь по сторонам,— Вы поэтому меня впустили.

— Кто ты ему? — Нарьяна требовательно зыркнула на свою не то гостью, не то пленницу.

— Семён был моим мужем,— призналась Кира. — Я думала, что он погиб двенадцать лет назад, даже видела его тело в склепе на кладбище,— она судорожно вздохнула, пытаясь справиться с волнением,— а недавно правда открылась.

— И ты решила вернуть себе законного супруга,— ведьма одобрительно хмыкнула,— уважаю.

— Вовсе нет,— принялась оправдываться псевдо вдова,— я бы ни за что не стала рушить вашу семью. Это не вина Семёна, что он меня забыл, просто такая уж у меня судьба. Он имеет право на счастье.

— Так чего ж ты тогда сюда припёрлась? — Нарьяна почувствовала, что начинает распалиться, и усилием воли взяла

себя в руки. Однако на её собеседницу откровенная грубость произвела странное впечатление, она только горько улыбнулась, как бы извиняясь за своё плохое поведение.

– Я думала, что смогу, – в глазах Киры заблестели слёзы, – я ведь как-то держалась двенадцать лет, когда думала, что потеряла его навсегда. Но я оказалась тряпкой, мне этого не выдержать. Знать, что Семён жив, и не иметь возможности к нему даже приблизиться, – голос женщины сорвался на жалобное всхлипывание. – Не понимаю, как он сам продержался целых три года тогда в Алате.

– И что же ты собиралась делать? – Нарьяна даже опешила от потока боли, который обрушился на её голову. – Неужто явилась попрощаться?

– Так будет лучше для всех, – Кира уже успокоилась, смахнула непрошенные слёзы с глаз и решительно посмотрела ведьме в лицо.

– Это ж надо, какое совпадение, – фыркнула Нарьяна, – а я как раз собиралась тебя травануть. Вот, даже яду наварила, – она выудила приготовленный флакончик из дорожной сумки. – Хорошая отравка, между прочим, действует мгновенно. – Кира на автомате потянулась к ядовитому зелью, но ведьма быстренько отдернула руку. – Э нет, этот приз нужно ещё заслужить, сначала ты спасёшь своего бывшего мужа.

– Спасу? – женщина удивлённо захлопала ресницами. – От чего?

– Его похитили тёмные силы, – театральным шёпотом вы-

дала Нарьяна. – Эта тварь из бездны прикинулась его сыном, выгнала меня из дома и утащила Варда в своё логово.

– Ты говоришь о Мартине? – Кира недоверчиво улыбнулась. – Да какой же из него похититель? Он и мухи не обидит. Мой сын – очень добрый мальчик.

– Сын?! – эта новость настолько шокировала ведьму, что она на секунду потеряла дар речи. – Может быть, тебе он и родня, но Варду точно нет.

– Да, Мартин ошибся, – призналась Кира, – и это моя вина, я должна была рассказать ему о его родном отце, но я не могла позволить им встретиться.

– Даже не пытайся запудрить мне мозги, – в глазах Нарьяны сверкнули злобные искорки, – я сразу почуяла в нём тёмную силу. Он очень могущественный колдун.

– Я и не спорю, – тут же согласилась Кира, – Мартин обладает очень серьёзным магическим потенциалом и учится у настоящего Творца реальности. Но твои обвинения построены на предрассудках, он не мог причинить вреда человеку, которого считал своим отцом. Лучше давай разбираться. Что ты на самом деле знаешь?

Когда Нарьяна рассказала про поваленный стул и разбитую чашку, Кира только насмешливо фыркнула. Аргументы в пользу версии похищения были слабоваты. И тогда ведьма решила поведать ей о своём видении. Если честно, она вовсе не надеялась убедить эту скептическую дамочку рассказом о сне, но к собственному удивлению увидела, как осунулось

и побледнело Кирино лицо, когда она начала описывать травяную равнину.

– Ты права,– наконец выдавила из себя потрясённая слушательница,– Семён действительно попал в беду. Но Мартин тут ни при чём, за ним пришёл кое-кто более могущественный и опасный.

– Ты его спасёшь, я знаю,– Нарьяна до боли сжала Кирину руку,– ты так и сказала в моём видении. Ведь тебя зовут Кирой, правда?

– Да, ты видела меня,– пробормотала героиня ведьминого видения,– хотя я и не понимаю, как это работает. Если честно, я не верю во всю эту мистику.

– Да мне плевать, во что ты веришь,– возмутилась ведьма,– главное, вытащи Варда из того гиблого места.

– Прости, но спасти его невозможно,– голова Киры поникла,– та равнина – это ловушка, из неё никому не выбраться. Я бывала в таком месте, только в другой реальности. Если хозяин ловушки пожелает, то ты так и останешься там умирать. Я слишком хорошо знаю этого хозяина, чтобы надеяться на его великодушие. Он приговорил Семёна и не изменит своего решения. А вот на вход ловушка открыта,– глаза Киры засветились, словно в её голове кто-то зажёл свечку, и Нарьяна сразу вспомнила, как её поразил этот сияющий свет, когда Тень впервые показала ей разлучницу.

– Ты же не собираешься сунуться в ловушку? – она с подозрением воззрилась на загадочно улыбающуюся женщину. –

Сколько ты там протянешь без воды?

– Время не имеет значения, – уверенно заявила Кира, – потому что его на самом деле не существует. К тому же я ведь могу захватить с собой бутылку с водой.

– Совсем спятила, – ведьма покрутила пальцем у виска, – да что изменит одна бутылка? Вы всё равно умрёте медленно и мучительно. Лучше уж возьми с собой моё зелье.

– Нет, это слишком сильный соблазн, – Кира решительно помотала головой, – не хочу сокращать отведённый нам срок.

– Дурёха, он же тебя даже не узнает, – от мысли, что Вард наконец встретится со своим ангелом, Нарьяне вдруг сделалось страшно, словно для неё эта встреча означала смертный приговор.

– Двенадцать лет разлуки – это, конечно много, – рассудительно согласилась Кира, – но не настолько, чтобы я изменилась до неузнаваемости.

– У него амнезия, – голос ведьмы сорвался на крик, – он даже себя не помнит.

Некоторое время Кира ошарашенно хлопала ресницами, пытаясь переварить новую вводную, а потом на её губах заиграла странная улыбка. Она была одновременно горькой и радостной. Наверное, именно так могла бы выглядеть реакция на посмертную реабилитацию близкого человека.

– Спасибо, что сказала, – в голосе Киры прозвучала искренняя благодарность, – для меня это важно, но ничего уже не меняет. Пусть Семён меня не помнит, главное, что я его

никогда не забывала.

Её фигура сделалась полупрозрачной и растаяла, а ошарашенная ведьма ещё долго смотрела в пустоту, тиская в потной ладони флакончик с ядом. Наконец её пальцы нащупали горлышко и словно на автомате вытащили пробку.

– Прости, Тень,– пробормотала Нарьяна,– я знаю, как ты любишь жизнь, но от судьбы не уйдёшь.

Реплика искателя

Для того, чтобы подключиться к источнику жизненной силы, одного желания недостаточно, нужно ещё как минимум иметь о нём адекватное представление. Боюсь, просто прочитать умную книжку или послушать знающего лектора будет маловато. Если вы всю жизнь просидели в тёмном подвале, то никакие красочные описания не помогут вам обрести знание о солнечном свете. Наверное, вы даже сможете экстраполировать свои представления, обусловленные наблюдением за тусклой лампочкой или свечой, на величественное сияние небесного светила, но эта экстраполяция будет так же далека от оригинала, как портрет человека от самого человека.

У меня имеется вполне обоснованное предположение, что за время заключения в скорлупе концепта тела люди уже настолько деградировали, что утратили даже само представление о свете как таковом. Ну что может знать о свете слепой от рождения? Слепцу доступны лишь устные легенды, пришедшие от тех, кто когда-то был зрячим, и на основании этих легенд одни слепцы пытаются вести других слепцов к свету. Право, это даже не смешно.

На мой взгляд, вероятность успеха такого парада незрячих настолько низка, что её можно сравнить разве что с чудом. Гораздо более вероятным является сценарий, при ко-

тором мы окажемся на краю пропасти, утратим остатки человечности и превратимся в придаток машины. Киборги, искусственный интеллект, виртуальная реальность – вот наше вероятное будущее. В качестве альтернативы можем просто деградировать до уровня животных. А что нам ещё останется, когда мы больше не сможем оставаться людьми?

Неужели, даже осознавая, что стоим у края пропасти, мы не возьмём себя в руки и не разобьём эту вредоносную скорлупу? Почему освобождение представляется нам таким сложным и пугающим? Трудно поверить, что абсолютно все люди настолько увязли в болоте материальности, что уже не могут отказаться от привычных костылей. Думаю, дело тут вовсе не в потакании своим слабостям, хотя это тоже является значимым фактором, но не основным. Просто разрушение скорлупы будет означать для нас полную трансформацию, после которой мы уже никогда не сможем вернуться в прежнее состояние.

Представьте, какая судьба ждёт семя, когда оно превращается в росток, и вы всё поймёте. Прежняя сущность семени умирает, исчезает навсегда без возможности обернуть процесс трансформации вспять. Многие ли из нас готовы исчезнуть, дав рождение чему-то новому и непонятному? Мечтая о вознесении и просветлении, большинство даже не отдаёт себе отчёта в том, что там, за гранью привычного мира, их личности уже не будет. Просветлять-

ся и возноситься будет какой-то незнакомец, о котором в нашем нынешнем состоянии мы не имеем ни малейшего представления. Конечно, нам хочется верить, что это всё равно будем мы, только лучшие, с дополнительными способностями и возможностями, но в глубине души мы понимаем, что это невозможно.

Только пройдя через самоуничтожение, семя может стать деревом, и это дерево, скорей всего, даже не будет помнить о той крохотной песчинке, которая подарила ему жизнь. Мы готовы к такому самопожертвованию? Хочется верить, что среди нас всё-таки найдутся отдельные отчаянные искатели, которые смогут наперекор всему обнаружить источник жизненной силы и рискнут к нему подключиться. Было бы здорово, если б кому-то этот трюк удался, но боюсь, желающих рискнуть найдутся единицы.

Кстати, для остального мира смысла в таких единичных подключениях тоже немного. Ну что сможет поделат жалкая одинокая лампочка в океане тьмы? Это даже хуже, чем оставаться единственным трезвым в пьяной компании. Наиболее вероятным исходом подобного подвига станет погружение в депрессию и замыкание в себе. Неприколно, правда? Тогда ради чего рисковать собой и бросаться на амбразуру? Наверное, подобные самоотверженные поступки – это что-то из разряда предназначения, дара Создателя, от которого так просто не откажешься. Так что одиноким лампочкам никуда не деться, придётся светить во

тьме и страдать от одиночества.

Конечно, остаётся ещё надежда на вмешательство Создателя. Кстати, у нас даже основание для этого имеется, если принять на веру кое-какие высказывания из апокрифов, например, из евангелия от Иоанна. Там сей благородный муж однозначно утверждает, что Создатель отдал своё творение поиграться любимому ангелочку лишь на время. Неясно, зачем ему это понадобилось, возможно, это был такой воспитательный момент с целью мотивации нерадивого воспитанника к прилежанию. Что ж, очень похоже на то, что урок приближается к завершению, и когда сей двоечник предсказуемо облажается окончательно, не исключено, что Создатель вернёт себе бразды правления.

Как-то не верится, что он тупо выкинет на помойку отработанное и испоганенное наглядное пособие. Даже наши программисты при обнаружении бага в своей программе не станут её стирать. Вместо этого, они постараются обнаружить и исправить ошибку. А уж высшему разуму тем более не пристало разбрасываться плодами своего творчества. Правда, тут имеется один сомнительный момент, а именно закон свободы воли, который является одним из базовых алгоритмов нашего мира. Вряд ли насильственное возвращение людей в эфирное состояние окажется для Создателя приемлемым вариантом воздействия, поскольку оно будет противоречить его же закону. Скорей всего, «вознесению» в лучший мир подвергнутся только те лю-

ди, которые согласятся на это добровольно.

Что ж, нашим одиноким лампочкам можно только позавидовать, они всё-таки получают возделенный приз. А остальные... Давайте сохранять оптимизм, в конце концов, гибель всех проявленных объектов обязательно содержит в себе зародыш новой жизни. Росток нового дня созревает в самом сердце ночи, а жаркое лето произрастает из семени, зародившемся в ледяном холоде зимы. Возможно, что и гибель человечества даст начало новой прекрасной жизни.

Глава 27

Изящная девичья ручка с не слишком чистыми и местами обкусанными ноготками потянулась к лежащему на ладони Мартина сапфировому ожерелью и цапнула блестящие камушки.

– Ой, какие бусики,– завороченно проворковала Ильяра, прикладывая подарок к своей тонкой шейке,– а можешь сделать их розовенькими?

– Могу,– Мартин забрал сапфиры и через пару секунд протянул девушке бусы из розового кварца.

– Марти, ты бы слегка унял свою щедрость,– цинично посоветовал другу Алик,– не ровен час, нашу красотку за эти цапки кто-нибудь прирежет. Не понимаю, какой в них толк, в лесу всё равно некому заценить ювелирку. Птичкам и белкам пофиг из чего сделаны Илькины серёжки, зато в городе знатоки имеются, причём в большом количестве.

– А я не буду их надевать в Каламут,– Ильяра испуганно прикрыла ладошкой горящие на солнце камушки в изящных золотых серьгах,– я только дома, ну и с вами. Марти, а можешь наколдовать мне корзинку ежевики, я обещала папе испечь пирог, а кусты такие колючие.

– Прости, Иля,– великий волшебник сразу смутился,– я пока с живыми объектами не экспериментировал, могу что-то напортачить со вкусом, а то и вообще материализовать

какую-нибудь отраву. Давай лучше мы с Аликом поможем тебе собирать ягоды.

Ильяра недовольно поджала коралловые губки, но всё же удостоила нерадивого ухажёра царственным кивком, после чего вся весёлая троица тут же снялась с места у домика лесника и потянулась к лесному ручью, по берегам которого росли вожделенные заросли ежевики. Наблюдавший эту забавную сценку Джарет не смог удержаться от глумливой усмешки, раболепство Мартина перед наглой девицей его откровенно развеселило. Подобное поведение, скорее уж, пристало Алику, который ничем особым не выделялся в кругу подростков своего возраста, но никак не будущему Творцу. Однако Алик как раз старался держаться с достоинством и не потакать капризам юной прелестницы, а его приятель из кожи вон лез, чтобы заслужить одобрительную улыбку Ильяры.

Как легко догадаться, бессмертный оказался у домика лесника не случайно, он явился, чтобы выполнить вторую часть их сделки с Ксантипой, а именно привести пред светлые очи Магистра его блудного сыночка. Задание Джарету откровенно не нравилось, он и без того испытывал некоторую неловкость после своего участия в поимке Семёна. Но если к фальшивому Магистру он не испытывал никакой симпатии, поскольку своими махинациями с загонщиками тот заслужил смерть, то Мартина ему было почему-то жалко. Парнишка так искренне радовался, что нашёл отца и смог

наконец вырваться из душных объятий орденовской братии, а тут такой облом. Мало того, что его любимому папочке вынесен смертный приговор, так в добавок и самого пацана ждёт безрадостное возвращение под крылышко к иномирному монстру.

И всё-таки Джарет взялся за эту работу, причём не столько потому, что был не в силах сопротивляться установкам подчинения, но в гораздо большей степени ради обещанной в награду свободы. Даже тот факт, что вместе с установками подчинения он лишится заодно и жизни, не мог повлиять на его решимость. Возможно, не у каждого из нас имеется мечта, ради которой мы готовы рискнуть самим своим существованием, но для Джарета с некоторых пор избавление от установок превратилось в эдакую идею-фикс. И если уж ему не суждено было жить без этого ментального поводка, то он хотел хотя бы умереть свободным.

Вычислить местоположение Мартина не составило большого труда. Не застав его в Каламуте, бессмертный уверенно направился к домику лесника, поскольку именно там обитала одна симпатичная молодая особа, к которой в последнее время зачастили два неразлучных приятеля. Джарет, хоть убей, не мог понять, зачем Алик познакомил своего нового друга с девушкой, к которой сам испытывал романтические чувства. Можно было только удивляться простодушию бесхитростного провинциала, который собственными руками обеспечил себе конкуренцию в лице будущего Творца.

Возможно, самоуверенность Алика объяснялась его весьма привлекательной внешностью, он реально выглядел гораздо представительней своего приятеля, который вовсе не отличался высоким ростом и атлетическим телосложением. Не исключено, что Алик даже считал, что на фоне Мартина будет смотреться эдаким богатырём из местного героического фольклора. Увы, тут он здорово просчитался. Даже простушка Ильяра сразу правильно расставила парней в порядке их перспективности в качестве будущего мужа, отдав предпочтение не мужской красоте, а магическим способностям. Впрочем, Алик не жаловался, он и сам восхищался мастерством Мартина, причём совершенно искренне и бескорыстно. Ещё неизвестно, кому бы этот парень отдал предпочтение, случись ему выбирать между дружбой и любовью.

Отправляясь на задание, бессмертный прикинул варианты и пришёл к выводу, что у него имеются всего две возможности захомутать Мартина: либо заставить его подчиниться, задействовав ментальные техники подавления воли, либо рассказать ему всю правду про его так называемого отца. Делиться своими соображениями с Ксантипой о втором варианте Джарет, разумеется, поостерегся, поскольку заранее предвидел массу возражений. А потому демонстративно затребовал в Ордене средство для экстренной трансгрессии, типа, чтобы притащить упрямца силой. О существовании подобного артефакта бессмертный знал уже давно, хотя до сих пор ему не приходилось им пользоваться. Внешний

вид волшебной примочки его даже немного разочаровал, поскольку та ничем не отличалась от медальона бессмертного, разве что руны на серебряном диске были другими.

На самом деле применять к Мартину ментальное воздействие Джарету не хотелось. Он искренне верил, что у пацана хватит сообразительности, чтобы не вступать в прямое столкновение с Орденом. Ну поигрался немного в бунтаря, потешил своё самолюбие, пора и честь знать. Всё-таки Мартин был обязан Магистру буквально всем, что имел, а долги нужно отдавать. Раньше у малолетнего беглеца от ответственности ещё имелась отмазка в лице фальшивого папочки, которому послушный сыночек взялся помогать захватывать власть над миром, но теперь причин задерживаться в этой реальности у Мартина больше не было, поскольку папочке осталось жить от силы несколько дней. Собственно, именно этот аргумент Джарет считал главным в вопросе возвращения блудного Творца.

– Ты правда думал, что я тебя не засеку? – раздался за его спиной насмешливый голос Мартина. – Брось, Джарет, я же будущий Творец, с эмпатией у меня всё в порядке. Кстати, с защитой от ментального нападения тоже, если ты пока не догадался. Давай, колись, чего ты за мной следишь?

Что ж, необходимость выбирать между агрессией и откровенностью отпала сама собой. Похоже, пацан не терял зря времени и успел освоить азы ментальных техник, так что вариант номер один можно было с чистой совестью спустить

в унитаза.

– Просто не хотел отвлекать тебя от ухаживаний за подружкой,— Джарет довольно натурально прикинулся, что во все не разочарован тем, что какой-то молокосос сумел незамеченным подкрасться к бессмертному. – Когда освободишься, дай знать, у меня имеется к тебе послание от Магистра.

– Ты что, вернулся в Орден? – в голосе Мартина удивление смешалось с презрением. – Зачем, Джарет, тебя же сейчас ничего не заставляет подчиняться Магистру? Почему ты не можешь жить сам по себе?

– Ошибаешься, мои установки работают вполне штатно,— Джарет подпустил в свой голос чуток трагизма,— так что у меня нет особого выбора, а вот у тебя он пока имеется. Магистр предлагает тебе вернуться добровольно и обещает, что в таком случае твой побег не будет иметь последствий. Он даже не станет преследовать твою маму.

– Ага, разбежался,— фыркнул Мартин. – Если ты не заметил, у меня теперь новая жизнь, и она мне нравится.

– Нравилась,— Джарет снисходительно усмехнулся. – Ты просто пока не в курсе, что этой твоей жизни пришёл конец.

– Вот только не нужно меня запугивать,— вскинулся Мартин,— у вас с Ксантипой кишка тонка как-то мне нагадить в этой реальности. За отцом теперь стоит целая армия бессмертных.

– Армия, может, и есть, а вот самого фальшивого Ма-

гистра больше нет и не будет,— Джарет специально произнёс эту заранее заготовленную фразу с эдаким сожалением, словно и впрямь сочувствовал печальной судьбе проекта по возрождению Ордена. — Он арестован и приговорён к смерти.

Это был удар ниже пояса. Несколько долгих секунд мальчишка стоял с выпученными глазами, глотая раскрытым ртом воздух. По его ошарашенному виду можно было без труда догадаться, что такой подставы он никак не ожидал.

— Я же тебе поверил,— наконец прохрипел он. — Как ты мог меня предать?

— Предать? — Джарет деланно рассмеялся. — Да с чего ты взял, что я хоть когда-то был на твоей стороне? Бессмертные преданы только Ордену.

— Значит, это тупой шантаж,— Мартин горько усмехнулся,— жизнь отца в обмен на мою преданность. Как я могу быть уверен, что Магистр его отпустит, если я сдамся?

Ответ напрашивался сам собой, собственно, именно на этот крючок Джарет и собирался ловить строптивного беглеца, но отчего-то ему вдруг сделалось тошно продолжать эту подлую игру. И дело тут было вовсе не в каких-то этических соображениях, просто он вдруг с кристальной ясностью осознал, что завидует Семёну, ради которого этот в общем-то чужой ему мальчик готов был пожертвовать своей жизнью. Увы, о такой преданности Джарет не мог даже мечтать. Вряд ли в целом мире нашёлся бы хоть один человек, готовый ра-

ди него рискнуть своим благополучием, о жертвенности даже говорить не стоило. Чем же Семён это заслужил?

– Он ведь тебе вовсе не отец, – попытался вразумить отчаянного юнца бессмертный.

– Так отпустит или нет? – взгляд, полный отчаяния и надежды, упёрся ему прямо в переносицу.

– Нет, Магистр не станет с тобой торговаться, – Джарет не выдержал этого пронизывающего взгляда и опустил глаза. Даже самому себе он не смог бы объяснить, что заставило его сказать правду, ведь эта неуместная откровенность отнимала его последний шанс выполнить задание.

– Отец уже мёртв? – голос Мартина невольно сорвался на невнятный хрип. – Его казнили?

– Магистр оставил его умирать в каком-то странном месте, откуда невозможно сбежать, – и снова собственная откровенность заставила Джарета удивиться. С какого перепугу ему вдруг вздумалось делиться с пацаном ценной инфой?

– Что тебе известно об этом месте? – Мартин, разумеется, не преминул воспользоваться непонятной слабостью бессмертного.

– Там всё какое-то ненастоящее, – признался Джарет, уже понимая, что не сможет скрывать правду от паренька, хватающегося за соломинку в попытке спасти дорогого ему человека. – Ксантипа назвал это место порталом в кабинет Магистра.

– Портал не может связывать две реальности, – самоуве-

ренно заявил всезнайка, – значит, имеется ввиду бывший кабинет Медины в Гвенде. Спасибо, Джарет, думаю, я смогу обнаружить этот портал.

– Не дури, – Джарет невольно протянул руку к отчаянному спасателю, – если туда попадёшь, обратно не выберешься.

– Это Ксантипа тебе сказал? – в голосе Мартина прозвучало сомнение. – Ладно, я попробую вскрыть портал дистанционно, из кабинета.

Джарет уже открыл рот, чтобы внести коррективы в сей непродуманный план спасения, но в этот момент Мартин закрыл глаза, и бессмертный понял, что опоздал и с треском провалил своё последнее задание. Однако, вопреки ожиданию, мальчишеская фигура не растворилась с лесным полумраке, а так и осталась стоять перед ним.

– Чёрт, я совсем забыл, что на базе в Гвенде стоит запрет на трансгрессию, – Мартин скорчил недовольную гримасу, а потом поднял жалобные глаза на Джарета. – Помоги мне пробраться в кабинет своим ходом, ты же умеешь.

В первый момент у бессмертного от такой наглости буквально отнялся язык. Ожидать, что он собственными руками лишит себя возможности выполнить задание, было со стороны Мартина наивно до идиотизма.

– Да ты, похоже, совсем берега потерял, – возмутился он. – У меня приказ привести тебя в Орден.

– Я пойду с тобой, – Мартин обречённо опустил голову, – только помоги мне спасти отца.

– Эй, ты чего это удумал? – пальцы Алика уцепились за рукав его приятеля. – Я тебя одного не пущу.

– Чушь не пори,– одёрнул парня Джарет,– от тебя там точно не будет никакой пользы,– он бросил возмущённый взгляд на Мартина, ожидая его поддержки, однако тот не оправдал ожиданий бессмертного. Вместо того, чтобы отшить навязчивого и бесполезного помощника, он только расстроганно улыбнулся и обнял друга. – Детский сад,– проворчал Джарет, протягивая руку Мартину. – Ладно, перенеси нас поближе к крепостной стене.

Проникновение в кабинет Медины не обошлось без осложнений, бессмертному пришлось-таки применить свои навыки, отправив на тот свет одного из загонщиков и сделав калекой другого. Алик довольно бурно отреагировал на столь кардинальные действия, поскольку раньше ему не приходилось сталкиваться с методами орденских боевиков, но видя, что Мартин только хмуро отводит взгляд, не посмел выступать с протестами. Оказавшись в кабинете, юный маг принялся осматриваться, как бы примеряясь к предстоящему квесту, а потом уверенно уселся в кресло у камина.

– Да, вход в портал находится где-то здесь,– заключил он. – Вы посидите тихонько, мне нужно немного поработать.

– У нас полчаса, не больше,– предостерёг его Джарет,– потом риск быть обнаруженными возрастёт в разы.

– Думаю, много времени мне не потребуется,– Мартин самоуверенно ухмыльнулся и прикрыл глаза. Увы, склонность

к бахвальству всегда была слабой стороной нашего почти Творца, уже через десять минут он открыл глаза и смущённо улынулся. – Очень сложно, – в голосе Мартина на этот раз не было ни капли уверенности, – я с таким ещё ни разу не сталкивался.

– По крайней мере, ты попытался, – Джарет подошёл к мальчику и ободряюще похлопал его по плечу. – Это больше, чем Сэм мог бы ожидать даже от родного сына. Идём, остаётся ещё шанс уговорить Магистра его пощадить.

– Нет такого шанса, – Мартин сбросил его руку со своего плеча, – не дёргай меня, Джарет, у меня ещё двадцать минут как минимум.

– Март, не загоняйся, – попытался образумить друга Алик, – ты не виноват, что твой отец попал в плен.

– Виноват, – в голосе Мартина впервые послышались нотки отчаяния. – Если бы я сразу вернулся домой, а не остался тусить с тобой и Ильярой, может быть, ничего бы и не случилось. Всё, заткнитесь оба, мне нужно подумать.

Алик обиженно засопел и отошёл к окну, а Джарет с удивлением уставился на хмурого мага. А ведь мальчишка был прав на все сто. Если бы им с Магистром ни удалось застать Семёна одного, то разыграть спектакль с подменой Атан-кея было бы невозможно, ведь Мартин отлично знал в лицо как Ксантипу, так и своего учителя. Оставалось, правда, неясным, с чего это Семён так легко доверился незнакомому человеку, даже если и принял его за доброго волшебника.

– Марти, а ты часом не обещал отцу встречу с Атан-ке-ем? – навскидку спросил он, чтобы проверить свою версию.

– Откуда ты знаешь? – удивился тот, но тут же догадка мелькнула в его глазах. – Ты что, заманил отца именем моего учителя?

– Не я, – Джарет горько усмехнулся, – это сделал Ксантипа.

– Какие же вы твари, – отчаяние всё-таки прорвалось сквозь напускное хладнокровие Мартина, – для отца вернуть свою память было просто жизненно необходимо, он бы на всё пошёл ради этого, – в этот момент в глазах юного мага вдруг вспыхнуло пламя, он на секунду словно бы завис, а потом с решимостью берсерка уцепился в подлокотники кресла. – И я тоже пойду до конца, – невпопад заявил он, видимо, отвечая каким-то своим мыслям, – даже если Атан-кей выполнит свою угрозу.

– Эй, ты это о чём? – заволновался Джарет.

– Отойдите оба к двери и не пытайтесь мне помешать, – принялся командовать Мартин. – Джарет, если почувствуешь опасность, смывайтесь не раздумывая.

– А что сейчас будет? – заинтригованный, но ничуть не испуганный Алик подошёл к креслу и положил ладонь на плечо друга.

– Если б я знал, – губы Мартина скривились в усмешке, больше похожей на гримасу страха. – Я не могу взломать алгоритм портала, зато могу уничтожить его к чёртовой бабушке.

– Да с чего ты взял, что получится? – попытался урезонить друга Алик.

– Получится, – тот злорадно осклабился, – я ведь Разрушитель.

– А ты не боишься, что вместе с порталом уничтожишь и своего отца? – Джарет вдруг ощутил совсем несвойственный бессмертным страх и решил использовать последний аргумент.

– Это лучше, чем мучительно умирать от жажды, – отрезал Мартин, закрывая глаза.

Буквально сразу же со стороны его кресла на наблюдателей дохнуло холодом, и стало трудно дышать, словно кто-то откачал из комнаты бóльшую часть воздуха. Джарет схватил в охапку растерявшегося Алика и метнулся вместе с ним вон из кабинета. На их счастье в приёмной никого не было, ввиду отсутствия в ставке начальства, а потому их манёвры не были замечены.

– Что он делает? – в голосе Алика впервые с момента их спасательной операции послышались нотки страха.

– Судя по его же словам, разрушает портал, – Джарет недовольно поморщился. – Если я что-то понимаю, то делает он это вопреки запрету своего учителя. Похоже, это какая-то чёрная магия.

– А нам разве не нужно вмешаться? – рука Алика инстинктивно потянулась к дверной ручке.

– Поздно уже вмешиваться, – бессмертный небрежно от-

махнулся от отчаянного паренька, и тот отлетел на пару метров от двери,— дадим шанс нашему волшебнику.

Несколько минут они торчали в приёмной, вслушиваясь в ватную тишину и пытаясь уловить хоть какие-то звуки из кабинета. Наконец Алик не выдержал напряжения и решительно направился к двери, явно намереваясь прорваться силой. Однако насилия не потребовалось, Джарет и сам решил, что пришла пора вмешаться, и осторожно заглянул в кабинет. Никаких разрушений он не заметил, да и ощущение холода исчезло, хотя Мартин вроде бы сидел в прежней позе с закрытыми глазами.

— Ну всё, хватит,— Джарет решительно хлопнул отчаянного мага по плечу, как бы выводя его из транса.

Голова Мартина безвольно мотнулась из стороны в сторону, и его тело завалилось на подлокотник кресла. Бессмертный тут же проверил его пульс и грубо выругался. Не обращая внимания на испуганное кудахтанье Алика, он уложил Мартина на пол и сразу приступил к реанимационным процедурам.

— Нет, мне его не вытащить,— через минуту Джарет поднял обречённый взгляд на застывшего в ступоре Алика,— слишком большая потеря жизненных сил. Спасти пацана под силу разве что Магистру, так что придётся тебе выбираться отсюда самому, а я перенесу Марти в Орден. Может быть, ещё не поздно.

— Я пойду с тобой,— Алик решительно ухватился за руку

бессмертного.

– Дурачок,– тот снисходительно усмехнулся,– ты даже близко не представляешь, на что подписываешься. Лучше возвращайся к своей девчонке и живи счастливо.

– Нет, я не оставлю Мартина умирать в плену,– в голосе Алика зазвучал металл. – Он мой друг, и я разделю его судьбу.

– Не обольщайся, нет у вас одной судьбы, да и не может быть,– покачал головой Джарет. – Мартин представляет для Магистра немалую ценность, а ты нет, и если он увидит в твоём лице помеху, то ты просто исчезнешь.

– Не теряй времени,– хмуро пробурчал Алик,– я не пере-
думаю.

– Как знаешь,– Джарет устало вздохнул и достал из-за пазухи медальон с рунами переноса.

Глава 28

Бледный свет предрассветных сумерек лился из окон мутным молочным потоком, заполняя спальню зыбким коктейлем из размытых пастельных полутонов. Было очень тихо, птицы ещё не проснулись, а ленивого ветерка не хватало даже на то, чтобы пошевелить хотя бы один листик на росшей под окнами липе. Лицо спящего было под стать этой призрачной атмосфере. Оно было настолько бледным, что сливалось с подушкой, только корона тёмных спутанных волос выделялась резким контрастом на сплошном белом фоне. Звук шагов из коридора заставил Алика, коротавшего ночь у постели друга, вздрогнуть. Дверь распахнулась, и в проёме появилась величественная фигура мужчины, которого все тут называли Магистром. Лицо юноши сразу же засветилось благодарной улыбкой, ведь только благодаря Магистру Мартин был ещё жив.

– Думаю, нашему страдальцу пора просыпаться, – уверенно заявил благодетель, подходя к кровати. Он положил правую руку на голову спящего, и по лицу на подушке словно пробежала тень. Ресницы юноши затрепетали и распахнулись, всё ещё затуманенный взгляд упёрся в глаза склонившегося над ним человека. – Как ты себя чувствуешь, сынок? – ласково пропел Ксантипа, приправляя свои слова заботливой улыбкой.

– Где я? – Мартин с трудом сфокусировал взгляд. – Что со мной случилось?

– Не волнуйся, малыш, всё хорошо, – в глазах Ксантипы появился странный блеск, не то вожделения, не то страха. Наверное, именно с таким выражение лица игрок в рулетку следит за движение шарика. – Ты потерял много сил, но мне удалось тебя спасти.

– Спасибо, – пробормотал Мартин. – А кто Вы?

– Ты меня не узнаёшь? – в голосе Магистра отчего-то совсем не слышалось естественной в таких обстоятельствах тревоги. – Я твой папа, а ты мой сын и наследник. Ты помнишь своё имя?

Некоторое время Мартин напряжённо молчал, пытаюсь выдоить из своей оскудевшей памяти хотя бы жалкие остатки ценной информации, но очень быстро убедился, что дырявая посуда пуста. Почти.

– Бевардо, – наконец прошептали бледные губы.

– Марти, ты что, совсем ничего не помнишь? – Алик не выдержал и прорвался к постели больного друга. – Что значит бевардо?

– Не знаю, – Мартин смущённо улыбнулся, – просто всплыло.

– Ничего страшного, – Ксантипа решительно отодвинул Алика в сторону, – дай себе время, малыш, память вернётся. Ты отдохни пока, а твой приятель с тобой посидит.

Покидая спальню, Ксантипа не смог удержаться от само-

довольной улыбки, ведь его тяжёлая и почти безнадёжная борьба за золотого мальчика наконец закончилась полной и окончательной победой. Память Мартина теперь представляла собой чистый лист, и на этом листе Магистр мог написать любую историю. Можно было даже не сомневаться, что история, которую он планировал сочинить, вознесёт Орден на небывалую высоту. Больше не нужно было гадать, кому из трёх определённых программой персонажей суждено сыграть главную скрипку в триумфальном шествии Ордена по этому заштатному, но такому вкусному миру, Ксантипа сотворил свою скрипку собственными руками. Правда, это пока была лишь заготовка, грубая бесформенная болванка, зато она таила в себе такой потенциал, что при правильном подходе могла затмить все иные инструменты оркестра.

Лишь одно сомнение слегка портило радужную в целом картинку орденского триумфа. Однажды Ксантипа уже ошибся, положившись на удачу и самонадеянно возомнив, что держит заветный талисман процветания Ордена в своих руках. А ведь он уже очень давно правил этой реальностью и отлично знал, что всё здесь имеет свою цену, в том числе и везение. Вернув Мартина и избавившись от Сэма с Кирой, свой лимит везения Магистр явно уже исчерпал, а то и вовсе залез в долги. И кто знает, когда прихотливой судьбе вздумается предъявить счёт должнику? Внутренний голос подсказывал, что ждать явления кредитора опасно, и лучше чем-то добровольно пожертвовать, чтобы не спугнуть эту ветрен-

ную барышню по имени удача. Увы, Магистры были не из тех, кто с лёгкостью расстаётся со своей собственностью, а потому предстоящая вынужденная жертва заранее вызывала в душе Ксантипы раздражение.

У входа в свой кабинет Магистр немного помедлил, настраиваясь на тяжёлый разговор с выполнившим задание бессмертным. В соответствии с их договором, ему предстояло расплатиться за услуги Джарета, а это было унижительно. Ни одному из правителей этого мира и в голову бы не пришло торговаться со своими подчинёнными о цене за их услуги, но Ксантипу принудили к этому беспрецедентные обстоятельства. Больше всего ему хотелось вызвать охрану и тупо отправить этого наглеца на плаху, причём под установками подчинения, чтобы тот не смог даже пикнуть про договорённости.

– А может быть, это и есть та самая жертва, которую мне нужно принести на алтарь удачи? – мысленно прикинул Ксантипа. – Сохранить жизнь предателю – это ли не истинное великодушие? Пусть ещё послужит Ордену, например, натаскает приятеля Мартина.

На этой позитивной ноте Ксантипа толкнул дверь и величественно проследовал к своему рабочему столу. Джарет, дожидавшийся своего босса, бездумно глаза в окно, сразу встрепенулся. Впервые за последние дни в его душе наконец воцарился покой, и это было странно, ведь бессмертный вплотную подошёл к концу своей жизни, и дальше его не

ждало ничего, кроме боли и смерти. Никаких иллюзий в отношении гуманности Магистра Джарет, разумеется, не питал и на пощаду не надеялся, просто так устал ждать конца, что перестал бороться за жизнь.

– Должен признать, что ты оказал Ордену значимую услугу, – провозгласил Ксантипа, усаживаясь в своё кресло, – мой сын жив и потерял память.

– Потерял память? – в голосе Джарета прозвучало искреннее огорчение. – Не понимаю, как такое могло случиться.

– Больше никакие крамольные высказывания безмозглых наставников не будут смущать моего мальчика, и он станет идеальным оружием в моих руках, – Ксантипа, казалось, даже не услышал своего телохранителя и продолжил вещать как по писаному. – Кстати, этим приятным бонусом Орден тоже обязан тебе, – как бы нехотя произнёс он.

– Причём тут я? – возмутился Джарет. – Разве из-за меня Мартин лишился памяти?

– Нет, но именно ты подсказал мне способ избавить моего сына от вредных воспоминаний, когда рассказал про амнезию Сэма, – Магистр самодовольно ухмыльнулся. – Если организму не хватает энергии даже на поддержание фонового кровообращения, ум отключает все некритичные для выживания функции, в том числе блокирует доступ к памяти. Риск, конечно, имелся и немалый, ведь мальчик обладает гораздо более хрупким организмом, чем бессмертные, но оно того стоило.

– Вы что же, специально довели пацана до критической потери энергии? – от подобного предположения у Джарета пересохло во рту. – Он ведь и так едва дышал.

– Тем проще было завершить операцию, – Ксантипа, казалось, даже не понял, насколько дико прозвучал его комментарий. – Кстати, смена ампула с господина на заботливого родителя, кажется, тоже неплохо работает, и за эту подсказку я опять должен благодарить тебя.

– Рано или поздно он всё вспомнит, – хмуро пробурчал Джарет, которому сделалось противно от мысли, что он невольно поучаствовал в этом живодёрском мероприятии.

– И этот день станет трагедией для мальчика, который собственными руками убил своих родителей, – губы Магистра сложились в презрительную усмешку. – Думаю, я просто обязан хранить в тайне его преступление, хотя бы из сострадания к чувствам ребёнка.

– Кира тоже погибла? – Джарет ощутил болезненный укол в груди, словно кто-то сжал его сердце в кулаке.

– Эта взбалмошная особа всегда действовала непредсказуемо, – подтвердил его догадку Ксантипа. – Я не стал ей мешать присоединиться к мужу, так что больше она не будет путаться у меня под ногами. Это даже к лучшему, что мы так легко от неё избавились. Но мальчику всё же нужен близкий человек, я не смогу уделять ему слишком много времени. Как думаешь, тот паренёк, которого ты приволок, сгодится на роль близкого человека?

– Я его совсем не знаю,– попытался слиться Джарет,– но у мальчишки есть яйца, это точно. Мало кто на его месте рискнул бы отправиться в пекло вместе с другом.

– Вот и славно,– Ксантипа удовлетворённо осклабился,– а ты сможешь мне сделать из непутёвого юнца надёжного телохранителя для Мартина.

– Что?! – у Джарета от такого предложения буквально отнялся язык. – Вы предлагаете работу предавшему Орден бессмертному?

– Я готов дать тебе шанс искупить вину,– торжественно объявил Ксантипа, в глубине души восхищаясь собственным великодушием и прозорливостью. – Правда, есть одно условие: ты не станешь требовать освободить тебя от установок подчинения.

– Вы же обещали,– бессмертный сразу напрягся, предчувствуя подставу. – Неужели Магистр нарушит своё слово?

– Мне не нужны сюрпризы,– Ксантипа и не подумал оскорбиться или усомниться. – Бессмертные были признаны опасными даже с установками, а уж без них – это просто ходячая катастрофа.

– Почему? – в голосе Джарета прорезалась обида. – Вы же теперь точно знаете, что бессмертные не были виноваты в гибели Медины. Выходит, Вы приговорили своих самых верных бойцов без всяких оснований.

– Оснований было достаточно и до гибели одного из Магистров,– возразил Ксантипа,– Медина просто дал нам по-

следний аргумент в пользу закрытия этого проекта. Ты сам ещё жив только потому, что бессмертных в моей реальности практически не осталось, а мне нужен наставник, который сумеет обучить мальчишку вашим трюкам. Но если вздумаешь артачиться, то я обойдусь и без твоих услуг,— тут же обозначил свою позицию Ксантипа. В конце концов, великодушные тоже имеет свои границы. — Выбор у тебя небогатый, мой мальчик: либо ты принимаешь моё предложение, либо тебя казнят как предателя. И на этот раз я не стану с тобой торговаться.

Думал Джарет недолго, своё решение он выстрадал и не собирался от него отступать. Собственно, он и не надеялся избежать наказания за свои проступки, даже считал это наказание заслуженным. От того, что служение Ордену больше не представлялось Джарету смыслом его существования, он не перестал быть бессмертным, а потому искренне полагал невыполнение приказа смертным грехом.

— Казните,— решительно заявил он,— но выполните своё обещание. Я хочу умереть свободным.

— Как знаешь,— Ксантипа устало вздохнул и откинулся на спинку кресла,— не пожалей о своём решении.

— Некому будет жалеть,— усмехнулся Джарет,— да и не о чем. Я всё равно не смогу больше полностью довериться Ордену и его Магистру. Считайте, что я избавляю Вас от ненужных рисков.

Ксантипа прикрыл глаза и нараспев выдал какую-то буль-

кающую фразу на незнакомом языке. Джарет прислушался к себе, но ничего не почувствовал.

– Это всё? – удивлённо спросил он. – Я теперь свободен?

– Всё, – Магистр поднялся из кресла и уставился на ошарашенного бессмертного, – твои установки больше не работают. А теперь вали из этой реальности к остальным «диким», я не потерплю присутствие неуправляемого бессмертного в Ордене. Полагаю, такой жертвы будет достаточно, – пробормотал он, словно отвечая собственным мыслям, – Мартин того стоит.

– Вы меня отпускаете? – Джарет был настолько ошарашен, что едва ворочал языком. – Я даже не знаю как Вас благодарить, – он едва сдержался, чтобы не упасть перед Магистром на колени.

– Глупец, – в глазах Ксантипы вспыхнули хищные зелёные огоньки, – сейчас тебе кажется, что я оказал тебе услугу, но со временем ты поймёшь, что свобода для бессмертного – это вовсе не подарок на именины, это кандалы покрепче железных. Ты больше никогда не сможешь обрести душевный покой, стыд и сожаление об ошибках станут твоими постоянными спутниками, и некому будет снять с тебя вину за то, что ты натворишь. А ты точно натворишь дел, твоя натура убийцы никуда не делась. Даже сделавшись свободным, бессмертный всё равно будет отнимать чужие жизни. Установки всего лишь снимали с тебя ответственность за преступления, но не меняли твоей сущности. Теперь этот груз опустится на

твои плечи,— с этими словами Ксантипа швырнул Джарету медальон для разового прыжка в соседнюю реальность.

— Ничего, я двужилый,— весело отозвался тот, ловя на лету прощальный подарок своего босса,— прощайте, Магистр.

Он развернулся на каблуках и быстренько покинул кабинет, не дожидаясь, пока его хозяин передумает. А Магистр злорадно ухмыльнулся и вернулся к своим делам. Нет, он вовсе не собирался освобождать своего слугу, та белиберда, которую он с умным видом выдал за формулу освобождения, была откровенной фикцией. Джарет был слишком ценным кадром, чтобы его убивать или отпустить, а вот предоставить небольшие каникулы перетрудившемуся бессмертному стоило. Пусть поживёт якобы свободной жизнью, сам же прибежит проситься назад.

Джарет не стал испытывать свою удачу на вшивость, едва выйдя из кабинета Ксантипы, он прямо в приёмной задействовал выданный Магистром медальон. Его выбор места для прыжка был скорее интуитивным, чем осознанным, хотя некое логическое обоснование для него всё-таки имелось. Отчего-то Джарет считал себя должником Ильяры, ведь это с его лёгкой руки она лишилась сразу двух ухажёров. Как минимум эта славная девчушка заслуживала знать правду и не мучиться от неизвестности и ложных угрызений совести.

Трудно сказать, отчего Джарету захотелось начать новую свободную жизнь с благотворительной миссии. Возможно

он, как и Ксантипа, считал, что должен заплатить за удачу, а может быть, альтруизм вовсе не был его единственным побудительным мотивом, и ему просто захотелось повидаться с Ильярой. Так или иначе, он оказался перед домиком лесника.

– Доброе утро, мастер Джарет,– из двери домика выпорхнула шустрая девичья фигурка и нерешительно приблизилась к незваному гостю.

– Привет, Ильяра,– Джарет широко улыбнулся, притворяясь, что не чувствует неловкости,– очень красивое ожерелье,– он оценивающе цокнул языком, разглядывая блестящие розовые бусины на обнажённых ключицах девушки.

– Ой,– изящная ладошка стыдливо прикрыла неприлично глубокий вырез лёгкого платица,– я просто примеряла подарок Мартина, когда Вас заметила. А они с Аликом скоро вернутся?

– Прости, милая,– Джарет тяжело вздохнул, приступая к своей добровольной благотворительной миссии,– думаю, ты их больше не увидишь. Но ты не беспокойся, у них всё хорошо, просто оттуда, где они сейчас живут, никак нельзя попасть в эту реальность.

На личике Ильяры появилось выражение недоумения, а потом её губы задрожали, и глаза заблестели, наполняясь слезами. Джарет ощутил странное щемящее чувство: то ли жалость, то ли вину. Странно, раньше женские слёзы никогда не вызывали у него подобных переживаний. Впрочем,

ему не так уж часто приходилось доводить своих случайных подруг до рыданий, обычно расставания проходили весьма буднично, без истерик. А тут ему вдруг сделалось так жалко эту расстроенную девочку, что захотелось как-то её утешить. Недолго думая, Джарет протянул руки, и Ильяра с готовностью приняла пас, доверчиво прильнув к его груди.

Пока девушка вдохновенно отдавалась своему горю, изливая потоки солёной влаги на его куртку, Джарет прислушался к своим ощущениям и с удивлением отметил, что ему доставляет удовольствие обнимать эту юную простушку, такую прелестную в своей естественности. Впервые со дня их знакомства ему пришло в голову, что эта малышка гораздо больше подходит на роль хозяйки его дома мечты, нежели Кира. По крайней мере, у Ильяры отсутствовал негативный опыт потери любимого человека и неудачной попытки вернуть свою прошлую счастливую жизнь. Так что ей не с чем будет сравнивать.

– Илька, ты что это развела слякоть в ясный день? – раздался из окна недовольный голос Клавдия. – Ну-ка, веди гостя в дом.

Всхлипывания сразу затихли, и Ильяра подняла заплаканное лицо к Джарету. Солнечный луч коснулся шоколадной радужки, превращая блестящие от слёз глазки в две аппетитные маслинки, и у Джарета перехватило дыхание от неуместной и оттого неожиданной нежности.

– Ты тоже скоро уйдёшь, – печальная улыбка мелькнула

бесцветной тенью на коралловых губках и угасла,— и я снова останусь совсем одна.

— Я никогда тебя не покину,— неожиданно для самого себя пообещал Джарет и вдруг понял, что в его словах нет лжи.

Девушка доверчиво прильнула к его груди, и её изящные ручки обвилились вокруг его талии, как бы защищая от невзгод и опасностей. Впрочем, в данном случае это была вовсе не метафора, чувства девушки словно укрыли сознание бессмертного защитным зонтиком, низводя судный глас установок подчинения до едва слышного ропота. А Джарет даже не понял, какой получил подарок, ему ведь и в голову не могло прийти, что Магистр его тупо развёл. Что ж, иногда судьбе надоедают её вечные подставы, и она позволяет актёрам своего спектакля немного расслабиться.

Глава 29

Алый солнечный диск коснулся водной глади и как бы завис на линии горизонта, выстрелив из своего огненного чрева золотую дорожку, летящую прямо к берегу. На небе не было ни облачка, а потому поначалу невозможно было заметить, что закатное светило действительно остановило своё погружение в океан, превратившись в эдакий стоп-кадр. Пятеро наблюдателей, расположившихся на высоком обрыве, чтобы полюбоваться закатом, тоже застыли в созерцательном трансе, уподобившись остальной природе. Даже ветерок, до этой минуты лениво приглаживавший высокую шелковистую траву вокруг участников этого импровизированного пикника, вдруг куда-то сгинул, погружая мир в полную неподвижность.

– Хватит выпендриваться, Тоша,– Алиса ласково потрепала своего любимого Творца по голове,– все уже вдоволь насладились твоим шоу.

– Точно, Создатель,– поддержал хозяйку Дачи гном,– негоже так изгаляться над солнышком-то, чай не игрушка. Запускай кино.

– И в мыслях не было выпендриваться,– наезд домочадцев явно смутил Антона,– просто хотел, чтобы вы запомнили этот момент. Ладно, кино, так кино.

Статичная картинка словно ожила, свежий ветерок про-

шёлся мелким гребнем по травяному ковру, и очередная волна разбилась о подножие обрыва. Откуда ни возьмись, с востока потянулись к берегу розовые облака, и солнечный диск начал погружаться в море.

– А мне понравилось, – Семён задумчиво улыбнулся, – хорошо, когда хоть ненадолго всё остаётся неизменным. Кириш, а ты о чём задумалась? – он обнял сидящую рядом женщину и легко коснулся губами голубой жилки на её виске.

– Я вот пытаюсь понять, откуда она могла об этом знать? – Кира задумчиво подняла глаза к бегущим по небу облакам.

– Ты о ком говоришь? – рассеянно поинтересовался Семён.

На самом деле ему совсем не хотелось отвлекаться на какие-то посторонние темы, все его мысли были сейчас заняты исключительно самой Кирой, а остальное существовало лишь в качестве фона. Даже нехилые чудеса, которые походя демонстрировал хозяин этого игрушечного мирка со смешным именем Дача, казались Семёну всего лишь вульгарными фокусами по сравнению с настоящим волшебством – возвращением любимой женщины. Его многолетние поиски ангела завершились, и жизнь, с которой Семён уже успел проститься, вдруг снова наполнилась высшим смыслом. Они с Кирой были вместе, и никакие игры Творца с его реальностью не смогли бы затмить собой этого чуда.

– Я говорю о женщине, на которую ты меня променял, – Кира повернулась и с хитрой улыбочкой уставилась на уго-

дившего под любовный приворот мужа. – Это она рассказала, где тебя искать, а ещё заявила, что только я смогу тебя спасти. Так оно и вышло, – женщина озадаченно нахмурилась. – Но откуда она могла это знать?

– Ведьма, что с неё взять, – отмахнулся Семён, – она много чего мне предсказала.

– Никто не может видеть будущее, – Антон назидательно поднял палец, как бы опровергая саму возможность случившегося. – Наше будущее не предопределено, мы сами его создаём каждую секунду своего существования.

– А я знала человека, который умел вычислять вероятности будущих событий, – возразила Кира. – Ты его тоже должен помнить, – обратилась она за поддержкой к Семёну, – я говорю о Витасе.

– Да, бедняга даже умудрился заранее увидеть собственную смерть, – подтвердил тот. – Не хотел бы я обладать таким даром.

– Это любопытно, – Антон не стал огульно обвинять своих оппонентов в некомпетентности и всё же не удержался от поучения, – но боюсь, ваш знакомец просто сам себя запрограммировал на один из вариантов будущего. Некоторые люди имеют такую прочную связь со своим высшим я, что могут видеть многомерную картину реальности целиком, все кармически разрешённые версии будущего.

– Думаешь, Витас сам себя приговорил? – заинтересовался Семён.

– Если человек не понимает, как действует этот механизм, то вероятность того, что он неосознанно выберет для себя один из вариантов, достаточно высока, – Антон сочувственно улыбнулся. – Если честно, поверить пророчествам какой-то ведьмы было со стороны Киры верхом наивности.

– А я и не поверила, – та даже не подумала оправдываться, – достаточно было того, что Нарьяна знала, где искать Семёна.

При этих словах бессмертный судорожно вздохнул, и на его лице появилось страдальческая гримаса. Было видно, что сей акт самопожертвования со стороны любимой женщины он воспринял довольно болезненно.

– Кирюша, ты с ума сошла, – Алиса всплеснула руками, – ты же понимала, что выбраться из портала невозможно. На что же ты надеялась?

– Надежда – глупая и трусливая тварь, – Кира скривила губы в презрительной усмешке, – меня на эту приманку больше не поймаешь.

– Так ты сознательно пошла на верную смерть, – догадался Антон. – Какой в этом смысл?

– Все умирают, – Кира беззаботно пожала плечами, – это просто вопрос времени. Таковы уж правила этой игры.

– Какого времени? – возмутилась Алиса. – Сколько вы могли протянуть без воды в том жутком месте?

Кира мечтательно улыбнулась и прикрыла глаза. Да, Семёна её самоубийственный шаг тоже привёл в отчаяние, при-

нять такую жертву ему было непросто. А ведь для самой Кирры это вовсе не было жертвой, напротив, она воспринимала эти несколько дней рядом с любимым человеком как подарок судьбы. Впрочем, возмущение пленника портала очень быстро сошло на нет. Как только их губы встретились, все остальные чувства, кроме безбрежного счастья, растаяли без следа. Какая разница, как долго длится вечность, её невозможно измерить в днях, часах и минутах. Бывает, что и одного мига достаточно, чтобы ощутить её дыхание.

– Так эта,– гному явно не терпелось дослушать историю до конца,– как же вы выбрались-то с той передраги?

– Это было жутковато, если честно,– Семён инстинктивно передёрнул плечами. – Прямо над нами вдруг образовалась дыра, чёрная такая, и при том с ровными краями, словно кто-то её просверлил в небе. В первый момент она была совсем маленькой, а потом как начала расти, мы едва успели отскочить в сторону.

– Да, мы сначала попытались убежать,– подтвердила Кирра,– но потом поняли, что от этой напасти не спастись, она окружила нас со всех сторон. Я даже не думала, что трансгрессия сработает, наверное, просто на автомате прыгнула сюда, в мир Дачи, когда решила, что нам пришёл конец.

– Знаешь, а я такое видел раньше,– Антон задумчиво покачал головой,– так выглядит процесс разрушения реальности. Кто-то намеренно уничтожил портал.

– И шо бы с бедолагами приключилоя, ежели б наша ба-

рышня ни додумалась попытать удачу с ентою вашей трансгрессией? – поинтересовался гном.

– Никто этого не знает, – Антон пожал плечами, – но вряд ли Кира с Семёном смогли бы выжить. Разрушение происходит за счёт того, что объекты реальности распадаются на очень мелкие части, и человеческие тела, к сожалению, тут не исключение. Не факт, что структура их сознаний смогла бы сохранить свою целостность при столкновении с этим разрушительным алгоритмом.

– Ох ты божечки, – запричитал гном. – Это шо ж такое делается, люди добрые? Разве ж нормальному-то человеку такое под силу?

– А он и не человек вовсе, – Семён брезгливо поморщился, вспомнив глумливую усмешку Ксантипы, когда тот зачитывал приговор бессмертному, – эта тварь из другого мира. Именно этим они тут и промышляют – жрут человеческие сознания.

– Похоже, вам пришлось столкнуться с очень опасным существом, – миролюбиво заключил Антон, принявший реплику Семёна за своего рода метафору.

Поверить в то, что в его родном мире действительно обитают монстры, намеренно развоплощающие сознания людей, ему было трудно. А ведь если бы Творец тогда допустил такую возможность, то в совсем недалёком будущем смог бы избежать очень многих проблем. К сожалению, Антон, несмотря на всё своё могущество, всё ещё оставался в очень

большой степени человеком, а потому списал слова Семёна на его буйную фантазию.

– Выходит, ведьма была права,– уверенно заявила Алиса. – Если бы Кира ни оказалась в тот момент рядом с Семёном, он бы точно погиб.

– Вот и не верь после этого в предсказания,– Кира весело рассмеялась. – Сёма, где ты нашёл эту удивительную женщину? Она ведь пожертвовала своим счастьем ради тебя.

– Нарьяна, вообще-то, не из той породы,– Семён скептически хмыкнул,– она потомственная ведьма, и благородные порывы ей не свойственны. Даже не знаю, что должно было случиться, чтобы она сделала что-то бесплатно. Из-за её колдовских штучек я потерял несколько месяцев жизни, а мог бы найти тебя раньше.

– Разве ты меня искал? – удивилась Кира. – Та женщина сказала, что ты меня даже не помнил. Так она просто соврала про амнезию?

– Соврала,– Семён горько усмехнулся,– но не про амнезию, а про тебя. Я действительно забыл всё, даже себя, осталось только одно воспоминание. Этим воспоминанием была моя любимая, и Нарьяна об этом знала. Правда, я считал Кирюшу ангелом,– он смущённо потупился,– но всё равно искал.

– Чёй-то сразу ангелом? – проворчал гном. – Хошь сказать, что земная баба – это не про тебя?

– Просто я случайно увидел, как Кирюша трансгрессиро-

вала,— Семён тут же принялся оправдываться, словно действительно чувствовал за собой какую-то вину. — А что ещё мог подумать человек, едва вернувшийся с того света и потерявший память?

— На кладбище? — в голосе Киры прозвучало такое отчаяние, что все невольно обернулись к ней. — А ведь я почувствовала твой взгляд, но решила, что это просто игры подсознания.

— Иногда здравомыслие оказывает нам медвежью услугу,— посетовал Антон. — Если б ты тогда доверилась своей интуиции, возможно, не было бы этих долгих лет разлуки.

— Дело было вовсе не в здравомыслии,— Кира жалобно всхлипнула, и Семён тут же обнял расстроенную женщину,— просто мне с таким трудом удалось уговорить себя уйти из того склепа... Если бы ни дети,— она отрешённо покачала головой.

— Ты боялась, что если вернёшься, то больше не сможешь уйти,— догадался Антон.

— Как же всё странно и трагично сложилось,— Алиса ласково погладила подругу по плечу,— вам пришлось почти всю жизнь прожить врозь. Сколько же времени вы потеряли?

— Время не имеет значения,— Кира на автомате повторила слова, сказанные Нарьяне,— а прошлого не вернёшь, так что не стоит о нём печалиться. В конце концов, молодость — явление преходящее.

— Ты в этом уверена? — в глазах Антона заплясали озорные

искорки. – Что ж, посмотрим, не изменится ли твоё мнение завтра.

– А что случится завтра? – заинтересовался Семён.

– Сюрприз, – Антон поднялся на ноги и потянулся. – Пора ужинать и баиньки, совсем уже стемнело. Волк, должно быть, уже восстановил душевное равновесие и больше не станет рычать на нашего гостя.

– Я же не знал, что он ручной, – принялся оправдываться Семён. – А как ещё я должен был реагировать, когда эта зверюга бросилась на Кирюшу?

– А точно, Создатель, – гном с осуждением воззрился на Антона, – ты бы приструнил своего охранника, а то он совсем от рук отбил. Егозит, шо малый щенок, а ведь в ём, почи-тай, пять пудов весу.

– К счастью, пострадало только самолюбие серого, – улыбнулась Алиса. – Бедняжка даже представить не мог, что в мире имеется хоть кто-то сильнее и быстрее его самого. Вертер и тот не мог завалить нашего Волка, а Семён едва ни свернул ему шею, прежде чем Кира его остановила.

– Не наезжай на нашего гостя, – встал на защиту бессмертного Антон, – его действия были оправданы, а Волку и правда пора бы научиться себя вести. И вообще, всё хорошо, что хорошо кончается.

На этой примирительной ноте закатные посиделки завершились, и обитатели Дачи разбрелись по своим комнатам. Неизвестно, как спал этой ночью обиженный Волк, но Кира

с Семёном задремали только под утро. Наверное, это было глупо, ведь впереди у них было сколько угодно времени, но долгое расставание научило их ценить каждую минуту, которую они могли посвятить друг другу, а ещё не откладывать важные вещи на потом, ведь этого «потом» могло и не случиться. Те несколько часов, что они провели в портале, никак не могли насытить их желание и заглушить тоску долгого одиночества, тем более, что оба понимали, чем всё закончится. Счастье пока не сделалось для них привычным, оно было настолько острым, что о сне не могло быть и речи.

Кира вынырнула из утренней дрёмы и сразу ощутила, что Семён не спит. Его дыхание было прерывистым, а пальцы мягко, но уверенно ласкали её обнажённое плечо. За окном едва рассвело, так что проспала Кира никак не больше пары часов, но потеря даже столь короткого промежутка времени показалась ей неоправданным расточительством. Семён почувствовал, что она проснулась, и его ласки сразу сделались более настойчивыми.

– Я так соскучился, – прошептал он в своё оправдание, приподнимаясь, чтобы поцеловать разомлевшую женщину, но отчего-то застыл над ней в недоумении. – Кирюша, что это с тобой?

В голосе Семёна прозвучала такая смесь восторга и недоумения, что Кира испуганно распахнула глаза и обомлела. В первый момент ей показалась, что она просто спит и видит сон, тот самый сон, который частенько будоражил поте-

рвавшую мужа женщину, про их первую встречу в приморском городке. Несмотря на недостаток освещения, не заметить произошедшую с Семёном метаморфозу было невозможно, исчезла седина в волосах и морщины на лице, он выглядел тридцатилетним. Киру инстинктивно охватил ужас, когда она представила, как будет смотреться рядом с молодым красавчиком. Да он же её бросит.

– Ты снова стал молодым,– испуганно пробормотала она.

– На себя посмотри,– Семён легко поднял женщину на руки и вместе с ней подошёл к зеркалу. Из сумрака светлого зазеркалья на Киру смотрела юная незнакомка, облик которой за прошедшие годы она успела основательно подзабыть. – Думаю, это тот самый обещанный сюрприз,– констатировал Семён.

– Антон вернул нам потерянное время,– завороченно прошептала Кира. – Так вот о чём он говорил. Теперь мы сможем забыть про все старые беды и прожить жизнь заново, по-другому.

– Нет, мы ничего не забудем,– Семён отнёс свою драгоценную ношу обратно на кровать и заботливо укутал её одеялом. – Знаешь, когда-то я тоже мечтал вернуть всё, как было до нашего расставания, забыть обо всём и начать сначала. А когда действительно забыл, то это стало для меня невозможной потерей.

– Ладно, не забудем,– согласилась Кира,– нам слишком дорого обошлись наши ошибки, чтобы рисковать их повто-

ритель.

– Разве у тебя были ошибки? – Семён хитро подмигнул кающейся грешнице. – Это я запутался и всю жизнь разрывался между любовью и долгом, а ты всё делала правильно.

– Нет, нельзя было позволять обиде управлять моими чувствами и действиями, – возразила Кира, – я должна была верить тебе.

– Верить тому, кто тебя бросил и едва ни убил? – Семён недоверчиво покачал головой.

– Тому, кто любит меня больше жизни, – поправила его Кира, – и без кого моя жизнь не имеет смысла.

Не стоит удивляться, что после этих слов дальнейшие рассуждения и выяснения отношений сделались ненужными. В конце концов, двое молодых людей запросто могут найти более достойное применение своим губам, нежели извлечение дурацких звуков. В результате, к завтраку они не успели и спустились на веранду, когда солнце уже стояло в зените. Несмотря на опоздание проголодавшихся возлюбленных встретил накрытый по всем канонам гостеприимства стол. Около самовара хозяйничал гном, Антон с Алисой расположились на диванчике с кружками чая, а Волк нервно жался к ноге своего хозяина и исподлобья поглядывал на опасного чужака.

– Хороши, – гном причмокнул губами, оглядывая помолодевшую парочку оценивающим взглядом. – Ты прямо превзошёл себя, Создатель, – он отвесил уважительный поклон

в сторону дивана. – Нас с Волком тоже не мешало бы омолодить.

– Да вы и так с самым соку, – рассмеялся Антон, – хотя серый, наверное, слишком расслабился от безделья, коли Семён завалил его как щенка, – с этими словами он потрепал по холке смущённого охранника. – С вами-то всё в порядке? – он заботливо оглядел помолодевших гостей.

– Даже не знаю, что сказать, – Кира смущённо опустила глаза.

– Скажи «спасибо», – подсказал гном.

– Мы тебе очень благодарны, Антон, – Семён быстренько последовал мудрому совету, – не ожидали получить в подарок пятнадцать лет жизни.

– Вообще-то, всё обстоит несколько иначе, – принялся оправдываться волшебник, – я вовсе не повернул для вас время вспять, это невозможно, просто зафиксировал состояние ваших тел на тот момент, когда мы познакомились с Кирой.

– Зафиксировал? – Семён с недоумением посмотрел на Антона. – Хочешь сказать, что мы теперь не будем стареть?

– Ты сделал нас бессмертными? – внесла свою лепту в поток вопросов Кира.

– Бессмертных не бывает, – назидательно произнёс гном, поднимая вверх указательный палец, при этом Кира с Семёном переглянулись и заулыбались.

– Вы с этим не согласны? – в голосе Антона явно прозвучали эдакие снисходительные нотки. Наверное, именно так

мог бы общаться умудрённый опытом старец с зелёной молодёжью. – Знаете кого-то из бессмертных?

– Я и есть бессмертный, – рассмеялся Семён, – так нас называют за то, что мы помним свои прошлые воплощения. Но это, конечно просто название, убить нас не так уж сложно.

– Волк бы с тобой поспорил, – Алиса с сочувствием погладила забившегося под диван серого. – Но гном прав, молодые тела – это вовсе не панацея от смерти. Все когда-нибудь умрут, просто причиной вашей смерти будут не старость и болезни, а что-то другое.

– Ух ты, – Семён недоверчиво покачал головой, – это даже лучше, чем омоложение.

– Ну и как вы собираетесь использовать мой подарок? – полюбопытствовал Антон.

– Вообще-то мы это пока не обсуждали, – Кира вопросительно посмотрела на Семёна. – Наверное, вернёмся в ту реальность, где обитают наши близкие. Времена там непростые, но в нашей родной реальности всё равно будет гораздо опасней, хотя тут мы и числимся погибшими.

– Дело не только в безопасности, – вклинился в её рассуждения Семён, – нельзя начинать новую жизнь до того, как расплатишься по старым долгам. Это Кирюша у нас свободна, как ветер, а я успел влезть в одну аферу, и придётся её закончить.

– А что потом? – глаза Алисы загорелись любопытством.

– А потом мы начнём свою игру, – Семён обнял растеряв-

шуюся от таких откровений Киру и поцеловал её в висок. – Хватит уже играть в чужие игры.

При этих словах Антон с Алисой многозначительно переглянулись, потому что и они стояли на пороге того, чтобы начать новую игру. Создатель, много жизней назад получивший очень болезненный опыт уничтожения своего творения, всё ещё никак не мог решиться на сотворение нового мира. Его любимая, конечно, понимала, как непросто Антону снова пойти на такой риск, и терпеливо дожидалась нужного момента, чтобы подтолкнуть своего мужчину к реализации его предназначения. И кто бы мог предположить, что триггером, наконец запустившим создание мира ангелов, станут слова бессмертного, а скорее даже, его решимость взять жизнь в собственные руки.

– А как ты себе представляешь свою игру? – живо поинтересовался Антон.

– Мир, где нет рабов и господ, – Семёну не потребовалось много времени, чтобы сформулировать свою мечту, – где сильные защищают слабых, и превыше всего ценится свобода.

– Утопия, – гном пренебрежительно махнул рукой. – Да вас, таких святых и наивных, раздавят как глупых беззащитных дождевых червячков.

– А мы вовсе не беззащитны, – возразила Кира. – Никто не верил, что Алат сумеет себя защитить, но это всё-таки случилось.

– Может быть, мы и обломаемся,– Семён одобрительно улыбнулся своей отважной спутнице,– но я в нас верю.

– Я тоже в нас верю,– в глазах Алисы, устремлённых на Антона, загорелось яростное пламя, совершенно несвойственное мягкой и покладистой женщине.

Как вскоре выяснилось, эта вера оказалась заразной, и хозяин мира Дачи подхватил сей опасный вирус, положивший начало созданию мира ангелов, именно в тот вечер. Похоже, у Антона просто не было шанса откосить от возвращения на путь своего предназначения, ведь в нашем мире желания вообще нет более могущественной силы, чем вера. Именно она лежит в основе его магии и управляет судьбами людей. Тут главное – правильно выбрать, во что верить. Если вы фаталист и убеждены, что «на всё воля божья», то ваша собственная воля останется без поддержки энергии веры. Зато нет предела возможностей для тех, кто верит в себя.

Реплика искателя

Каково это – жить в конце времён, когда твоему миру, твоему образу жизни, да и самой жизни кто-то задал обратный отсчёт? Похоже на ощущение эйфории осеннего листка, оторвавшегося от ветки и кружащего в нирваническом танце воздушного потока, прежде чем опуститься на землю и превратиться в прах. Есть в этом что-то завораживающее и одновременно пугающее. Обречённость одним словом.

Да, мы знаем, что не вечны, более того, у нас есть все основания утверждать, что и всё, что нас окружает тоже когда-нибудь канет в небытие. Смерть является для нас частью картины мироздания, наравне с жизнью, но для большинства из нас это знание абстрактно, по крайней мере, до тех пор, пока мы ни соприкасаемся со смертью напрямую. В суете серых будней и шумных праздников мы не часто ощущаем это неумолимое движение к концу. Лишь изредка жизнь напоминает нам о своей конечности, но и тогда мы стараемся задвинуть эти мысли куда-нибудь подальше, чтобы они не мешали нам вращать жизненное колесо, подобно маленькой трудолюбивой белке.

Так что же изменилось сейчас? Отчего тревога наполнила наши сердца? Словно сквозь шум городских улиц и гомон толпы вдруг начал пробиваться некий ритмичный звук,

который странным образом навевает очень некомфортные мысли и не позволяет нам с прежним азартом отдаться нашему любимому развлечению – бегу по граблям за очередной морковкой. Этот ритм почувствовали уже многие, а кое-кто даже начал догадываться, что он означает. Примерно так тикает бомба с часовым механизмом, отсчитывая последние секунды до взрыва.

Наверное, острее других этот ритм ощущают те, кто сам переживает период трансформации, например, от зрелости к старости. Да, непросто принять тот факт, что твоя жизнь уже перевалила через вершину и теперь катится по склону вниз, причём оставшееся тебе время не зависит от ни от твоей осознанности, ни от уровня духовного развития, а лишь от крутизны склона и обтекаемости формы. Те, кто уже успел отрефлексировать сей переход и либо смирился, либо решил игнорировать реалии, несколько теряют чувствительность к происходящему со всем человечеством. Только находящиеся непосредственно в процессе трансформации остро чувствуют приход конца времён, поскольку их личная трагедия резонирует с трагедией всего нашего мира.

Разумеется, приближающийся конец времён вовсе не означает полное исчезновение, аннигиляцию нашего мира, это, скорее, трансформация, изменение формы. Семя, упав во влажную почву, ведь тоже умирает, но его смерть даёт жизнь ростку. Должно быть, семени страшно и обид-

но умирать ради неясной перспективы трансформироваться в цветок или даже дерево, но им управляет логос, высший смысл существования такого явления, как семя. Однако не в каждой смерти имеется такой зародыш новой жизни, например, лист, упавший с ветки, не рождает дерева, он становится всего лишь пищей для его корней. Печальная участь, не правда ли?

Думаю, что чувства погибающего листа очень сильно отличаются от того, что испытывает семя, порождающее новую жизнь. Перспектива пойти на пережной вряд ли может вызвать что-то, кроме отчаяния и обречённости, в то время, как для семени гибель – это воплощение его предназначения, а потому эта жертва для него является добровольной. К слову сказать, наше сентиментальное мироздание просто обожает добровольные жертвы, а потому превращает их в некий золотой ключик, которым открывается дверца, ведущая к взрывному развитию сознания. Представьте себе разницу между крохотной семечкой и цветущей яблоней, и вы получите некоторое представление о величине скачка, которое способно совершить сознание, добровольно идущее на жертву во имя воплощения божественного логоса.

Каким путём пойдёт человечество? Есть ли у него потенциал, чтобы своей гибелью породить новый, возможно, более совершенный мир, или мы годимся только на то, чтобы стать пищей для обитателей других миров? Если чест-

но, я пока не вижу, что в человеческом сообществе могло бы послужить зародышем новой жизни, но вполне возможно, что этот фактор пока не проявился, поскольку мы ещё не достигли самого края пропасти, хотя разговоры о вознесении и квантовом переходе уже слышны из каждого утюга и никого больше не шокируют. Пророков, вещающих о прекрасном будущем тех людей, кто сподобится вознестись, хоть пруд пруди, однако никто из них отчего-то не упоминает тот неоспоримый факт, что обретение новой сущности требует гибели старой.

Кстати, а скольким из нас этот переход в принципе доступен в силу объективно необходимого уровня развития? Только созревший плод содержит в себе семя, способное стать зародышем новой жизни, а если плод пока не созрел, то у его семян нет никакого шанса прорасти и превратиться в нечто иное, нежели перегной. Созревание невозможно форсировать, оно должно протекать естественным образом, иначе риск печального исхода становится слишком высоким, чтобы его можно было оправдать одним лишь страстным желанием лучшей жизни.

Попробуйте без ненужных амбиций оценить свой собственный уровень, чтобы понять, насколько лично вы готовы к концу времён. Ответьте себе на простой и насущный вопрос: что именно в вас достойно того, чтобы стать зародышем новой прекрасной сущности, а что годится лишь на перегной. Лично для меня зародышем новой жизни явля-

ется решимость брать на себя ответственность за свою нынешнюю жизнь. С самого раннего детства мы привыкли к тому, что кто-то нас постоянно опекает, решает за нас, как нам лучше жить: родители, учителя, начальники, религиозные догматы, политики и чиновники. Это уже кажется нам естественным, не правда ли? Ну действительно, как можно равняться с умудрённым опытом и интеллектом правителями и тем более с добрым и мудрым боженькой? Гордыня ведь самый страшный грех.

Мы уже дожились до того, что какие-то оборзевшие чиновники диктуют нам, что мы должны делать с собственным телом, словно это тело нам и не принадлежит вовсе. А мы, вместо того, чтобы послать их куда подальше, покорно сидим по домам, носим на лице намордник, а потом встаём в очередь на укол каким-то стрёмным шмурдяком. В данном случае я не собираюсь обсуждать эффективность и безопасность шмурдяка, я говорю о нашем нежелании и неспособности брать на себя ответственность даже за собственное тело, мы тупо подчиняемся тем, кто присвоил себе право нами командовать. Впрочем, многие из нас отдали это право вполне добровольно, поставив галочку в бюллетене для голосования, так что сетовать немного поздно.

Да, я искренне полагаю, что способность отвечать за свою жизнь – это признак зрелости. Детям это ни к чему, они без взрослых не выживут, так что их желание пере-

ложить ответственность за себя на плечи кого-нибудь постарше и поумнее вполне оправдано. Но в жизни любого человека рано или поздно наступает время, когда нужно отпустить руку ведущего и сделать самостоятельный шаг в неизвестность. Без этого шага взросления не наступит, и мы до конца жизни так и будем искать, на кого бы опереться. Боюсь, для тех, кто без привычных костылей не мыслит себе существования, конец времён станет жизненной трагедией, потому что их ждёт участь осеннего листка.

Эпилог

Тренировки были жёсткими, а наставник Алика не признавал никаких компромиссов и добивался от своего ученика идеального исполнения задания до тех пор, пока тот ещё мог стоять на ногах. Впрочем, даже когда парень падал без сил, это вовсе не означало, что урок закончен, просто свидетельствовало о том, что нужен небольшой перерыв. Мартин не любил наблюдать за мучениями приятеля, его участие в подготовке своего телохранителя ограничивалось сочувственными беседами, да исцелением полученных им шишек и порезов. При этом сам Алик воспринимал эту живодёрскую дрессуру со стоицизмом и даже воодушевлением. Он откровенно восхищался своим наставником и готов был терпеть от него любые издевательства.

– Может быть, на сегодня хватит? – Мартин заискивающе посмотрел в глаза неугомонному бойцу, с остервенением лупившему кулаками по деревянной стойке, обмотанной кожей.

– Ща, только грохну эту палку, и пойдём обедать, – пропыхтел Алик, не отвлекаясь от своего захватывающего занятия. – Если я уйду, а эта зараза всё ещё будет стоять, то учитель устроит мне забег по пересечённой местности, причём босяком и с мешком камней на плечах.

– Давай, я её грохну, – Мартин жалобно вздохнул, пред-

ставляя, как будет врачевать распухшие и кровоточащие кисти своего друга.

– Да, ты можешь, – в голосе Алика явственно прозвучала зависть, – ты ведь Разрушитель.

– С чего ты взял? – ошарашенный доброхот вытаращил глаза от такого откровения.

– Ты сам так себя называл, – Алик заметно смутился и было отчего, он ведь обещал Магистру хранить в тайне от его приёмного сына те приключения, которые привели бедолагу к потере памяти.

Их разговор, ставший началом новой жизни Алика, состоялся в тот же вечер, когда Мартин очнулся после своего самоубийственного эксперимента с разрушением портала. Обессиленный и потерявший память маг всё ещё пребывал в полузабытьи, и Алику очень не хотелось его оставлять, но приказ Магистра, подкреплённый для убедительности двумя вооружёнными громилами, объявившимися на пороге спальни, проигнорировать было затруднительно. К тому же благодарность к искусному целителю, который вытащил Мартина буквально с того света, подвигла Алика с энтузиазмом откликнуться на его зов. Магистр встретил своего гостя в кресле у камина, при этом его благодушная физиономия прямо-таки светилась гостеприимством.

– Ты очень храбрый мальчик, – он сделал приглашающий жест на соседнее кресло. – Не каждый бы решился отправиться вслед за другом непонятно куда. К тому же Марти,

должно быть, порассказал тебе целую кучу ужастиков о своём приёмном отце, не так ли?

– Нет, он про Вас ничего не рассказывал, – смутился Алик, – просто не хотел возвращаться, но я не знаю почему.

– Эх, молодость, – Магистр снисходительно улыбнулся, – вас, мальчишек, вечно тянет на подвиги, но при этом чтобы ни за что не отвечать. Что ж, я отлично понимаю нашего малыша Мартина, он, как невеста перед алтарём, боится сделать решительный шаг, после которого обратного пути уже не будет.

– Я не понимаю, о чём Вы говорите, – в голосе Алика послышалось откровенное недоумение, и Ксантипа сразу насторожился. Он ведь настроился на длительную и осторожную вербовку враждебно настроенного пацана, а тот, по всей видимости, был вообще не в курсе текущего политического расклада.

– Как давно ты дружишь с моим сыном? – попытался прощупать намеченного кандидата в телохранители Магистр.

– Мы познакомились четыре дня назад, – Алик и не подумал скрывать от благодетеля правду.

– И ты отправился вслед за практически незнакомым тебе парнем? – удивился Ксантипа.

– Это странно, да? – Алик обезоруживающе улыбнулся. – Когда мы встретились, у меня сразу возникло такое чувство, будто я знаю Марти всю свою жизнь, и у него, кстати, тоже. Не знаю, может быть, мы уже были друзьями в прошлой жиз-

ни?

– Это хорошо,– глаза Магистра азартно заблестели,– значит, ваша обоюдная симпатия не основана на общем прошлом, и ты легко сможешь стать опорой для потерявшего память мальчишки. Ты же хочешь ему помочь?

– Конечно, хочу,– Алик от энтузиазма аж подпрыгнул в кресле. – Представляете, каково будет Марти, когда он вспомнит, что наделал. Нужно будет его осторожно подготовить, чтобы правда его не убила.

– К такому невозможно подготовить,– печально улыбнулся коварный махинатор,– ведь в том портале, который Мартин уничтожил, был не только его приёмный отец, но и его родная мать. – По перекошенному от ужаса лицу сострадающего юноши Ксантипа сразу понял, что попал в цель. Оставалось только протянуть бедолаге руку помощи, и тот станет преданным союзником. – Мы должны сохранить этот секрет в тайне,– на всякий случай Ксантипа подпустил в свой голос эдакую заговорщицкую нотку, мол, мы на одной стороне.

– Но что я ему скажу, когда Марти начнёт расспрашивать о случившемся? – жалобный взгляд Алика откровенно говорил о его полной растерянности. – А он начнёт, ведь люди просто так память не теряют.

– Упадок сил можно было заработать разными способами,– подсказал Магистр. – Магия вообще опасна, если пользоваться магическими способностями без должного само-

контроля. Пусть объектом, который Мартин разрушил, будет не портал, а скажем, база загонщиков, которую пытался привести в повиновение Джарет. Это, кстати, гораздо больше соответствует цели побега нашего отступника.

– А какая у него была цель? – наивный юноша мгновенно купился на доверительный тон и сочувствие махинатора.

– Убежать от ответственности, – вздохнул Ксантипа с эдакой смесью осуждения и снисхождения в голосе. – В Ордене строгая дисциплина, и приёмному сыну Магистра, которому вскоре предстоит занять место своего отца, приходится являть собой пример послушания. Но когда тебе только-только исполнилось шестнадцать... – ещё один сочувственный вздох завершил откровения манипулятора изящной подсечкой глупой доверчивой рыбёшки.

– Мартин должен стать Магистром? – от такой новости у Алика буквально отпала челюсть. – Так он сбежал, чтобы бороться с Орденом?

– Ну что ты, – Магистр обворожительно улыбнулся, – Мартин предан Ордену и решил доказать свою преданность на деле, начав открытую борьбу с одним самозванцем, который захватил власть в соседней реальности. Увы, захватчик оказался бессмертным и легко зазомбировав неопытного в таких делах юношу, внушил ему, что является его отцом. К счастью, этому подонку пришёл конец, а Мартин вернулся в свою семью. Конечно, недобитые бунтовщики будут пытаться отомстить за смерть своего предводителя, но Орден суме-

ет защитить своего будущего Магистра.

– Так Вы не собираетесь нас отпускать? – до Алика только тут дошло, что пытался внушить ему его коварный собеседник.

– Тебя я не держу, – пожал плечами Ксантипа, с наигранным осуждением поглядывая на отказника, – но для Мартина возвращение в ту реальность равносильно самоубийству. Бессмертные, оставшиеся без своего командира, начнут на него охотиться, как на дикого зверя. Тебя кто-то ждёт дома? – небрежно поинтересовался он.

– Сестра, – Алик обречённо склонил голову. – Я оставил её один на один с убийцей нашего отца.

– Жаль, – в глазах Ксантипы тут же вспыхнули хищные зелёные искорки, – а я уже поверил, что ты станешь настоящим другом моему сыну и надёжным телохранителем для будущего Магистра.

– Какой из меня телохранитель? – фыркнул Алик. – Я же ничего не умею.

– Всё зависит от учителей, не так ли? – Ксантипа хитро подмигнул объекту вербовки. – А твоим учителем станет бессмертный, если, конечно, ты согласишься.

– Можно я подумаю? – тут же пошёл на попятную кандидат в телохранители, который даже мечтать не мог о перспективе учиться у бессмертного. Он, конечно, пару раз намекал Джарету, что не прочь стать его учеником, но никакого воодушевления не встретил.

– Конечно, подумай,– покладисто согласился Ксантипа, хотя отлично видел, что рыбка уже заглотила наживку вместе с крючком. Впрочем, отпускать этого мальчишку он по любому не собирался, по крайней мере, домой, а вот в могилу, в случае отказа – это за милую душу.

Каким бы пронизательным ни был Магистр Ордена, но в отношении Алика он всё же обманулся. Да, возможность учиться у бессмертного была для парня чрезвычайно соблазнительной морковкой, однако привлекательность этой заманухи не могла перевесить значимость добровольно взятой им на себя миссии по защите сестры. Кира очень чётко подметила проявление натуры бессмертного в характере Семёнова сыночка, для Алика действительно не существовало ничего более важного благополучия близких людей. Нужно сказать, что до разоблачения Рис тоже входил в узкий круг подзащитных своего приёмного сына, и всё-таки главным объектом заботы Алика всегда была именно Кристина.

В его отношении к сестре и впрямь было что-то, напоминавшее сыновнюю привязанность, но это ничуть не помешало парню взять её под свою опеку. Какой бы могущественной волшебницей ни была Кристина, но от любящего братика не могла укрыться её ранимость и даже в каком-то смысле беспомощность. Рядом с Рисом девушка мгновенно утрачивала свой острый ум и самоуверенность, превращаясь в податливый пластилин. При этом ей было плевать на людскую молву и даже осуждение со стороны соседей, а вот один косо

взгляд любимого мужчины запросто мог довести бедняжку до истерики. Тот факт, что сестричкин кумир на деле оказался убийцей её отца, превращал и так уже неоднозначную ситуацию в откровенно тупиковую.

Разве мог Алик оставить влюблённую женщину в лапах мерзавца? Да ни за что. И тут уж любые другие соображения, типа обучения боевым искусствам или перспективы стать телохранителем главы Ордена, отходили на второй план. Так что вербовочный процесс, который Ксантипа полагал успешно завершённым, на самом деле не сработал. Наверное, даже угроза физической расправы в случае отказа Алика сделаться наперсником будущего Магистра не смогла бы поколебать его решимость защитить сестру. И всё же нашлось кое-что иное, изменившее его решение.

Очнувшись утром в незнакомой постели без сил и без воспоминаний, Мартин ощутил такую беспомощность, что хоть ложись и помирай. Бедняга словно попал в ад, пустой и бесцветный, как рыбий пузырь. Поначалу его ум в панике принялся метаться, пытаясь обрести хоть какую-то опору, от которой можно было бы оттолкнуться, чтобы вынырнуть из бездонного колодца неизвестности. Всё было тщетно, в памяти не осталось ничего, даже его собственного имени. Наверное, Семёну просто повезло, что он сподобился в аналогичной ситуации найти смысл жить дальше, столкнувшись с чудом явления ангела. А вот у Мартина такого бонуса не имелось, в его внезапно поблекшем мире не оказалось ниче-

го, что можно было бы назвать смыслом, пусть даже с некоторой натяжкой.

От одной мысли, что ему теперь придётся до конца жизни болтаться в этой гулкой пустоте, в которой нет ничего знакомого, кроме странного слова «бевардо», парню сделалось так тошно, что если бы у него были силы добраться до окна, он бы без колебаний спрыгнул вниз. К счастью, такой возможности у Мартина не было, а потому он принялся истово молиться непонятно каким богам о том, чтобы этот кошмар закончился, пусть даже смертью. Что ж, Создатель услышал его молитвы, но послал к страдальцу не старуху с косою, а своего ангела.

Должно быть, способность к эмпатии передалась Алику по наследству, иначе как объяснить, что, едва войдя в спальню, он ощутил отчаяние друга буквально кожей. Никогда раньше ему не приходилось сталкиваться с такой болью и беспомощностью, а тот факт, что в беде оказался не чужой человек, а сводный братик Кристины, придал этой сцене элемент классической трагедии. Ну разве могло сердце сына бессмертного оказаться настолько чёрствым, чтобы ни откликнуться на горе близкого? Вопрос, конечно, был чисто риторическим.

В конце концов, Кристина находилась рядом с мужчиной, которого искренне любила и чьей любви добивалась всю свою жизнь, а Мартин оказался один в этом чужом для него мире. К тому же он уже успел войти в узкий круг, который

Алик считал своей семьёй. Так кому же больше требовалась забота и защита? Было ли его решение осознанным, сказать трудно, возможно, просто сработали инстинкты, заложенные его наследственностью на рефлекторном уровне. Бессмертный просто по определению не мог пройти мимо чужой боли, тем более боли друга. Алик присел на краешек постели и сжал безвольную руку Мартина.

– Я никогда тебя не покину, – с чувством произнёс он, до-словно повторяя клятву Джарета, данную Ильяре, и так же, как Джарет, осознал, что говорит чистую правду. – Вместе нам ничего не страшно, правда?

Мартин обречённо поднял взгляд на этого незнакомого паренька и словно утонул в тёплом сиянии, льющемся из его глаз. Это сияние в миг растворило проклятый пузырь и впустило в мир Мартина яркие краски и радость жизни. Тот, кто всего минуту назад мечтал лишь о смерти, вдруг ощутил острое желание жить, и потеря памяти стала казаться ему чем-то несущественным, так мелочью, о которой не стоит жалеть.

– Нам ничего не страшно, – повторил за другом Мартин и расслабленно улыбнулся.

Что тут скажешь, судьба триумфально завершила очередную главу своей пьесы, дав каждому из актёров ощущение того, что жизнь преподнесла ему подарок. Магистр получил в свои руки ключ к процветанию Ордена, Джарет обрёл вожаемую свободу от установок подчинения, Мар-

тин – человека, который мог и готов был заменить ему отца, а Алику предоставилась замечательная возможность реализовать своё природное стремление к бескорыстному служению, унаследованное от его родного отца-бессмертного. Ну а Кира с Семёном получили от судьбы поистине королевский подарок – новую жизнь. Ну и как после такого называть судьбу злодейкой?

Впрочем, нас на мякине не проведёшь, мы же точно знаем, что подарки судьбы – это просто повороты сюжета в её бесконечном спектакле Игры в Реальность. И всё же порой так хочется поверить в свою удачу.